

Г.Н. ШИШКАРЕНКО · НЕСУЩИЕ ФАКЕЛ

Г.Н. ШИШКАРЕНКО

НЕСУЩИЕ
ФАКЕЛ

Григорий Наумович
ШИНКАРЕНКО

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
Г. Н. ШИНКАРЕНКО

НЕСУЩИЕ ФАКЕЛ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

ББК 63.3(2)722
Ш62

Шинкаренко Г. Н.

Ш62 Несущие факел.— М.: Воениздат, 1984.— 284 с.,
10 л. ил.— (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 40 к.

Автор — комиссар, заместитель командира по политчасти — начальник политотдела 188-й стрелковой дивизии, а затем 133-го стрелкового корпуса. Он пишет о том, что непосредственно видел и пережил, — о тяжелых боях, о массовом героизме советских воинов, сражавшихся на Северо-Западном фронте, на земле Украины и Молдавии, при освобождении Крайнего Севера, а потом Венгрии, Югославии и Австрии, о боевом содружестве с болгарскими и югославскими войсками, о встречах с советскими военачальниками. Значительное место в книге отводится опыту партийно-политической работы.

Рассчитана на массового читателя.

Ш 1304010000—158 — 68—84
068(02)—84

ББК 63.3(2)722
9(С)27

© Воениздат, 1984

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Дивизия продолжает бой

— Ну, а теперь сдавайте дела. Пойдете начальником политотдела 188-й стрелковой дивизии.

Слова эти застали меня врасплох. В то время я был помощником начпоарма по работе среди комсомольцев и только что доложил члену Военного совета 11-й армии С. Е. Колонину о выполнении его поручения, связанного с поездкой в войска. Приготовился ответить на вопросы по существу доклада. А вместо этого...

Но дивизионный комиссар выжидательно смотрел на меня. И продолжал:

— Школу армейской службы вы прошли, боевой опыт тоже имеете. Действуйте уверенно. Буду за вами следить, помогать при необходимости. Но и за промахи спуску не дам. Уж не взыщите. Конечно, трудности, особенно на первых порах, неизбежны. Но пусть они вас не смущают. В общем, надеюсь на вас, Григорий Наумович.

Хотелось сказать многое, от всей души поблагодарить. Но я ответил коротко:

— Доверие партии постараюсь оправдать!

Положив курительную трубку, с которой он редко расставался, дивизионный комиссар вышел из-за стола, протянул мне руку:

— Желаю успеха. Наведаюсь к вам, как только позволит обстановка.

Семен Ефимович не бросал слов на ветер. Сдержал он обещание и на этот раз — приехал в дивизию, заинтересовался, как идут дела. Человек он, несмотря на внешнюю суровость, был удивительно простой, доступный, хорошо знал армейскую жизнь. Каждая встреча с ним чем-то обогащала, и мы искренне сожалели, когда его отозвали с Северо-Западного фронта. Он был назначен членом Военного совета 18-й армии, которая вела тяжелые бои под Новоросийском,

Перед отъездом в дивизию мне следовало представиться командующему армией. Встреча с генералом В. И. Морозовым и радовала, и вызывала некоторую робость. Василий Иванович обладал большим военным и жизненным опытом. Участник гражданской войны, он сражался на Восточном и Южном фронтах. В начале 30-х годов командовал Пролетарской дивизией, дислоцировавшейся в столице нашей Родины — Москве, позднее — 2-м стрелковым корпусом в Двинске, откуда в июле 1940 года прибыл в нашу армию.

Командарм встретил радушно. Его чуть прищуренные, черные, как антрацит, глаза, осунувшееся смуглое лицо и необычная сутулость выдавали усталость. Время было позднее, но лечь спать он явно не собирался. Бой не оставлял времени для отдыха.

Генерал подвел меня к тахте и предложил сесть. Расспросил о семье. С грустью вспомнил первые дни войны, погибших товарищей, без вести пропавшую свою дочь, которая по моей рекомендации была назначена вожатой в пионерлагерь ЦК комсомола Литвы в Паланге. Доверительно сообщил, что судьбой дочери интересовался И. В. Сталин, давший задание партизанам выяснить ее судьбу. Забегая вперед, скажу: месяц спустя командарм приезжал в дивизию, чтобы вручить награды отличившимся воинам, и как бы продолжая этот наш разговор, с радостью сказал:

— А вы знаете, дочка-то нашлась. Спряталась у дальних родственников. Жена моя ведь из Литвы.

Командарм ввел меня в обстановку, сложившуюся в полке армии, где действовала и 188-я дивизия. Сообщил, что соотношение сил складывается здесь не в нашу пользу.

— Дивизией, — сказал Василий Иванович, — командует теперь генерал Клешнин. Человек смелый, полком управляет хорошо. Помогите ему освоиться на новом месте.

Сдача дел много времени не заняла. Остаток дня потратил на изучение документов, касающихся дивизии, и на беседы в штабе и политическом отделе. А ранним утром 19 января 1942 года оставил приильменское село Ложины, где располагалось полевое управление армии.

...Скрипел, переваливаясь по снежным ухабам, по льду Ильмень-озера старенький штабной автобус. Надрывно гудел мотор. Разговаривать было трудно да и не хотелось. Поеживаясь от крепкого мороза и кутаясь в полушубок, мой спутник Алексей Ефимович Лукашевич, заместитель начпо-

арма, погрузился в свои мысли и вскоре задремал. На фронте поездка в машине нередко была для нас единственной возможностью немножко поспать. Мне же было не до сна. Тревожили думы о новой работе...

Война длилась уже 212 суток, и 188-я дивизия, вступившая в бой в первые ее часы, выдержала немало испытаний. Создана она была всего за несколько месяцев до нападения гитлеровской Германии на нашу страну, в пригороде Каунаса, бывшей столицы Литвы, на базе 11-й мотострелковой бригады.

Формирование дивизии в целом прошло хорошо. Но именно «в целом». До штата не хватало автотранспорта, зенитной артиллерии, некоторых других видов вооружения. Необходимо было, чтобы и люди в частях и подразделениях, да и сами части и подразделения «притерлись» друг к другу. Короче говоря, проблем и сложностей на пути к полной боеготовности было много. Я хорошо помнил то время, часто бывал в 188-й, стараясь помочь ее командирам, политработникам, комсомольскому активу в решении всех этих проблем.

Майским днем 1941 года дивизия вышла в летние лагерь (район железнодорожной станции Козлово-Руда, что в 45—50 километрах от государственной границы). Лагерь в лесу пришлось оборудовать почти заново, и на боевую подготовку времени оставалось совсем мало. А вскоре три батальона (по одному от стрелкового полка), усиленные батареями полковой артиллерии, и один артиллерийский дивизион были выдвинуты к самой границе. Остальные подразделения оставались в лагерях.

Мы, конечно, знали, что партия и правительство принимали все возможное для подготовки страны к отпору агрессору. Осуществлялись многие политические, экономические и военные меры по укреплению обороноспособности нашей Родины. Собственно, с этим и было связано рождение 188-й стрелковой. И все же война пришла как-то внезапно.

В памяти мелькали картины недавних событий. Боевая летопись дивизии приобретала для меня особый смысл. Ведь раньше я знал дивизию как работник политотдела армии. Сейчас она станет моим домом, моей боевой семьей.

Утро 20 июня... В лагерном домике полковника П. И. Иванова, командовавшего в то время дивизией, собрались командиры частей. Зачитали директиву командующего Прибалтийским Особым военным округом, в которой выражалось беспокойство в связи с подозрительной активностью немцев на границе. Комдив приказал командирам

полков повысить бдительность, изучить свои участки и принять в подчинение находившиеся там строительные батальоны.

21 июня, командиры полков и батальонов целый день вместе с работниками штаба занимались рекогносцировкой. Поближе к границе с оперативной группой выехал и командир дивизии. Части дивизии по-прежнему оставались в лагерях. Туда же поздно вечером вернулись командиры батальонов и офицеры штабов.

Предвоенная суббота в лагерях прошла как обычно. Командиры и политработники были поглощены текущими заботами. Вечером состоялся концерт самодеятельности. Люди разошлись по палаткам, не подозревая, что отзвуки вечернего веселья и легкий, баюкающий шепот ночного леса — атрибуты мирного вечера, такие обыденные и привычные, станут в одно мгновение бесконечно далекими и на долгие годы неповторимыми.

В батальоны, находившиеся на границе, чувство тревоги пришло несколько раньше. В течение всего дня 21 июня была заметна по ту сторону границы подозрительная возня. Командиры батальонов старшие лейтенанты С. М. Уперов, П. С. Гудков, М. И. Дудов и командир артиллерийского дивизиона старший лейтенант В. М. Романенко не смогли скрыть от подчиненных своего беспокойства. Вечером работники отдела политической пропаганды дивизии старший политрук Н. П. Чалый и младший политрук Д. Т. Сорокин, командиры и политработники подразделений провели беседы с личным составом о международном положении. Они подчеркивали необходимость всемерного повышения бдительности, и в этом обыденном требовании отчетливо звучали ноты тревоги, продиктованные обстановкой.

Когда совсем стемнело, в батальон Гудкова пришли два пограничника. Они рассказали: «Днем немецкие офицеры группами подходили к границе, наблюдали в бинокли и о чем-то рассуждали, показывая в нашу сторону. Сейчас они подползают к границе». Старший политрук Чалый спросил у Гудкова: «Что думаешь, комбат?» Никому не хотелось впадать в крайность, и комбат ответил: «Не исключена провскация». С этой оценкой согласились и пограничники.

Сведения, полученные от пограничников, передали в штаб дивизии. А в батальонах, выдвинутых к границе, проинструктировали командиров рот и взводов, провели беседы о повышении бдительности, усилили посты охраны и наблюдения, проверили наличие боеприпасов. Но что это могло изменить? Почти на 30-километровом участке фрон-

та — от Вирбалиса до Виштынец — по-прежнему оставалась лишь тонкая цепочка войск, состоящая из трех батальонов.

Позже командир 523-го стрелкового полка майор И. И. Бурлакин мне рассказывал:

— Около часа ночи ко мне приехал полковой инженер с директивой штаба округа: приступить к минированию границы. На станцию Вилкавишки должны были прибыть вагоны с минами, и нам необходимо было направить команду для разгрузки и транспорт для перевозки мин. Около трех часов ночи позвонил оперативный дежурный дивизии и передал сообщение о том, что на границе неспокойно, необходимо усилить наблюдение и приготовиться к отражению возможных провокаций.

В руке Бурлакина еще дымилась недокуренная папироса, когда на рассвете в небе послышался тяжелый гул: шли первые эшелоны немецких бомбардировщиков.

А в 3 часа 45 минут по пограничным заставам и расположению батальонов открыла огонь вражеская артиллерия. Всем стало ясно: началась война.

В полосе, которую занимали три батальона дивизии, наступал армейский корпус врага, поддержанный авиацией.

Удар противника был внезапным, но воины дивизии не дрогнули.

Позднее, уже после войны, я ознакомился с книгой фашистского генерала Гота, командовавшего 3-й танковой группой. Он писал: «Обе дивизии 5-го армейского корпуса сразу же после перехода границы натолкнулись восточнее города Сейны (то есть в полосе обороны нашей 188-й дивизии. — Г. Ш.) на окопавшееся охранение противника, которое, несмотря на отсутствие артиллерийской поддержки, удерживало свои позиции до последнего. На пути дальнейшего продвижения к Неману наши войска все время встречали упорное сопротивление русских»¹.

Запомнились воины дивизии, ставшие грудью на пути вражеского вторжения: лейтенанты В. И. Петров, Н. Ф. Куличев, М. Г. Побяха, И. И. Глушко, В. М. Салыга, Г. А. Алиев, старший лейтенант В. М. Романенко, пулеметчик Н. Н. Адашвили, старшина Н. Р. Хлызов, красноармеец Середа, курсанты полковой школы Левченко и Ущиповский... Они стойко отбивали атаки гитлеровцев и погибли в неравной схватке.

Части дивизии, находившиеся в лагерях и поднятые по тревоге, организовано двинулись к границе. Но для того

¹ Гот Г. Ташковские операции: Пер. с нем. М., 1961, с. 64—65.

чтобы преодолеть 40 километров походным порядком, да еще под ударами вражеской авиации, требовалось время. А этого и не было.

В районе Вилкавишки развернулся встречный бой. Силы были крайне неравными. Сдержать продвижение противника наши части не смогли и вынуждены были в исключительно трудных условиях начать отход, предпринимая контратаки на каждом мало-мальски подходящем рубеже.

25—26 июня полки дивизии вместе с другими войсками Северо-Западного фронта упорно дрались севернее Каунаса, в районе Ионавы. Потом, ослабленные и плохо обеспеченные, пять дней удерживали рубеж, оседлав в районе Герусово шоссе Опочка—Ново-Ржев. Десятки раз фашистские автоматчики и танки, поддерживаемые крупными силами авиации, атаковали рубежи дивизии. Таяли ряды обороняющихся, все меньше становилось у них оружия и боеприпасов, но люди стояли насмерть.

К середине июля в дивизии насчитывалось всего два исправных пулемета. И все-таки она оставалась боевым соединением, наносившим врагу ощутимый урон. В то время не было сплошного фронта, и командир дивизии решил ударом по тылам противника ослабить его натиск. В ночь на 18 июля два отряда (в каждом по 30 человек), возглавляемые капитаном Б. И. Гальпериным и старшим лейтенантом С. С. Сениным, проникли в расположение 129-й пехотной дивизии врага и разгромили штаб и тылы одного из ее полков. Одновременно воины 188-й перешли в контратаку с фронта.

Потеряв несколько сот солдат и офицеров, до десятка танков и много другой техники и оружия, фашисты были вынуждены прекратить атаки на прежнем направлении. Наша же дивизия, отстояв позиции, захватила первые трофеи: 25 грузовых машин, 48 мотоциклов и другую технику. Однако положение на соседних участках фронта не позволило оставаться на занимаемом рубеже. Противник, обойдя фланги дивизии, был уже в ее тылу.

Несколько дней спустя батальон 523-го стрелкового полка под командованием капитана А. В. Серова проник в тыл вражеских войск в районе Кудиверь, уничтожил свыше 150 гитлеровцев, захватив документы и 30 автомашин.

В двадцатых числах июля дивизия, взаимодействуя с 23-й и 33-й стрелковыми дивизиями, провела успешные бои с задачей не допустить выхода противника во фланг и тыл наших войск в районе станции Локня. В ходе боев она продвинулась на шесть километров, уничтожив до 1500 гитлеровцев и захватив многочисленные трофеи. Общими уси-

лиями план противника на окружение советских войск был сорван. При этом особо отличились 580-й стрелковый полк, возглавляемый подполковником В. В. Ефремовым, и разведывательный батальон капитана Г. К. Портнова.

В начале августа дивизия вела упорные бои юго-восточнее города Холм и оказалась там в окружении. Фашисты уже готовы были торжествовать победу. Но радость их была напрасной. Ценой огромного напряжения части 188-й проложили по болотам дорогу и в ночь на 6 августа обрушили удар во фланг 32-й немецкой пехотной дивизии, обратив в бегство ее 94-й пехотный полк. Больше 15 километров с боями продвинулись на запад полки дивизии, освободив деревни Черновка, Стефановка и другие. Гитлеровцы потеряли до 500 солдат и офицеров. Оседлав шоссе Наход — Большое Устье и Наход — Каменка, дивизия больше месяца непоколебимо стояла, как щит, на пути врага.

В октябре — ноябре войны дивизии провели успешные бои в районе Лобаново, что западнее Валдая. Значительные потери она нанесла 27-му и 28-му пехотным полкам 12-й пехотной дивизии противника.

Стойкость и мужество... Эти качества были характерными для всего личного состава фронта. Многие боевые эпизоды, вошедшие в летопись дивизии, памяты мне отнюдь не по донесениям или рассказам других, а непосредственно: работники политотдела армии большую часть времени находились в войсках, среди воинов.

Предстоящая работа была, казалось, достаточно знакома. Но чем больше я о ней думал, тем глубже осознавал неизбежность трудностей и неожиданных ситуаций, которые потребуют продуманных, а подчас и мгновенных решений. И конечно же, самостоятельности и личной ответственности.

Мысль невольно обращалась к тем, у кого я учился за четыре года своей воинской службы. Ведь еще Суворов говорил: «Возьми себе в пример героя». Моими героями были умудренные жизнью политработники, обладавшие умением проникать в души людей, воодушевлять, окрылять их сердца. Как достигали они своей цели, объяснять не берусь. Но чаще всего главенствующую роль тут играл не пафос митингового выступления, хотя и это им было не чуждо, а пример собственного поведения, личное обаяние, доброе слово, душевная беседа, которые на годы запечатлялись в памяти. Эти люди как-то сразу становились тебе близкими. Им верилось с первой встречи.

К таким людям по праву можно отнести бригадного ко-

миссара М. В. Рудакова — начальника политотдела 11-й армии. К нему под начало я попал в июне 1940 года, перед походом в Прибалтику.

В армию меня призвали в 1937 году (работал перед этим директором средней школы). Начал службу курсантом-одпогодичником, потом был командиром взвода, политруком батареи, инструктором по пропаганде полка. Затем работал в политорганах. Михаил Васильевич покорила меня прежде всего своей организованностью и деловитостью, умением ценить время.

Деловитость бригадного комиссара была для нас эталоном. Он очень любил четкость — и в мыслях, и в поступках. Но его пунктуальность и строгость никогда не мешали ему быть внимательным и чутким. Для того чтобы поговорить с подчиненными по душам, понять сокровенные думы и помыслы, выяснить, что волнует человека, он не жалел времени, хотя день его был расписан по минутам. И никогда не видели М. В. Рудакова суетливым, торопящимся, нервно поглядывающим на часы. Спокойная размеренность была его стилем.

Многому можно было поучиться у предшественника С. Е. Колонина члена Военного совета нашей армии Ивана Васильевича Зуева. В этом политработнике привлекали меня простота, умение, не переступая грани служебной субординации, как-то слиться с подчиненными, сделать свои мысли и стремления их мыслями и стремлениями, воодушевить, повести людей за собой. Он прибыл в армию в апреле 1941 года.

Как-то в комнату, где я работал, вошел стройный, подтянутый, совсем еще молодой военный. На его гимнастерке вместе с депутатским знаком Верховного Совета Украины сверкали орден Красного Знамени и два ордена Красной Звезды.

В довоенные годы мало у кого было столько орденов. Если человека удостоивали даже одной наградой, то, прежде чем назвать его фамилию, говорили и писали: «Орденосец». А тут три боевых ордена! Было от чего прийти в смущение. Я мгновенно вскочил, представился. А вошедший, в свою очередь, запросто сказал: «Зуев, назначен членом Военного совета армии, решил познакомиться с работниками отдела, посмотреть расположение, узнать, как живете».

Разговор проходил стоя, но напряжение как-то само собой улетучилось. Потом Иван Васильевич присел на край стола. Беседа не была продолжительной, но запала в душу глубоко. Дело было не в словах, а в интонации, в скупых

замечаниях, в жестах, в открытости души собеседника. Чуть ли не с первого взгляда он вызывал доверие. С началом войны мы узнали еще одну черту характера Зуева — храбрость. Во время боя его можно было встретить везде: в блиндаже комдива и в окопе красноармейца. Был случай, когда в тяжелый момент отступления он возглавил контратаку против гитлеровцев, наседавших на штаб нашей армии.

15 декабря 1941 года перед отъездом на другой фронт И. В. Зуев зашел в политический отдел армии для того, чтобы проститься с нами и, как оказалось, навсегда. Несколько месяцев спустя он погиб.

...Мотор натужно загудел. Наша машина выбиралась со льда Ловати на крутой берег. Дорога пошла еще более трудная.

Мелькнула стрелка: «Хозяйство Клешина». Мы свернули направо, в сторону фронта, и вскоре добрались до деревни Талыгино, точнее, на место, где она когда-то была. В уцелевшем на окраине полуразрушенном домике располагался теперь командный пункт дивизии. Командира и комиссара встретил на улице. Генерал М. Н. Клешин пожал мне руку, как старому знакомому. Выглядел он усталым, озабоченным, должно быть, несколько почей не спал. С военкомом бригадным комиссаром Я. Г. Поляковым до этого я не встречался, но был наслышан, что он выходец из рабочих-шахтеров Донбасса, опытный политработник, в прошлом комиссар одного из главных управлений Наркомата обороны. Ему было за сорок. Лицо волевое, добродушное. Впрочем, я уловил его скептический взгляд. Причиной тому, очевидно, был мой не очень-то внушительный вид.

Наскоро перекусив и осведомившись о делах дивизии, А. Е. Лукашевич собрался уезжать, как и намечалось, в другое соединение.

— Что же, Наумыч, ни пуха тебе ни пера, — сказал он, крепко обнимая меня.

Полковой комиссар пришел в политотдел армии сравнительно недавно — где-то в начале войны. Но опасность ускоряет сближение людей. И все мы как-то сразу почувствовали в нем человека доброжелательного. Он не только много, samozабвенно трудился сам, но и выказывал готовность помочь другим. В критических ситуациях Алексей Ефимович умел сохранять самообладание и ясность мысли. Его речь с характерным белорусским акцентом всегда была ровной, уверенной.

Мы расставались не насовсем. И все же, обняв друг друга, каждый из нас подумал о превратностях войны...

Проводив Лукашевича, комиссар дивизии Яков Гаврилович Поляков, я и мой предшественник В. Н. Куличков зашли в землянку комдива. Естественно, что наша беседа была в основном о боевых действиях.

Дивизия вот уже две недели вела непрерывные бои. А перед этим она совершила 70-километровый марш-бросок из-под Лобаново, сосредоточившись в районе деревень Маята, Ложины и Веретье, что юго-восточнее озера Ильмень. В походе было нелегко. Но приказ командующего фронтом о переходе в наступление бойцы восприняли как праздник.

— У каждого, — рассказывал Я. Г. Поляков, — душа горела от ненависти к врагу. Его злодеяния сверлили мозг, леденили душу. Победа советских войск под Москвой умножила наши силы. На собраниях и митингах, которые прошли в подразделениях, царил необычайный подъем. В глазах бойцов я видел слезы. Слезы радости и надежды.

В ночь на 7 января по льду Ильмени, по рекам Пола и Ловать полки двинулись на Старую Руссу. Наступление оказалось неожиданным для противника. Несмотря на бездорожье, лютую стужу и отчаянное сопротивление врага, дивизия вместе с другими соединениями 11-й армии продвинулась более чем на 40 километров. Воины дивизии освободили деревни Подборовье, Талыгино, Иванково, Лысково, Красково, Крюково. Овладели платформой Анишино, перерезали железную дорогу Старая Русса — Лычково и две шоссейные дороги от Старой Руссы на Лычково и Залучье. В ходе боев только частями дивизии было уничтожено около 500 солдат и офицеров противника, захвачены 5 пушек, 9 автомашин, склады интендантского и химического имущества, автомастерские, несколько складов боеприпасов и свыше 30 пленных.

Советские воины проявили в боях массовый героизм. Приведу лишь несколько примеров, о которых в землянке комдива рассказал Яков Гаврилович Поляков.

В бою за деревню Медниково политрук роты автоматчиков П. Е. Бораненков заменил погибшего командира роты лейтенанта И. Т. Горшу и, будучи раненым, несколько раз водил бойцов в атаку.

Во время боя за платформу Анишино пулеметчик 523-го стрелкового полка С. С. Антонов при отражении контратаки уничтожил около 20 фашистов. За один день он был трижды ранен, но до конца боя продолжал сражаться.

Несмотря на серьезные ранения, до конца боя оставались в строю командир взвода комсомолец П. Г. Демченко, политрук Г. В. Ягодкин и многие другие.

Героически дрался батальон 595-го полка, ворвавшийся в ночь на 9 января в город Старая Русса. Командир батальона капитан Алексей Федорович Величко отличался и военными знаниями, и храбростью, и выдержкой. Всегда подтянутый, строгий к себе, он умел без крика и суеты быть требовательным к подчиненным, умело руководил их действиями. Вера в командира умножала силы бойцов.

Появление наших воинов на улицах города было для гитлеровцев полной неожиданностью. Возникла паника. Многие фашисты выскакивали из домов в нижнем белье. Батальон очистил от противника ряд улиц и с боем овладел Красными казармами.

К сожалению, вовремя помочь батальону не смогли. Противник, оправившись от растерянности, подтянул значительные резервы и перешел в контратаку. Наш батальон оказался в окружении.

Почти целый день шел неравный бой. Многие воины были ранены или убиты. Тяжелое ранение получил и капитан Величко. Однако он продолжал управлять боем, пока не потерял сознание. Люди сражались с исключительным мужеством, до последнего патрона.

Группа бойцов батальона, среди которых был секретарь комсомольской организации полка младший политрук И. Е. Барсук, была полностью блокирована противником. Патроны кончились. Оставалась одна граната на всех. Гитлеровцы, казалось, торжествовали победу. Подпустив их почти вплотную, Барсук взорвал гранату. Избавив себя от плена, он в то же время уничтожил несколько гитлеровцев.

Противник захватил дом, где находились раненые советские воины, в том числе капитан Величко. Фашисты подожгли дом, уничтожив в огне всех раненых, а также санитаров. Когда стало ясно, что удержать Красные казармы нет возможности, командир дивизии полковник Т. И. Рыбаков приказал группам выходить из окружения.

Трагически сложилась судьба и самого Т. И. Рыбакова. Это был умный, образованный и храбрый военачальник. Стремился во все вникать, обстоятельно знать положение дел в подразделениях. В ходе наступления Тимофей Илларионович вынес свой наблюдательный пункт на железнодорожную насыпь, находившуюся в непосредственной близости от поля боя. И тут осколок вражеского снаряда оборвал его жизнь...

Многое из рассказа комиссара мне уже было известно, и все же я слушал его с большим интересом, словно ощущая живую плоть героев, биение их сердец, движение их мысли. Подвиг на войне, как правило, связан с опасностью для жизни. Он требует от воина высокой нравственности, способности подняться над своим личным, сиюминутным к вершинам цели — защите Родины. Может быть, поэтому до сих пор помнятся мне и имена и дела многих отличившихся воинов.

Генерал М. Н. Клешнин слушал комиссара не менее внимательно, чем я. Он прибыл в соединение всего несколькими днями раньше. И о последних событиях, свидетелем и участником которых он был, рассказал сам:

— 15 января перед дивизией была поставлена задача: перерезать шоссейные дороги, ведущие в Старую Руссу со стороны Демянска и Холма. Задачу выполнили успешно. Потеря врагом железной дороги на Лычково и шоссейной дороги на Демянск сильно осложняет для него связь с демянской группировкой.

В разгар нашей беседы позвонил командарм. Его интересовала обстановка, сложившаяся в полосе наступления дивизии. Генерал М. Н. Клешнин доложил довольно подробно. Я слушал его доклад, и это помогло мне войти в курс дела.

Наступление дивизии теперь, по существу, застопорилось. Противник успел подбросить подкрепления. Опираясь на заранее подготовленные в инженерном отношении позиции, он продолжает оказывать упорное сопротивление, особенно в районе Городской слободы и Медниково (восточнее Старой Руссы). У нас же не было танков, ощущался недостаток и в артиллерии, а также в боеприпасах. В условиях бездорожья наши тылы не обеспечивали подвоз, в то время как противник обладал хорошими дорогами.

— Нам надо смотреть в оба. Наступая, закреплять достигнутое, быть готовым к отражению контратак противника, — заключил комдив.

В соседней деревне, в домике, где размещался политический отдел дивизии, я застал лишь инструктора по информации старшего политрука А. С. Баранчикова, все остальные работники были в частях.

С чего начать? Конечно, было бы куда проще собрать аппарат политотдела, выслушать соображения сотрудников, общими усилиями определить конкретные задачи, а также стиль и методы предстоящей работы. Но не та теперь обстановка. Надо как-то иначе знакомиться с людьми, вникать

в жизнь полков и подразделений. В то же время усиливать партийное влияние на войска, ведущие боевые действия.

Баранчиков доложил политдонесения, поступившие в тот день от комиссаров частей.

В одном из донесений говорилось о самоотверженной работе санитаров. Вместе с тем указывалось на трудности с эвакуацией тяжелораненых. Транспорта не хватало. А промедление с эвакуацией недопустимо ни на час, особенно в условиях сильных морозов. О том, что необходимо принять дополнительные меры, обеспечивающие своевременную эвакуацию раненых, доложил и старший инструктор по работе в тыловых подразделениях старший политрук П. И. Монаков, возвратившийся в политотдел. Петр Иосифович предложил использовать для этого автомашины, доставлявшие к переднему краю боеприпасы.

— На обратном пути они идут порожняком. А одеяла на складе тыла найдутся.

Что ж, предложение стоящее. Звоню заместителю командира дивизии по тылу. Майор В. Г. Соболев заверил, что соответствующий приказ он отдаст. И добавил:

— Найдем не только одеяла, но и тулупы.

В донесении из 523-го стрелкового полка сообщалось, что партийная организация еще накануне наступления обсудила заявления нескольких бойцов и командиров, изъявивших желание быть кандидатами в члены партии. Комиссар полка ставил вопрос о том, чтобы парткомиссия рассмотрела эти заявления непосредственно в полку.

Секретарь парткомиссии старший политрук А. И. Волков в то время находился в 234-м арtpолку в качестве представителя политотдела. В тот же вечер, по вызову, он прибыл в политотдел. Идеей выездного заседания Волков загорелся. Дела вступавших в партию, сообщил он, уже оформлены. Но удастся ли обеспечить нужный кворум? Ведь парткомиссия преимущественно состояла из коммунистов, проходивших службу в управлении дивизии. Старший политрук тут же переговорил по телефону с членами парткомиссии и доложил:

— Завтра же проведем...

Кворум удалось обеспечить, и выездное заседание парткомиссии состоялось. Но эпизод этот заставил задуматься. Надо было менять состав парткомиссии, иметь среди ее членов более широкое представительство коммунистов частей.

Волков сетовал на задержку с выдачей партбилетов и

кандидатских карточек. Он положил на стол протокол заседания парткомиссии, который требовалось утвердить.

Так одно за другим наваливались дела, не оставлявшие времени для привычного в мирных условиях вступления в должность. Знакомиться с работниками политотдела приходилось пока на ходу, по мере того, как они появлялись здесь. Беседы с ними расширяли знания жизни дивизии, по полной картины дать не могли.

Решаю последовательно побывать в каждой части. Ведь работа в частях — основное для политотдела соединения. Разумеется, это отнюдь не умаляет значения труда в самом аппарате. Но решающий участок — части и подразделения, их люди. Постоянное общение с коммунистами, с личным составом вооружает политорган знанием людей, их настроений и способностей, позволяет, как учил В. И. Ленин, «безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли...»¹, «своевременно учесть и знать, где сосредоточить свои главные силы и внимание»². Возвращаясь сейчас мысленно к тому далекому времени, сравнивая и анализируя пройденное и пережитое, еще глубже осознаешь мудрость ленинских советов. Ох, как много они помогли мне в трудных ситуациях!

Прежде всего хотелось познакомиться с командирами, комиссарами, секретарями партийных и комсомольских организаций, пропагандистами полков, командирами и комиссарами батальонов. Чтобы получить представление о положении дел в ротах, я просил назвать лучшие и ограничился на первых порах знакомством с ними. Это позволяло знать передовиков дивизии, установить с ними личные контакты, опираться на их опыт.

Обстановка, как уже говорилось, была сложной: дивизия, продолжая частью сил наступление, всемерно закрепляла завоеванные рубежи, готовилась к отражению возможных контратак противника. Естественно, что, бывая в частях, я должен был интересоваться, как строится партийно-политическая работа с учетом этих новых условий.

Уже на следующий день мы вместе со старшим инструктором батальонным комиссаром И. М. Хроминым отправились в 580-й стрелковый полк. На участке полка было сравнительно спокойно. Стороны взаимно обменивались артиллерийскими выстрелами, чередовавшимися время от вре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 348.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 85.

мени с огневыми налетами. Строчили пулеметы. Шел обычный для периода относительного затишья огневой бой.

Встретил нас военком полка старший батальонный комиссар Дмитрий Михайлович Лукшин. После довоенных лагерей мы не виделись, казалось бы, не так уж много — всего полгода. Но у войны свои масштабы измерения времени. И теперь мы не скрывали взаимной радости. Дмитрий Михайлович доложил обстановку. Мне понравилось, что, не прибегая к записям, не заглядывая в блокнот, он уверенно называл число коммунистов и комсомольцев в той или иной роте, фамилии парторгов, активистов, отличившихся в ходе наступления, давал сжатые, но исчерпывающие характеристики командиров и политработников. Видно было, что комиссар хорошо знает людей.

Беседу мы продолжали по дороге в один из батальонов, и характер ее был для Лукшина менее приятным. Но тут уж ничего не поделаешь. Я спросил у него, почему личный состав не отрыл окопы, не оборудовал укрытия, ведь батальон перекрывает важное шоссе Старая Русса — Холм и можно в любое время ждать контратак противника, не исключены неоправданные потери и от его огня. Но объяснить все это комиссару было трудно.

Разговор зашел о питании. Оказалось, горячую пищу подвозили нерегулярно. Договорились: подтянуть кухни поближе к переднему краю, организовать обогрев бойцов. Днем, конечно, зажигать костры было опасно, но с наступлением темноты лес прикроет и огонь и дым.

Командира полка подполковника Василия Владимировича Ефремова застали на его наблюдательном пункте. Вместе с ним находился командир дивизиона артполка майор К. Н. Зайкин. Они уточняли задачи артиллерии.

В. В. Ефремова я знал еще до войны. Это был опытный и авторитетный командир. В Красную Армию он пришел еще в 1919 году девятнадцатилетним рабочим пареньком. В 20-х годах окончил Рязанское военное училище и посвятил себя трудной и благородной профессии командира.

— Надеюсь, не забыли, — сказал он, пожимая мне руку.

Вспомнили Козлово-Руду, где мы встречались в летних лагерях. Затем он коротко рассказал о людях и делах полка. Пожаловался на усталость личного состава, на недостаток боеприпасов. Подполковник правильно реагировал на замечания, тут же отдал распоряжения и об отрытии окопов, и о доставке на передний край горячей пищи, и об обогреве бойцов. А в заключение сказал:

— Конечно, трудности и обстановку люди понимают.

свою задачу мы выполним. Правильно говорю, комиссар? — обратился он к Лукшину.

По тону обращения и характеру ответа легко было понять, что отношения у них хорошие.

Переходя из роты в роту, мы знакомились с бойцами и командирами, политработниками и активистами. Так, в течение нескольких дней мы побывали во всех частях.

Я узнал многих людей, в том числе командиров. Разными они были по возрасту, жизненному опыту и образованию. Дмитрий Евдокимович Матыгин, командир 234-го артполка, был кадровым военным, полком начал командовать еще до войны. Командир отдельного батальона Михаил Андреевич Дорошкевич участвовал в гражданской войне, в 1920 году окончил курсы краскомов, но длительное время находился в запасе, работал бухгалтером. Заместитель командира лыжного батальона Иван Еременко в армию пришел в 1939 году, прямо со школьной скамьи, не переставая мечтать о профессии учителя. Весь свой багаж военных знаний он получил на краткосрочных курсах.

Многие командиры и политработники пачинали войну в небольших должностях. Но уже первые бои экзаменовали их сурово, без каких-либо скидок, дав кадровым органам надежные критерии для оценок. Теперь эти люди, выдвинутые на новые, более высокие посты, успешно справлялись с порученным делом.

Бывая в частях и подразделениях, я поначалу больше слушал, чем говорил. Спрашивал, догошно уточнял, запечатлевал в памяти все то, что меня интересовало. Иногда советовал, но воздерживался от критики, хотя недостатки в партийно-политической работе бросались в глаза. Думалось, что с критикой, с дачей указаний еще успею. И не случайно кое-кто расценил мои первые шаги как робкие. К тому же я выглядел слишком молодо, был худой, неказистый. Возможно, поэтому уже в конце февраля в дивизию прибыл представитель управления кадров Главного политического управления полковой комиссар И. М. Науменко. В оценке людей он был человеком опытным. Но к тому времени я уже освоился с работой, стал более требовательным. А может быть, полковой комиссар разглядел мои потенциальные способности. Вскоре поступил приказ начальника Главного политического управления об утверждении меня в должности.

Командный пункт дивизии в ходе наступления был перенесен в деревню Талыгино в расчете на продвижение. Но

оно застопорилось, и КП оказался на виду у противника, подвергаясь обстрелу. Между тем штабные командиры, как бы между прочим, смеясь и шутя, рассказывали о том, что незадолго до моего приезда вражеский снаряд пробил крышу домика-столовой и, просеяясь над головами обедающих, разорвался в соседнем помещении. К счастью, никто не пострадал. Поражала беспечность собеседников, и я невольно подумал: «Не показная ли это удаль?» Но все было сложнее, чем казалось на первый взгляд.

Трудности управления с этого КП волновали командира и комиссара. По их докладу командарм разрешил перенести КП в деревню Подборовье, находившуюся в 3—4 километрах от переднего края. Мы оказались на перекрестке важных путей.

К тому времени демянская группировка противника была охвачена войсками Северо-Западного фронта с трех сторон. Войска фронта усиливались рядом соединений, высвободившихся после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Подошел 1-й гвардейский стрелковый корпус генерала А. С. Грязнова. Его оперативная группа первые дни размещалась вместе с нами в Подборовье. Затем начали прибывать части 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А. И. Лизюкова, а в начале февраля подошли и вступили в бой из-за левого фланга нашей дивизии соединения 1-й ударной армии. О прибытии этих войск и их планах нас никто не информировал, но и скрыть это было невозможно.

Появление свежих сил окрыляло всех. Мне же довелось встретиться с командующим 1-й ударной армией генералом В. И. Кузнецовым. В 1938—1939 годах я служил в политотделе Витебской армейской группы, которой он командовал, выполнял ряд его поручений.

Немногословный и вдумчивый, Василий Иванович отличался неторопливостью и убедительностью суждений. Его житейская мудрость, опыт старого солдата, партийность, внимание и уважение к людям создавали самый благоприятный психологический климат. Мы, молодые политработники, нередко обращались к нему за советом по самым разным вопросам. Помню, как-то на областной комсомольской конференции в Витебске, после острых дебатов, в резолюции по отчету обкома не без «помощи» военной делегации сохранился пункт, в котором давалась оценка руководству комсомолом со стороны обкома партии. В перерыве между заседаниями мы вместе с помощником начальника

политотдела Александром Ковалевым встретились с командующим. Слушал он нас внимательно. А потом сказал:

— Вы, ребята, не правы. Подумайте, что же получается? Комсомольская конференция, большинство делегатов которой даже не члены партии, дает оценку руководящему органу партии — обкому. Ваши ссылки на то, что это в интересах усиления партийного руководства комсомолом, неубедительны.

От нашей горячности и следа не осталось.

Кстати, замечу, что неверное положение резолюции подверглось обстоятельному разбору в соответствующих партийных органах. И конференция единогласно исправила свою ошибку.

Потом я видел Василия Ивановича в июле 1941 года, после тяжелого отступления. С тех пор он, кажется, совсем не изменился: те же живые и умные карие глаза, рыжие усики и борода. Только печать напряжения лежала на его лице. Имя Василия Ивановича Кузнецова стало широко известно, особенно часто его упоминали в период битвы под Москвой, где успешно действовала и 1-я ударная армия. Мне было приятно, что при встрече он добрым словом вспомнил нашу совместную службу.

Близость КП дивизии к району важных событий способствовала тому, что к нам наведывались многие военачальники. Кроме командующего фронтом генерала П. А. Курочкина в Подборовье неоднократно бывали командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант П. М. Белов, член Военного совета фронта корпусной комиссар В. Н. Богаткин. Мы, конечно же, использовали их приезд для встреч с личным составом.

Владимир Николаевич Богаткин появлялся в дивизии обычно лишь к ночи, усталый от дневных забот. Привлекала его, очевидно, не только потребность найти приют для короткого отдыха, но и возможность душевно поговорить с комиссаром дивизии Я. Г. Поляковым, с которым они когда-то служили в Московском военном округе. Владимир Николаевич много знал и был интересным собеседником. Мы с большим вниманием слушали его воспоминания о гражданской войне на Дальнем Востоке, о которой ему напоминала и вражеская пуля, оставшаяся в животе.

Однажды он рассказывал о работе в «Красной звезде», которую редактировал накануне войны. Газету он очень ценил, говорил, что за короткое время она помогла ему расширить кругозор, подняться до понимания общегосударственных задач.

Позднее мне еще не раз приходилось встречаться с В. Н. Богаткиным — и во время войны и после — в Главном политическом управлении, а также в Ленинградском военном округе, где он работал членом Военного совета, а затем в Генеральном штабе, когда был там начальником политического отдела. Я всегда восхищался им. Несмотря на подорванное здоровье — а был он беспощаден к себе, — Владимир Николаевич неизменно оставался человеком удивительно уравновешенным, цельным и сильным, отличался какой-то особой внутренней подтянутостью, завидной способностью владеть собой. Высокое мужество и самообладание не покинуло его и в момент большого личного горя, когда погиб на фронте его единственный сын — артиллерист. Меня всегда привлекала простота Владимира Николаевича, умение слушать подчиненного, поддержать его действия или тактично поправить, если в этом есть необходимость.

К нам в дивизию несколько раз приезжал начальник политического управления фронта бригадный комиссар А. И. Ковалевский, историк по профессии, человек весьма интересный. Он обладал высокой теоретической подготовкой, был прост и доброжелателен.

Главное внимание военачальников привлекала, конечно же, армия, которая вела наступление. Но и короткие беседы с ними способствовали моему становлению в новой должности.

Январское наступление войск левого крыла фронта создало реальную угрозу для окружения дивизий 2-го армейского корпуса 16-й немецкой армии в районе Демянска. Гитлеровскому командованию в спешном порядке пришлось провести перегруппировку войск группы армий «Север» и перебросить ряд соединений с запада.

В конце января наша дивизия, действовавшая к востоку и юго-востоку от Старой Руссы, прикрывала вместе с другими соединениями 11-й армии правый фланг ударной группировки фронта. В полосе дивизии проходили железная дорога Старая Русса — Лычково, два шоссе — на юг и юго-восток, которые нужны были противнику для сообщения между старорусской и демянской группировками. Справа от нас оборонялась 182-я стрелковая дивизия, которой командовал комбриг В. В. Корчиц, а слева вели наступление войска 1-го гвардейского стрелкового корпуса.

Полоса обороны нашей дивизии была довольно широкой, поэтому все полки пришлось расположить в один эшелон, а ряд направлений прикрыть лишь отдельными опорными пунктами.

Итак, партийно-политическая работа нацеливалась на выполнение задач обороны. И тут были свои трудности. Одно дело поднять бойцов в атаку или призвать их к стойкости, когда атакует противник, другое — вдохновить тех же бойцов на рытье окопов в твердом, как камень, грунте, на сооружение оборонительных валов среди болот. Труд — ручной, однообразен, на холоде, под огнем противника. Так час за часом на протяжении всего дня. А назавтра принимались за то же самое.

В политической работе учитывалось еще одно обстоятельство. После разгрома немцев под Москвой многие, и не только рядовые воины, считали, что мы со дня на день пойдем вперед, что до победы теперь рукой подать. Радужные надежды свидетельствовали, конечно, о вере в свои силы, но и таили опасность недооценки противника со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Многое зависело от состава политработников, их опыта, принципиальности и организаторских способностей, их умения вести воспитание личного состава. В подборе и расстановке кадров политработников частей нам активно помогали политуправление фронта и политотдел армии. Но и политотдел дивизии не стоял в стороне. Только за эти две недели мы выдвинули немало молодых, проверенных в боях политработников. Назову лишь некоторых из них. Заместитель политрука Иван Андреевич Зуб, поработавший некоторое время политруком роты, стал теперь комиссаром батальона 523-го стрелкового полка. Станислав Владимирович Яскевич, прошедший школу заместителя политрука, был выдвинут комиссаром батареи.

Известно, что активность партийных организаций во многом зависит от их руководителей. Вот почему мы стремились укрепить состав секретарей. Политрук роты Федор Иванович Зайцев возглавил партбюро 523-го стрелкового полка. Пройдет немного времени, и он покажет себя боевым организатором масс. Успешно справится и вновь выдвинутый секретарем партбюро 234-го артполка младший политрук Михаил Иванович Иващенко. Доброе слово заслужит заместитель политрука Александр Афанасьевич Самсонов, избранный секретарем партбюро артдивизиона...

Мы, конечно, понимали, что политотдел обязан следить за молодыми кадрами политработников, всемерно помогать их становлению.

Должен сказать, что политотдел дивизии состоял из опытных работников, имеющих солидную политическую и военную подготовку. Я уже упоминал П. И. Монакова,

А. С. Баранчикова, И. М. Хромина, секретаря парткомиссии А. И. Волкова. Хорошее впечатление оставляли также старшие инструкторы В. П. Шевчук, И. Ф. Ивашкин, С. С. Слюсарев, помощник по работе среди комсомольцев Д. Т. Сорокин, которого я знал еще до войны. Словом, это был дружный, сплоченный коллектив.

Правда, пройдет несколько дней, и Сорокин будет переведен в политотдел армии. Почти вслед за ним уйдет от нас заместитель начальника политотдела Н. И. Короткевич, а вместо него назначат батальонного комиссара И. Т. Тихонова. На войне перемещения были явлением довольно частым.

Пять дней наш политотдел почти в полном составе работал в 580-м и 595-м стрелковых полках. Вместе с политработниками частей, секретарями партийных и комсомольских организаций мы занимались расстановкой коммунистов и комсомольцев по расчетам и подразделениям применительно к новым задачам. Подбирали партторгов, комсоров, агитаторов вместо выбывших в ходе наступления. Инструктировали их, учили работать в боевых условиях. Личному составу разъяснили особенности момента, сущность боевой задачи. Помогали в работе молодым командирам и политработникам, которые пуждались в особом внимании.

Суворов учил: «Каждый солдат должен знать свой маневр». Войн тем лучше будет понимать и выполнять свой маневр, если он знает роль своего подразделения, части, могущество тыла, всей нашей страны. В подразделениях, непосредственно на боевых позициях, проводились беседы о положении на фронтах, о самоотверженном труде рабочих и колхозников, женщин и подростков, о международном положении. Особенно действенными в этих условиях были индивидуальные беседы, участие в воспитательной работе командиров и политработников.

Война приучила не откладывать на завтра того, что нужно сделать сегодня. Вернувшись из частей, несмотря на позднее время, мы обсудили итоги своей работы в полках и выработали соответствующие предложения. Было решено в ближайшие дни провести совещание политработников частей дивизии.

Противник, казалось, не проявлял особой активности, правда, его самолеты все чаще появлялись в небе. Это настораживало. Однако никаких других признаков подготовки к наступлению нам заметить не удалось. С учетом сложив-

шейся обстановки политотдел наметил план работы на очередные две недели.

Наступило не предвещавшее каких-либо перемен утро 9 февраля. Но едва рассеялась темнота, как над передним краем противника взвились белые ракеты. На позиции, пункты управления и тылы наших войск обрушилась лавина артиллерийского огня. В небе появились «юнкерсы». Взрывы снарядов и бомб слились в сплошной гул. Вверх вздымались столбы мерзлого грунта со снегом, вокруг летели осколки смертоносного металла. Подразделениям, успешным за последние дни зарыться в землю, как докладывали комиссары полков, артподготовка противника особого вреда не приносила. Потери были незначительными. Но вот новый звонок. Докладывал комиссар 523-го стрелкового полка А. А. Кощеев:

— Из района Бряшной Горы и севернее на позиции 1-го и 2-го батальонов перешли в наступление пехота и танки врага. Принимаем меры к отражению атаки. Во 2-й батальон направился пропагандист полка Лунин. Я с командиром полка на наблюдательном пункте. Командир полка доложил комдиву и просит помочь огнем артиллерии.

О начавшейся атаке противника один за другим докладывали комиссары других полков.

Стало известно, что сильный бой разгорелся на участке 27-го лыжного батальона. Но связаться с комиссаром не удалось. Я направил в батальон вновь назначенного помощника по работе среди комсомольцев А. М. Абрамова. Лыжники его хорошо знают, и он сумеет им помочь.

Штаб дивизии получил сведения о действиях противника и в полосе соседа справа — 182-й дивизии.

Анализируя ход боя, генерал-майор М. Н. Клепшин придвинул нам с военкомом карту обстановки и заключил:

— Действия противника в полосе соседа справа, надо полагать, носят демонстративный характер. Основной его удар из района Медниково и Липовцы на Крюково, то есть на участке 27-го лыжного батальона. Именно здесь кратчайший путь для врага. Здесь проходит единственное шоссе, которое позволит ему использовать технику.

Возражать не было оснований. Как бы в подтверждение слов комдива противник предпринял новый огневой налет по деревне Подборовье, лежавшей на направлении его главного удара.

От близких разрывов содрогались бревна блиндажа, посыпалась глина с потолка. Страхивая с карты мусор, комдив распорядился:

— Выдвинуть на опасное направление отдельный батальон и учебную роту дивизии. — И, обращаясь к нам, добавил: — Жалко посылать курсантов рядовыми бойцами, но другого выхода нет.

Надо чем-то помочь этим подразделениям, подкрепить их морально. Советуюсь с комиссаром. Было решено послать в учебную роту старшего инструктора политотдела батальонного комиссара И. М. Хромина. Кстати, его выход туда планировался еще с вечера — для приема экзаменов по политической подготовке. Но теперь курсанты держат экзамен на стойкость, а это куда труднее. В отдельный батальон направляем батальонного комиссара С. С. Слюсарева.

— Держаться до последнего, но боевую задачу выполнить! — напутствует их комиссар.

Получаю записку от Абрамова. Он докладывал о трудностях с эвакуацией раненых. Для организации необходимой помощи медикам я послал старшего политрука П. И. Монакова. Опыт в этом он уже имел.

Как потом станет известно, фашистское командование возлагало на этот контрудар большие надежды. Основную роль должна была сыграть 5-я легкопехотная дивизия, перебросенная из Франции.

В первом эшелоне на направлении главного удара действовали 56-й и 75-й егерские полки этой дивизии. Ей были приданы 203-й танковый батальон, три штурмовых орудия, рота саперов и разведотряд дивизии СС «Мертвая голова». Пехоту и танки поддерживали артиллерия и авиация. Фашистские захватчики, располагая значительным численным превосходством, с присущей им самоуверенностью рассчитывали на успех. Прорвать нашу оборону они надеялись с ходу: за боевыми порядками танков и пехоты сразу же двинулись обозы.

Одетые в белые маскхалаты, взбодренные изрядной порцией шнапса, гитлеровские вояки шли в полный рост, как на параде. Но бравада продолжалась недолго. Потери становились все значительнее, и гитлеровцы залегли. Однако на поле боя вскоре появились две группы немецких танков, усилила огонь артиллерия, с еще большим остервенением возобновились налеты авиации. Показались новые цепи пехоты.

Ценой больших потерь фашистам удалось захватить несколько двотов в расположении 2-го и 3-го батальонов 523-го стрелкового полка, а затем и потеснить 27-й лыжный батальон.

Фашисты вышли к позиции 1-й стрелковой роты отдель-

ного батальона дивизии. Воины этой роты, как и других подразделений, встретили врага стойко. В неравном бою с превосходящими силами противника погибло и было ранено три четверти личного состава. Замолк единственный ручной пулемет: был тяжело ранен пулеметчик Я. Я. Лебедев. Возникла опасность прорыва через образовавшиеся бреши. В бой вступила 2-я стрелковая рота отдельного батальона. Метким огнем из пулеметов разбили противника ефрейторы М. Н. Аношин, Н. С. Морев; собрав последние силы, возобновил стрельбу и Лебедев.

Однако противник, не считаясь с потерями, продолжал яростный натиск. К этому времени к передовым позициям подошла учебная рота дивизии. Встретив ее на марше, батальонный комиссар Хромин, командир и комиссар роты проинструктировали актив, разъяснили личному составу боевую задачу, словом и личным примером увлекли воинов в бой. Будущие командиры дрались мужественно. Курсант взвода лейтенанта А. Н. Акимова, москвич наводчик пулемета Ф. С. Голованов, заняв оборону, подпустил противника почти вплотную и внезапным огнем уничтожил группу гитлеровцев. Один за другим погибли помощники Голованова, но он, меняя позицию, продолжал вести огонь.

Значительные потери врагу нанес минометный расчет сержанта С. Т. Букрина. А когда в ходе боя миномет был разбит, бойцы расчета использовали захваченный ими миномет противника. Курсант С. А. Хилько из 45-миллиметрового орудия подбил два танка. Но и его орудие оказалось подбитым. Лег в цепь стрелков и вместе с расчетом продолжал сражаться до конца боя.

В 14.15 из района Медниково враг возобновил боевые действия силами до двух батальонов. Пехоту поддерживали танки. Наступил решающий момент. Тонкая цепочка нашей обороны едва держалась. Силы воинов, казалось, были на исходе. Тогда командир дивизии использовал свой последний резерв. Он послал в направлении деревни Липовцы батальон истребительного полка фронта. В этот батальон был направлен старший инструктор политотдела И. Ф. Ивашкин. Он помог комбату А. А. Говейко и комиссару Н. Г. Павлову разъяснить воинам обстановку. С получением боевого приказа в батальоне провели короткое совещание с коммунистами, на ходу довели задачи до каждого бойца. Батальонный комиссар Ивашкин вместе со всеми принял участие в отражении натиска противника.

Умело действовал командир батальона коммунист А. А. Говейко. С одной ротой он своевременно выдвинулся

к месту боя и, прикрываясь лесом, нанес внезапный удар во фланг прорвавшемуся противнику.

Вслед за 1-й вступила в бой 2-я рота. Батальон был поддержан другими подразделениями дивизии. Воины действовали бесстрашно, нередко вступали в рукопашные схватки. Самоотверженно выполняли свой долг комсомолец сержант Н. И. Симонов, коммунист Г. К. Смирнов, красноармейцы А. И. Некрасов, М. Н. Сергеев. Находясь в цепи, воодушевлял словом и личным примером старший политрук Павлов, комиссар батальона. Когда погиб командир роты, ее возглавил, несмотря на ранение, старший сержант Г. С. Якименко.

Во всех частях и подразделениях примером стойкости в обороне были коммунисты и комсомольцы. Кандидата в члены партии — бойца 27-го лыжного батальона С. Н. Попова, призванного в армию из Омска, ранили дважды. Но с поля боя он не ушел, уничтожив более десяти фашистов. До последнего вдоха сражались, не отступив ни на шаг, автоматчик батальона комсомолец А. А. Горбунов, командир взвода коммунист старший сержант Н. И. Дементьев и многие другие. В разгар боя у сержанта Кузнецова отказал пулемет. Тяжело был ранен второй номер расчета. Находившийся неподалеку политбоек А. П. Постнов помог устранить неисправность, поднял патроны. Пулемет вновь заработал.

Бесстрашно действовали артиллеристы дивизии. Они выносили наблюдательные пункты на передний край обороны, это облегчало наблюдение, но и увеличивало опасность поражения. Однако с этим никто не считался. Особенно отличилась батарея, которой после ранения командира командовал младший политрук В. С. Булатов.

Напряженный поединок с фашистскими самолетами вели зенитчики. «Юнкерсы» в тот день буквально висели над боевыми порядками наших войск. Батарея, которой командовал коммунист старший лейтенант Н. И. Белозеров, прикрывала командный пункт дивизии. Николай Иванович — выпускник Севастопольского зенитно-артиллерийского училища — отличался храбростью и высокой профессиональной подготовкой. Он настойчиво учил своих подчиненных боевому мастерству. Это и сказалось на результатах боя.

Бомбы рвались на огневой позиции, но батарея продолжала вести огонь. Один из бомбардировщиков, пикируя, сбросил три бомбы со взрывателями замедленного действия. Они легли в непосредственной близости от орудий. К счастью, две из них не разорвались, а взорвавшаяся не причинила особых потерь. Трудно передать радость зенитчиков,

когда вблизи огневой позиции рухнул фашистский самолет, пропущенный очередью наводчика П. В. Коляденко.

Всего за день зенитчики сбили три «юнкерса». Два самолета ушли поврежденными. Находясь некоторое время на огневой позиции батареи Белозерова, я наблюдал спокойную и четкую работу командира взвода лейтенанта И. М. Рыбковского, являвшегося парторгом батареи, командира расчета В. И. Драгоньера, наводчика П. В. Коляденко и других артиллеристов, восхищался их мужеством. Невольно подумалось, что к каждому из них можно отнести слова Л. Н. Толстого о бесстрашии капитана Тушина, который в сражении под Бородино не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову.

С такой же самоотверженностью работали связисты, возглавляемые майором Г. К. Поповичем. Рискуя жизнью, кандидат в члены партии В. М. Титов под огнем врага неоднократно устранял повреждения на линиях, а когда противник предпринял атаку, он вместе с товарищами занял оборону и уничтожил трех фашистов. Отлично действовали линейные надсмотрщики — красноармейцы Г. Т. Стерхов и П. М. Кобрис, командир взвода П. Г. Слизконос. В тот день 27 раз под огнем врага исправляли повреждения на линии 234-го артполка братья Иван и Андрей Ковалевы.

Прорыв фашистов в полосе дивизии поставил бы в тяжелое положение войска всего фронта, действовавшие южнее Старой Руссы, и мог бы сорвать операцию по завершению окружения демянской группировки противника. Это хорошо понимал командир дивизии. Генералу М. Н. Клешнину было нелегко. Капли пота на худом, сильно осунувшемся лице выдавали крайнее напряжение комдива. Его спокойный голос, доносившийся по телефонным проводам до самых опасных участков, вселял в людей уверенность. В части по его заданиям отправлялись офицеры штаба. Большую помощь — и советами, и оптимизмом — оказывал находившийся с ним рядом комиссар дивизии Я. Г. Поляков.

Тяжелый бой продолжался до глубокой ночи. Отдельные участки позиций по четыре-пять раз переходили из рук в руки. Не считаясь с потерями, противник пытался во что бы то ни стало прорвать оборону. Были потери и у нас. Однако сломить нашу волю к сопротивлению врагу не удалось. Его наступление всюду было отбито.

Мы полагали, что на следующее утро противник возобновит наступление. Именно на это были ориентированы

командиры и комиссары частей. Оставались на месте и работники политотдела, направленные в подразделения на время боя. Надо было повысить бдительность личного состава в боевом охранении, организовать ночную разведку, поощрить отличившихся, подобрать достойные кандидатуры взамен выбывших из строя парторгов, комсоров и агитаторов, проинструктировать их, побеседовать с воинами. Особого внимания требовало восстановление оборонительных сооружений и системы огня.

С мыслями о бое, который может вновь развернуться, я задолго до рассвета отправился в отдельный батальон. Хотелось подробнее ознакомиться с обстановкой, поговорить с людьми, помочь им в подготовке к отражению нового вражеского натиска. Встретили меня командир батальона майор М. А. Дорошкевич и комиссар старший политрук Н. Л. Повышев (работник политотдела Слюсарев находился в одной из рот). Несмотря на усталость, вид у них был бодрый.

Мы собрали командиров и политруков рот, чтобы на коротке подвести итоги боя и поставить задачи. Из сообщения комбата было видно, что воины батальона проявили стойкость и героизм.

Умело действовал командир роты лейтенант М. С. Марченко. Он вовремя разгадал замысел врага. Остановленный перед фронтом, тот начал обход левого фланга роты. Требовалось принять мгновенное решение. И лейтенант принял его. Он снял с переднего края один взвод и отправил его для атаки противника во фланг. Взвод скрытно, под прикрытием леса, совершил маневр и успешно выполнял задачу, уничтожив до взвода фашистской пехоты.

В пример ставилась храбрость красноармейца П. П. Киселева, сразившего гитлеровского офицера и двух солдат. В этой схватке Киселев захватил вражеский пулемет и открыл из него огонь.

Отмечалась инициативная работа политрука роты В. П. Страхова. В ходе боя он появлялся там, где было наиболее трудно, и воодушевлял бойцов. А когда был ранен пулеметчик, Страхов лег за пулемет.

Поблагодарив от имени командования дивизии личный состав за успех в бою, я передал указания генерала М. Н. Клешнина о представлении к наградам отличившихся, о подготовке к отражению возможных контратак противника.

Вместе с Повышевым обходим передний край. Роты восстанавливали оборону, готовились снова принять бой. На-

строение у бойцов хорошее. Вчерашний успех, казалось, прибавил им сил.

— Думаю, товарищ батальонный комиссар, фрицы надолго запомнят этот день, — говорит пулеметчик ефрейтор М. Н. Аношин. И он протянул руку в направлении поляны.

Тем временем уже рассвело, и мы увидели впечатляющую картину: в самых причудливых позах на снегу валялись окоченевшие трупы гитлеровцев, на поле угадывались остовы сожженных танков, а вдали виднелись обломки сбитого самолета.

Наше предположение не оправдалось: потеряв около 1500 солдат и офицеров, противник вынужден был отказаться от продолжения контратак.

А много лет спустя я прочитал запись в дневнике начальника гитлеровского генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера: «Контратака двумя полками 5-й легкой пехотной дивизии от Старой Руссы не удалась»¹.

Можно было бы добавить: причиной тому явилось мужество и стойкость советских воинов.

В трудных условиях боя величие духа показали многие из тех, кто до этого казался тихим и неприметным. В донесении комиссара 523-го стрелкового полка сообщалось о том, что 9 февраля отличились политруки рот Н. Г. Завьялов и А. И. Малинциян. Завьялова я знал как смелого и авторитетного политработника, и его мужественное поведение в бою представлялось само собой разумеющимся. Но вот Малинциян? Меньше двух недель назад и командир, и комиссар батальона докладывали, что он как политрук роты авторитетом не пользуется, работает плохо, часто болеет. Это подтвердил и комиссар полка А. А. Кощеев. Все просили освободить Малинцияна от должности.

С ходу решать этот вопрос я не стал. Потом вместе с комиссаром полка мне довелось побывать в 4-й роте, и я поближе познакомился с Малинцияном.

У входа в землянку нас встретил среднего роста человек без знаков различия, с помятым, давно не бритым лицом. Шея его была обмотана бинтом, явно потерявшим свой первоначальный цвет. Словом, внешний вид политработника говорил о его апатии и каком-то безразличии. Малинциян смотрел на меня настороженно. Ничего хорошего от встречи еще с одним начальником он явно не ждал. Скупно доложил о положении дел в роте и своей работе.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник: Пер. с нем. М., 1971, т. 3, кн. 2, с. 190.

А потом вдруг попросил освободить его от должности и направить на один из южных фронтов хотя бы рядовым.

Не без раздражения слушал я Малинцияна, но лишь сдержанно пожурил его за неряшливый вид. Дал несколько советов по работе, а ушел без особой веры в то, что дело поправится. Причины его поведения пока понять не мог и потому не хотел спешить с оргвыводами.

И вот теперь такое политдонесение. Позвонил комиссару полка — для уточнения, и он подробно рассказывал о подвиге Малинцияна.

...Утром 9 февраля противник значительными силами атаковал 4-ю стрелковую роту. Бой был тяжелым, атака следовала за атакой. Бойцы держались стойко. Однако гитлеровцам все же удалось захватить один дзот. Командир роты младший лейтенант И. П. Матроскин поднял бойцов в контратаку и восстановил положение. Но вскоре враг ударил по стыку с соседней ротой. Ее командир погиб. Тогда Малинциян, понимая, что теперь от него зависит исход боя, встал во весь рост и открыл огонь из ручного пулемета, расстреливая фашистов почти в упор. Затем он повел взвод 4-й роты в контратаку. Своим мужеством Малинциян увлек воинов. Прорвавшаяся группа противника была полностью уничтожена. Красноармейцы роты А. Чалгубаев и Д. Мурзаев убили по шесть фашистов, взяли пленных.

Гитлеровцы численно превосходящими силами много раз вновь и вновь атаковали позиции роты, однако все их усилия оказались тщетными.

— Мы намерены представить Малинцияна к правительственной награде, — сказал в заключение комиссар.

Возражать не было оснований.

Вскоре я встретил Малинцияна и... с трудом узнал. Передо мной стоял собранный, подтянутый человек с тем быстрым, умным, все подмечающим взглядом, по которому угадывается бывалый воин. Он буквально преобразился. Со временем стала ясной и причина его прежнего поведения: встретившись с трудностями и не найдя поддержки со стороны старшего начальника, Малинциян поначалу растерялся. Успех в бою вернул ему уважение подчиненных и веру в себя.

Как-то раз пришел я в роту ночью. Малинциян спал, и боец, чувствуя, что я могу разбудить его, упредил меня шепотом: «Товарищ комиссар, разрешите не будить политука. Он очень устал и только сейчас уснул». Трудно было не уважить эту просьбу. Глядя на Малинцияна, я еще раз,

коря себя, вспомнил, как чуть было не совершил ошибку, поддавшись первому впечатлению.

Думал я и о том, как важно для авторитета любого командира и политработника умение вести себя в бою, не теряться в минуты смертельной опасности. Личный пример мужества и отваги — одна из самых действенных форм политработы. Для политработника личная храбрость — качество обязательное. Все другие достоинства принимались и ценились только в сочетании с ней.

Солдатская молва, щадя порой многие человеческие слабости, жестоко казнила за трусость. Рассказы о подвигах и отваге начальников передавались из роты в роту, из батальона в батальон с удивительной быстротой. Иногда такие рассказы дополнялись красочными подробностями. С не меньшей быстротой, обрастая отягчающими подробностями, распространялись сведения противоположного характера. Оправдать за недостаток мужества было невозможно.

Война сортировала кадры прежде всего по признакам смелости, умения воевать, готовности без колебаний выполнить долг перед Родиной. Именно благодаря этим качествам заместители политруков И. А. Зуб и С. В. Яскевич стали через полгода после начала войны комиссарами: первый — в батальоне, второй — в батарее, а вскоре и в артиллерийском дивизионе. По тем же критериям ума и храбрости старший лейтенант К. Н. Зайкин, начавший войну командиром батареи, был назначен командиром дивизиона, а затем и артполка, лейтенант М. С. Мажуга — начальником штаба стрелкового полка, Р. М. Амирьян — начальником штаба артполка.

20 февраля 1-й гвардейский стрелковый корпус, наступавший с севера, и 34-я армия, наступавшая с юга, встретились в районе деревни Залучье, завершив окружение демянской группировки противника. В ходе этих боев советские войска разгромили три вражеские дивизии, захватили большие трофеи. Семь дивизий противника (60—70 тысяч человек) оказались в демянском котле. Это было первое в истории Великой Отечественной войны окружение крупной группировки вражеских сил. Части 188-й дивизии, оставаясь на правом фланге ударной группировки фронта, держали оборону на внешнем кольце окружения демянской группировки врага.

Спустя несколько дней разведчики привели на КП двух пленных из 290-й пехотной немецкой дивизии, пытавшихся

М. Н. Клешнин

Я. Г. Поляков

Между боями. Инструктаж политработников 595-го стрелкового полка

В. Н. Богаткин
(фото послевоенных лет)

М. В. Рудаков

Член Военного совета армии С. Е. Колонин (третий слева) среди руководящего состава дивизии

бежать из котла. После допроса в разведотделении штаба с ними должны были говорить бригадный комиссар Я. Г. Поляков и я.

Едва мы вошли в землянку, немцы без какой-либо команды вскочили и замерли по стойке «смирно». На них были тоненькие ветхие шинели, пилютки и сапоги, явно не рассчитанные на русскую зиму. Спасаясь от холода, они дополнили свою экипировку предметами из «местных ресурсов»: головы и ноги обмотали женскими платками, а поверх шинелей повязали пестрые одеяла. Кстати, «местные ресурсы» не считались в вермахте нарушением формы. В приказе командира 10-го армейского корпуса, захваченном нашими войсками, говорилось: «На внешний вид солдат обращать внимание не следует. Если тряпки могут защитить нос и наши уши — необходимо ими пользоваться»¹.

Не ожидая вопросов, пленные поспешили заявить, что оба рабочие. (Знали, бестия, к кому обращаются!) Один назвалс я кочегаром. Он многократно повторял: «Я рабочий, я кочегар» — и сопровождал свои слова жестами, изображая, что кидает лопатой уголь в топку.

В ответ на вопрос, как могло случиться, что они, рабочие, пошли войной против первой страны социализма, пленный ефрейтор не без сарказма заметил: «Немец может быстрее других выучить стихотворение, но ему нужно больше времени, чтобы понять его смысл». Не берусь судить, прав ли был ефрейтор, но на то, чтобы понять смысл происходящих событий, немцам действительно потребовалось очень много времени. Причина тому, думается, не в биологических особенностях немцев, а в социально-политических условиях.

Конечно, как отмечалось в обращении Коммунистической партии Германии к немецкому народу, «наше несчастье состояло в том, что многие миллионы немцев оказались в плену нацистской демагогии, что яд звериной расовой теории, теории «борьбы за жизненное пространство» смог отравить душу народа»². Не сумели немцы, говоря словами замечательного немецкого поэта, разглядеть в фашизме «змеиный нрав под маской голубиной»³.

Слушая ответы пленных, мы не могли не заметить у них и некоторой степени прозрения. И все же, сколько еще потребовалось времени и крови, сколько необходимо было жестоких и тяжелых уроков для того, чтобы густая пелена

¹ ЦАМО, ф. 357, оп. 5984, д. 39, л. 283.

² Идеологическая работа КПСС на фронте (1941—1945). М., 1960, с. 30.

³ Гете И. Фауст. М., 1953, с. 283.

обмана и самоуверенности снала, чтобы пемцы поняли смысл развязанной гитлеровским фашизмом войны, чтобы, попав в плен, стали горланить: «Гитлер капут!»

Истоки мужества

14 февраля 1942 года...

— Сегодня уж ничто не помешает, — сказал комиссар дивизии Я. Г. Поляков, протискиваясь через узкий вход землянки. — Часов на 17 трубите сбор.

Речь шла о совещании политработников, посвященном устной пропаганде и агитации. Мы намеревались провести его еще в начале февраля, но в связи с боями пришлось изменить сроки. Теперь обстановка благоприятствовала — враг отброшен.

Советское государство, учил В. И. Ленин, сильно сознанием масс — сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и на все идут сознательно. Испытания, которые принесла война, сделали это указание особенно актуальным. Неудивительно, что наша партия с первого дня войны заботилась о повышении сознательности советских людей, требовала от политорганов и партийных организаций армии и флота усиления идеологической работы.

В условиях тяжелых и непрерывных боев огромное значение приобретало личное общение командиров и политработников, пропагандистов и агитаторов с воинами, живое партийное слово. На фронте, особенно в первый период войны, далеко не всегда предоставлялась возможность читать книги, порой было даже не до газет. Между тем докладов и бесед для личного состава проводилось мало, к тому же они, как правило, поручались низовому активу. Штатные же пропагандисты, политработники подразделений и частей подчас выполняли лишь роль рядовых бойцов.

На эти и многие другие недостатки указывалось в директиве Главного политического управления РККА. Директива требовала восстановить в правах устную пропаганду и агитацию.

С получением директивы, еще в декабре 1941 года, ее требования обсуждались на собраниях партийных организаций. Были намечены мероприятия. Теперь же предстояло проанализировать, как они выполняются.

Я уже рассказывал, что политотдел пять дней работал в двух полках. Положение дел с пропагандой и агитацией мы знали неплохо. И это позволило довольно подробно и остро доложить. Затем выступили участники совещания.

— Трудно возразить против критики, содержащейся в докладе, — начал свое выступление батальонный комиссар А. А. Кощев, комиссар 523-го полка.

— Что, не хотите ссориться с начальником политотдела? — бросил реплику комиссар дивизии.

— Нет, — ответил Кощев под дружный смех присутствующих. — По частностям возражать не солидно, а в главном он прав.

Реплика Я. Г. Полякова возымела действие, сняла то напряжение, которое ощущалось в начале совещания. Кощев, как и другие ораторы, выступал свободно, раскованно.

— «Всякое слово без дела ничто, пусто», — напомнил он изречение Демосфена. — Чтобы звать на подвиг других, надо самому быть храбрым. При подборе агитаторов мы обращали на это особое внимание.

И он назвал имена агитаторов, слова которых звучат набатом, и не только вследствие того, что идут они от сердца, но и потому, что опираются на личный пример. Такими знают в полку коммуниста А. И. Черепанова, который в наступлении под деревней Сычево, будучи раненным, остался в строю до конца боя, Д. А. Жаркова, награжденного медалью «За отвагу», и комсомольца П. И. Радкевича.

Кощев говорил самокритично, не утаивая недостатков. Комиссаром полка он работает не так давно, но учеба в Военно-политической академии имени В. И. Ленина помогла ему освоиться с обязанностями. Правильно он сказал, что командиры и политработники сами прежде всего должны выступать с докладами и беседами. Его пожелание о том, чтобы работники политотдела помогали им в этом, также заслуживало внимания.

Комиссар 580-го стрелкового полка Д. М. Лукшин говорил об актуальных проблемах воспитания личного состава, о бдительности, развитии чувства ненависти к врагу.

— Нельзя ложно понимать гуманизм, — подчеркивал он. — Еще Максим Горький указывал: «Гуманизм требует неугасимой ненависти к фашистам».

Лукшин поделился опытом агитационной работы, накопленным в полку. Он сослался на беседу агитатора коммуниста В. А. Васильева, которую, кстати сказать, мы вместе слушали в одной из рот. Беседа проходила под шатром елового шалаша. Помню, агитатор стоял в шинели, надетой поверх ватника, в тесном кругу группы бойцов. Не выпуская из рук винтовки, он говорил не спеша, с каким-то внутренним волнением.

— Все мы хорошо помним Рамушево, — начал агитатор. — Наш взвод вместе с другими подразделениями освободил там 160 пленных красноармейцев. Многие из нас видели этих людей. Они были так истощены и измучены, что на них было страшно глядеть. Фашисты кормили их дохлыми собаками, кошками и различными отбросами... Когда одного из них взвесили, он весил всего 27 килограммов. Мы все, — продолжал агитатор после небольшой паузы, — помним деревню Слобода. Мы ее тоже освобождали. 126 домов было в этой деревне. Сохранилось 12, остальные фашисты сожгли. Сейчас люди живут в землянках и баях — по несколько семей. Вот вы, товарищ Фроленко, из Великолукского района. Послушайте, что творят там фашистские захватчики. Они ввели налог не с домов, а с... дымоходов. Домов там уже давно нет. Дома разрушены, люди живут в землянках. Обогреться надо, какую-то пищу сварить надо. Значит, без огня не обойдешься. Так вот, хочешь не хочешь, 50 яиц за это грабителям отдай.

— При монгольском иге такого не было, — слышался голос из глубины шалаша.

— Свой преступный путь фашисты залили кровью и усеяли трупами ни в чем не повинных людей, отметили грабежом и разбоем, — продолжал агитатор. — В деревне Юрьево они расстреляли всех активистов. В деревне Пола повесили председателя сельсовета, пять его детей остались сиротами. Спросите жителей этих деревень. Они расскажут и многое другое. Озверевший враг истребляет наших близких и родных. Он замахнулся на всю нашу страну. Поймите это, друзья, и будьте беспощадными к гитлеровским захватчикам.

Затаив дыхание, воины слушали неторопливый, полный скорби и гнева рассказ агитатора, и по выражению их лиц можно было заключить, что беседа никого не оставила равнодушным.

Вернись, однако, к выступлению Лукшина. Он доложил, что в подразделениях полка регулярно проводятся инструктажи и семинары агитаторов, организуются встречи с героями боев, митинги и собрания личного состава.

— Война, — сказал он в заключение, — требует от всех нас огромных усилий, выдержки, тесного общения с людьми...

Дмитрий Михайлович и сам трудился самозабвенно. Из комиссаров полков он был самым подготовленным и наиболее опытным. А его беседы с людьми, поучительные и душевные, оставляли неизгладимое впечатление. Не скрою:

месяц спустя мы не без сожаления проводили Лукшина из дивизии, хотя и были рады его повышению по службе.

Опытом агитационно-пропагандистской работы поделились на совещании и другие политработники.

Итоги обсуждения подвел комиссар дивизии Я. Г. Поляков. Он напомнил указания В. И. Ленина о необходимости глубоко разъяснять справедливый характер войны, об умении доходить до каждого красноармейца, о значении личных выступлений руководителей.

Да, личные выступления руководителей действительно много значат. Я вспомнил 1934 год... В то время мне, еще совсем молодому коммунисту, довелось слушать П. П. Постышева — секретаря ЦК КП Украины. Было это на собрании партийного актива в Харькове. Павел Петрович вышел из-за стола президиума и, прохаживаясь по авансцене, не то чтобы речь держал, а как бы беседовал с участниками собрания. В числе других проблем он коснулся и тех изменений, которые повлечет за собой появление в деревне трактора. «Трактор, — говорил П. П. Постышев, — требует знания физики, более высокого образования крестьян, он побудит их к новым формам организации труда».

Его рассуждения, проникнутые силой логики, были так аргументированны, что их справедливость каждый из нас ощутил, казалось, физически. Но воздействие речи во многом определялось и обаянием личности оратора, его авторитетом, кристальной нравственной чистотой.

Теперь мне думалось: опыт большевиков старших поколений, страстность их выступлений, их умение установить связь с аудиторией, вызвать ее расположение — все это нам необходимо взять на вооружение.

Тем временем комиссар продолжал выступление.

— Сейчас, пока мы находимся в обороне, — сказал он, — при политотделе два-три раза в месяц целесообразно проводить семинары комиссаров и инструкторов по пропаганде полков. А в полках не реже одного раза в неделю собирать политруков рот. В свою очередь политрукам рот следует регулярно собирать агитаторов взводов и отделений.

Комиссарам полков было поручено помочь освоиться с работой комиссарам батальонов, которые, только что назначенные (их ввели в штаты 28 декабря 1941 года), еще не имели опыта.

Итак, совещание провели.

— Полезный был разговор, — заметил старший инструктор по пропаганде Ивашкин.

— Я тоже так думаю, — поддержал его батальонный комиссар Тихонов. И многозначительно добавил: — Если, конечно, за этим последует организаторская работа и... контроль. У нас в Чувашии говорят: «От разговоров о меде во рту сладко не бывает».

Что ж, это политотдельские заботы! Забегая вперед, скажу, что всякий раз, проводя то или иное совещание, мы тут же намечали конкретные мероприятия и добивались, чтобы все предложения и решения были осуществлены. Вот и теперь мы сразу же приступили к делу: повторно ознакомили командиров и политработников подразделений с директивой Главного политического управления, провели семинар комиссаров батальонов; создали при политотделе группу нештатных агитаторов; в последующем наметили тематику бесед и докладов, вытекающую из требований приказа Наркома обороны о 24-й годовщине Красной Армии.

Пример активного участия в разъяснении приказа показал командир дивизии М. Н. Клешиин. Михаил Никитич взялся подготовить доклад на тему «Об источниках силы и могущества Красной Армии». Командир 580-го стрелкового полка В. В. Ефремов выразил желание выступить с докладом «О разгроме немецко-фашистских войск под Москвой», комиссар полка Д. М. Лукшин — «О роли постоянно действующих факторов в ходе войны».

Хочется особо сказать о политбойцах. Это — коммунисты, прибывшие в дивизию по партийным мобилизациям¹. У нас в полках их насчитывалось 172 человека. Распределяли их по подразделениям бережно, как не распределяли в критические минуты и боеприпасы: в каждую роту по 3—4 человека. Несколько больше — в пулеметные роты, в подразделения разведки и группы истребителей танков.

Политбойцы личным примером влияли на воинов, проявляя в боях мужество и самоотверженность, высокую дисциплинированность. И конечно же, вели политическую агитацию.

Помнится случай, происшедший в октябре 1941 года в районе Лобанове. 188-я стрелковая дивизия с трудом сдер-

¹ За полгода войны в Красную Армию в качестве политбойцов было направлено 60 тысяч членов и кандидатов партии, а также 40 тысяч комсомольцев. — *Прим. авт.*

живала натиск превосходящих сил противника. На КП дивизии то и дело поступали донесения. Командиры частей просили подкрепления. Но резервов не было. Комдив Т. И. Рыбаков, осунувшийся, с воспаленными от бессонницы глазами, устало повторял: «Резервов нет».

Близ деревни Исаково на высотке сражался взвод бойцов. Они отбили уже не одну атаку гитлеровцев. Особенно досаждал фашистам пулемет, расчет которого возглавлял политбоец М. Н. Стрыга. Подбадривая раненого напарника, он продолжал вести точный огонь.

Но вот тяжело ранило командира взвода. Среди защитников высотки произошло замешательство. Кое-кто дрогнул. И тут раздался голос Стрыги:

— Слушай мою команду! По фашистским гадам, огонь! Атака противника и на этот раз захлебнулась.

Или еще случай. Это было в ходе январского наступления. В условиях бездорожья люди выбивались из сил и при малейшей остановке буквально валялись с ног, засыпали. А морозы стояли лютые. Командование тревожилось: как бы не было обморожений. И вот как-то идем мы ночью к переднему краю. Видим: группа бойцов устроилась на ночной привал. Показалось, все спят. «Замерзнут!» — мелькнула у меня мысль. Но тут же замечаю бодрствующего красноармейца.

— Политбоец Беляев! — представляется он. Затем, вороша костер, добавляет: — Поддерживаю огонь и периодически бужу товарищей, чтобы не замерзли.

Усталость от дневного боя и сон валили его с ног. Но Беляев, забыв о себе, заботился о других. Он — политбоец.

С рассветом снова наступление, и политбоец 2-й роты 595-го стрелкового полка А. Н. Беляев — впереди. В одном из боев он был ранен, но остался в строю, продолжал поддерживать огнем ручного пулемета атаку взвода. Быть первым в бою, добровольно брать на себя самое трудное — это и было законом жизни политбойцов.

В записных книжках сохранились примеры отваги и мужества. Приведу лишь некоторые из них.

Политбоец 5-й роты 595-го полка Жидковский (к сожалению, имени не запомнил) в одном из боев уничтожил 15 гитлеровцев.

Политбоец полковой разведчик М. Г. Кожухов несколько раз ходил в тыл противника, добыл три «языка», одним из первых в дивизии удостоен ордена Красной Звезды.

В одной из батарей артполка состоял в должности заместителя политрука политбоец М. П. Вишняков. Мужество

и храбрость сочетались у него с умением ободрить товарищей. Он находил душевное слово, окрылявшее людей.

Потому так высок был их авторитет. Характерно, что к весне 1942 года 11 политбойцов стали политруками рот, 12 — парторгами подразделений, 23 — командирами взводов. М. Н. Стрыга был назначен политруком пулеметной роты, П. А. Ткач — начальником штаба батальона, А. Н. Беляев и М. Г. Кожухов — парторгами рот.

Роль политбойцов была исключительно важной. Они пополнили и укрепили боевые порядки частей и подразделений в самый тяжелый для Советской отчизны период фашистского нашествия.

Недолгим был век у многих из них. Уже к марту 1942 года половина этих самоотверженных людей в дивизии оказались ранены или убиты. Но след их благородных усилий, как и само имя — политбоек, не может и не должен кануть в бесконечной реке времени.

Агитаторы взводов, отделений, расчетов... Их роль в идейно-воспитательной работе трудно переоценить. И дело не только в том, что они проводили беседы, разъясняли сообщения Совинформбюро. Эти люди служили во всем примером. Хорошо знали настроение, думы и чаяния бойцов, благотворно влияли на формирование общественного мнения. И недаром агитаторов войны любовно называли взводными комиссарами.

К началу марта 1942 года институт низовых агитаторов насчитывал в дивизии 230 человек. Это были, как правило, красноармейцы и младшие командиры. 184 агитатора являлись членами или кандидатами в члены партии. Конечно, с каждым новым боем и даже без боя эти данные претерпевали изменения. Люди убывали и прибывали. Характерно, что только 79 агитаторов имели стаж, превышающий три месяца. Уже одно это требовало и от политотдела, и от политработников частей и подразделений постоянного внимания к ним. И мы следили, чтобы политруки рот и комиссары батальонов обобщали опыт агитаторов, инструктировали их, вовремя подбирали кандидатуры, способные заменить выбывших из строя.

Активную помощь агитаторам оказывали политработники полков. В этом отношении заслуживал внимания опыт работы инструкторов по пропаганде 595-го и 523-го стрелковых полков Л. С. Симонова и В. Н. Лунина.

Разные это были люди — и по внешности, и по характеру. Первый — рослый, с деревенским румянцем на ще-

ках, несколько медлительный. Второй — городской житель, инженер-пищевик, невысокий, бледный, подвижный, с какой-то особой мягкостью манер и речи. Объединяло их высокое чувство ответственности за порученное дело, большое трудолюбие и пропагандистское мастерство. Тот и другой следили за подбором агитаторов, регулярно проводили в ротах и батальонах инструктажи, держали тесную связь с командирами и политруками. Они хорошо знали агитаторов, помогали советами, снабжали нужными пособиями.

Это были мужественные люди. Старший политрук Лукин никому не рассказывал о происхождении заплатки на его выдавшей виды ушанке, но все хорошо знали, что это след осколка вражеской мины, что он не раз ходил в атаку, свисту пуль «не кланяется». Понятно, что слово такого человека звучало еще более убедительно, к его советам войны прислушивались. Те же качества отличали и старшего политрука Симонова.

Старшие инструкторы политотдела по пропаганде С. С. Слюсарев и И. Ф. Ивашкин также хорошо знали многих взводных агитаторов, помогали им, добивались, чтобы семинары агитаторов в частях были содержательными, носили творческий характер.

В агитационно-пропагандистской работе мы ощущали помощь лекторов политотдела армии и политуправления фронта. В частях дивизии выступали с лекциями и докладами Д. С. Давидович, ныне профессор, известный специалист в области истории Германии, П. П. Шанин, А. А. Титов и другие.

В основу пропаганды и агитации были положены ленинские идеи о защите социалистического Отечества. «Социалистическое отечество в опасности!», «На деловую почву», «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», «Все на борьбу с Деникиным!» — эти и другие ленинские работы служили неиссякаемым источником духовной силы военных кадров.

Большой интерес у командиров и политработников вызвали опубликованные в феврале 1942 года четыре неизвестных до этого документа В. И. Ленина, посвященные вопросам организации боевых действий на фронте и хозяйственных работ в тылу¹. Содержащиеся в них рекомендации настолько представлялись актуальными, что, казалось, были написаны теперь, в дни Великой Отечественной войны. Га-

¹ Правда, 1942, 23 февр.

зетные вырезки с ленинскими документами можно было встретить на КП полков и батальонов.

В идеологической работе мы руководствовались лозунгами ЦК ВКП(б), докладами и приказами Верховного Главнокомандующего. Это были документы огромной мобилизующей силы.

С большим вниманием бойцы и командиры читали выступления и статьи М. И. Калинина, А. С. Щербакова, Е. М. Ярославского, редакционные статьи «Правды» и «Красной звезды», которые, кстати сказать, часто перепечатывали армейская и фронтовая газеты.

Великая Отечественная война, как известно, обострила чувство патриотизма и национальной гордости у всех советских людей, повысила их интерес к героическим страницам прошлого, к борьбе русского, украинского, белорусского и других народов за свободу и национальную независимость.

...5 апреля 1942 года. В блиндаже было тесно и душно, но люди, стараясь не пропустить ни одного слова, слушали рассказ пропагандиста о мужестве и доблести русских рыцарей и их полководце Александре Невском, разгромивших 700 лет назад немецких псов-рыцарей на Чудском озере. Батальонный комиссар И. Ф. Ивашкин поведал о подвиге героев-новгородцев: Станиславе Якуновиче, «не имевшем страха в сердце», Савве, подрубившем столб вражеского шатра, увидев падение которого «возрадовались полки Александра», дружиннике Мише, Садко и Василии Буслаеве, воспетых в былинах. А потом, как бы протягивая нить к нашему времени, пропагандист рассказал о зверствах гитлеровских захватчиков в оккупированном Новгороде.

Проводились беседы о Суворове, Кутузове и других русских полководцах. И всякий раз мы убеждались в глубокой справедливости слов М. И. Калинина, который еще до войны, подчеркивая воспитательное значение истории, говорил: «Проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной с корнями прошлой истории нашего народа»¹.

Бойцы и командиры внимательно следили за событиями на фронтах, восхищались героями боев. И конечно же, гордились успехами зимнего наступления наших войск.

Как-то вместе с комиссаром 234-го артополка П. А. Савиным мы с трудом протиснулись в еловый шалаш. Бойцы,

¹ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге. М., 1962, с. 444.

не обращая внимания на холод и тесноту, смотрели документальный фильм о разгроме немцев под Москвой. Вот раздались мощные залпы советской артиллерии, в воздух полетели вражеские заграждения, бревна блиндажей, и в «кинозале» загремели аплодисменты.

Выворачивая деревья, стремительно двинулись по Подмосковью тяжелые танки. И «зал» снова ликовал. За танками в облаках дыма и снежной пыли замелькали цепи пехотинцев в маскхалатах. Впереди на ветру развевалось красное полотнище Боевого Знамени с портретом вождя. И восторг в шалаше вспыхнул с новой силой.

Наступление продолжалось. Шел жаркий уличный бой. Перебегая от дома к дому, от стены к стене, советские бойцы выкуривали из подвалов и с чердаков «завоевателей», Грязные, оборванные фашисты покорно бросали оружие и поднимали руки.

Перед глазами зрителей проходят кадры, повествующие о страшных последствиях фашистского нашествия, — сожженные города, трупы детей и женщин в снежных сугробах, виселицы с телами волоколамских героев, убитая горем старушка, склонившаяся над трупом дочери.

Бойцы-кинозрители негодуют. Слышатся возгласы: «Звери! Сволочи! Гады!»

Документальные и художественные киноленты обладали огромной силой. И нередко, чтобы закрепить вызванный картиной эмоциональный накал, мы проводили после сеанса митинг. На митинге в связи с фильмом о Московской битве выступали и те, кто жил в Подмосковье.

— Я сам из Истры, — говорил красноармеец Н. П. Смирнов. — Хорошо знаю этот город. Жил и учился там в школе, которую вот сейчас увидел сожженную фашистами. Разрушен Ново-Иерусалимский монастырь, а от дома А. П. Чехова осталась груда камней и пепла. Отомстим врагам за все их злодеяния! Смерть фашистским оккупантам!

— При виде зверств, чинимых фашистами над нашими отцами, матерями, женами и детьми, — говорил лейтенант Ф. И. Кондратчиков, — у нас сжимаются кулаки и хочется скорее идти в бой.

Да, войны дивизии рвались в бой!

Пожалуй, именно в области идеологической работы больше всего мы ощущали помощь со стороны политотдела ар-

мин. Я уже говорил о помощи лекторами. Щедр был на советы, на новые пропагандистские материалы начальник отделения пропаганды и агитации полковник В. Д. Кульбакин, мой фронтовой друг.

Василий Дмитриевич пришел в политотдел армии с должности заместителя ректора Высшей школы парторганизаторов при ЦК ВКП(б). Человек он был очень подвижный, смелый и, несмотря на возраст, по-юношески задорен. Во имя дела и товарищей не жалел ничего. Легко переносил трудности фронтовой жизни. В его облике было что-то от отцов и дедов — кубанских казаков: богатырская сила и удаля, крепкое чувство товарищества. Он быстро освоился с работой и, несмотря на некоторую резкость в характере, завоевал всеобщее уважение. Позднее В. Д. Кульбакин был выдвинут начальником отдела пропаганды политуправления Северо-Западного фронта.

Нет нужды говорить, что жили мы во фронтовых условиях жизнью крайне напряженной. Избавляло ли это от учебы, от необходимости расширения политического кругозора? Отнюдь нет! Наоборот, совершенствовать знания требовалось еще интенсивнее. Необходимо было читать ленинские произведения, текущие политические издания, следить за новинками художественной литературы. Ведь эрудиция — это оружие политработника.

Идейно-политической закалке кадров, всего личного состава уделялось большое внимание. Особенно мы это почувствовали с лета 1942 года, после назначения начальником Главного политического управления Красной Армии кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова. В июне 1942 года решением ЦК партии при Главном политическом управлении с целью обобщения опыта партийно-политической работы и разработки рекомендаций по ее улучшению был создан Совет военно-политической пропаганды. В его состав вошли видные деятели нашей партии А. А. Жданов, А. С. Щербаков, Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский. В ГлавПУ РККА и политуправлениях фронтов создавались группы штатных и внештатных агитаторов. В частях и политотделах соединений вместо инструкторов пропаганды были введены должности агитаторов. Начал издаваться «Блокнот агитатора» — журнал очень удобный для фронтовиков по формату и глубокий по содержанию. Не раз мы добрым словом вспоминали авторов брошюр из серии «Библиотека красноармейца» и «В помощь политруку».

Наряду с проведением политбесед, лекций и докладов

все чаще устраивались митинги. Короткие пламенные выступления на митингах, как ничто другое, способствовали боевому настрою воинов.

Выдвижение агитации на первый план вовсе не означало, что снижаются требования к идейно-теоретической подготовке кадров, как кое-кто пытался это истолковать. Политическая агитация полнее отвечала задачам дня — скорейшему разгрому гитлеровского фашизма.

Одной из форм воспитательной работы стали встречи со знатными людьми, представителями тыла страны.

Это было еще зимой. Как-то вечером позвонил комдив:

— Приехали гости, — сообщил он. — Яков Гаврилович вышел встречать. Подходите и вы.

Гостями оказались Ян Эдуардович Калнберзин — первый секретарь ЦК Компартии Латвии и Вилис Тенисович Лацис — председатель Совнаркома республики, известный писатель. С ними — два латышских товарища. Все они, как выяснилось, следовали в латышскую дивизию, которая воюет в составе соседней армии. Но пурга и фронтовая обстановка не позволили продолжить поездку, и гости просят устроить их переночевать.

— Конечно, если мы вам не помешаем, — добавил Ян Эдуардович.

Достаточно удобно разместить именитых гостей мы не могли, и это сильно смутило нас. Но чувство неловкости скоро улетучилось. Латвийские товарищи оказались людьми необычайно скромными, к тому же интересными собеседниками. Ян Эдуардович Калнберзин, с виду несколько суровый, рабочего обличья, задавал тон беседам. Говорили, конечно, больше о войне, о положении на фронте и в тылу. С глубоким интересом слушали мы его рассказы о Москве, где он жил последние месяцы. Я. Э. Калнберзин рассказывал, как в молодости он вместе с отцом рубил и доставлял в город гранит.

— Многие рижские дома стоят на фундаменте из нашего камня, — заметил он не без гордости.

Ян Эдуардович — доброволец Красной Армии, участник гражданской войны. А с 1936 года находился снова в Латвии, возглавлял подпольную работу рижских коммунистов. В июле 1939 года был арестован по доносу провокатора и заключен в тюрьму, в которой просидел почти год.

— Однажды, — продолжал Ян Эдуардович, — сижу в своем каменном мешке, все тело ноет от побоев, душа болит

от обиды. Продумываю легенду. Вдруг необычный шум. Звенят запоры, открывается дверь камеры. На пороге — капитан Красной Армии! Вначале глазам своим не поверил, и тем более не поверил, когда услышал: «Вы свободны!» Думал, галлюцинация. Свободой и жизнью, как видите, целиком обязан Красной Армии.

Ян Каллиберзин и Вилис Лацис подробно рассказали о том, как Латвия вступила в состав Советского Союза, о борьбе трудящихся республики против гитлеровских захватчиков.

Ян Эдуардович доверительно сообщил:

— Нам очень хотелось иметь национальное соединение, подобное частям латышских стрелков, сформированным в период гражданской войны. Поддержали нас Мануильский, Ярославский и Щаденко. По их совету я написал И. В. Сталину, и вопрос был решен за несколько часов.

До глубокой ночи продолжалась эта беседа. Много из нее мы использовали в работе с личным составом.

А спустя несколько дней к нам прибыли посланцы Пермской области. И хотя знакомых среди них не оказалось, каждый из нас почувствовал душевность отношений. Гости, казалось, протянули нити, связывающие нас с близкими и родными, наполнили теплом думы о них.

В числе гостей были старший мастер одного из пермских заводов С. С. Замораев, человек вдумчивый, обстоятельный, неторопливый в суждениях, чем-то походивший на школьного учителя, секретарь обкома комсомола Лариса Кошкарева, не по возрасту сдержанная, спокойная, умевшая с какой-то особой женской теплотой и проникновением разговаривать с воинами, сотрудник областной газеты В. Бирюков, успевавший побывать везде и всюду (он опубликовал потом серию материалов в пермской газете), секретарь парткома завода Ващенко, также обладавший даром общения с людьми.

Пермяки встречались в землянках и окопах с небольшими группами воинов, а если позволяла обстановка, то и на митингах того или иного подразделения. Чаще, однако, собирались на встречи представители от взводов, рот, батарей. Делегаты рассказывали о нелегкой жизни и трудовых подвигах советских патриотов в глубоком тылу.

— В нашей области, — рассказывал старший мастер Замораев, — много предприятий, работающих на оборону. С одинаковой самоотверженностью трудятся и коренные жители, и рабочие эвакуированных заводов. Трудимся мы, конечно, с большим напряжением, но дружно, стараемся всем,

чем можем, помочь вам, дорогие фронтовики. Недавно мы, например, получили срочный заказ, и слесари Шилов, Малыгин, Трегубов, Ермаков не покидали цех трое суток, пока его не выполнили. Сейчас это изделие пущено в серийное производство. На заводе у нас много девушек, которые заменили парней, ушедших на фронт.

Делегаты рассказали и о напряженной работе тружеников полей. С особым чувством слушали воины рассказ о том, как заботятся трудящиеся о семьях фронтовиков. Они узнали, что многое сделано для бытового устройства эвакуированных семей воинов. Сотни жителей области усыновили и удочерили детей, оставшихся без родителей. Активная помощь оказывается освобожденным от врага западным районам страны. Так, только Баргузинский район выделил для этих целей 500 коров, 1000 свиней, 6000 тонн семян.

Естественная, по трогательная деталь. Всюду, где появлялись делегации из тыла (потом к нам приезжали посланцы и из других областей страны), начинались поиски земляков и знакомых. И воины, и гости стремились завязать более тесные узы дружбы. Немало земляков и даже знакомых нашлось при посещении дивизии в мае 1942 года бурятской делегацией, в составе которой были товарищи Решетко, Ангаров и Гусев. Выяснилось, что вместе с Гусевым на Первомайском руднике работал красноармеец Будаев. Красноармейцы Циренов и Большинимаев до призыва хорошо знали Ангарова. Старыми знакомыми Решетко оказались красноармейцы Белобородов, Белов и политрук Черненко. Радость встреч, казалось, не знала границ.

В беседах и на митингах снова шла речь о подвигах тружеников тыла. Эти сообщения воспринимались как призыв сражаться мужественно и умело. Фронтовики гордились успехами своего народа. Выступая перед гостями, они заверяли их, что не пожалеют сил для полного разгрома врага.

Встречи с посланцами тыла часто находили продолжение в переписке. Впрочем, она зарождалась и без личного знакомства. Нередко поводом для обмена письмами были подарки. Только к 24-й годовщине Красной Армии воины дивизии получили 2600 индивидуальных и 219 групповых подарков. Тут были и кисеты, и теплая одежда, и различные лакомства — вино, сибирские пельмени... Северо-Западный фронт получил 68 вагонов подарков только от челябинцев, 28 вагонов подарков и походную баню привезли с собой пермяки. Не меньше посылок получили воины фронта

в ту зиму от трудящихся Свердловской и Кировской областей.

Все это — зримое выражение заботы и внимания советского народа к защитникам Родины. С подарками обычно приходили письма. Вот одно из них:

«Шлю сердечный, горячий привет дорогому бойцу и защитнику любимой Родины. Прошу принять скромную посылочку от меня и моего сына. Я, работница пошивочной мастерской, желаю Вам, дорогой боец, поскорее разбить врага и вернуться домой с победой здоровым и невредимым. Я и мой сын Рюрик всеми силами стремимся помочь вам. Я, например, выполняю дневное задание на 290 процентов, являюсь стахановкой. Вечером дома шила для воинов Красной Армии две телогрейки и десять кисетов под табачок. Еще я стала донором и не жалею своей крови, лишь бы вы, родные, вернулись здоровыми. Сын мой учится отлично. Ему сейчас 14 лет. Он мечтает поскорей вырасти и стать хорошим бойцом Красной Армии.

У меня, дорогой боец, на фронте муж и три брата. Вся наша семья защищает любимую Родину. Я не знаю, кому попадет моя скромная посылка и письмо, и прошу ответить мне по адресу: г. Свердловск, центр, Пролетарская, д. 9, кв. 2. Лядова Анастасия Степановна».

Письмо и посылку Анастасии Степановны вручили красноармейцу Г. С. Денисюку, который тут же написал ответ, полный сердечной благодарности и обещающий воевать еще лучше.

Секретарь Белозерского РК ВКП(б) Челябинской области А. П. Алексеев и председатель исполкома Совета депутатов трудящихся этого района О. С. Ерасов в своем письме воинам сообщили:

«С самого начала войны мы провожаем в Красную Армию лучших своих сынов, давая им наказ стойко бороться за нашу свободу и независимость. На место ушедших на фронт в колхозы, МТС, учреждения и предприятия нашего района пришли новые кадры, большинство из них — женщины. 160 женщин сели на тракторы, заменив своих мужей, братьев и отцов. 36 женщин работают бригадирами полеводческих бригад. 33 женщины стали заведующими молочно-товарными фермами, 31 женщина заменила мужчин на посту председателя колхозов и сельсоветов. Много других работ также выполняются женщинами нашего района. Женская тракторная бригада Белозерской МТС, в которой бригадиром Е. Мясодова, показала на весеннем севе

образцы большевистского отношения к труду. Эта бригада завоевала первенство в районе.

За период Отечественной войны исключительно выросла ответственность наших людей за порученное дело. Трудящиеся района с первых дней войны проявили и проявляют исключительную заботу о своих защитниках. Мы послали вам 500 пар валенок, 630 пар варежек, 67 полушубков, 200 шапок и много других теплых вещей».

В конце письма они обращались с призывом: «Уничтожайте же, товарищи, беспощаднее фашистов! Помните, товарищи,— мы с вами! Мы всеми своими силами помогаем вам бить врага!»

Бывало, что переписку порождало событие иного, трагического характера: гибель товарища. О ней командиры и комиссары сообщали близким. В ответ приходили полные боли письма. Вот одно из них от П. Пилипенко — отца погибшего лейтенанта Алексея Павловича Пилипенко.

«Дорогие товарищи!

Признателен за сочувствие, за ту заботу, которую вы проявили ко мне, старику. Сына Алешу, вашего товарища, погибшего в бою за Родину, я воспитал честным бойцом Красной Армии. Уже 20 лет я живу с одной ногой да двумя костылями, но не покладая рук работаю на пользу своего Отечества.

Мне, отцу, тяжело было узнать о смерти своего любимого Алешки. Стар я уже, слаб здоровьем. Были у меня сын и дочь: один убит фашистской пулей, семнадцатилетняя дочь умерла в октябре 1941 г. Остался один, без детей, но даю вам клятву старого большевика, что буду, сколько хватит сил, трудиться ради укрепления нашей Родины. А вы бейте фашистов...»

Письма эти читали в ротах. Слушая их, воины испытывали не только боль утраты, но и растущую жажду мести тем, кто принес нашему народу столько горя.

Как-то в дивизию приехали известные композиторы Ванно Мурадели, Мариан Коваль и Николай Речменский. Вместе с ними была бригада артистов московских театров — Ушакова, Иванова, Синацина, Карасевская, Рыбкина, Грибова, скрипачка Энгельшмидт и другие. Встреча, к сожалению, была очень короткой. Выступила группа всего в одном подразделении. Композиторы посетили редакцию дивизионной газеты «На врага!», встретились с ее сотрудниками, познакомились с творчеством начинающих поэтов. Им

понравились стихи «По следам врага» В. Коровина и А. Бараненкова, «Ледовый поход» и «Мы идем» Ф. В. Николаева, темой которых были недавние подвиги воинов дивизии. Одобрили они и написанные коллективно стихи «Валдайские высоты». Композиторы обещали написать музыку на эти стихи, но мы, признаться, верили в это не очень твердо. Какова же была наша радость, когда спустя короткое время в дивизию пришли от Мариана Ковалева ноты. С помощью дирижера дивизионного оркестра И. А. Вершинина песню быстро разучили с группами запевал, и вскоре «Валдайские высоты» с любовью и гордостью распевали во всех подразделениях. С каждым значительным событием в дивизии к песне прибавлялись новые куплеты и новые имена. К лету пели уже не только о боях под Лобаново и Старой Руссой, но и о разведчике Устюжанине, снайпере Чегодаеве и многих других. Неизменными оставались лишь слова припева:

Валдайские высоты,
Холмы среди полей,
Идут в сраженья роты
Дивизии моей.

Трудно сказать, сколько всего куплетов сложили солдаты за всю войну. Но в этом и была прелесть песни. Она жила и шагала вместе с воинами дивизии по Валдайским высотам, степям Украины, по горам и долам Балкан.

Композитор Н. С. Речменский написал музыку на стихи младшего лейтенанта В. А. Коровина «Сын». Песню вначале разучил ансамбль — так мы именовали небольшую группу самостоятельных артистов из числа бойцов тыловых подразделений. Ансамбль и разнес ее по солдатским землянкам и блиндажам. Многим она пришлась по душе. Не раз в землянке или на привале солдаты группами или в одиночку с задумчивой грустью напевали:

Где-то в далекой приморской деревне
Спит в кроватке мой маленький сын...

При этом «приморская деревня» волею исполнителей часто называлась то «тульской», то «смоленской» или еще иначе — кому что было ближе. Потом пели, что воин посыл в кармане гимнастерки письмо сына, где тот пишет:

Мы тебя ожидаем с победой,
Я и мама и дедушка мой.

Продолжение звучало уверенно:

Хорошо, мой сын, я приседу,
Я вернусь, мой любимый, домой.

Воин мечтал, вернувшись домой, рассказать сыну не сказку, а суровую и прекрасную быль:

Как в смертельном, кровавом бою
Мы отважно, мой сын, защищали
Необъятную землю свою.

Твердой решимости были полны заключительные строки:

Мне бы видеть тебя хоть мгновенье,
Только некогда — Родина ждет.
Я иду, мой родимый, в сраженье
За тебя, за любимый народ.

С Речменским встречаться больше не приходилось, а вот с Ваню Мурадели много лет спустя, в 1970 году, мы встретились в московском Доме композиторов на вечере, посвященном Дню Победы. Композитор, хоть и несколько располнел, по-прежнему выглядел молодо, был полон энергии, много шутил. Прочно хранил он в памяти имена командиров и политработников, с которыми встречался на Северо-Западном фронте. Тепло вспоминал и с юмором рассказывал о пережитых приключениях. К сожалению, продолжить, как условилось, этот разговор нам не удалось. Вскоре Ваню Ильича не стало.

В дивизии побывала группа московских артистов, возглавляемая А. И. Гуриным. Она дала за три дня девять концертов, на которых побывало свыше 500 человек. А летом мы принимали большую группу деятелей ленинградских театров, в их числе были народный артист республики К. В. Скоробогатов, заслуженные артисты республики А. И. Корякина, Б. В. Воронов, артисты Г. О. Калинин, Е. Николаева, З. Н. Вальяно и другие. Воины знали о героизме и мужестве защитников города Ленина, сражавшихся в кольце фашистской блокады, и встречи с замечательными ленинградскими мастерами сцены проходили особенно тепло. После заключительного концерта народный артист Скоробогатов, сильно волнуясь, сказал:

— Дорогие друзья! Уезжая, мы ощущаем в своей душе глубокую благодарность к вам, защитникам Родины. Мы расскажем всем о ваших подвигах, о ваших славных делах.

Большим успехом у воинов пользовалась концертная бригада артистов Казахской ССР. В ее составе были Куляш Байсеитова, Ержанов Монарбек, Надежда Куклина и другие. Накануне в дивизию прибыло много воинов-казахов. Для них выступления артистов явились подлинным праздником. Каждый концерт превращался в демонстрацию единства народа и армии.

Запомнился концерт глубокой осенью 1942 года фронтовой бригады, в составе которой были сатирики Аркадий Громов и Владимир Милич. От души смеялись бойцы, слушая остроумные репризы и куплеты, зло высмеивавшие фашистских вояк, хорошо принимали боевые и лирические песни в исполнении Надежды Степановой, выступления скрипачки Ольги Коуфман, артиста Николая Голубенцова, проникновенно читавшего симоновского «Суворова» и отрывок из «Поэмы с фронта» Семена Кирсанова. Воинам нравились выступления танцора Бориса Собинова и его партнерши Елизаветы Васильевой, которые в условиях блиндажной тесноты исполняли акробатические танцы.

Перед концертами артисты обычно выясняли имена воинов, отличившихся в бою, и посвящали им тот или иной номер программы. Это еще больше сближало сцену и «зал»...

Бригады артистов, как и делегации трудящихся тыла, приносили на фронт дыхание Родины, согревали сердца бойцов и командиров, умножали их силы в борьбе с врагом.

Вернемся, однако, к весне 1942 года. К весне светлых надежд и тяжелых огорчений.

В старорусских окопах

Генерал-лейтенант был среднего роста, в бекеше защитного цвета и красивых белых бурках. Щеки его подрумянил еще крепкий мартовский мороз.

Навстречу вышел командир дивизии М. Н. Клешнин и, как положено, четко доложил:

— Части 188-й стрелковой дивизии занимают оборону. Противник особой активности не проявляет, ведет редкий артиллерийский и минометный огонь. В 9.00 и 10.30 совершил огневые налеты силой до артиллерийского дивизиона по районам обороны 2-го стрелкового батальона 523-го стрелкового полка и 2-го батальона 580-го полка. Потерь нет.

Выслушав доклад, генерал поздоровался с Клешниным, со всеми нами и, улыбаясь, сказал:

— Хочу пожить у вас немного. Не возражаете?

Так мы познакомились с начальником штаба Северо-Западного фронта Николаем Федоровичем Ватутиным.

В землянке комдива, продолжая разговор, Н. Ф. Ватутит сообщил, что после окружения демянской группировки противника создалось немало трудностей в управлении войсками, возникла необходимость приблизить руководство непосредственно к линии фронта. Поэтому он решил обосно-

ваться с небольшой группой штабных работников на КП нашей дивизии.

Мне и раньше доводилось неоднократно видеть начальника штаба фронта на различных совещаниях. Теперь же, когда он поселился в одной землянке с командиром и комиссаром дивизии, представилась возможность узнать его поближе. Правда, генерал-лейтенант даже тогда, когда не был занят отдачей распоряжений или заслушиванием докладов офицеров своей группы, больше молчал и в разговоры вступал, казалось, неохотно. Возможно, причиной тому был не совсем удачный ход боев против окруженной группировки.

— Наверное, упустили время, — сказал как-то Николай Федорович с грустью. — Дали возможность противнику и средства пополнить, и, главное, укрепить оборону в инженерном отношении. К тому же у него дороги, дающие возможность маневрировать...

Генерал-лейтенант обладал огромным жизненным опытом и высокой военно-теоретической подготовкой. Мы знали, что он окончил две военные академии, работал на штабных должностях в войсках и Генеральном штабе. Однажды Н. Ф. Ватугин рассказал о боях против банд Махно на юге Украины, о занятиях в Полтавской пехотной школе. Вспоминал он и встречи в тот период с прославленным полководцем М. В. Фрунзе, из рук которого получил удостоверение об окончании школы.

Николай Федорович располагал к себе, был тактичным, исключительно скромным. Это не мешало ему быть строгим и взыскательным. От нас он потребовал создать железную оборону. Не раз работники штаба фронта, ползая по переднему краю, проверяли исполнение этого требования.

Бои по уничтожению окруженной группировки врага приняла затяжной характер, и генерал вскоре от нас уехал. А спустя какое-то время он был назначен командующим Воронежским фронтом. Талант и слава его росли от операции к операции. В моей памяти он остался не только как один из видных полководцев, но и как человек большого обаяния и культуры.

Задача нашей дивизии в тот период состояла в том, чтобы не допустить прорыва противника к своей окруженной группировке, сковать и уничтожить возможно больше его сил, воспрепятствовать переброске этих сил на другой фронт. Время от времени мы получали приказы на наступление (за март — апрель их было девять). Но эти бои, как правило, носили ограниченный характер, напоминали скорее всего

активную оборону, хотя и вписывались в рамки демянской наступательной операции войск фронта¹.

Предложения по организации обороны подготовил и доложил на совещании у комдива начальник оперативного отделения штаба дивизии майор С. С. Сенин.

— Для укрепления обороны, — сказал он, — потребуются перегруппировка сил, пересмотр системы огня и взаимодействия, а главное, предстоит выполнить большой объем инженерных работ, создать лесные завалы, противотанковые и противопехотные заграждения и минные поля, соорудить дзоты и другие оборонительные сооружения.

Подробный расчет по этим вопросам доложил на совещании дивизионный инженер майор Т. Я. Рогович.

Комдив утвердил предложения штаба, определил сроки сооружения укреплений.

Объем работ оказался действительно большим, и их выполнение в условиях лесисто-болотистой местности было сопряжено с исключительными трудностями. Следовало учитывать еще и психологический фактор. Ведь одно дело наступать, другое — обороняться. Конечно, чтобы наступать — нужна тройная смелость. Нелегко подняться из окопа и сделать шаг навстречу огню противника. Но помогает вера в превосходство своих сил, особенно если видишь, как крушат оборону противника артиллерия и авиация, как несутся вперед танки. Много значит и чувство локтя, ощущение, что рядом с тобой бегут товарищи по оружию. В наступлении все рвется вперед, легче поддерживать дисциплину.

Помнится, 7 января, в первый день наступательных боев на Старую Руссу, я видел такую картину. Цель бойцов одного из подразделений 84-й стрелковой дивизии несетя в атаку. Во главе подразделения — ее командир. Он бежит с пистолетом в руке. Но вот осколок снаряда буквально срезал ему руку выше локтя, но командир долго еще продолжал бежать, призывая осипшим голосом: «Вперед!»

Иное дело — психология обороняющегося. Вольно или невольно возникает ощущение: враг наступает — значит, он сильнее. Не вызывают энтузиазма и тяжелые оборонительные работы, особенно под артиллерийским и минометным обстрелом противника.

¹ Наступательная операция войск Северо-Западного фронта по окружению и уничтожению группировки немецко-фашистских войск в районе Демянска, проведенная с 7 января по 20 мая 1942 года. (См.: Советская Военная Энциклопедия, М., 1977, т. 3, с. 145—146.)

Все это мы учитывали, намечая планы партийно-политической работы. Нужно было прежде всего довести до глубокого сознания воинов новую задачу, укрепить их уверенность в свои силы, обеспечить передовую роль коммунистов и комсомольцев.

Начали с того, что провели партийные и комсомольские собрания, посвященные требованиям приказа Народного комиссара обороны в связи с 24-й годовщиной Красной Армии. Разработали тематику бесед и докладов, провели инструктажи агитаторов. Работники политотдела снова были в частях и подразделениях: занимались расстановкой коммунистов, организацией соревнования на строительстве оборонительных сооружений. Особое внимание обратили на подготовку расчетов противотанковых орудий, на усиление бдительности и подбор состава боевого охранения.

Люди трудились с большим старанием. Но не обошлось и без недостатков. Нас встревожило, когда в роте 580-го стрелкового полка, находившейся в боевом охранении, отказали пулеметы из-за густой смазки. В одном из взводов неправильно набили пулеметные ленты, в другом — оружие было в порядке, но амбразуры для пулеметов оказались очень узкими и не обеспечивали нужного сектора обстрела. Не были обозначены направления для стрельбы ночью (приборов ночного видения тогда еще не было, обходились колышками). В одной из батарей противотанкового дивизиона неудачно выбрали огневые позиции.

Все эти факты были предметом обстоятельного разбора. В целях профилактики мы информировали о них командиров и политработников других частей.

Командир дивизии распорядился в каждой части соорудить показательный дзот. На примере этого дзота люди обучались строительству, здесь готовились инструкторы инженерного дела. Всемерно поощрялось социалистическое соревнование на лучшее и более быстрое оборудование огневых позиций.

Итоги работ по укреплению обороны подводились ежедневно. Командир дивизии на одной из летучек заметил:

— Задача создания неприступной обороны в инженерном отношении по-прежнему очень важна. Но это не все. Нам нужно искать способ, как в процессе обороны лучше бить врага, не давая ему покоя ни на час.

Мы обратили внимание на развитие снайперского движения. Для начала провели с командирами и политработниками специальные сборы. Командир дивизии на этом сборе советовал:

— Поищите снайперов и метких стрелков прежде всего среди бойцов, которые в прошлом были охотниками. Проведите для них контрольные стрельбы и специальные сборы. Потренируйте, обучите их тактике одиночных, парных и групповых действий, маскировке, наблюдению. Для истребителей танков могут хорошо пригодиться навыки городошников.

Сборы провели во всех полках. На них выступил лучший снайпер дивизии младший сержант Федор Кузьмич Чегодаев. Его статья об опыте снайперской охоты была напечатана в дивизионной газете «На врага!». (Позже политуправление Северо-Западного фронта выпустило специальную брошюру о сержанте.)

Снайперское движение стало предметом постоянного внимания командиров и комиссаров, партийных и комсомольских руководителей. Среди метких стрелков увеличилось число коммунистов. С ними систематически беседовали секретари партийных бюро полков, подчеркивая, что бить врага без промаха и обучать товарища боевому мастерству — это теперь основное для них партийное поручение. Во всех частях были созданы своеобразные школы снайперов. В 595-м стрелковом полку такую школу возглавил знакомый уже читателю Ф. К. Чегодаев — прямой потомок оренбургских казаков, призванный в армию из далекого уральского села, где когда-то гремела слава В. И. Чапаева. За свои сорок лет Федор Кузьмич прошел большую и суровую школу жизни. В молодые годы участвовал в борьбе с басмачами, затем принимал активное участие в организации колхоза.

Летом 1941 года, перед отправкой на фронт, он закончил двухмесячные курсы снайперов. Учился с большим старанием. Воевал под Рогачевом и на Калининском фронте. В нашу 188-ю дивизию пришел из госпиталя. Его хотели, учитывая возраст и ранение, направить в тыловую часть, но он настоял, чтобы его послали на передовую. Здесь Федор Кузьмич попросил командира дать ему возможность начать снайперскую охоту на врага. Узнав о похвальном стремлении, комиссар полка Н. М. Гудков позаботился, чтобы Чегодаеву подобрали снайперскую винтовку.

Вскоре выяснилось, что он действительно большой мастер своего дела. Иво дня в день, в любую погоду перед рассветом Чегодаев выползал на нейтральную полосу, где уже заранее облюбовал позицию, и неподвижно, часами выслеживал фашистскую «дичь». Для уничтожения фашиста ему всегда хватало одного выстрела. Но каждый выход на по-

зицию требовал огромного физического и морального напряжения и, конечно, умения перехитрить врага. И снайпер продолжал свои выходы, боевой счет его рос день ото дня.

Учениками Чегодаева в полку стали С. М. Антипин, И. В. Погодаев, М. В. Шагалов, В. Федоров, А. Ергалинов и другие. И когда известный на Северо-Западном фронте снайпер-орденоносец Церендаш Доржиев через армейскую газету «Знамя Советов» вызвал Чегодаева на соревнование, его вызов принял не только Чегодаев, но и все его ученики и последователи. Свои обязательства они выполнили с честью.

В мае 1942 года Ф. К. Чегодаев обратился в первичную партийную организацию с просьбой принять его кандидатом в члены партии. К этому времени на боевом счету воина было уже 213 уничтоженных фашистов. Просьба знатного снайпера была удовлетворена.

В 580-м полку наставником метких стрелков стал Жамбыл Тулаев, охотник по гражданской профессии. Его только что приняли в члены партии.

Встретиться с Тулаевым пришлось при вручении партийных документов. В тот вечер в блиндаж пригласили десятка полтора молодых коммунистов. Как всегда, я старался поближе познакомиться с каждым, интересовался, где и как живет семья, с кем человек дружит, какой психологический климат в подразделении. Беседы эти, естественно, затягивались порой далеко за полночь.

— Прошу вручить первому Тулаеву, — шепчет мне комиссар 580-го полка М. Я. Синев (он сменил на этом посту Д. М. Лукшина).

Я расценил эту просьбу как желание поощрить меткого стрелка.

И вот в землянку вошел боец небольшого роста, подвижный и стремительный, с хитринкой в темных узких глазах. Из беседы с ним стало ясно, какими мотивами руководствовался комиссар, обращаясь ко мне с просьбой.

— Целый день шел дождь, — сказал Тулаев. — Охота должна быть богатой. — И пояснил: — Окопы залило водой. Фрицам придется кое-где выползать наверх. Надо только успеть до рассвета занять позицию...

В ту ночь вместе с Тулаевым вышли на снайперскую охоту его ученики Соловьев, Манилов и Федоров. Вернулись они лишь поздно вечером, довольные. Комиссар полка по телефону доложил, что Тулаев установил в тот день свое-

образный рекорд — уничтожил шесть фашистов. Хорошо действовали и его ученики.

При следующей встрече Тулаев рассказал:

— Подобрался я тогда к фрицам метров на двести. Помните кусты на опушке леса? Вот там и залег. Оборудовал позицию, замаскировался. Наступил рассвет. Утро выдалось солнечным. Фрицы вытащили из блиндажа шинели и одеяла, развесили сушить. У блиндажа появился толстый гитлеровец, навстречу ему выбежал другой, с рукой под козырек. Ну, думаю, офицер. С него и начну...

Шесть выстрелов прогремело в тот день. Ни одна пуля не прошла мимо.

Не всегда, конечно, охоте сопутствовал такой успех. Однажды на вопрос о результатах охоты снайпер с явным раздражением ответил:

— Второй день ни одного гада не вижу! Вчера во время артналета у нас ранило несколько красноармейцев. Надо отомстить...

— Ну что же, отомстишь завтра, — сказали ему.

— Завтра? А за завтра послезавтра?! — возмутился Тулаев. — Нет, я должен каждый день уничтожать фашистов! Плох тот охотник, который возвращается домой с пустыми руками.

В дивизии периодически проводились слеты и учебные сборы лучших стрелков. Снайперы не только рассказывали об опыте, о выборе и оборудовании позиций, о повадках врага, но и практически демонстрировали свои действия. Наглядные уроки были хорошей формой учебы.

Сейчас уж не помню, кто был инициатором такого правила: за каждые десять убитых фашистов прикреплять к ложе винтовки снайпера пятиконечную алюминиевую звезду. А когда число уничтоженных врагов достигало сотни, на винтовке появлялась звезда золотистого цвета. Если знатный стрелок выбывал из строя, винтовку торжественно вручали лучшему его ученику.

Политический отдел, партийные и комсомольские организации широко распространяли опыт снайперов. На эти темы проводились беседы, политические информации. Метким стрелкам посвящались боевые листки, статьи в газетах. На обрезках бумаги были изготовлены бланки для солдатских писем, на которых помещались краткие сведения о знатных снайперах и даже их фотопортреты. Все это способствовало широкому размаху снайперского движения.

Из тылового подразделения попросился на передовую позицию комсомолец М. Д. Андросенко. И он стал извест-

ным снайпером 580-го полка. Из комендантской роты дивизии добился перевода в 523-й полк красноармеец Жигалов. Вскоре и он стал метким стрелком. Примеру Андросенко и Жигалова последовали многие другие. Вышло так, что заместитель командира дивизии по тылу майор В. Г. Соболев вынужден был прийти в политотдел, жалуясь:

— Все хотят на передовую, все хотят быть снайперами. Но ведь кто-то должен трудиться и в тыловых подразделениях!

Об успехах снайперов посылались письма их родным и близким, а также в трудовые коллективы, в которых до призыва в армию работали воины. Письма эти нередко сочинялись коллективно. Так, воины 580-го полка обращались к жене Жамбыла Тулаева:

«Дорогая Ханда Талдунаевна!

В нашей части нет бойца, который не знал бы Вашего мужа Жамбыла Тулаева. Личной храбростью и бесстрашием завоевал он горячую любовь товарищей... Мы гордимся Вашим мужем — настоящим воином, доблестным защитником Советской Отчизны. Желаем Вам здоровья, успехов в труде ради укрепления мощи нашей Родины».

Кстати, еще несколько слов о Тулаеве. Весной 1942 года ему были вручены необычная посылка и письмо следующего содержания:

«Дорогой боец! Я, Адольф Строкка, по национальности — австриец, по профессии — слесарь. Посылаю тебе свой подарок, который мне очень дорог. Дорог потому, что этот снайперский прицел достался мне ценой крови. Мое пожелание, чтобы снайперский прицел попал к человеку со смелым сердцем, твердой рукой и метким глазом. Я верю, что прицел сослужит тебе добрую службу, мой незнакомый друг, и ты будешь беспощадно уничтожать фашистских извергов. Сердцем и мыслями я всегда с тобой, дорогой боец Красной Армии.

Адольф Строкка — слесарь г. Куса, Челябинской обл.»

Прицел № 305004 с надписью «Сделано в Германии» хорошо послужил Тулаеву: не один десяток фашистских захватчиков оказался в прицеле его винтовки, бывшей без промаха. Жамбыл вскоре написал далекому другу о своих успехах, пригласил его приехать после войны в гости в Бурятию и попросил рассказать историю подарка. Вскоре пришел ответ:

«Дорогой товарищ Тулаев! Очень благодарен Вам за мужественные и сердечные слова. Я рад, что мой подарок по-

пал в такие руки. Желая Вам с немецким снайперским прибором еще больших успехов в боях с фашистами.

В 1919 году я был бойцом интернационального полка Венгерской Красной Армии. С 1937 по 1939 год сражался в составе Интернациональной бригады в Испании. Вы должны меня понять: и в этой войне с фашизмом я мечтал воевать плечом к плечу с советскими людьми против нашего злейшего врага. Пока же мне это не удалось. Но я отдаю все силы делам трудовым. Мне, как и всем трудящимся, ясно, что Советская страна, доблестная Красная Армия еще никогда так не нуждались в нашей продукции, как теперь.

Что касается истории прицела, то я с удовольствием расскажу ее. Я приобрел его в 1927 году в Вене. Произошло это во время восстания венских рабочих 15—16 июля. В центре города мы овладели магазином с оружием, и там в мои руки попался этот прицел. Вот уже сколько лет я не расстаюсь с ним. Но когда я узнал, что собирают подарки для фронтовиков, я, не раздумывая, решил подарить его самому храброму. Теперь прицел нашел свое истинное назначение.

За Ваше приглашение после войны приехать в гости в Бурятию очень благодарен. С нетерпением буду ждать сообщения о ваших славных делах. Крепко жму руку. Сердцем и мыслями с Вами на фронте. Ваш товарищ и друг Адольф Строкка».

Однажды в дивизию пришло письмо от моряков Тихоокеанского флота. Они писали снайперам Андросенко, Тулаеву и Дамдинову, просили подробнее рассказать об охоте на фашистов.

На письмо краснофлотцев взялся ответить кавалер ордена Красного Знамени Макар Андросенко. Описав некоторые эпизоды из боевой практики, он добавил: «Трудный вы задали вопрос, товарищи моряки. Трудный потому, что охота на фашистов — дело довольно сложное. Фашист, он злее волка и хитрее лисы, и, кроме того, каждый из снайперов действует по-своему, собственными приемами. Охота, как и большинство дел, не терпит шаблона».

Подлинным праздником для всего личного состава дивизии стало присвоение Ф. К. Чегодаеву, а затем и Жамбылу Тулаеву звания Героя Советского Союза.

Снайперское движение отвечало патриотическим чувствам воинов, их обостренному стремлению нанести врагу максимальный урон. «Быть снайпером!» — этот призыв охватил теперь бойцов и сержантов всех специальностей. У нас

появились снайперские орудийные, минометные и пулеметные расчеты, группы истребителей танков...

На этот раз мы проводили в дивизии слет мастеров меткого огня. Помимо стрелков на нем выступали артиллеристы, пулеметчики, минометчики, гранатометчики... Сержант Ефим Шепелев рассказал о том, как минометчики его расчета выслеживают и внезапным огнем уничтожают противника. Командир расчета сержант Петр Франтов поделился опытом стрельбы из орудия прямой наводкой. На контрольных стрельбах по движущейся цели его расчет поразил мишень с первого выстрела. Франтов заверил командование: там, где будет стоять его орудие, ни один вражеский танк не пройдет. И слово свое сдержал.

Огневые налеты артиллерии становились все эффективнее. 26 марта артбатарея лейтенанта А. Н. Замкового нанесла удар по крупному складу боеприпасов противника в районе между деревней Медниково и Старой Руссой. Почти целый день там сотрясали воздух взрывы бомб, снарядов и мин. В те же дни батарея старшего лейтенанта В. В. Лавриновича уничтожила на аэродроме в Старой Руссе два транспортных самолета противника.

Суворов учил: «делай на войне то, что противник посчитает за невозможное». Находясь в обороне, мы создавали специальные группы для внезапного и дерзкого нападения на опорные пункты и гарнизоны врага. Состав этих групп тщательно подбирался и проходил всестороннюю подготовку. Предварительно проводилась разведка, изучались подходы к объектам, порядок их охраны.

Внезапность и смелость, как правило, приносили успех. Помнится, успешно действовала группа старшего лейтенанта П. И. Шестакова. Красноармейцы Добрышев, Ерофеев и Горелов, возглавляемые Шестаковым, под покровом ночи проникли в тыл противника, забросали гранатами блиндаж и уничтожили его обитателей. Под прикрытием артиллерии группа вернулась без каких-либо потерь.

Нередко на дорогах устраивались засады, которые уничтожали живую силу и технику врага. Все эти действия имели значение и для психологической подготовки личного состава, развивали отвагу и смелость, чувство превосходства над противником.

Повеяло весной. Все ниже и ниже оседают снежные сугробы, оживают почки берез, прозрачнее становится воздух, яснее дали.

Почувствовали приближение весны и войны, особенно те из них, кто еще недавно был связан с землей, с крестьянской работой. Думы о пашне, о родном колхозе и семье щемят сердце. Лица становятся порой отрешенными, посветлевшими и грустными в одно и то же время.

В один из таких дней прихожу в 580-й стрелковый полк. Комиссара М. Я. Синева застаю в гневном возбуждении. В его руках — какая-то смятая бумага. Едва доложив, чем занимается полк, он тут же протягивает ее мне:

— Подобрали в расположении полка.

То была враждебная листовка, каких немало забрасывали фашисты к нам на позиции. На этот раз, играя на извечной любви крестьянина к земле, гитлеровцы писали о приближающейся весне, о севе и обязанностях кормильцев-хлеборобов позаботиться о близких. Не жалея красок, рисовали «прелести» жизни на территории, «освобожденной от коммунистов». Тут же, разумеется, предлагали переходить на оккупированные земли, чтобы «успеть вовремя, к весенней посевной, попасть домой».

Противник широко пользовался дезинформацией с самого начала второй мировой войны. По сообщениям печати, мы знали: гитлеровцы в свое время уверяли французов, что они воюют «за интересы Англии», а англичан, что те гибнут «за спасение расово-неполноценных галлов» и т. п.

С первых дней войны против СССР фашисты буквально засыпали листовками боевые порядки наших войск. Они клеветали на нашу Родину и ее социалистический строй, старались подорвать веру в командиров и комиссаров, призывали к сдаче в плен. Однако приверженность к коммунистическим идеалам, патриотизм советских воинов, понимание ими справедливого характера войны и глубокая вера в победу служили надежной защитой от яда фашистской лжи. В конце концов это вынуждены были признать и гитлеровские заправилы. В книге генерала Ф. В. Меллентина, например, я прочитал: «Русский солдат любит свою «матушку Россию», и поэтому он дерется за коммунистический режим... Партия и ее органы обладают в Красной Армии огромным влиянием»¹.

Вражеские листовки наши воины не читали. Они их собирали и жгли.

Разумеется, политработники не оставались в роли посторонних наблюдателей. Попыткам идеологических дивер-

¹ Меллентин Ф. В. Тапковые сражения 1939—1945 гг.: Пер. с нем. М., 1957, с. 243.

сий сразу же давался решительный отпор. И на этот раз мы с батальонным комиссаром Синевым, беседуя с бойцами и командирами полка, разоблачили лживые утверждения гитлеровцев, рассказали об истинном положении крестьян на временно оккупированной врагом советской территории. Кроме того, обратились к начальнику отдела пропаганды и агитации политуправления фронта В. Д. Кульбакину, и он по этим вопросам прислал дополнительный материал, которым мы вооружили всех пропагандистов и агитаторов полка.

Весна пока не радовала теплом. Дул северный ветер, промозглый воздух сдавливал грудь. В траншеях и землянках было мокро и как-то особенно неудобно.

Откинув старую плащ-палатку, прикрывавшую вход, мы с комиссаром 523-го полка А. А. Ющеевым едва втиснулись в блиндаж, переполненный людьми. Огонек светильника — гильза с фитилем — скупо освещал пяточок пространства, бликами отражаясь на лицах бойцов, увлеченных чьим-то рассказом. Не хотелось прерывать беседы, и какое-то время мы молча оставались у входа.

— После сегодняшнего артолета, — доносился хриплый голос, — можно считать, что в нашем расположении не осталось ни одной березки. С детства люблю это дерево. Вблизи нашей деревни была роща. Березки в ней белые-белые, стройные и красивые, словно девушки...

Мы поздоровались.

Солдаты узнали нас, посторонились, пропустили в глубь землянки.

— О чем толкуете?

— Да вот о березках, но больше о доме, — ответил боец. — Писем давно нет.

Поинтересовались, как у других. Оказалось, почти треть красноармейцев, чьи семьи находятся на территории, занятой врагом, писем не получают. Поговорили о близких, о фронтовых новостях, о наших боевых делах.

В то время редкий разговор не касался положения дел на фронте. Горько было сознавать, что фашисты стоят у стен Ленинграда, топчут поля Смоленщины... А каково было тем, у кого семья осталась за линией фронта?!

Покинув землянку, мы еще долго говорили о том, что бойцы, чьи семьи остались на оккупированной территории, требуют от нас, командиров и политработников, особого внимания. Было решено провести по частям митинги интернациональной дружбы. Начали с митинга, посвященного

воинам-украинцам. Их, лишившихся связи с семьями, было больше всех. На митинге выступили русские, украинцы, белорусы, воины других национальностей. Родная речь, единодушное сочувствие однополчац, решимость личного состава очистить родную землю от врага глубоко взволновали всех участников митинга. Хорошо помню восторженную реакцию присутствовавших на выступление красноармейца Николая Костенко, который сказал: «За батькивщину, за ридну Украину, за нашу Советскую Родину, життя виддам». Он закончил речь словами украинского поэта Сосюры:

Колы до дому я прийду
В годину радисну, в побидну,
Я на коліна упаду
И поцилую землю ридну.

Затем провели митинги, посвященные воинам белорусской национальности. Позаботились также о том, чтобы бойцы, чьи семьи оказались за линией фронта, завязали переписку с кем-либо из тыловых районов страны.

Вошли в систему доклады, беседы и политические информации о борьбе русского, украинского, белорусского, казахского, узбекского, грузинского и других народов против немецких оккупантов, о действиях партизан. В подразделениях не забывали поздравить бойцов с национальными и революционными праздниками, обеспечивали газетами и книгами на родном языке. А главное, командиры и политработники не упускали случая, чтобы словом согреть душу воина...

Дороги, проложенные по замерзшим болотам и руслам рек, становились теперь непроходимыми, более того — опасными. Обеспечение войск всеми видами довольствия было затруднено до крайности. А тут еще кое-кто из перадивых хозяйственников умудрился заменить мясо яичным порошком, а овощи — мукой. С калорийностью как будто выходило все в порядке, а вот ощущения сытости не было.

За ужином комиссар Я. Г. Поляков, обращаясь к командиру дивизии, сказал:

— Вы, Михаил Никитич, вместе с начальником политотдела справитесь здесь без меня, а я поеду в тыл дивизии. Если не удастся решить вопрос в тылу, побываю у члена Военного совета армии и буду добиваться помощи...

Командир одобрил намерения комиссара.

На следующий день мы собрали комиссаров, помощников командиров частей и отдельных подразделений по снаб-

жению, заслушали их доклады. Выяснилось, что наряду с трудностями объективного характера имеется немало досадных упущений и неиспользованных возможностей. Подводя итоги, командир дивизии потребовал от должностных лиц большей оперативности, инициативы и настойчивости в работе по доставке и распределению продуктов.

— Напомню, какое внимание солдатам уделял Суворов. В трудные минуты великий полководец всегда был вместе со своими чудо-богатырями. Готовясь к штурму Измаила, он прежде всего позаботился о том, чтобы солдат хорошо накормили, обошел все бивуаки, присаживался у костров, заводил с солдатами дружеские беседы. Беспощадно требовательный, он вместе с тем по-отечески заботился о воинах.

Комдив любил ссылаться на Суворова. У нас поговаривали о том, что когда Михаил Никитич командовал полком (это было в другой дивизии), то, часто бывая в окопах, играл там даже на губной гармошке. Правда, в нашей дивизии с гармошкой его никто не видел, но в окопах он по-прежнему бывал очень часто и по-отечески беседовал с красноармейцами. Они хорошо знали и глубоко уважали его.

Что касается питания, то генерал строго придерживался правила: не садился за стол, пока из частей не поступят доклады, что красноармейцы накормлены. При этом пищу обычно подавали в котелках. Тарелки комдив считал ненужной на войне роскошью. «Посуда эта не для солдат», — говорил он.

Политический отдел, командиры и комиссары частей пересмотрели состав старшин и других лиц, связанных с материальным обеспечением личного состава. На эти должности подобрал людей расторопных и смелых, в том числе коммунистов и комсомольцев. Многие назвали нам сами красноармейцы. Например, Николая Костенко, любимца роты. Они отметили его внимательность, заботливость о товарищах и храбрость в бою. И он оправдал доверие. Привезут, бывало, в роту обед. Старшина Костенко по справедливости всем разделит, а в боевое охранение доставит сам. Придет в роту новичок, старшина роты поговорит с ним, выяснит, в чем тот нуждается, проверит, в каком состоянии его обмундирование.

— Золотой человек, — говорили о нем бойцы.

Запомнился командир хозяйственного взвода 580-го полка младший лейтенант В. Н. Шалин. Он сам следил за приготовлением пищи и во время боя доставлял ее в подразделения.

Образцово исполнял свои обязанности старшина

А. И. Радкевич, командир хозяйственного взвода батальона связи. Вообще немало у нас было хороших хозяйственников, отличившихся в бою, в их числе коммунисты лейтенант А. П. Тимофеев, старшины Н. С. Волков и Н. П. Тормозов.

Качество пищи, как известно, во многом зависит от поваров, их квалификации, сметки и старания. Мы решили познакомиться с ними поближе. Кое-кого пришлось заменить. Наладили обмен опытом. В пример ставили кашеваров, умело использовавших местные ресурсы и проявлявших инициативу. В частности, похвалили красноармейца Давыдченко и сержанта Соломыкипа, которые из гороха готовили вкусные блинчики, Карпенко и Дергунова, делавших вместо каши полюбившиеся бойцам крупяные котлеты.

Комиссар дивизии Я. Г. Поляков и работник политотдела П. И. Монаков добились своего: продовольствие из армейских складов было получено. Но как доставить продовольствие, а также боеприпасы в части?

— Сидим, — рассказывал потом Яков Гаврилович, — и ломаем голову. А тут заходит в комнату наш старый знакомый — колхозник Иван Васильевич Липатов. Он и надумил: надо, говорит, использовать водные пути. Лодки предложил, спрятанные от немцев, и вызвался быть вместо лоцмана...

И закипела работа. Стучали топоры, шипела смола... Специально созданные команды переносили тяжелые ящики и мешки с грузом, бережно укладывая их в лодках. А через два дня «маломерный флот» под командой 67-летнего «лоцмана»-добровольца отправился в путь. Нельзя сказать, что этот путь был безопасным. Потребовалась специальная охрана. С этой целью группа воинов во главе с сержантом В. П. Спичкиным заняла оборону на одном из островков, расположенных по маршруту следования лодок.

— Лежим, — рассказывал потом сержант, — и наблюдаем. Вдали появились две лодки. Они приближались к нам. Но что за чертовщина? Вместо ожидаемого груза на них десятка два гитлеровцев. Замаскированы мы были хорошо. Приготовились к бою. Ничего не подозревая, фашисты высадились на берег и направлялись прямо к нашей засаде.

Выдержка потребовалась большая. А когда враг подошел метров на 50—60, сержант скомандовал: «Огонь!»

Несколько солдат противника упали замертво, другие заметались по мокрой траве, залегли и открыли ответный огонь.

— Я ранен, — доложил красноармеец Пальцев.

— Пробирайся к лодке, — распорядился Спичкин и, обращаясь к бойцам, потребовал: — Стрелять прицельно! Внимательно следить за действиями противника.

Поняв, что у нас группа малочисленная, фашисты усилили стрельбу. Оказались ранеными еще двое бойцов. Теперь огонь вели только Спичкин и Кураленко. Но вот кончились патроны. Сержант взял автомат у раненого. Когда из строя выбыл и Кураленко, положение казалось безвыходным. Но счастливый конец бывает не только в сказках. Мужество и хладнокровие сержанта решили исход боя.

Раненые гитлеровцы отходили к своей лодке. Один из них, падая, видимо, невзначай подтолкнул лодку. Течением ее стало относить от берега. Заметив это, гитлеровцы с криком бросились к воде, подставляя спины под автоматный огонь сержанта.

Спичкин перевязал раненых товарищей, погрузил их в лодку, спрятанную в зарослях, собрал документы и оружие врага и благополучно вернулся в часть.

Итак, проблема транспортирования продовольствия и боеприпасов в условиях весенней распутицы была решена. Водные пути, как и лодки, предоставленные колхозниками, явились подспорьем для дивизии, можно сказать, ее резервом.

А тем временем шло интенсивное строительство колесных дорог. Укладывались жердевые настилы. Это имело прямое отношение к материальному обеспечению частей, не говоря уже о том, что дороги расширяли возможности для маневрирования войск.

Той весной было решено иметь в частях кратковременные дома отдыха. Такие дома создавались при полковых медицинских пунктах. По очереди бойцам и сержантам предоставлялась возможность два-три дня отдохнуть, попариться в баньке, отоспаться в тепле и с удобствами. Позаботились и о мастерских по ремонту обуви и обмундирования. Все это положительно сказывалось на настроении личного состава.

Не забывали и о духовной пище, о досуге.

Начальником дивизионного клуба у нас был Е. А. Шульгин. Мне нравился этот юный, влюбленный в свое дело, энергичный одессит с голубыми глазами. В тыловых подразделениях дивизии он подобрал группу талантливых ребят — певцов, музыкантов, плясунов. Среди них были красноармейцы скрипач И. А. Игнатов, гитарист К. Т. Удалов, танцор В. М. Газеев, чтец В. А. Шиллов. Самодеятельные

артисты подготовили концерт, программа которого искрилась весельем и задором. Легко понять, какую радость и бодрость приносили такие концерты в окопы и землянки переднего края.

На первых порах, однако, кое-кто скептически относился к художественной самодеятельности.

— Перепрыгивая с кочки на кочку, с бревна на бревно, проваливаясь по колено в болотистую жижу, — рассказывал мне начальник клуба о первом выходе с концертом, — с трудом добрались мы до 595-го полка. Командира и комиссара на КП не оказалось. Я доложил начальнику штаба. Но тот радости не проявил:

— Вот если бы нам пополнение прислали, снаряды или продовольствие привезли...

Докладывая об этой холодной встрече, Шульгин не умолчал и о своей горячности.

— Обидным мне показался такой прием. И сторяча, конечно, я не совсем тактично ответил: «Я могу вам напомнить, товарищ майор, что в древности, когда спартанцы, обессиленные долгой и трудной войной, обратились в Афины за помощью, те прислали им — кого бы вы думали? Не полки воинов или талантливого полководца, а хилого и хромого артиста. Поначалу спартанцы возмутились. Но своими песнями он так воодушевил воинов, что те наголову разбили врагов. Как видите, и песнями можно помогать...»

Впрочем, прохладная встреча не испортила настроения Шульгину. Он был доволен выходом в полк. При рассказе о концертах его лицо светилось радостью. Пожурив за горячность, я от души одобрил инициативу начальника клуба.

Успех клубного коллектива побудил нас шире использовать солдатские таланты в частях и подразделениях. Для помощи организаторам самодеятельности привлекли дирижера дивизионного оркестра И. А. Вершинина и его музыкантов. Уже к лету 1942 года во всех полках были подготовлены концертные номера. Обстановка на фронте позволила провести смотр художественной самодеятельности. Особый успех выпал на долю артиллеристов и воинов 580-го стрелкового полка.

А затем прошел смотр самодеятельности в армии. Конечно, всем нам было приятно, когда мы прочитали в армейской газете «Мужество»: «Решением комиссии первое место присуждено коллективу, где художественный руководитель техник-интендант 1 ранга Вершинин. В выступлениях участ-

ников самодеятельности ярко рисуется боевой путь части, прославляются ее герои»¹.

Несколько раз в дивизии выступал ансамбль песни и пляски Северо-Западного фронта под руководством Бориса Карамышева, который после войны станет художественным руководителем оркестра Всесоюзного радио.

Нет, вопреки быломu утверждению о том, что, когда гремят пушки, музы молчат, наши музы в трудные годы войны находились в боевом строю. Они укрепляли моральный дух воинов для благородной борьбы за правое дело.

Университеты войны

В тот вечер в землянке комдива мы задержались дольше обычного. Близилась уж полночь. Были обговорены все вопросы, которые предстояло решать на следующий день. Но реплика начальника штаба В. А. Сенкевича вызвала у всех нас желание подискутировать.

— Недавно я вспомнил, — сказал Василий Адамович, — полное сарказма высказывание одного английского политического деятеля о том, что Англия всегда успешно готовилась к прошлой войне. И грешным делом подумал: это положение в какой-то мере относится не только к Англии... Чему и как учили мы командиров полков, батальонов?

Сенкевич был опытным штабистом. Но с его суждением относительно предвоенной подготовки командных кадров нельзя было согласиться. Ведь мы уже тогда учитывали природу современного боя.

— Наше понимание характера операции и боя в основе своей было правильным, — резонно заметил генерал М. Н. Клешнин, — и это тем более очевидно теперь, после разгрома немцев под Москвой. Нам ли сетовать, особенно после перестройки на опыте советско-финляндской войны, на подготовку командно-начальствующего состава! Конечно, не все наши выводы из опыта прошлого и не все прогнозы на будущее бесспорны. И все же готовились мы не к прошлой войне, а к настоящей. Другое дело, что нам сейчас приходится доучиваться, а многим и учиться заново. Но это закономерно. В аудиториях и на учебных полях закладывается только фундамент знаний. Только фундамент, — повторил комдив. — И лишь война способна проверить их истинную цену и поднять до уровня полного совершенства. Поэтому и

¹ Мужество, 1942, 16 авг.

не все, кто успевал за партией, способны отличиться в бою... Вспомните примеры Скобелева и Куропаткина! Победа дается прежде всего тому, кто лучше усваивает уроки боев.

Речь зашла о массовом выдвижении командных кадров, которым надо учиться и учиться. Комдив, в частности, сослался на такой пример: опытного, с довоенным стажем, командира 580-го полка подполковника Ефремова сменил вчерашний командир батальона Еремин, которого в свою очередь заменил командир роты. Короче говоря, сразу на двух должностях выдвиженцы. Обоим надо осваивать новый уровень знаний, приобретать опыт. В низовых звеньях выдвижений еще больше...

— Конечно, — добавил комдив, — благодаря культурной революции люди у нас грамотные, особенно молодежь, и это облегчает подготовку командно-политических кадров.

— Да, это правильно, — согласился Сенкевич.

Разговор еще какое-то время продолжался, но острота его спала. Главное было уже сказано.

Утром следующего дня я рассказал работникам политотдела о содержании беседы в землянке комдива.

— Быть может, стоит проанализировать состав командных кадров дивизии, а также изучить организацию учебы, — подал мысль И. Ф. Ивашкин.

Что ж, идея интересная.

Вместе с отделением командных кадров мы провели соответствующую работу. И вот какой оказалась картина.

К началу апреля 1942 года в 595-м стрелковом полку только один командир роты прослужил здесь около полугода. 70 процентов командиров рот и 60 процентов командиров взводов находятся в полку меньше трех месяцев. При этом общий командный стаж у половины командиров рот не превышает полугода, а у большинства командиров взводов — трех месяцев.

Из 627 командиров, имевшихся в дивизии, 164 были выдвинуты из красноармейцев и младших командиров за последние три месяца. Каждый два из трех командиров взводов и каждый второй командир роты в недалеком прошлом были командирами отделений или красноармейцами. В их числе — ротные командиры В. И. Закоп, И. Ф. Егоров, И. В. Аверьянов, А. И. Мазокин, взводные командиры А. Ф. Павлюк, М. Я. Кондрашенко, Ф. И. Воронин. Многим после окончания краткосрочных армейских курсов было присвоено звание младших лейтенантов.

Примерно такое же положение было и с политсоставом. Почти все комиссары батальонов, дивизионов и батарей,

политруки рот и отдельных взводов были выдвиженцами из наиболее грамотных и отличившихся в боях заместителей политруков, парторгов и комсогов подразделений, то есть из красноармейцев и младших командиров. 19 человек были выдвинуты на политработу в течение последних трех месяцев. Только комиссар 523-го полка батальонный комиссар А. А. Кошечев имел высшее образование — окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

А как обстояло дело с младшими командирами? Известно, что младший командир — ближайший начальник бойцов и одновременно их друг, наставник и воспитатель. В мирное время он, как правило, являлся сверстником своих подчиненных. Ну а в годы войны солдаты часто годились своим командирам в отцы. Вспоминается не лишенный комизма случай. Как-то едем мы с командиром дивизии на лошадях. Догоняем незнакомых нам солдат. Генерал М. Н. Клешнин обращается к ним:

— Ну, как дела, сынки?

— Дела-то в общем хороши, — ответил один из них, — скоро, говорят, фашистов погоним. А в сынки я вам, пожалуй, не гожусь. Постарше буду.

Мой спутник смутился и в дальнейшем в обращении был осмотрительнее.

Младшие командиры были резервом для выдвижения. Нередко они становились командирами взводов или рот без приказа: их назначал на должность бой. Когда из строя выбывал офицер, подразделение возглавлял сержант или даже рядовой.

Помнится сержант Н. И. Великотский. К моменту нашего знакомства на его счету было около двух десятков истребленных гитлеровцев. Перед боем его приняли кандидатом в члены партии, а в бою, когда ранили командира, он, не задумываясь, взял на себя командование взводом и возглавил атаку. Со временем ему присвоили офицерское звание, и он успешно командовал ротой.

Ничуть не умаляя роли всех других категорий командного состава, младших командиров хочется назвать фундаментом армии. Подбирались они из красноармейцев, как правило, прошедших испытания в боях. Работники политотдела и комиссары полков читали для них лекции и доклады на политические темы, а также по методике воспитательной работы. Мы заботились об укреплении среди младших командиров партийной прослойки, о вовлечении их в активную жизнь, следили, чтобы им вовремя присваивались во-

инские звания. А вот общекомандирская подготовка многих сержантов оставляла желать лучшего.

Итак, проблема военной учебы командных кадров была крайне важной и актуальной. К сожалению, не сразу мы поняли ее остроту — подсказал приказ Народного комиссара обороны. Проанализировав состояние подготовки командиров и политработников в свете задач, вытекающих из приказа, я доложил выводы командиру и комиссару дивизии.

— Недостаточное внимание к учебе — наша беда, — сказал командир. — Я тоже много думал над этим. Надо организовать планомерные занятия.

Первые шаги в этом направлении были предприняты уже в апреле. По по-настоящему учеба была развернута лишь после приказа Народного комиссара обороны № 130 от 1 мая 1942 года. Приказ потребовал: «Учиться военному делу, учиться настойчиво, изучить в совершенстве свое оружие, стать мастерами своего дела и научиться, таким образом, бить врага наверняка».

...Стать мастерами своего дела... научиться бить врага наверняка — таков был призыв партии, продиктованный самой жизнью.

По этому вопросу предстояло провести партийные собрания.

— Давай, Наумыч, только не спеши, по-настоящему их надо подготовить, — напутствовал комиссар дивизии.

Мы проинструктировали комиссаров и секретарей парт-организаций. В полках провели заседания партийных бюро, на которые были приглашены парторги рот и батарей. С коммунистами, со всеми категориями личного состава организовали изучение приказа Наркома. По всему чувствовалось, члены партии понимали важность задачи, высказывали критические замечания и предложения, своего рода наказы делегатам, избранным на собрания первичных (полковых) партийных организаций.

И собрания прошли весьма активно, по-деловому. В 523-м стрелковом полку, например, из 28 делегатов, представляющих ротные организации, выступило 12. Коммунисты критиковали недостатки как в проведении боевых действий, так и в боевой подготовке, воспитательной работе, предлагали пути их устранения.

Так, командир взвода коммунист Бугаевский обратил внимание на факты, когда боевые задачи на наступление ротам и взводам ставились лишь в последний момент. В итоге не оставалось времени ни на организацию боя, ни на подготовку личного состава. В ходе наступления не всегда до-

стигалось сочетание огня артиллерии и движения пехоты. Коммунист Амерьян поставил вопрос о необходимости большей взаимозаменяемости в расчетах, высказал предложение об организации систематических тренировок.

В работе партийных собраний приняли активное участие командир и комиссар дивизии, работники политотдела, руководители штаба и служб. Критические замечания и предложения коммунистов обсуждались затем на совещании у командира дивизии. По многим вопросам он тут же принял соответствующие решения. В частности, было решено выделять на учебу не менее четырех часов в день, пока условия благоприятствовали. От всех командиров генерал потребовал личного примера в совершенствовании военных знаний. И сам же показал пример оперативности: на следующий день провел занятия с командирами полков, а потом и батальонов. Темами его занятий были «Управление полком (батальоном) в наступательном бою» и «Организация обороны стрелковым полком (батальоном)». Так было положено начало планомерной учебе комсостава дивизии.

Командиры постигали тактику обходов и охватов, способы преодоления заграждений в условиях лесисто-болотистой местности, маневр на поле боя, закрепление захваченных рубежей. Начальник штаба дивизии возглавил учебные занятия в группе начальников штабов.

Понятно, что изучение теоретических положений сочеталось с анализом боевого опыта, с разбором действий войск. На учебных занятиях широко использовались уставы и наставления, материалы периодической печати. Командир 580-го полка майор И. Н. Еремин, например, при подготовке занятия на тему «Полностью использовать мощь оружия пехоты» изучил не только требования официальных документов, но и передовую статью по этому вопросу газеты «Красная звезда», статьи «Инициатива командира в бою», «Честь командира».

Одной из форм учебы были критические разборы боевых действий частей и подразделений, творческое изучение и обобщение боевого опыта. Обстоятельному анализу, в частности, подверглись действия частей и подразделений дивизии в оборонительном бою 9 февраля. Уроки этого боя, как и ряда наступательных боев, были изложены в специальном приказе, в подготовке которого принимал участие и политический отдел. В приказе наряду с положительными примерами отмечались и недостатки: увлечение постановкой задач по карте вместо того, чтобы это делать после тщательной

рекогносцировки на местности; слабая организация разведки и взаимодействия; недостаточное знание противника.

Должен подчеркнуть, что обеспечение совершенствования боевого мастерства личного состава, повышения тактической, огневой и специальной подготовки командных кадров являлось одной из важных задач политорганов и партийных организаций на протяжении всей войны. И чем лучше мы учились, тем успешнее воевали. Большое значение имела пьеса А. Корнейчука «Фронт», опубликованная в «Правде» в начале 1943 года. Критика горловых, призыв учиться у жизни, развивать чувство нового — все это оставило глубокий след в сознании каждого командира и политработника.

— Наумыч, вы смотрели кинофильм «Суворов», — как-то спросил меня генерал-майор М. Н. К्लешнин. — Помните, как в трудный час альпийского перехода великий полководец собрал на совет ветеранов?

— Конечно, — ответил я, все еще не понимая, почему комдив вдруг интересуется далеким прошлым.

— Думаю, и нам следует заняться ветеранами.

Комдив в общем-то был прав, хотя нельзя сказать, что мы раньше не занимались ими вовсе.

Я напомнил, что в День Красной Армии во всех полках были проведены слеты бывалых воинов. В 523-м полку на слете присутствовало 80 человек. Ветераны с интересом прослушали доклад комиссара полка о 24-й годовщине Красной Армии, затем выступил командир полка В. И. Калмыков, поздравивший бывалых воинов с праздником. Участники слета заверили командование, что каждый из них будет еще лучше работать и воевать. Слет этот, запомнившийся ветеранам, завершился праздничным обедом и демонстрацией кинофильма.

— Это мне известно, — ответил комдив. — Но встречаться с ветеранами надо не только по праздникам, а главное — не сводить все дело к слетам. Тут нужна повседневная работа, и ею должны заниматься все — от командира взвода до политического отдела и командира дивизии. Ведь бывалые воины обладают большим влиянием на красноармейцев. А в минуту опасности они, сохраняя хладнокровие, служат камертоном для всех остальных.

Начали с учета. Выяснили, как знают бывалых воинов в полках и батальонах. Картина оказалась неприглядной.

— Трудно говорить о работе с людьми, которых по-на-

стоящему даже не знаем, — с укором заметил комиссар дивизии, когда я доложил о взятых на учет ветеранах.

В дивизии их насчитывалось к тому времени свыше 550 человек. Многие из них побывали в госпиталях, залечив там раны, имели на своем счету уничтоженных врагов. Среди ветеранов встречались и те, кто уже был удостоен награды Родины. На первых порах мы ознакомили бывалых воинов с приказом Наркома обороны, обсудили с ними задачи по пропаганде армейских боевых традиций, опыта боев.

В последующем работа с ветеранами стала правилом. С ними советовались командиры взводов и рот, на полковых сметах обсуждались задачи по воспитанию молодого пополнения. В планах — от политрука роты до политотдела дивизии — появился специальный раздел: «Работа с боевым активом».

Бывалые воины были хорошими помощниками командиров и политработников в решении многих задач, особенно в индивидуальном обучении и воспитании молодых красноармейцев. Благодаря усилиям ветеранов мы добились полной взаимозаменяемости в орудийных, минометных и пулеметных расчетах, в подготовке смелых и умелых стрелков, разведчиков и саперов.

21 мая 1942 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР были учреждены нагрудные знаки для бойцов и младших командиров, отлично владеющих своим оружием: «Отличный артиллерист», «Снайпер», «Отличный пулеметчик», «Отличный минометчик»... Право награждения знаками вначале было предоставлено командирам соединений, а затем его получили и командиры полков. Используя все формы агитационно-пропагандистской работы, мы постарались широко разъяснить Указ личному составу.

В числе первых почетные знаки получили бывалые воины — снайперы старшина Ж. Тулаев, красноармейцы М. Д. Андросенко и Б. Н. Дамдинов, сержант И. В. Бронников, пулеметчик ефрейтор С. В. Пономарев. Приказ о награждении знаками был опубликован в дивизионной газете. В то время число воинов дивизии, удостоенных орденов и медалей, было невелико. Естественно, что знак отличника боевой профессии много значил, и воины старались завоевать право на его получение. И это положительно сказывалось на повышении уровня боевого мастерства личного состава.

— Поиск опять провалили! — с раздражением сказал командир дивизии, едва я переступил порог его землянки.

Легко было понять настроение генерал-майора М. И. Клешнина, как и смущение находившихся тут же начальника штаба дивизии подполковника С. С. Сенина (он сменил на этом посту полковника Сенкевича, переведенного на другую работу) и начальника разведки майора А. И. Нетунаева.

Дивизия продолжительное время не имела пленных, и потому мы мало знали о группировке и замыслах противника. Нас справедливо упрекал в этом командующий армией. И вот очередной поиск снова оказался неудачным. Казалось, сделано было все возможное: удачно выбраны участок и направление разведки, до деталей изучены передний край обороны противника, расположение его огневых точек и заграждений, режим постов, четко продуман план действий разведчиков.

Начало поиска шло успешно. Разведчики преодолели проволочные заграждения и минное поле противника, вплотную подошли к его боевому охранению. Здесь еще раз уточнили места расположения часовых и план своих действий. Но когда до ближайшего часового оставалось метров 25—30, тот, или услышав шорох, или просто для остротки, вдруг выстрелил. Вообще-то фашисты часто и без повода палили в темноте. Тут бы разведчикам притаиться и выждать. Однако у кого-то из них не выдержали нервы — в часового полетела граната. На взрыв прибежали несколько гитлеровцев, их, как и часового, уничтожили. Но стрельба привлекла внимание. Пришлось отойти. Так разведчики и вернулись без «языка».

— Что будем дальше делать? — уже спокойно спрашивал командир дивизии начальника штаба и меня.

От волнения смуглое лицо подполковника Сенина покрылось испариной. Он не находил слов ни для оправдания, ни для объяснения случившегося. Но попытку подчиненного переложить в запальчивости вину на других он тоже отверг.

— Я думаю, Михаил Никитич, — вмешался находившийся в землянке комиссар дивизии Я. Г. Поляков, — что спор этот ничего не даст. Ясно, что и штабу, и полтотделу следует лучше заниматься подбором, обучением и воспитанием разведчиков.

Комиссар предложил еще раз пересмотреть состав разведывательных подразделений. Профессия разведчика, подчеркнул он, — особая, и не каждый может им стать. Тут нужны не только смелость, инициатива и находчивость, но и крепкие нервы, железная выдержка. А разве все у нас такие?

Комиссара поддержал командир. Он напомнил требования устава о том, что разведкой должны заниматься все, но в первую очередь — штаб.

— Надо лучше готовить каждый поиск. Конечно, случайности не исключены, но их будет тем меньше, чем тщательнее будем отбирать и готовить как всю группу в целом, так и каждого разведчика в отдельности.

В тот же вечер я встретился с комиссаром штаба А. Н. Даниловым. Мы наметили меры по укреплению партийных и комсомольских организаций в разведподразделениях и усилению воспитательной работы с разведчиками. Должен признать, что до сих пор этими вопросами в политотделе почти монополично занимался один человек — инструктор по работе среди войск противника политрук Л. И. Зильберг, что, конечно, неправильно. Человек он трудолюбивый, но справиться полностью с этим, естественно, не мог.

На следующий день, с утра, вместе с Зильбергом и старшим политруком Шевчуком мы отправились в разведроту дивизии. Комиссар Я. Г. Поляков и работник политотдела старший политрук М. М. Мамедов поехали в разведзаводы стрелковых полков.

Командир роты разведки капитан Л. Е. Иванов и комиссар старший политрук А. В. Филиппов встретили нас весьма сдержанно. От нас, видно, ждали они лишь новых упреков. А наша цель состояла в том, чтобы вместе с ними не только разобратся в причинах неудачи ночного поиска, но и продумать меры по коренному улучшению учебной и партийно-политической работы в роте.

Руководители разведроты еще были под впечатлением событий минувшей ночи и немало удивились, когда мы попросили рассказать о системе боевой учебы и показать расписание занятий. Их лица выражали недоумение: дескать, это не полковая школа, а рота. Какую еще плановую учебу от нас требуют? Идет война, и наше дело — брать пленных, а не сидеть за партой.

Состав роты в целом отвечал своему назначению. За небольшим исключением, это были молодые, физически крепкие, храбрые и опытные воины. Многие прошли хорошую школу боевой и политической подготовки в кадровых частях еще до войны. Командиры взводов и отделений, как правило воспитанники роты, выдвинуты на эти должности из числа отличившихся в боях красноармейцев и младших командиров. Командир и комиссар роты явно гордились каждым разведчиком. И не вдруг согласились с нашими выводами о том, что некоторые задачи по разведке не были

выполнены вследствие непонимания изменившихся условий боевой обстановки, незнания всех тонкостей расположения и жизни противника, недостаточной выдержки отдельных бойцов, их слабой дисциплины. В действиях разведчиков наблюдался шаблон, при подготовке поисков не разрабатывались возможные варианты.

В период наступления эти пробелы восполнялись дерзостью и отвагой разведчиков. Но теперь, в условиях обороны, когда противник создал систему плотного огня и заграждений, одной храбрости мало. Нужны высокое искусство, хитрость. Нужно лучше знать повадки противника, его тактику.

Из бесед с комиссаром, партторгом и коммунистами стали ясны недостатки в партийно-политической работе и в морально-психологической подготовке воинов. На партийных собраниях рассматривались лишь в общей форме вопросы боевой деятельности подразделения. Слабо учитывались конкретные задачи роты и каждого воина в отдельности, не уделялось должного внимания воспитанию гордости за профессию разведчика, недостаточно велась индивидуальная работа. Коммунистам не всегда давали персональные задания при решении боевых задач.

Выяснилось также, что на подготовку разведчиков к выходу в тыл противника выделяли мало времени. Командир и комиссар подробно не анализировали действия поисковых групп.

Своими соображениями мы поделились с командирами, а затем на собрании коммунистов роты и на комсомольском собрании. Обсуждение проходило бурно. Люди говорили о пробелах в организации поисков, вносили предложения по их улучшению.

Командующий армией торопил с поиском. Действительно, «язык» нужен был до зарезу. Вместе с тем действовать надо было наверняка: новая неудача могла подорвать у разведчиков уверенность в своих силах, в возможность брать пленных в условиях обороны. И мы попросили командующего дать максимально возможное время для подготовки поиска. Командующий согласился, но потребовал при этом, чтобы на сей раз «язык» непременно был взят.

Местом поиска по предложению начальника разведки выбрали болотистый район на правом фланге дивизии. Болото противник считал непроходимым и меньше всего ожидал тут появления нашей разведки. Тщательно подбирали состав группы. В нее включили смелых и опытных разведчиков, в том числе лейтенанта Д. Т. Хлебникова, стар-

шего сержанта К. А. Пахомова, сержантов С. А. Котляра и Г. М. Засыпкина, красноармейцев В. П. Сорокина, М. М. Чуракова, В. М. Хромовских, А. Т. Федорова, И. Л. Литвина, М. С. Гаврилина и К. М. Степанова. Возглавить группу вызвался командир взвода Яков Маркович Устюжанин, незадолго до этого принятый кандидатом в члены партии и получивший звание младшего лейтенанта.

Устюжанин родился в семье крестьянина Новосибирской области. До войны был пограничником, прошел хорошую школу боевой выучки и имел немалый опыт ведения разведки. Внешне он не производил впечатления силача — ниже среднего роста, щупленький. Однако сибирская закалка и довоенная служба на границе, очевидно, помогли ему выработать выносливость, отвагу, сделали его крепким не только в моральном, но и в физическом отношении. В период январских наступательных боев Устюжанин не раз возглавлял разведгруппы, которые проникали в тыл противника и приводили пленных. Он умел сохранять самообладание и находил разумный выход из любого положения. И еще одно: солдатский девиз «Сам погибай, а товарища выручай» был законом его жизни. Если прибавить к этому оптимизм и веселый нрав Устюжанина, то станет понятно, почему он стал любимцем роты.

Были созданы две подгруппы прикрытия и одна — захвата. Подгруппу захвата возглавил коммунист, опытный и смелый воин старший сержант Пахомов. Тщательно разработали план действий, изучили местность и расположение противника — сначала по карте, а затем, по мере возможности, путем наблюдения. Задачи и способы действий отработывали с каждой подгруппой, а потом и с каждым разведчиком. Провели несколько тренировок.

Накануне поиска состоялось партийное собрание, посвященное задачам коммунистов в предстоящем поиске. Выступая на собрании, командир группы Устюжанин сказал: «Мы получили ответственное задание командования — захватить контрольного пленного. Заверяю парторганизацию, что доверие разведчики оправдают. Без «языка» не вернемся».

Собрание явилось венцом всей подготовки. Прошло оно, я бы сказал, не только по-деловому, но и с какой-то приподнятостью.

В 2 часа ночи 16 мая, соблюдая все меры предосторожности, группа переправилась на лодке через Полисть. От реки к месту засады необходимо было пройти около четырех километров по болоту. К пяти часам утра разведчики,

усталые и промокшие, вышли на дорогу Отвидно — Медведно, где и устроили засаду. От мокрого обмундирования и утренней прохлады пробирал озноб. Но любое движение могло выдать разведчиков, и они набрались терпения.

Около 11 часов на дороге появилась колонна гитлеровцев. 40 вражеских солдат во главе с унтер-офицером беспечно шагали в направлении деревни Отвидно. Позади них, метрах в 25—30, шла группа поменьше, а в 150—200 метрах — совсем небольшая.

Было решено атаковать первые две группы одновременно. И вот уже по цепи передан сигнал «Приготовиться!». А когда фашисты подошли совсем близко, по команде Устюжанина разведчики с трех сторон открыли автоматный огонь. Младший лейтенант вместе с бойцами прикрытия вел бой с первой вражеской группой. Сержант Котляр и его бойцы врезались между двумя группами противника и, не дав им опомниться, в упор расстреливали оторопевших гитлеровцев. В шуме стрельбы изредка был слышен мощный бас Литвина с характерным украинским акцентом: «Земли русской захотели, гады? Получайте!»

Старший сержант Пахомов потом рассказывал:

— Я тоже вначале открыл огонь с места и несколько увлекся, но тут же опомнился, ведь моя цель — захват пленного. Командую своим товарищам: «Вперед!» Вместе с Гаврилиным, Федоровым и Чураковым выскакиваем на дорогу и начинаем искать подходящего фрица. Видим — унтер поднял руки. Хватаем его за шиворот, тащим с дороги... Бой продолжался всего три-четыре минуты, но был очень жестоким. На дороге осталось более пятидесяти трупов гитлеровцев.

После захвата пленного главная задача состояла в том, чтобы доставить его в полной сохранности в штаб дивизии. Между тем, находясь в расположении врага и имея впереди водный рубеж, сделать это было непросто. Преимущество внезапности, которым владели разведчики вначале, было исчерпано: третья группа гитлеровцев приближалась к месту схватки в полной готовности. Шум привлек внимание противника на многие километры вокруг. Не исключалась возможность появления его новых сил. Это могло втянуть разведчиков в неравный, затяжной бой. Необходимо было спешить с отправкой пленного.

Устюжанин принял смелое, но опасное для себя решение: отправить всех разведчиков с пленным в расположение дивизии, а самому задержать наседавшего врага. Отдав приказ об отходе к реке, сам он, прячась за кустарник и

перебегая с места на место, продолжал вести огонь по противнику.

Гитлеровцы, шедшие в голове колонны, залегли. Задние замедлили шаг. Некоторые начали обходить смельчака.

К этому времени Устюжанин израсходовал два диска патронов. Немного оставалось и в третьем — последнем. Выстрелы его автомата все реже и реже доносились до разведчиков, отходивших к реке. Наконец гитлеровцы сообразили, что сдерживает их лишь один человек, и бросились вдогонку за разведчиками. Но было поздно. Наши воины вместе с пленным уже переправлялись через реку. Варьвы гранат и наступившая затем тишина означали конец неравного боя, ставшего последним в жизни молодого командира, коммуниста Якова Марковича Устюжанина...

Всех участников поиска представили к наградам, а проявившего безграничное мужество и высокий патриотизм Якова Марковича Устюжанина — к званию Героя Советского Союза, которое ему было присвоено посмертно в августе 1942 года.

Разведка, как принято говорить, — глаза и уши командира, и ведется она непрерывно. Мы сразу же начали подготовку новой группы, которую возглавил лейтенант Д. Т. Хлебников. В группу, насчитывавшую 15 человек, вошли и те, кто участвовал в прежнем поиске.

Разведчики проникли в тыл противника снова через речку и болото. Засаду на дороге, ведущей к деревне Мирогоща, они устроили еще до рассвета. Часов около 10 появился мотоциклист с двумя пассажирами. Как установлено позже, в коляске мотоцикла ехал казначей с деньгами и документами. Уничтожив в коротком бою двух гитлеровцев, разведчики с пленным, деньгами и документами начали отходить к реке. Однако стрельба привлекла внимание гарнизона противника, и группа гитлеровцев поспешила на выручку. Пришлось принять огневой бой, в котором были уничтожены еще несколько гитлеровцев. Разведчики вернулись в часть без потерь с ценными сведениями и «языком».

В ходе этого поиска мужество и сноровку проявил воспитанник роты, четырнадцатилетний школьник Геннадий Дроздов.

Появился он в дивизии еще осенью 1941 года в деревне Суслово Старорусского района. По-детски непосредственный и ласковый, он вместе с тем был не по возрасту серьезным и рассудительным. Одним Гена напоминал сына, другим — младшего брата, все его любили и в меру фронтовых

возможностей берегли. Но парнишка рвался в бой и добился своего. Вначале он выполнял задания в тайне от начальства и при менее опасных ситуациях, а потом как смелого и находчивого стали брать его в разведку.

При первой встрече с Геной мне вспомнилась картина Делакруа «Франция на баррикадах»: уличный мальчишка с большими черными глазами рядом с героизированной женщиной, символизирующей революцию и свободу. И вспомнился образ боевого, уверенного в себе Гавроша из знакомого всем романа Виктора Гюго «Отверженные», вихрем носившегося вдоль баррикады с полной сумкой патронов. И хотя голову нашего героя вместо копны темных волос под фригийским колпаком украшали коротко стриженные светло-русые волосы и солдатская пилотка с пятиконечной звездочкой, у них было и что-то общее. Они были сынами народа. Их глаза одинаково горели ненавистью к врагам революции, верой в ее победу.

Узнав об участии Дроздова в опасном бою, я позвонил комиссару разведроты и выразил недовольство. В ответ услышал: «Не мог отказать в настоятельной просьбе».

Вспоминается другой подросток — Толя Петров, 15-летний боец из батальона связи.

...Это было осенью 1941 года. Вдали, у горизонта, горел Новгород. Над деревней Ушерская кружили фашистские самолеты, взрывались бомбы. Толя не мог больше оставаться дома. Мать заплакала и все же благословила.

«Иди, сынок, — сказала она, — отомсти фашистам за дядю Колю, за нашу деревню». Дядю Колю немцы накануне повесили в Шимске на глазах у земляков. И Толя пошел на фронт. Его не принимали в сражающийся полк — молод, но в батальоне связи, находившемся в ближайшем тылу, приютили. Смысленный мальчишка стал со временем хорошим связистом и неоднократно проявлял бесстрашие и споровку в бою.

Что приводило сотни и тысячи мальчишек в ряды бойцов? Романтика? Отчасти да! Но только ли она и где ее истоки? Вряд ли без опоры на что-то более значительное способны ребята стойко и уверенно, а главное, постоянно преодолевать трудности, терпеть лишения, опасности и не легкие не только для их возраста испытания. Этим «что-то» является освободительный, народный характер борьбы, в которой они участвовали. Нет ни Гаврошей, ни Генок в войсках захватчиков и поработителей!

Светлые цели свободы и справедливости воспламеняли души подростков, их отзывчивые на все хорошее сердца,

вели на тяжелую и опасную борьбу, надевая недетской стойкостью и самоотверженностью.

Но вернемся к повествованию о разведчиках.

Регулярная учеба и тщательная подготовка каждого поиска стали хорошим правилом. Росло мужество и мастерство командиров и рядовых разведчиков. В разведроты дивизии и разведвзводах полков окрепли партийные организации. Все это принесло плоды. Командование дивизии, политотдел не упускали случая побеседовать с коммунистами, поощрить разведчиков за успех, внимательно анализировали каждый поиск, причины неудач.

Вслед за группой Хлебникова в июне 1942 года пленных взяли группы И. Н. Михайлова, И. С. Мухина и Ф. П. Шяна.

Из полковых разведчиков первой добилась успеха группа старшего сержанта Кулькова. В ее составе были комсомольцы Андриевский, Шабалин и Кизим. Группа захватила пленного в районе Городской Слободы под Старой Руссой. Спустя некоторое время отличилась группа лейтенанта А. В. Чижка.

О наших разведчиках заговорили в других соединениях. Политический отдел армии поручил комиссару разведроты А. В. Филипову выступить с докладом об опыте своей роты на армейском совещании политработников разведчастей и подразделений. Вскоре армейская газета «Мужество» в качестве примера привела действия разведроты нашей дивизии.

«Не случайно,— сообщалось в передовой статье,— заслуженной славой пользуется подразделение, где командиром старший лейтенант Иванов. Большая часть его разведчиков действует умело, и они удостоены правительственных наград. Из их среды вышли такие мастера разведки, как младший лейтенант Устюжанин, красноармеец Василий Сорокин, лейтенанты И. С. Мухин, Д. Т. Хлебников и другие»¹.

Эта оценка, выражавшая мнение командующего и политического отдела армии, радовала нас всех.

Время было за полночь. Сплошная пелена облаков отгораживала землю от сонма ночных светил. Кругом, что называется, не видно ни зги. Гитлеровцы нервничали — то и дело бросали осветительные ракеты, прошивали темноту ночи очередями трассирующих пуль. Задевая ветки, пули

¹ Мужество, 1942, 6 авг.

разрывались, и тогда казалось, что стреляют со всех сторон. Изредка то там, то здесь слышались глухие гаубичные или звонкие пушечные выстрелы, ухали разрывы снарядов. Но все это казалось обычным. Отпустив поводья и доверившись лошади, способной по каким-то только ей одной известным признакам ориентироваться в темноте, я думал о разведчиках, с которыми только что расстался.

Дмитрий Хлебников, в недавнем прошлом колхозник с Северного Кавказа, Савелий Котляр, украинец, проживавший до войны в Восточной Сибири, Иван Михайлов из Башкирии, Илья Хрипунов с Урала, Игорь Тарасевич из Киева, Алексей Вагин из села Буреш Старорусского района, Константин Маслов, москвич. Все они стали теперь близкими друзьями. Общим у них было все — и «землянка в три наката», и цель жизни — защита Родины. Под воздействием возвышенной цели люди разных судеб и характеров составили боевой коллектив. И ничто не нарушит их воинского братства.

А как изменились и выросли разведчики в своем мастерстве, как возмужали и закалились. И тут сказала не только специфика профессии, связанной с опасностью, но и возросшая роль дружного, сплоченного коллектива, который нам удалось общими усилиями сколотить. Только в коллективе, справедливо указывал Ф. Энгельс, индивид получает средства, дающие возможность всестороннего развития своих задатков...

Пришла на память горькая участь революционера-декабриста Г. С. Бартедькова. Длительное время провел он в одиночном заточении и потерял даже способность к членораздельной речи.

Да, человек не может жить в одиночку. Но группа людей — еще не коллектив, и буржуазный постулат «человек человеку волк» не такая уж бессмыслица. Разве Куприн в «Поединке» и Анри Барбюс в «Огне» не дают тому множество примеров. Какое счастье, что победа социализма в нашей стране ликвидировала объективные основы взаимной вражды людей, устранила политическое и экономическое неравенство, разрушила соты отчужденности. Вот где фундамент общности и товарищеского сотрудничества людей, куда более сильного, чем во времена запорожских казаков, о которых великий Гоголь устами одного из своих героев говорил: «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

В условиях войны роль коллектива становилась более значительной. Тяжелые моральные и физические испыта-

ния, опасности и лишения, бытовые неурядицы, разлука с родными и близкими — все эти обстоятельства нельзя было не учитывать. Даже сильный, волевой человек чаще обычного испытывал на фронте потребность в поддержке товарищей, в дружеском участии. Люди на опыте убеждались, что чувство локтя и взаимного доверия помогает жить и бороться. Внимание и забота коллектива согревают и умножают силы. Порой одно только слово или теплый, ободряющий взгляд товарища побуждает к подвигу. Ну а в минуты слабости товарищ всегда поддержит, поможет окрепнуть духом.

В землянке меня ожидал батальонный комиссар И. Ф. Ивашкин, заместитель начальника политотдела, назначенный на эту должность после гибели И. Т. Тихонова. Он сообщил:

— Звонил полковой комиссар Хвалей...

Со Степаном Фомичем Хвалеем, начальником политотдела 27-й армии (наша дивизия в то время находилась в ее составе), я встречался не раз. Еще недавно он был комиссаром 202-й стрелковой дивизии. Все, кто с ним служил, говорили, что в бою он отличался смелостью, каким-то особым спокойствием, уверенностью. Рабочий день начпоарма длился круглые сутки, и я, не дожидаясь утра, связался с ним по телефону.

— Хочу посоветоваться с вами о разведчиках, — сказал Хвалей, выслушав мой доклад. — Редактор газеты Поповкин хвалит их. Может быть, они выступят в газете с призывом ко всем разведчикам армии повысить боевую активность? Как думаете?

Предложение делало честь дивизии, и возражать, казалось, не было оснований. И все же на какое-то время задумываюсь. Сумеем ли оправдать доверие?

Степан Фомич, повторив вопрос, добавил:

— Надеюсь, они не подведут нас?

— Не подведут, — ответил я.

Проект обращения обсудили на общем собрании личного состава роты. Вскоре оно было опубликовано в армейской газете «Мужество». Разведчики призывали «лучше изучать и знать врага, его слабые и сильные стороны», «вести счет захваченным и приведенным «языкам» подобно тому, как наши снайперы ведут счет истребленным гитлеровцам. Сами они обещали твердо следовать этим призывам. И слово свое сдержали. Они всегда были верны воинскому долгу и пользовались заслуженной славой.

Как-то помощник по работе среди комсомольцев А. М. Абрамов пришел ко мне явно взволнованный.

— Что случилось? — спрашиваю его, не дожидаясь доклада.

— Плохо, товарищ начальник. В 595-м полку после боев некоторые ротные комсомольские организации распались.

Новый помощник конечно же преувеличивал. Но упрекать его за это не стоило. Назначили его к нам недавно, опыта пока он не приобрел. Абрамов был смел в бою, энергичен и настойчив в работе, а это уже означало, что со временем к нему придет и все остальное.

Однако тревога помощника не была уж совсем беспочвенной. Число комсомольцев в ротах действительно уменьшилось, так как к нам поступило пополнение старших возрастов.

Политотдел предпринял необходимые меры для укрепления в 595-м полку ротных комсомольских организаций. Но этим нельзя было ограничиться. Как поставлено дело в других полках? На должном ли уровне у нас партийное руководство комсомолом? Достаточно ли активны сами комсомольские организации? Эти и другие вопросы явились предметом обсуждения на совещании комиссаров, секретарей партийных и комсомольских организаций частей. Затем мы провели однодневный семинар комсомольских секретарей.

Упор на семинаре был сделан на обобщение положительного опыта, на совместные поиски путей улучшения работы. Фронтная газета «За Родину» потом отметила: «Совещание и семинар прошли поучительно и принесли немалую пользу»¹. Конечно, это было лишь начало. В последующем такие семинары стали правилом, причем готовили и проводили их все работники политотдела, а не один помощник. Вопросы комсомольской работы стали чаще обсуждаться на заседаниях партбюро и партсобраниях.

Активность комсомольских организаций заметно возросла. Члены ВЛКСМ выступали инициаторами многих патристических начинаний и составляли, пожалуй, самую активную часть подразделений. Не случайно именно они были в числе первых наших орденосцев. Две трети всех разведчиков, почти половина снайперов дивизии — комсомольцы. Немало комсомольцев было в расчетах оружия и минометов. Минометный расчет, возглавляемый комсомольцем Никитой Шурыгиным, в совершенстве овладел оружием. Не-

¹ За Родину, 1942, 20 апр.

редко минометчики по ночам выдвигались непосредственно к переднему краю, тщательно маскировались, внезапно открывали огонь и по-снайперски уничтожали врага.

По предложению комсомольцев Овчарова, Никитина, Шульги и Рябочинского в одном из полков была создана группа истребителей вражеских танков и блокировщиков дзотов. Бойцы этой группы тщательно изучили подрывные средства и приобрели навыки в использовании противотанковых ружей, гранат, бутылок с горючей смесью. Вскоре они продемонстрировали свое боевое мастерство, уничтожив фашистский дзот в районе деревни Медниково.

Повысился авторитет комсомольских организаций среди молодых воинов, что нашло выражение в притоке заявлений с просьбой о приеме в члены ВЛКСМ. Эти документы и сейчас нельзя читать без волнения. Так, Василий Башмаков, командир отделения, писал:

«...Прошу принять меня в ряды ВЛКСМ, хочу жить, а если понадобится, — и умереть комсомольцем».

Это были не просто красивые слова. Для проверки подлинности высказанных мыслей и чувств на войне требовались не годы или месяцы, а дни и даже часы. Буквально через два дня после того, как Башмаков получил комсомольский билет, его отделение выдержало тяжелый бой с двумя взводами фашистов. «Сильнее огонь, Иванов, увеличить прицел...» — звучали в шуме боя уверенные команды Башмакова. Отделение, спаянное волей командира, стойко отражало натиск врагов. Сам Башмаков уничтожил в этом бою более десятка захватчиков. Но в конце боя фашистская пуля пробила отважное сердце и комсомольский билет молодого воина. Он погиб, и его окровавленный билет стал реликвией войны. Поредевшее отделение не дрогнуло. Оно удержало свой рубеж.

Получая в марте 1942 года комсомольский билет, красноармеец С. А. Азаров сказал: «С честью оправдаю высокое звание. Буду достойным сыном Родины и членом Ленинского комсомола. Клянусь бесстрашно сражаться с врагом и показывать пример товарищам».

Искренняя взволнованность юноши глубоко тронула всех. Тем острее была боль, вызванная известием о его гибели. А дело было так. На следующий день после получения комсомольского билета Азаров добровольно пошел в разведку, цель которой — уточнить расположение пулеметных точек противника в районе Липовцы и Медниково. Первым преодолев минное поле и проволочные заграждения, он подполз к фашистскому дзоту. Но противник обнаружил

смельчаков и открыл огонь. Осколок вражеской мины оборвал жизнь патриота, но задача была выполнена. Артиллерийские наблюдатели, тщательно следившие за огнем врага, точно вскрыли его систему, и многие точки были затем уничтожены.

Короткий комсомольский стаж оказался и у младшего лейтенанта А. Т. Аристова. Билет № 14405450, выписанный на его имя, был погашен, не побывав в руках своего владельца. В тот день Аристов вместе с двумя бойцами — Ф. А. Хохловым и А. И. Кульковым находился в засаде, прикрывая один из участков обороны. Солнце клонилось к закату, и над речкой начал подыматься туман, когда воины заметили группу фашистов, пытавшихся проникнуть в наш тыл.

— Внимание! Драться до последнего! Огонь только по моей команде, — шепотом произнес младший лейтенант.

Темно-зеленые фигуры приближались. Стали слышны немецкие голоса, шелест кустов и хруст веток. Осталось не более 50—60 метров, когда Аристов скомандовал: «Огонь!», и дружный залп разорвал тишину. Словно скошенные, упали несколько гитлеровцев. Остальные залегли. В разгоревшейся перестрелке ранило автоматчика Хохлова.

— Ползи к нашим, доложи обстановку, — приказал ему Аристов.

Хохлов пополз, но по дороге его поразила вражеская пуля. Тем временем у Аристова и Кулькова кончились боеприпасы, замолк пулемет. В ход пошли гранаты...

Гитлеровцы, потеряв около четырех десятков солдат, вынуждены были отступить.

В этом бою героически погиб младший лейтенант.

А. Т. Аристов был посмертно награжден орденом Ленина. Политическое управление фронта выпустило листовку, на которой герой изображен в момент броска последней гранаты.

Душой многих дел и начинаний были секретари комсомольских организаций частей Г. А. Бугаев, В. В. Павлов, Б. Д. Погребной, С. Ш. Нейман, ставший после ранения Абрамова помощником начальника политотдела по комсомольской работе. Они часто бывали в ротах и взводах, учили визовой актив практике союзной работы, своей боевой активностью, энергией и задором вдохновляли молодежь.

...Идет одна из жарких схваток. Численно превосходящие силы врага яростно атакуют жиденькую цепочку нашей обороны. Погиб командир взвода. Но вот к бойцам подползает секретарь комсомольского бюро отдельного ба-

тальяна Митя Шевцов, человек храбрый и весельчак. Уже одно его появление в окопе ободрило солдат.

— Давай снимем вот ту пару фрицев, а то они уж очень вырвались вперед,— обращается он к бойцу.

Одновременно целятся, стреляют и радуются успеху. И так до конца боя.

Потом и молодые, и пожилые воины с уважением отзывались о комсомольском вожаке. Нужно ли говорить, как возрос его авторитет и как прислушивались в батальоне к его слову.

Не было ни одного боя, где бы не отличались своей активностью и героизмом комсомольцы нашей дивизии.

Ни шагу назад

В дивизию поступил приказ № 227 Народного комиссара обороны. В приказе решительно осуждались настроения тех, кто считал, что территория Советского государства велика и что можно и дальше отступать в глубь страны до выгодных для обороны рубежей. К войскам предъявлялось категорическое требование: «Ни шагу назад!»

И хотя мы находились далеко от донских степей, где в те дни враг неистовствовал, стремясь прорваться к Сталинграду и на Кавказ, тяжкое чувство какой-то личной вины за случившееся испытывал каждый из нас. Да и как могло быть иначе? Речь шла о судьбе Родины.

С приказом ознакомили сначала офицеров управления. В тот же вечер работники политотдела и штаба отправились в полки. Там, где позволяла обстановка, приказ читали перед строем. Проводили митинги.

Ознакомив с документом руководящий состав 523-го полка, я отправился в 1-ю стрелковую роту. Воины выслушали приказ с напряженным вниманием; в наступившей тишине, казалось, было слышно дыхание каждого. Первым нарушил тяжелое молчание беспартийный Михаил Щербак. Он родом из Ростова-на-Дону и потому боль и тревогу чувствовал особенно остро. Боец говорил медленно, как бы черпая слова из глубины души:

— Приказ раскрывает нам горькую правду... Теперь каждый понимает, что отступать больше некуда. Своей позиции не оставлю — буду стоять насмерть.

— Приказ Наркома — это приказ Родины, приказ наших отцов, матерей, жен и сестер,— сказал вслед за Щербаком красноармеец Каменев.— Мы должны защищать за-

нимаемые рубежи до последней капли крови. Трусов и паникеров, если они окажутся среди нас, нужно уничтожать беспощадно.

Слова клятвы звучали также в выступлениях минометчика А. С. Лукина, младшего сержанта М. П. Антонова, лейтенанта А. И. Мосина. И каждый из них просил послать его воевать на Дон, туда, где теперь наиболее трудно. С такой же просьбой потом подходили ко мне многие другие воины роты.

— Замечательный у нас народ. Какое высокое чувство личной ответственности за судьбу Родины,— с гордостью сказал командир полка В. И. Калмыков, когда мы вновь встретились, возвратившись из подразделений.

Задачи, вытекающие из приказа Наркома, были обсуждены на собраниях коммунистов и комсомольцев. Состоялись также собрания офицерского состава, на которых шла речь о чести и достоинстве офицера. На занятиях с младшими командирами были рассмотрены конкретные вопросы укрепления воинской дисциплины и повышения боевой активности.

Требования приказа находили отражение в докладах и беседах. О направленности агитации можно судить по тем темам, которые изучались на семинаре агитаторов. Перечислю некоторые из них: «Железная воинская дисциплина и самоотверженность в бою — важнейшее условие победы»; «Стоять насмерть!»; «Фашистом меньше — победа ближе»; «Приказ командира — голос Родины».

В полосе нашей дивизии враг был остановлен еще 9 февраля 1942 года. Свою задачу мы видели теперь в поиске способов, как помочь нашим товарищам, сражающимся на Дону, как повысить боевую активность и боеспособность частей и подразделений.

8 августа в дивизии состоялся слет орденосцев. Цель его была двоякая: с одной стороны, хотелось посоветоваться, как лучше разъяснять и выполнять требования приказа Наркома обороны, а с другой — повысить их роль в деле боевой активности частей и подразделений. 115 воинов, различных по своему служебному положению и воинской специальности, собрались в лесу около Ясной Поляны под Старой Руссой. После краткого вступительного слова комдива выступили участники слета.

Первым выступил капитан Н. А. Губский. Высокий, стройный, умудренный опытом, он начал войну у самой границы. Его знали не только в 595-м стрелковом полку, где он вырос до заместителя командира полка, но и в других

частях дивизии. В нем органически сочетались смелость и трезвая рассудительность.

Губский рассказал о работе личного состава полка по созданию неприступной обороны, о том, какие принимаются меры по повышению боевой активности, о ценной инициативе командира пулеметной роты лейтенанта М. Д. Соболева.

— Соболев считает,— сказал Губский,— что, если не удалось нанести урон врагу, день прожит зря. Недавно он оборудовал несколько пулеметных гнезд на деревьях. Пулеметчики подстерегли группу противника и, открыв внезапный огонь, уничтожили гитлеровцев.

Михаил Дмитриевич Соболев участвует в боях тоже с первых дней войны, проявил себя энергичным и храбрым командиром. Он действительно неутомимо изыскивает способы активизации обороны, совершенствует позиции в инженерном отношении. Его воины первыми в батальоне завершили строительство дзотов, завели и постоянно умножают счет уничтоженных фашистов. Выступив на слете, Соболев, однако, меньше всего говорил о своих успехах. Его заботили планы на будущее, беспокоило, как устранить недостатки.

Наводчик орудия Назаров рассказал, как его расчет стал снайперским, как удалось добиться полной взаимозаменяемости и точной стрельбы.

— Раньше мы брали за точку наводки верхушку высокого дерева,— говорил Назаров.— Дерево даже без ветра всегда немного качалось, а вместе с ним качалась и наша точка наводки, отсюда были неточности. Не всегда проверяли наводку после заряжания и закрытия затвора. Это тоже приводило к погрешностям.

На слете выступило 14 человек. Все горячо одобряли меры, принятые партией и правительством, вносили предложения о путях повышения боевой активности частей и подразделений.

Накануне слета в дивизию поступило письмо коллектива рабочих московского электролампового завода. В нем говорилось об ударном труде рабочих и высказывалось желание о развитии соревнования. На слете орденосцев был принят ответ москвичам. В нем сообщалось о ратных подвигах снайперов, разведчиков, артиллеристов, автоматчиков, воинов других специальностей. «Не выпустим из рук оружия,— заканчивали письмо воины,— пока хоть один оккупант будет на нашей земле».

Оба письма были напечатаны в дивизионной газете «На врага!». Их обсуждали во всех подразделениях, а затем каждый воин скреплял ответ москвичам своей подписью. Нередко это делалось кровью.

Связи дивизии с рабочим коллективом продолжали укрепляться. Завязалась переписка рабочих цехов и смен завода с войнами частей и подразделений. Большую роль в этом сыграли дивизионная газета «На врага!» и заводская многотиражка «Электрик». В дивизии гордились успехами М. Павлюченкова, А. Анисимова, Н. Караванова, М. Никитина, А. Пыльнова, Е. Пронина, М. Тарасева, Ю. Золотарева, В. Питомцева, А. Зарубина и других стахановцев завода.

Спустя более тридцати лет, в мае 1973 года, ветераны дивизии встретились с электrozаводцами в их клубе. Правда, в многотысячном коллективе завода остались не многие из тех, с кем мы когда-то соревновались. Выросло поколение людей, не знавших войны. Но традиции тех огненных лет были живы. Рабочие завода настойчиво боролись за досрочное выполнение плана. Они теперь изготавливали гигантские трансформаторы для отечественных и зарубежных электростанций.

В зал, чеканя шаг, вошли молодые офицеры — слушатели Военно-политической академии имени В. И. Ленина. На них — красивые парадные мундиры с аксельбантами. Знаменосцы внесли Боевое Знамя 188-й стрелковой дивизии, опаленное огнем сражений. А рядом — Красное знамя завода, овеянное славой трудовых побед.

На глазах ветеранов заблестели слезы, да и сам я почувствовал, как сильно забилося сердце. Да, многое в жизни, — может быть, самое значительное и памятное — связано у воинов с родным Боевым Знаменем.

Работницы завода преподнесли ветеранам войны и труда алые гвоздики. Во всей атмосфере этой встречи ощущалась бесконечная благодарность всем тем, кто героическим трудом в цехах завода и отвагой на поле боя отстоял Родину от фашистского нашествия.

Но вернемся к лету 1942 года. В те дни были опубликованы статьи видного партийного деятеля Емельяна Ярославского «В руках Красной Армии — судьба Родины!», писателя и публициста Ильи Эренбурга «На рубеже» и «Россия», кинорежиссера А. Довженко «Отступник»... Эти статьи читали коллективно, обсуждали, нередко о них горячо спорили. Ведь речь шла о самом дорогом, о Родине, о ее судьбе. Настрой всех советских людей выразила газета

«Правда», выступившая с передовой статьей «Слава герою, смерть трусу». В газетах появился плакат В. Б. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!». На плакате была изображена мать с ребенком на руках, положенная гитлеровцами.

— Посмотрел на плакат, — сказал как-то мне красноармеец 234-го артиллерийского полка Данилин, — и сердце сжалось. Я отомщу немецким собакам за их злодеяния.

Да, злости к врагу накопилось немало. Люди рвались в бой. Одни просили послать их на самый опасный участок фронта. Другие — в разведпоиск по тылам врага. Все более широкий размах приобретало снайперское движение — к концу августа в нем участвовало 150 человек. Только за один месяц они истребили около 500 гитлеровцев.

Кстати замечу, что потери, которые фашисты несли от снайперского огня, начали тревожить командование вермахта. В фашистских войсках, как нам стало известно, появилась инструкция о контрснайперской борьбе. Среди прочих мер инструкция требовала готовить своих снайперов. Со свойственной немецким штабам педантичностью указывалось, кому следует вручить винтовку с оптическим прицелом, как ее пристрелять, как использовать снайперов в обороне и наступлении, какие ставить перед ними задачи.

У нас в дивизии по-прежнему снаряжались разведгруппы в тылы, настойчиво истребляли живую силу противника наши артиллеристы, минометчики и пулеметчики.

В штабе вынашивался замысел — смелым налетом уничтожить вражеский гарнизон в деревне Чертицко, что южнее озера Ильмень. С этой целью был сформирован из добровольцев специальный сводный отряд. Его возглавил начальник разведки дивизии майор А. И. Нетунаев. Был тщательно разработан план боя, бойцы распределены по группам, во главе которых стояли опытные командиры. В каждую группу подобрали коммунистов и комсомольцев, назначили парторгов и комсоргов. В тылу, на местности, напоминающей район Чертицко, провели учебные тренировки.

Стоял пасмурный вечер, тянуло сыростью. Отряд строился на опушке леса. В наступившей темноте с трудом можно было различить лица воинов, которых мы провожали в бой. Бойцы и командиры поклялись делом ответить на приказ Наркома обороны. Они были уверены в успехе.

К двум часам ночи 5 сентября отряд скрытно, без единого выстрела подошел к деревне Чертицко и стремительно атаковал вражеский гарнизон. Успех был полным. Воины отряда взорвали 6 дзотов и уничтожили свыше 150 гитлеровцев. Противник бросил в бой силы соседних гарнизонов,

в том числе три танка, четыре бронемашины и даже группу конников. Заняв оборону, наши воины встретили врага дружным огнем. Бой, начавшийся еще до рассвета, длился до полудня. Враг потерял еще до сотни солдат и офицеров, два танка и три бронемашины. Выполнив задачу по разгрому вражеского гарнизона и взяв пленных, отряд возвратился в исходный район.

За налетом на Чертицко последовали другие дерзкие вылазки. Командиры частей один за другим обращались к командиву с соответствующими предложениями. И хотя это были бои местного значения, они наносили противнику ощутимый урон, держали его в напряжении.

Так отвечали бойцы и командиры дивизии на приказ № 227, выражавший их думы и чаяния, их готовность защитить социалистическую Отчизну.

А тем временем происходили изменения в руководящем составе дивизии. Еще в мае заболел бригадный комиссар Я. Г. Поляков. Некоторое время он лечился в медсанбате, потом в Москве. В дивизию Яков Гаврилович так и не вернулся: его назначили членом Военного совета 27-й армии. В середине августа уехал от нас и командир дивизии Михаил Никитич Клешнин. Его назначили заместителем командующего 11-й армией (он, правда, в замах пробыл недолго, должность эта его не прельщала, и вскоре он стал командиром 53-й гвардейской стрелковой дивизии). Работали с генералом Клешнинным мы очень дружно и расставаться было тяжело. Да что поделаешь — служба.

Командиром дивизии стал тридцатипятилетний подполковник И. И. Бурлакин, воспитанник нашей же дивизии, в недавнем прошлом возглавлявший 523-й стрелковый полк, затем командовавший стрелковой бригадой. Это смелый и вдумчивый, авторитетный офицер, которого хорошо знали ветераны. И. И. Бурлакин прибыл в дивизию как раз накануне налета на гарнизон Чертицко.

Мы получили телеграмму, сообщавшую о прибытии пополнения. Уже сам факт появления свежих сил несказанно радовал. В дни, когда на юге шли невероятно трудные и кровопролитные бои, командование нашло возможность пополнить и наши части, находившиеся пока на «тихом» участке фронта.

Вместе с начальником штаба С. С. Сениным и заместителем командира дивизии по тылу В. Г. Соболевым обсудили план встречи волнов и обеспечения их всем необхо-

димым. Рано утром для приема нового пополнения выехали представители штаба и политотдела.

Мы знали, что состав пополнения и по возрасту, и по уровню военной подготовки неоднороден. Было решено прибывающие команды сразу в полки не направлять, а оставить на некоторое время в тылу дивизии, с тем чтобы лучше изучить людей, подготовить их к службе. Относительное затишье на фронте позволяло это сделать.

Колонну на подходе к тылу дивизии встретили с оркестром. Усталость у бойцов пропала, и они зашагали веселее. Слова приветствия, торжественный обед, а затем митинг еще более подняли настроение.

Новичкам рассказали об истории и боевых делах дивизии, ее командирах, начальниках, героях-солдатах и младших командирах. На импровизированную трибуну один за другим поднимались орденосцы — снайпер Ф. К. Чегодаев, разведчик С. А. Котляр, пулеметчик П. И. Радкевич.

С ответным словом выступили бойцы пополнения. Красноармеец Гавриков, поблагодарив за теплый прием, сказал: — Я обещаю, что мы скоро научимся бить фашистов не хуже, чем вы!

Боец из Казахстана Дамбет Кирим не вполне владел русским языком, но то, что он говорил, было понятно всем. Он обещал сражаться с врагом, не жалея своей жизни.

Вечером, после баньки с паром, молодые воины смотрели концерт художественной самодеятельности. А утро следующего дня было для них рабочим: началась боевая и политическая подготовка.

В течение недели войны учились действиям в обороне и наступлении, знакомились с положением на переднем крае дивизии. На политических занятиях изучались темы: «Свято выполнять требования военной присяги, приказы командиров»; «Дисциплина, организованность и стойкость — залог победы в бою»; «Кто такие гитлеровцы»; «Строго хранить военную тайну». Председатель военного трибунала С. П. Комяков провел беседу о том, как советский закон карает изменников Родины. С бойцами, плохо знавшими русский язык (их было человек 30), занятия и беседы проводились на их родном языке.

Прошло время. Новички уже находились в частях. Както в роте 595-го стрелкового полка я разговорился с одним из тех, кто при первой встрече показался мне невеселым и молчаливым. Спрашиваю: «Как самочувствие, товарищ Мисягин?» В ответ широкая улыбка: «Хорошо, товарищ комиссар». Потом добавил: «Встретили нас как родных».

Политрук роты Ивлев доложил, как идет работа с новым пополнением. Потом я и сам убедился, что новички приобретают необходимый им опыт. Их познакомили с ротой, ее расположением и боевыми делами, рассказали о противнике. Политрук побеседовал с каждым вновь прибывшим. Перед этим он собрал коммунистов, посоветовал им взять шефство над новичками. Наставники помогали молодым бойцам войти в воинский коллектив, изучить оружие, приобрести солдатские навыки. Красноармеец Грибин, много раз участвовавший в боях, изучил с бойцами Звягиным и Тарасовым станковый пулемет, а Коровин помог Мисягину овладеть ручным пулеметом. У воинов крепла любовь к своей части, к подразделению.

В одной из команд нового пополнения, прибывших в дивизию, находился боец Иван Лоптев, небольшого роста, крепко-сибиряк. На фронте он не был новичком. Боевое крещение Лоптев принял на знаменитом Бородинском поле в дивизии полковника Полосухина, потом воевал на нашем Северо-Западном фронте, а после ранения и госпитализации попал к нам. Участников боев мы учитывали особо и распределяли по частям и подразделениям, так сказать, персонально. В нашей дивизии Лоптев и воевал до конца войны. Был он разведчиком, связистом, оружейником, в общем, мастером на все руки. Много раз он отличался в боях. Стал членом партии, сержантом. Его метили вражеские пули и осколки, но после госпиталя воин неизменно возвращался в родную дивизию.

И вот почти тридцать лет спустя — приятная неожиданность — письмо из Омска.

«Я горячо любил дивизию, — писал Иван Федорович Лоптев, к тому времени ответственный работник Омского горкома партии. — В дивизии проявлялась большая забота о солдатах, хорошо была организована политико-воспитательная работа. И всякий раз после излечения в госпитале я стремился непременно вернуться в нашу 188-ю дивизию, которая была для меня родной семьей. Так было в 1942 году, когда я на открытой платформе с большим трудом добрался от станции Максатиха Калининской области до Старой Руссы... Так было и в 1943 году, когда я выписался из госпиталя на станции Кобеляки Полтавской области, забрался на платформу и на ящиках со снарядами добрался под Кривой Рог, где на руднике имени В. И. Ленина разыскал свой 595-й полк».

Всякий раз после ранений возвращался в свой полк и отважный воин, житель подмосковной станции Голицино

Н. И. Дементьев, выросший в дивизии от рядового до капитана. Первый раз Дементьев был ранен еще в ходе январского наступления под Старой Руссой. Противник, опираясь на заранее подготовленные позиции, преградил путь батальону 595-го стрелкового полка у деревни Подборовье. Продолжение атаки с фронта грозило большими потерями. Тогда заместитель политрука роты Дементьев с группой бойцов обошел по глубокому снегу фланг обороны противника и внезапно атаковал его с тыла, вызвав в рядах врагов замешательство. А это позволило подразделению успешно атаковать с фронта. Дементьев, будучи тяжело раненым, до конца боя продолжал руководить группой.

После госпиталя он воевал в должности политрука, а затем заместителем командира роты по политчасти. И опять был ранен. И вновь, вылечившись, прибыл к нам. Позже, став заместителем по политчасти командира батальона, Дементьев участвовал во многих боях, снова был ранен, но в каждом бою со свойственной коммунисту беззаветностью проявлял мужество и героизм.

Четыре раза, залечив раны, возвращался в дивизию из госпиталя снайпер и разведчик В. В. Дубинов. Весной 1944 года на кицканском плацдарме в Молдавии вражеская пуля прошила ему голову от правого уха до левого глаза. Приговор врачей был категоричным: «Списать по чистой». Но Дубинов вернулся в дивизию и сражался до конца войны.

Лоптевых, Дементьевых, Дубиновых были сотни, и мы гордились их солдатской любовью и привязанностью к своей части.

Ничего подобного нет и быть не может в буржуазных армиях. Приходят на память строки из книги американского писателя Ирвина Шоу «Молодые львы». Обращаясь к солдатам пополнения, американский офицер презрительно говорит: «Вы забракованная скотина. Вот почему вы здесь... Там, в Вашингтоне, вздохнули с облегчением, когда вас погрузили на пароход, и им наплевать, вернетесь вы домой или нет. Вы — пополнение. И нет ничего ниже в армии, чем пополнение, кроме, разве, следующего пополнения»¹.

Писатель показал отвратительные нравы, господствующие в армии США, дискриминацию и духовное унижение низших чинов, стяжательство, крайнюю грубость и развращенность со стороны начальников...

¹ Шоу Ирвин. Молодые львы: Пер. с англ. М., 1966, с. 562.

— Сегодня в полку Калмыкова рассмотрели десять заявлений. Всего по дивизии за первую половину августа кандидатами в члены партии принято более двухсот человек. Народ очень хороший, боевой, — сообщил секретарь партийной комиссии батальонный комиссар В. П. Шевчук, представляя протокол заседания парткомиссии на утверждение.

Шевчук, высокий, статный шатен, отличался большим трудолюбием в работе. Да и в бою был смел. Я никогда не видел его унылым. С завидной легкостью переносил он трудности фронтовой жизни. На должность секретаря парткомиссии Василий Петрович был выдвинут совсем недавно (вместо А. И. Волкова, убитого по ранению). До этого он продолжительное время (конечно, по фронтовым масштабам) работал старшим инструктором политотдела по организационно-партийной работе. Людей в частях и подразделениях знал хорошо, и его оценкам можно было доверять.

Вместе с протоколом Шевчук положил на стол десять папок с документами. Развернув одну из них, прочел:

«Я сознаю всю тяжесть ответственности, и именно в этот момент, когда товарищ Сталин рассказал нам о большой опасности, нависшей над нашей Родиной, я хочу стать коммунистом, чтобы еще сильнее бить врага, как бьют его наши большевики».

С автором этого заявления — лейтенантом Е. К. Пономаревым, командиром взвода, я встречался не раз, и мне не потребовалась дополнительная характеристика, которую готов был сделать сидевший рядом секретарь парткомиссии. Пономарев отличился во многих боях. А теперь он был одним из двухсот воинов дивизии, вступивших в партию в августе 1942 года — в период разъяснения требований приказа № 227 Народного комиссара обороны.

— У нас уж так повелось: чем сложнее обстановка, тем больше желающих вступить в партию, — заметил Шевчук.

Действительно, в этом проявлялась закономерность: в трудный для Родины час наш народ еще теснее сплачивается вокруг своего авангарда — родной ленинской партии, выражает ей безграничное доверие.

Партийные организации стремились своевременно рассматривать заявления. И люди шли в бой коммунистами. Нередко бывало и так: человек, пройдя все ступени приема, получит заветное свидетельство о своей принадлежности к великой партии, а уже к вечеру или на следующий день партийный билет или кандидатская карточка, залитые

кровью, возвращались в политотдел. Тяжелая эта обязанность — гасить партийные документы. С фотографии на тебя глядят глаза человека, который еще вчера был жив. В памяти свежа недавняя встреча, ладонь храпит тепло рукопожатия, а человека, коммуниста уже нет. Но что можно изменить? Таков закон жизни и деятельности партии на войне — сражающейся партии. Во имя торжества ее идей на борьбу поднялись все. Многие принесли на алтарь победы не только силы и кровь, но и саму жизнь. Геройская смерть в бою тоже была признаком партийности.

Удивительное, беспримерное слияние людей с партией Ленина отмечалось повсеместно в течение всей войны. Впрочем, почему же беспримерное? Так было всякий раз, когда Советская Родина переживала тяжелые испытания. Позволю напомнить один факт. Осенью 1919 года, в один из опаснейших моментов гражданской войны, по инициативе В. И. Ленина была объявлена партийная неделя. «Идите в партию, товарищи беспартийные рабочие и крестьяне!» — гласил в те дни призыв. А ведь в тех условиях, в случае победы врагов, партийный билет означал виселицу. Но именно в ту неделю многие тысячи рабочих и крестьян стали коммунистами.

Вот и теперь с партией Ленина советские люди связывали все свои надежды на спасение Родины, в ней видели единственную силу, способную организовать разгром врага. В рядах партии они стремились сражаться за свободу, за счастье, за коммунизм — победить или умереть.

Еще в августе 1941 года ЦК ВКП(б) принял постановление о порядке приема в партию особо отличившихся в боях советских воинов. Вступающий в кандидаты теперь представлял рекомендации трех членов партии с годичным стажем (а не с трехгодичным, как раньше), знающих его по совместной работе и менее одного года. Спустя три месяца, 9 декабря 1941 года, было принято постановление о льготных условиях приема в члены партии кандидатов, отличившихся в боях (после трехмесячного кандидатского стажа).

Эти постановления Центрального Комитета партии шли навстречу заветному стремлению лучших красноармейцев и командиров, которые хорошо понимали «все трудности, тяжести, опасности, связанные... со званием и долгостью коммунистов»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 234.

Люди шли в партию «для ее подкрепления». И ни одно партийное собрание в роте и заседание партбюро полка не проходило без рассмотрения заявлений о приеме.

Как-то, находясь в партбюро 523-го полка, я стал свидетелем любопытного разговора. Сержант-писарь, орудя с туго набитой папкой, посетовал:

— Ох, и бумаг набралось, больше некуда...

Речь шла о папке с заявлениями о приеме в партию, и секретарь партбюро политрук Ф. И. Зайцев резонно заметил:

— Нет, это не просто бумага. Это — исторические документы. В каждом из них — величие человеческой души. Воин через какие-то полчаса пойдет в бой, на смерть. О чем он думает в эти минуты? О самом заветном — о вступлении в ленинскую партию.

К разговору присоединился комиссар полка А. А. Кошечев:

— Хорошо вы сказали, Федор Иванович, о душевном величии наших людей. С одним только не могу согласиться. Почему же на смерть? В бой идут ради жизни на земле, с верой в победу. Конечно, бой есть бой. Может случиться всякое. Но не о смерти думают, когда пишут заявление в партию...

— Нет, наверное, и о смерти тоже, — не сразу согласился секретарь партбюро. — Но, пожалуй, вы правы — о жизни больше.

Я слушал этот внезапно возникший разговор и с каким-то особым уважением посмотрел на папку с «бумагами». Да, в минуту, которая решает многое, советский человек хочет быть в партии Ленина — слиться с ней. В жизни ведь всегда так — когда трудно, тянешься к тому, кому веришь.

— Все это я, конечно, понимаю, — продолжал сержант, — но зачем же писать заявление перед самым боем? Обдумал, решил — напиши после боя. Тогда и мы справимся своевременно. А то ведь оформлять не всегда успеваем.

— Ничего ты, дорогой, не понял, — возмущаясь, сказал секретарь. — Ведь это заявление — как клятва. Перед собой клятва и перед товарищамп, самая суровая и самая чистая. Нет, не все равно вонну, кем он в бой пойдет — беспартийным или коммунистом. А написав заявление, он в душе считает себя коммунистом.

— Правильно считает, — подтвердил комиссар полка и, обращаясь ко мне, спросил:

— Помните Звягинцева?

— Конечно.

Красноармеец Звягинцев подал заявление с просьбой принять его кандидатом в члены партии в ночь перед наступлением. А утром, когда начался бой, его ранило. Фельдшер перевязал бойца и сказал: «Сейчас отправлю тебя на полковой медпункт». Звягинцев даже подскокил от возмущения. «Нет, я в роту», — заявил он. «Не имеешь права, — ответил фельдшер, — раз раненый — отправляйся в тыл». Тот свое: «Нет, я к своим!» «Здесь команду я», — отрезал фельдшер.

И тогда Звягинцев прибег к самому убедительному, по его мнению, аргументу: «Да поймите, товарищ фельдшер, я перед наступлением заявление в партию подал. Мое место сейчас там, в роте».

Фельдшер посмотрел на воина и сказал потеплевшим голосом: «Ладно, иди, руку я тебе перевязал хорошо. Держись, герой!»

Тяга в партию была огромной. Приведу некоторые цифры. В январе 1942 года в дивизии было приято кандидатами в члены партии 117 и в члены партии 47 человек, в феврале — соответственно 129 и 49; в марте — 144 и 72 человека. В последующие месяцы эта цифра нередко доходила до трехсот и более. В своем подавляющем большинстве коммунистами становились люди, многократно рисквавшие жизнью во имя Родины, кровью доказавшие свою преданность партии.

Прошли годы. А они, эти люди, стоят передо мной такими же, какими были тогда, четыре десятка лет назад, — молодые, сильные, верящие в грядущую победу. Они по-прежнему в боевом строю, пристально вглядываются в БАМ и Атоммаш, в новые кварталы городов. Это ведь их детища. Они наложили свой отпечаток на формирование облика последующих поколений — своих детей, внуков и правнуков независимо от того, были у каждого из них дети или нет.

Я помню их всех. И красноармейцев Звягинцева, Башкирова, и старшину Гуричева, и братьев Смоляниновых — Степана и Леонида.

Андрей Башкиров... Это он под огнем противника подорвал железнодорожное полотно северо-западнее Старой Руссы и помог танкистам вывести с поля боя два подбитых танка.

Башкирова приняли кандидатом в члены партии накануне боя. На заседании партийного бюро он сказал: «Буду сражаться, не жалея жизни». В бою был ранен. Встретив секретаря партбюро полка и не ожидая его вопросов, за-

явил: «Как сражался? Спросите у командира. Вернусь из саббата — буду воевать еще лучше».

Старшина И. М. Гуричев перед войной работал в Старой Руссе, хорошо знал район. Это помогало ориентироваться. В ходе наступления он с группой бойцов проник в тыл противника, устроил там засаду на дороге и уничтожил семь грузовиков, автобус и свыше пятидесяти фашистов.

Братья Степан и Леонид Смоляниновы вместе пришли на фронт, служили в одной части. Командование не раз посылало их в тыл противника. Они минировали дороги, Старшего из братьев, Степана, назначили старшиной, а через какое-то время, оценив его мужество и боевое мастерство, выдвинули командиром взвода. Ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Отличился в боях и Леонид, его назначили командиром отделения. Вскоре оба они изъявили желание вступить в партию и были приняты одновременно.

Политотдел и партийные организации подходили к приему в партию с особой внимательностью. Правда, вероятность получить заявление от какого-нибудь карьериста сводилась в то время к минимуму. И все же ленинское указание об индивидуальном отборе необходимо было выполнять неукоснительно. Партия не только не снижала требования к вступающим во время войны, а наоборот, повышала их. Основными признаками партийности в то время были моральная стойкость, смелость и мужество, воинское мастерство, самоотверженная защита социалистической Родины. Понятно, что основную массу пополнения партии составляли воины, особо отличившиеся в боях.

Процесс этот был не стихийным: в войсках шел активный, строго индивидуальный отбор в партию. Основное внимание обращалось на боевой актив. С активистами занимались политработники, парторги рот, члены бюро и секретари первичных парторганизаций. Заявления о приеме в партию рассматривались на открытых партийных собраниях. Их посещали все желающие. Для беспартийных активистов проводили беседы о роли партии в Великой Отечественной войне. Их знакомили с условиями приема в партию, ее организационными и идеологическими основами, с уставом, правами и обязанностями коммунистов. В случае когда человек изъявлял желание вступить в партию, ему помогали найти поручителей. Конечно, все это в условиях фронта не могло растягиваться на месяцы. Но фронтовая обстановка и облегчала работу по отбору в партию, позво-

ляла быстрее и лучше изучить человека, его достоинства и недостатки.

В деле отбора в партию большую роль играли парторги ротных парторганизаций. Они лучше знали людей, оказывали на них постоянное влияние. Запомнился такой факт. Разведчик Е. Л. Короткий, не раз отличившийся в боях, сказал парторгу А. Г. Бреславцу, что собирается подать заявление о приеме в партию. Солдат имел боевые заслуги и не сомневался в поддержке парторга. Однако парторг ответил:

— Стремление похвальное, но сейчас заявление подавать не советую. С дисциплиной у тебя неважно. Горяч ты, нередко вступаешь в пререкания. А коммунист должен быть образцом во всех отношениях.

Совет парторга воин понял правильно, заметно подтянулся. Вскоре он был принят в кандидаты, а затем и в члены партии и достойно оправдывал высокое звание коммуниста.

По отбору в партию передовых воинов значительную работу вела партийная комиссия при политическом отделе. Вначале, правда, не все получалось гладко. Сказывался и не совсем удачный подбор членов комиссии, в которую входили главным образом коммунисты управления и штаба. Это затрудняло проведение заседаний комиссии непосредственно в частях. Практика подсказала: целесообразно в составе парткомиссии иметь по одному члену в каждом полку. И это было сделано.

Мы старались привить молодым коммунистам качества политического бойца. Знакомили их с Уставом, с основными этапами истории Коммунистической партии, рассказывали о стойкости и героизме коммунистов при защите социализма. Партийные организации добивались, чтобы каждый член и кандидат в члены партии имел персональное поручение, оказывал идейное воздействие на воинов. В помощь молодым коммунистам дивизионная газета «На врага!» опубликовала серию содержательных статей.

Все это способствовало укреплению партийных организаций и партгрупп непосредственно в ротах и батареях. Правда, потери среди коммунистов, которые первыми поднимались в атаки и последними выходили из боя, были сравнительно большими. Но отбор в партию лучших воинов восполнял эти потери.

Газета «Правда» справедливо отмечала: «Без повседневной, настойчивой организационной работы, без настоящего индивидуального отбора желающих вступить в ряды пар-

тии, без быстрого, свободного от волокиты приема их в партийную семью, без строго партийного учета каждого коммуниста нельзя создать и укрепить ротные партийные организации, нельзя сделать их полнокровными, действительными организациями, которые активно помогают командиру высоко нести знамя победы своих подразделений»¹.

Важным условием творческого характера, действительности всей партийной работы была учеба секретарей, партторгов. В этих целях мы использовали постоянно действующие семинары, проводившиеся с помощью политотдела в батальонах и полках, что позволяло активистам расширять знания, ориентироваться в задачах, обмениваться опытом. Однако в условиях боевой обстановки, частой сменяемости секретарей и партторгов (особенно в ротном звене) семинарами нельзя было ограничиться. И мы старались учить активистов методом практического показа. Встречались с ними непосредственно на переднем крае обороны, проводили индивидуальные и групповые беседы.

— Вчера снял последние атрибуты комиссарского звания — красные звезды с серпом и молотом, — с грустью сказал мне заместитель командира по политической части 234-го артполка Алексей Васильевич Малина. И он с сожалением посмотрел на рукава гимнастерки, на которых остались следы от споротых нашивок.

Такое чувство в октябрьские дни 1942 года, когда политическим работникам начали присваивать общие воинские звания, испытывал не он один.

Состояние его мне было понятно. Много мужества, светлого и гуманного было связано с прежним званием. Целое поколение бесстрашных, негибаемых большевиков своим беззаветным служением Родине и революции в годы гражданской войны высоко подняло и прочно утвердило авторитет военного комиссара. Слово «комиссар» поистине звучало гордо. Как известно, в канун Великой Отечественной войны должности комиссара в нашей армии не было, но звания комиссарские оставались.

В начале войны были снова, как и в гражданскую, введены должности военных комиссаров. Мера эта, конечно, была временной, можно сказать, чрезвычайной, но, безусловно, необходимой.

Комиссары разделили с командирами ту непомерную ношу, которая свалилась на их плечи в связи с возросшим объ-

¹ Правда, 1942, 26 янв.

емом задач по управлению войсками. Введение института военных комиссаров имело большое значение и в морально-психологическом отношении. Образ комиссара для советских воинов, особенно старшего поколения, был олицетворением мужества и бесстрашия, непоколебимой моральной стойкости.

В тяжелый период войны комиссары помогали командирам не только советами. Особенно велика была их роль в политическом воспитании личного состава, в упрочении твердой воинской дисциплины. Этому служили и пламенное слово, и личный пример стойкости политработника.

Вспоминается тяжелый бой под Старой Руссой зимой 1942 года. Истребительно-противотанковый полк окружил в одной из деревень значительные силы гитлеровцев. Надеясь вырваться из кольца, противник бросил в бой свежий батальон.

Дорогу этому батальону преградили 25 бойцов во главе с комиссаром Дмитрием Хреновым.

— Дух из фашистов вон! — крикнул комиссар. — Не пропустим ни одного, ребята! Помните — умереть, но не пропустить!

И все запомнили эти слова, повторяли их про себя как клятву.

Бой шел уже несколько часов. Не раз гитлеровцы поднимались в контратаку, но неизменно откатывались назад. На протяжении нескольких десятков метров дорога стала зелено-черной от вражеских трупов. Но и многих наших бойцов уже не осталось в живых. Комиссар Хренов был тяжело ранен: левую руку выше локтя раздробила разрывная пуля. Превозмогая боль, он подбадривал людей, вселял в них веру в успех.

Новая контратака, гитлеровцы лезут вперед. И тут случилась беда. Комиссар упал, схватившись за грудь. К нему подползают бойцы.

— Держитесь, товарищи, держитесь. Приказываю как комиссар и прошу как товарищ! — слабеющим голосом сказал Хренов.

Это были его последние слова. Четырнадцать бойцов оставалось в строю, когда погиб комиссар. Они потеряли не только опытного, смелого командира, но и душевного друга.

Двадцать четыре часа, полные сутки, продолжался бой на лесной дороге, но никто не дрогнул, не предложил отойти. Когда к месту боя подошло подкрепление, только несколько раненых удерживали дорогу. Они вели огонь из послед-

них сил, выполняя приказ комиссара. И враг не прошел там, где сражалась группа отважных.

Можно приводить бесчисленные примеры мужества и стойкости наших политработников. Особенно памятны действия комиссаров полков Д. М. Лукшина, А. А. Кощеева, П. А. Савина, А. В. Малины, М. Я. Синева, Н. М. Гудкова, комиссаров батальонов и дивизионов И. А. Зуба, И. Ф. Демидова, Н. И. Дементьева, С. В. Яскевича, политруков рот А. И. Малинцияна, Н. Г. Завьялова, В. П. Страхова. Да только ли их?!

Но условия меняются. Выросли и окрепли командные кадры, в становлении которых была немалая заслуга и военных комиссаров. Укрепилось политико-моральное состояние личного состава, боеспособность частей и подразделений. Значительно изменилось их техническое оснащение. В этих условиях Центральный Комитет партии решил упразднить институт военных комиссаров, выполнивший свою роль. В октябре 1942 года он был упразднен и установлено полное единоначалие. Вместо комиссаров и политруков вводились должности заместителей командиров по политчасти.

С введением единоначалия служебное и правовое положение политруков и комиссаров, естественно, изменилось. Однако главное их право — быть впереди, служить примером отваги и мужества в бою — осталось неизменным. Это почетное право политического работника было вместе с тем и его самым могучим оружием морального и политического воздействия на воинов.

В новых условиях перед политорганами встало немало задач. Прежде всего нужно было еще более активно поддерживать и укреплять авторитет командиров, заботиться об их идейно-теоретическом росте, о выработке таких командирских качеств, как чувство ответственности за порученное дело, творческий подход к решению тактических задач, воля и решительность. Приятно было видеть, как росли и мужали наши командиры. Среди них можно назвать командира 523-го стрелкового полка Василия Ивановича Калмыкова, командира дивизии Михаила Никитича Клешина и сменившего его на этой должности Ивана Ивановича Бурлакина.

Все свои усилия заместители командиров по политчасти сосредоточивали теперь на партийно-политической работе по воспитанию личного состава, на улучшении руководства партийными и комсомольскими организациями.

Указ Президиума Верховного Совета СССР, приказ Народного комиссара обороны и другие документы, изданные

в связи с установлением единоначалия, мы изучили с командирами и политработниками. Разумеется, это было лишь началом работы. Предстояла переаттестация политсостава, отбор достойных политработников на командные должности, и, что самое главное, необходимо было решительно изменить весь стиль нашей работы.

В практику вошли регулярные семинары с командирами рот и батальонов по вопросам партийно-политической работы. Те же проблемы обсуждались и с командирами полков. Основной упор делался на индивидуальную работу с командирами-единоначальниками. Характерно, что и сами командиры стали больше интересоваться политическим воспитанием личного состава, деятельностью партийных и комсомольских организаций.

В те дни бойцы проявляли особый интерес к беседам на тему «Наш командир». Речь шла о командире полка, батальона, роты, взвода, раскрывалась его роль в бою.

Что касается заместителей командиров по политчасти, то они хорошо понимали свою роль и довольно быстро освоились с новыми для них положением и обязанностями.

Новое Рамушево

Полузатемненные фары тускло освещали дорогу. Шофер, привыкший к превратностям фронтовых дорог и ночным поездкам, уверенно вел машину.

Дивизия перемещалась в новый район боевых действий. Мы с командиром И. И. Бурлакиным спешили. Хотелось еще до прибытия частей в районы сосредоточения встретиться с командирами и их заместителями по политчасти, дать необходимые указания, предостеречь от возможных ошибок.

Внезапная передислокация была вызвана развитием событий на юге страны. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом послужил толчком к мощному зимнему наступлению Красной Армии.

Используя благоприятную обстановку, командование Северо-Западного фронта в середине февраля 1943 года начало наступление с целью ликвидации демянского плацдарма противника.

На подготовку наступления мы располагали лишь двумя-тремя сутками. Между тем объем работы предстоял значительный. Надо было разобраться в группировке противника, сменить в полосе обороны подразделения 15-й отдельной стрелковой бригады, подготовить к бою личный состав, обеспечить его всем необходимым, занять исходное положение

шие для наступления. Короче говоря, нельзя было терять ни минуты.

Сведения о противнике, которые мы получили в 15-й бригаде, не отличались полнотой. Контрольных пленных бригада давно не имела. Подступы к переднему краю врага почти на всем протяжении прикрывал сплошной лесной массив, изобилующий завалами. Лишь на двух, относительно открытых участках можно было угадать начертание переднего края обороны и расположение оборонительных сооружений противника. Всем этим командир дивизии И. И. Бурлакн был сильно раздосадован.

— Наступать по глубокому снегу и лесным завалам, не зная точно расположения противника, не подавив его огневых средств, — бессмысленно, — сказал он. — Надо искать какой-то выход...

Кто-то заметил, что, мол, Суворов Измаил одолел. А перед нами никакая не крепость, а богатыри наши не хуже суворовских. На это комдив резонно ответил:

— Во-первых, Суворов потом признавался, что решиться на такое можно только раз в жизни. Во-вторых, ему видно было, что предстояло штурмовать, а мы даже не знаем толком, где этот «Измаил».

Орешек действительно оказался крепким. Как выяснилось потом, передний край обороны противника плотно прикрывала густая сеть проволочных и минных заграждений. Тут были рогатки, ежи, спираль «Бруно», проволочные заграждения в два кола. В 30—50 метрах за ними располагалась линия дзотов (на глубину 50—300 метров) с деревянными двойными стенами, между которыми была насыпана земля. Между дзотами были сооружены открытые площадки и окопы с одетыми крутостями.

В дзотах располагались лишь дежурные подразделения. Основная часть гитлеровцев пряталась в блиндажах, построенных в 75—120 метрах от них.

Между дзотами проходил забор из колючей проволоки в три кола. По обе его стороны были лесные завалы высотой более двух метров, засыпанные снегом. Далее возвышался почти на два метра деревянный забор с амбразурами, напоминавший крепостную стену. С фронта забор прикрывал земляной вал толщиной 1,2—1,5 метра у основания. По валу снова тянулись рогатки из колючей проволоки и спираль «Бруно». Таков был этот «Измаил».

Поначалу были лишь догадки — кто, что и где? Чтобы хоть как-то ответить на эти вопросы, мы оставили в бригаде для дополнительного изучения обстановки инженера и

начальника разведки дивизии. Условились с комбригом о проведении в ночь на 20 февраля разведпоиска. А сами поспешили на КП дивизии, где должны были собраться командиры и замполиты частей. В пути думы о предстоящем наступлении не покидали нас.

— В данных условиях, — сказал комдив, — я вижу выход в том, чтобы поставить как можно больше артиллерии на прямую наводку, организовать действие штурмовыми группами и добиться максимума инициативы и взаимодействия на всех уровнях, особенно в низшем звене — роте. Необходимы второй эшелон и сильный резерв.

По приезде на КП И. И. Бурлакин подробно проинформировал начальника штаба дивизии. Было принято соответствующее решение.

На совещании командиров и замполитов частей комдив объявил приказ командарма. «Войска армии, — говорилось в приказе, — переходят в наступление в общем направлении Малые Дубовицы, Рамушево с задачей выйти на реку Ловать на участке Александровка, Рамушево, Отмычкино, Коровитчино, перерезать коммуникации Старая Русса — Васильевщина».

Комдив зачитал пункт приказа, относящийся непосредственно к нам: «188-й стрелковой дивизии с ротой 276-го инженерного саперного батальона к 6.00 21 января сменить в своей полосе части 15-й отдельной стрелковой бригады и нанести удар в направлении Новое Рамушево с ближайшей задачей выйти на западные опушки лесов восточнее Новое Рамушево и к исходу дня — на р. Ловать»¹.

Затем он рассказал об особенностях обстановки и поставил задачи перед полками и службами.

— В основу организации наступления положить действия штурмовыми группами, — сказал командир. — Каждая рота первого эшелона должна иметь саперов и орудия прямой наводки. Необходимо усилить их пулеметами и противотанковыми ружьями. Для стрельбы прямой наводкой поставить не только всю полковую артиллерию, но и часть дивизионной. Командирам полков тщательно продумать вопросы взаимодействия... Создать сегодня же штурмовые группы и обеспечить их тренировку, вместе с командирами батальонов произвести рекогносцировку своих участков, а ночью сменить части бригады...

На КП дивизии прибыл член Военного совета 11-й армии генерал-майор С. И. Панков. В войсках хорошо знали

¹ ЦАМО, ф. 188сд, оп. 273393, д. 7, л. 49.

этого молодежавого на вид полпработника, очень энергичного и волевого. Бывал он порой несколько резок и даже крут, но всегда прямо высказывал свое мнение, запросто беседовал с солдатами и командирами.

Член Военного совета, воспользовавшись присутствием офицеров частей, рассказал об успехах советских войск на юге и об обстановке на нашем фронте.

— Нам просто стыдно сидеть в обороне и не использовать благоприятные возможности для разгрома врага, — подчеркнул он.

Затем Сергей Иванович обстоятельно говорил об организации партийно-политической работы при подготовке наступления и в ходе его, особенно о расстановке коммунистов и их передовой роли, об инструктировании партийного актива.

Перед отъездом из дивизии он сказал мне:

— Проведите-ка наступление с музыкой. — Заметив мое недоумение, генерал повторил: — Да, да! В буквальном смысле слова — с музыкой. Пришлю вам две машины с громкоговорящими установками. Скажете небольшую речь, а потом — боевой марш!

Мы думали: как и куда вставить эту «музыку», чтобы не раскрыть момент перехода пехоты в атаку и вместе с тем чтобы артиллерийская канонада не заглушала ее.

Командиры частей уехали на передний край для рекогносцировки. В это же время в подразделениях была развернута морально-политическая подготовка к предстоящему бою. Политработники рассказали личному составу об успехах советских войск на юге страны и под Ленинградом. Все это, естественно, подводило людей к мысли о необходимости наступления. С парторганами, комсоргами и агитаторами, а также с подобранным резервом провели семинары об опыте работы в наступательных боях.

Поздно вечером на КП дивизии прибыл генерал-лейтенант П. А. Курочкин. (Командующим фронтом с осени 1942 года стал Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, а П. А. Курочкин был назначен командующим 11-й армией.) Выглядел Павел Алексеевич усталым и казался старше своих сорока лет. Возможно, это впечатление усиливали поголая бритая голова, несколько сипловатый голос, неторопливость речи и движений.

Выслушав и в основе одоблив решение комдива, он обратил внимание на доразведку огневых точек противника, надежное их подавление, тщательность отработки взаимодействия артиллерии и пехоты.

— Для доразведки системы вражеского огня, — сказал командарм, — сразу же после первого артналета пошлите для имитации наступления по одному взводу от каждого батальона первого эшелона. Это позволит засечь огневые средства, которые введет противник.

Командарм поддержал полковника И. И. Бурлакина, решившего выдвинуть на прямую наводку максимум артиллерии. При этом он заметил:

— Многое будет зависеть и от смелых, инициативных действий личного состава, командиров всех степеней.

Командарм ни разу не произнес слово «приказываю» или «требую». Ведя спокойную беседу, он, казалось, только советовал. Но его советы были настолько логичны и убедительны, что становилось ясно — по-иному поступить нельзя.

На фронте приходилось сталкиваться с разным стилем руководства. Встречались командиры, которые в обращении с подчиненными допускали окрик, первые вспышки, даже брань. Таких, к счастью, было совсем немного. Их побаивались, но, как правило, не любили. Преобладали же командиры иного склада: волевые, решительные, обладающие должным тактом. Они относились к людям с глубоким уважением, разговаривали спокойно, вызывая у подчиненного уверенность в своих силах, пробуждая его инициативу, укрепляя готовность смело брать в трудную минуту ответственность на себя. Таким руководителем и был Павел Алексеевич Курочкин. Добавлю, что руководителей этого типа любили, смело веряли им свою жизнь и защищали в бою порой ценой собственной крови.

Встреча с командующим оставила глубокое удовлетворение.

Комдив вместе с начальником штаба занялся доработкой плана, а я отправился в 580-й стрелковый полк.

В полку закончился показ кинокартины «Секретарь райкома».

— Как картина? — спросил я шедших навстречу солдат.

— Очень понравилась, — ответили они хором.

— Посмотрел, и спать идти неохота, — добавил молодой боец. — Пошел бы прямо на передовую — голыми руками душил бы гадов!

— А спать и не придется, — сказал сержант.

— Да, спать действительно не придется, — подтвердил заместитель командира по политчасти полка майор М. Я. Синев. — Есть приказ занимать оборону.

Мне бросилось в глаза отсутствие у некоторых солдат касок. Оказалось, что по разным причинам их нет почти у

каждого третьего воина. Пришлось принимать срочные меры.

Перед занятием обороны вместе с Синевым собрали политработников, определили их задачи. Проинструктировали парторгов. Напомнили о необходимости тщательной маскировки и строгой дисциплины: не отставать, не курить, громко не разговаривать.

Смену частей бригады произвели в ночь на 22 февраля. Остаток ночи и все следующие сутки оборудовали исходное положение для наступления. Рыли в снегу ходы сообщения к переднему краю противника, совершенствовали позиции для минометов и орудий прямой наводки, готовили лыжи и волокуши под орудия и станковые пулеметы. Разведчики продолжали уточнять огневые точки врага, обследовали ничейную полосу. Саперы делали проходы в наших минных полях, разведывали минные заграждения противника. Особенно много трудились командиры. Они изучали систему вражеской обороны и подступы к ней, уточняли боевые задачи и способы их выполнения, расставляли огневые средства, утрясали вопросы взаимодействия.

Утром 22 февраля в полках прошли делегатские партийные собрания, обсудившие задачи коммунистов в предстоящем наступлении. Многие выступления на собраниях звучали как клятва. Сошлось на одно из них.

— Скоро мы пойдем в бой, — говорил кандидат в члены партии красноармеец Выриков. — Именно от нас, коммунистов, зависит его исход. Долг наш перед Родиной, перед партией — личным примером бесстрашия, пренебрежения к смерти увлечь всех красноармейцев на выполнение приказа командира. Со своей стороны заверяю, что звание и честь коммуниста не посрамлю.

И он действительно не посрамил этой высокой чести. Когда сильный пулеметный огонь из вражеского дзота прижал наступающих к земле, Выриков подполз к дзоту и забросал его гранатами, обеспечив продвижение взвода вперед...

В период подготовки к наступлению я побывал на КП полков и батальонов первого эшелона, встретился с заместителями командиров по политчасти, с работниками политотдела. Их доклады свидетельствовали, что в подразделениях все шло по плану. Мы условились о сроках проведения ротных партийных собраний и порядке доведения до личного состава обращения Военного совета армии. Политработники полкового звена, как и работники политотдела, оставались в ротах и батальонах до завершения подготовки к

наступлению. Они разъясняли людям обстановку, заботились о правильной расстановке коммунистов и комсомольцев, обеспечивали прокладку ходов сообщения к рубежу атаки и взаимодействие штурмовых групп, заботились о том, чтобы между стрелками, артиллеристами и саперами налаживалось личное знакомство, развивалась готовность к взаимной выручке в бою.

Найдутся читатели и даже фронтовики, которые могут сказать: «Дело ли политработников, тем более начальника политотдела, заниматься прокладкой ходов к рубежу атаки и другими подобными вопросами?» Возможно, что это и не типичный пример в практике партийно-политической работы. Но наши политработники все эти двое суток не только разъясняли важность этой работы, но и сами облазили тысячи метров траншей, добываясь максимального их приближения к переднему краю противника, благо этому способствовала лесистая местность. Да и противник, прячась за высоким валом своих укреплений, почему-то нам не мешал.

Это «почему-то» нам стало ясно потом, когда в ходе боя мы взяли пленных. Фашисты, как оказалось, были настолько уверены в прочности своей обороны, что готовы были даже допустить наше наступление, рассчитывая, что эти укрепления позволят нанести максимум потерь советским войскам.

По пути в очередную роту я решил побывать на огневых позициях одной из батарей. Встретил там подполковника К. Н. Зайкина, недавно выдвинутого командиром 234-го артполка. Это хорошо подготовленный, влюбленный в свое дело артиллерист, очень старательный и смелый офицер. Он командовал лучшим в полку арtdивизионом, потом был заместителем командира полка.

— Проверяю подготовку позиций для орудий прямой наводки, — доложил он. — Место выбрано удачно, и окопы подготовлены хорошо. С наступлением темноты остается завершить расчистку сектора обстрела и установить пушку.

К нам из глубины леса подошел секретарь партбюро полка капитан М. А. Иващенко. Смоль бровей, оттенявшая его бледное лицо, казалось, еще больше подчеркивала его усталость. Ничего удивительного — третьи сутки на ногах.

— Провели заседание партийного бюро, — сообщил Михаил Андреевич. — Рассмотрели заявления о приеме в партию, приняли товарища Селяникова, наводчика орудия. — И капитан указал на возбужденного воина в полушубке.

На мое поздравление Селяников, несколько смутившись, вначале ответил по-уставному: «Служу Советскому Союзу!»

А затем добавил: «В первом же бою оправдаю высокое звание члена партии».

Ротные партийные собрания состоялись в ночь на 23 февраля. Девиз был один: «Ознаменуем 25-летие Красной Армии разгромом врага». На собраниях принимались решения, обязывающие каждого коммуниста быть примером в бою. Активистам поручалось провести индивидуальные и групповые беседы о знаменательной дате и задачах в бою. Особое внимание уделялось воинам, которые еще не участвовали в наступлении. На партийных собраниях коммунисты заявляли, что они первыми поднимутся в атаку, получали задания передать по цепи сообщение о подвигах товарищей, а если выйдет из строя командир, то и замечать его.

Незадолго до рассвета командиры подразделений объявили приказ о наступлении, зачитали обращение Военного совета армии.

...На наблюдательном пункте командира дивизии непрерывно зуммерили телефоны. Командиры частей докладывали о результатах наблюдений и готовности к наступлению. Командующий артиллерией дивизии полковник Г. И. Блинов доложил о завершении пристрелки и готовности артиллерии к открытию огня.

— Ну что ж, Наумыч, сделали, кажется, все необходимое, чтобы добиться успеха, — обратился ко мне комдив.

— День 25-летия Красной Армии, да еще по соседству с Псковом и Нарвой, товарищ комдив, нам грешно не отметить победой, — ответил за меня Г. И. Блинов.

Стало совсем светло. Стрелки часов подошли к 10.00. По всему нашему фронту прозвучала команда «Огонь!». Грохот артподготовки, нарушив напряженную тишину, эхом понесся по лесным далям. Артиллерийский налет по переднему краю противника продолжался пять минут. Затем пошли вперед усиленные взводы — по одному от каждого батальона. Их цель — доразведать оборону. Противник начал отвечать. Командиры фиксировали каждую огневую точку.

Пора было начинать «музыку». Я поздравил воинов с 25-й годовщиной Красной Армии, призвал их к дружному наступлению. Из репродуктора полились звуки марша.

После уточнения задач и подготовки данных для стрельбы артиллеристы произвели новый, теперь более мощный артналет по переднему краю противника и его артиллерийским и минометным батареям в глубине. Тем временем стрелковые подразделения, используя подготовленные накануне ходы сообщения, продвинулись на максимально возможное расстояние. За три минуты до завершения артилле-

рийской подготовки прозвучал общий сигнал к атаке, и цепи ринулись вперед. Я уже писал о том, насколько разветвленной и укрепленной в инженерном отношении была оборона противника. Его огневые средства, в том числе молчавшие до сих пор (а их оказалось куда больше, чем мы предполагали), обрушили лавину металла против наступавших. Атака нашей пехоты, несмотря на исключительный героизм людей, захлебнулась.

Новая атака была назначена на 14.00. Командиры по результатам наблюдения уточнили данные для стрельбы на подавление и уничтожение ранее известных и вновь выявленных огневых средств противника. Выслушав информацию заместителей командиров по политчасти полков и дав необходимые указания, я поспешил на передний край.

Перебежками и ползком добрался до командного пункта 2-го батальона 595-го стрелкового полка. Неудача, конечно, огорчала, щемил сердце сообщения о потерях, но места для сомнений в конечном исходе боя все же не было. Несмотря на крайне ограниченное время, подготовка шла основательно. Да и в людей я верил безгранично.

Заместитель командира батальона старший лейтенант М. К. Ломсадзе доложил о гибели командира батальона капитана С. Д. Чурбакова. Мне уже раньше сообщили эту горькую весть, но, узнав подробности, заново пережил его гибель. Смелый он был человек. Может, и напрасно пытался сам возглавить повторную атаку, когда захлебнулась первая, но разве можно упрекать командира за это. Старший лейтенант Ломсадзе изложил свой план новой атаки. Интересный ее замысел свидетельствовал о боевой зрелости офицера, еще в недавнем прошлом учителя из Грозного. Вместе с Ломсадзе и заместителем комбата по политчасти капитаном Н. Л. Пovyшевым мы обсудили план подготовки к новому штурму, продумали, как лучше организовать огонь, как разяснить задачи в ротах и мобилизовать личный состав на решительные действия.

Такая же работа велась и в других подразделениях. Командиры уточняли задачи, политработники, переползая от одного воина к другому, разясняли обстановку, заменяли выбывших из строя парторгов, комсоргов и агитаторов, инструкторовали их.

В 14.00 после артиллерийской подготовки подразделения снова поднялись в атаку. Интенсивность огня противника была и на этот раз довольно высокой, но все же слабее, чем прежде. Многие огневые точки замолкли. В трех местах оборонительный вал был разрушен орудиями прямой на-

водки и действиями саперов. Тем не менее противник, используя мощные инженерные сооружения, оборонялся с невероятным упорством. От наших воинов требовались предельное мужество и поистине сверхчеловеческие усилия, чтобы преодолеть вражескую оборону. Немало подвигов было совершено в эти трудные часы и минуты.

Младший лейтенант А. И. Бадаев с саперами имел задачу проделать проход в деревоземляном валу, прикрывавшем укрепления противника. Когда вал, казалось, был совсем рядом, вражеский пулеметчик заметил группу советских воинов и открыл интенсивный огонь. Стрелкам, прикрывавшим саперов, подавить пулемет не удалось. Бадаев понял, что промедление смерти подобно. Он и его бойцы, нагруженные толком, поднялись во весь рост. Бадаев метнул гранату в пулеметчика, на какое-то время ослепил его. С криком «За Родину!» воины дружно бросились в атаку и подорвали заграждение. Коммунист Бадаев погиб, но задачу свою выполнил. Воины стрелковой роты, наступавшей за взводом саперов, воспользовавшись пробитой брешью, стремительно продвинулись вперед.

Наступлению взвода 4-й стрелковой роты 595-го стрелкового полка сильно мешал огонь вражеского пулемета, а расчет противотанкового ружья, которому было поручено уничтожить этот пулемет, почему-то бездействовал. Тогда командир роты А. Ф. Соломин вплотную подполз к петеэровцам. Он увидел, что оба солдата погибли. Соломин сам лег за ружье и уничтожил пулемет противника.

В том же полку вражеская пуля сразила командира орудия, выдвинутого на прямую наводку. Комсомолец Е. М. Митрошин крикнул: «Командование беру на себя. Отомстим, товарищи, за смерть командира!» И расчет, продолжая бой, разрушил два дзота противника.

На участке 580-го стрелкового полка первой к земляному валу подошла рота старшего лейтенанта С. К. Уткина. Однако интенсивный огонь противника и заграждения задержали ее продвижение. Создалось трудное положение. И тут подвиг совершил командир взвода старший лейтенант Василий Федорович Попов. Оценив обстановку, он поднялся во весь рост и крикнул воинам: «За Родину! Умирать, так с музыкой! За мной!» Вместе с офицером на вал бросились сержант Симушкин, рядовые Тарасов, Лужин, Савиш, Трусов. В дело пошли гранаты. В едином порыве воины взвода преодолели преграду. За ними бросились все воины роты. Лес и начавшие стучаться сумерки помогли героям. Их появление в расположении противника оказалось

неожиданным. Враг дрогнул. Попов в этом бою погиб, но погиб как герой и остался в памяти победителем. По сей день перед моими глазами стоит офицер небольшого роста, энергичный, веселый и острый на язык, любивший музыку, шутку. До боя он руководил небольшой группой самодеятельных музыкантов. О подвиге воинов взвода Попова мы тут же сообщили по громкоговорящей установке.

К 18 часам первая позиция обороны противника, имевшая около 400 дзотов и блиндажей, нафаршированных большим количеством огневых средств, была прорвана на всю глубину. Для развития успеха командир дивизии согласно замыслу боя ввел в прорыв отдельный лыжный батальон под командованием капитана И. В. Аверьянова.

Я встретил лыжников неподалеку от НП и, пока командир получал задачу, ознакомил личный состав с обстановкой в полосе дивизии, рассказал об отличившихся в бою. Потом, провожая батальон до линии передовых подразделений, поговорил с командиром, замполитом, парторгом, с командирами взводов и активом. Действовал батальон успешно: ударом во фланг противнику он значительно расширил участок прорыва.

Бой продолжался всю ночь. Стрелковые подразделения не только сумели отразить контратаки противника, но и значительно продвинулись в глубину его обороны.

Командиры и политработники подвели итоги боя, отметили воинов, проявивших мужество и храбрость. Были сделаны представления о награждении орденами и медалями. По радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего, посвященный 25-й годовщине Красной Армии. Воины с огромным вниманием слушали слова приказа, звучавшие для них столь актуально: «Усилить удары по вражеским войскам, неустанно и упорно преследовать врага, не давать ему закрепляться на оборонительных рубежах, не давать ему отдыха ни днем, ни ночью...»

Утром 24 февраля командир дивизии ввел в бой второй эшелон — 523-й стрелковый полк. Еще накануне в этот полк для оказания помощи ушел заместитель начальника политотдела. Он информировал командиров и политработников об уроках первого дня наступления, о массовом героизме воинов дивизии при прорыве вражеской обороны. Бой развернулся с новой силой...

Длинная цепь боев, начатых на Северо-Западном фронте зимой 1943 года, завершилась в конце февраля ликвидацией демянского плацдарма противника и выходом войск фронта к середине марта на рубеж реки Редья.

Бой дивизии под Рамушево был одним из небольших эпизодов в масштабах войны. Таких боев местного значения на нашем фронте было немало. Все они, как правило, не отличались значительным размахом. Но какого напряжения они стоили! По своему накалу эти бои нередко превосходили многие из тех больших, в которых мне пришлось участвовать потом. Важно одно: в ходе боев на Северо-Западном фронте было перемолото немало сил вермахта, которые очень нужны были Гитлеру под Ленинградом и на южном направлении.

Близилась полночь, когда я по пути из политотдела армии вместе с инструктором по учету партийных документов старшим лейтенантом М. В. Сиротиним подъехал к лесу, где в ходе наступления разместился медсанбат дивизии. Не без труда — по шуму движка походной электростанции, освещающей операционную, — отыскали батальон. В блиндаже на носилках и прямо на полу лежали раненые, ожидавшие своей очереди на операцию.

Тут же хлопотали медицинская сестра и несколько санитаров — бойцов из команды выздоравливающих. Осторожно ступая между носилками, мы прошли к операционной. Послышались отрывистые и властные голоса:

- Кохер!
- Скальпель!
- Тампон!

В белых марлевых масках у столов трудились хирурги медсанбата Г. С. Гордеев, Я. Л. Иткин, Г. А. Беляк. Рядом с ними споро действовали недавние студентки Ленинградского медицинского института коммунисты В. С. Городович, Н. П. Хрулева и секретарь комсомольского бюро батальона Н. В. Янголенко. Все они когда-то мечтали стать детскими врачами. Именно по этой специальности — педиатрии — спрашивали их на государственных экзаменах, прошедших уже под аккомпанемент слышимой в городе на Неве вражеской канонады. Но война потребовала от молодых врачей овладеть самой нужной на фронте специальностью — хирургией. Сделать это нужно было быстро и хорошо. Молодым хирургам заботливо помогали их младшие, но опытные коллеги — операционные сестры комсомолки А. Н. Грошева, Т. С. Андреева, Е. А. Щукина, Н. С. Федотова.

— Молодцы наши девушки, — много раз говорил мне старший хирург медсанбата М. А. Кощеев, наш дивизионный «Пирогов». — Работают так, как будто всю жизнь занимались полевой хирургией.

...Бой шел уже несколько суток подряд. Поток раненых не ослабевал. Большинству из них требовалась безотлагательная помощь, и хирурги работали самоотверженно, до изнеможения. Осупились лица, покраснели от бессонницы глаза, но надо было спасать людей, и это заставляло забывать обо всем. А затем, свалившись на жесткую постель, врачи засыпали на два-три часа и снова становились на свою тяжелую вахту.

В нескольких десятках метров от операционного блиндажа находился блиндаж тяжелораненых. Все они подлежали эвакуации во фронтовой или в тыловой госпиталь. Мы зашли туда вместе с командиром батальона П. И. Кирышей, его заместителем по политической части М. Я. Якупиным.

Дежурная сестра комсомолка М. М. Васильева и ее напарница санитарка только на минуту подошли к нам и тут же, извинившись, поспешили к раненым. Они подходили то к одному, то к другому, кому-то давали пить, а кого-то отговаривали от желания утолить мучительную жажду, ободряли, поправляли повязки или одеяло. Иногда присаживались, чтобы написать под диктовку война весточку его родным.

В дежурной сестре Васильевой — хрупкой и грациозной ленинградке с мягкой и легкой походкой — трудно было предположить солдатские качества. Но в дивизии многие знали о ее подвиге. Некоторое время тому назад, когда медсанбат размещался в деревне Веретье, фашистские стервятники, попирая элементарные нормы гуманности и международного права, обрушили бомбы на дом с традиционным Красным Крестом. Дом, в котором находились тяжелораненые, загорелся. Пламя охватило крышу, а затем и сруб. Но сестры Маша Васильева и Юлия Малахова, завернувшись в мокрые шинели, под пулеметным обстрелом штурмующих самолетов вбежали в горящий дом и начали выносить раненых одного за другим. Тринадцатого — последнего — они вынесли лишь за минуту до того, как рухнула крыша. Мужество этих замечательных девушек отмечено медалью «За отвагу».

Обходим раненых. Тихо приветствуем каждого и тепло благодарим за службу и мужество, проявленное в бою. Выслушиваем и записываем просьбы, отвечаем на вопросы. Люди интересуются ходом боя, тем, как он проходил после их ранения.

На осунувшемся лице с заостренным носом узнаю знакомые рыжие усы майора Михаила Андреевича Дорощкевича, раненного накануне. Тяжелая военная судьба не всегда

благоволила к этому мужественному, старательному и уже немолодому офицеру. Как и многие на войне, он знал не только радости побед. Увы, жизнь его покидала. По-детски волнуясь, он шепчет пересохшими губами слова благодарности за посещение и обещает скоро вернуться в дивизию. С комом в горле стараюсь подбодрить его — рассказываю об успехе боя. На прощание целую и с тяжелым сознанием расставания навечно и какой-то личной вины неоплаченного долга отхожу к другому раненому.

Закончив обход, оставляем землянку со смешанным чувством гордости за мужество и самоотверженность воинов, крайнего сожаления за их судьбы и горячего участия к их страданиям.

Раненые, прежде чем доставлялись в медсанбат, как правило, попадали в заботливые руки санитаров рот, фельдшер батальонов и полковых врачей. Среди них тоже было значительное количество женщин. Уверен, что многие воины дивизии помнят З. М. Гусарову, Н. М. Виноградову, К. С. Чайкину, С. Е. Городецкую, Л. Ф. Алипову, Л. И. Заручейникову, О. П. Мажугу, Г. Я. Городкову и их подруг-соратниц. Вместе с врачами и фельдшерами А. И. Дружковым, М. Н. Щербатюком, М. Ф. Лукьяновым, И. Т. Кроленковым, И. Ф. Фащуком, Г. К. Кеменеджяном они с поразительной самоотверженностью делали все, чтобы спасти раненых и облегчить их страдания. Каким великим и благородным был их небезопасный труд!

На полковых и батальонных медицинских пунктах операций не делали. Там производили лишь первичную обработку ран, чаще всего просто накладывали повязки, в необходимых случаях — шину. Но от того, как быстро будет раненый вынесен с поля боя, от правильной и своевременной первой медицинской помощи во многом зависела судьба человека.

Нелегко приходилось девушкам-воинам в медсанбате, а еще труднее — в полках и батальонах. И физические нагрузки выпадали немалые, иной раз под стать лишь крепкому парню, и был бы не очень-то благоустроен. К этому надо добавить опасность от всех видов вражеского огня. А ведь служили девушки не только в ближнем тылу. Ходили они и в бой вместе с бойцами, нередко участвовали в предельно трудных и опасных разведпоисках, чтобы тут же, на месте, оказать помощь раненому. Именно в разведке спасла жизнь нескольким воинам стройная, миловидная де-

вушка из Подмосковья С. И. Старостина, ныне партийный работник.

На ратном поле можно было увидеть девушек-санструкторов, мужественно пробравшихся среди разрывов мин и снарядов, зловещего пения пуль. В последнем бою мы недосчитались Веры Михайловой. Вражеская пуля оборвала ее жизнь во время перевязки раненого бойца, с наполовину размотанным бинтом в руках.

А эвакуация с поля боя! Какой это тяжелый и героический труд! Скажу о санструкторе Т. И. Кузнецовой. Только за несколько дней боя она вынесла 57 раненых! Столь же внушительен был счет у А. С. Красильниковой и многих других.

Девушки были связистками, машинистками, хлебопеками, переводчиками, работницами полевой почты... Их труд был тоже полон большого напряжения, а нередко и опасности. И мужества от них требовалось не меньше, чем от мужчин.

В бою под Новое Рамушево я видел в 580-м полку, как свердловчанка М. Г. Пелевина, совсем еще девочка, с поразительным спокойствием и упорством обеспечивала связь командиру полка, которая то и дело прерывалась от систематических повреждений на линии. С таким же мужеством трудилась ее землячка, радиотелеграфистка комсомолка Н. П. Белоногова в 595-м стрелковом полку. С большой самоотверженностью работали на дивизионном хлебозаводе А. П. Гамзина и А. В. Гордеева.

Бойцы относились к своим боевым соратницам-девушкам с огромным уважением, нежной признательностью, любовью. Их звали ласково «сестра», «сестричка» независимо от того, обращались ли к медику, связисту или хлебопеку.

С женщинами, как и со всеми воинами, систематически проводилась политическая работа. Мы заботились об укреплении партийного и комсомольского ядра в их среде. Пропагандировали примеры героизма, всемерно привлекали женщин к активному участию во всех политико-воспитательных мероприятиях, к работе партийных и комсомольских организаций. Оправдали себя и периодические совещания женщин, на которых обсуждались общеполитические и служебные вопросы.

Разумеется, женщины-воины, которые наравне с мужчинами несли тяготы войны, требовали и дополнительного внимания. Речь идет хотя бы об элементарном уюте, о подгонке обмундирования и обуви, о предметах женского

туалета и других специфических проблемах. Женщина и в окопе оставалась женщиной!

Далеко за полночь возвращались мы на командный пункт. В памяти всплыли стихи поэта, посвященные русской женщине:

...Во всякой одежде красива,
Во всякой работе ловка.
И голод, и холод выносит.
Всегда терпелива, равна...
...В беде — не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Как эти строки были созвучны тому, что мы видели и что знали о женщинах-воинах, шедших рядом с нами по фронтовым дорогам!

Образ женщины с погонами на плечах живет в нашем сознании как светлый пример самоотверженности и патриотизма.

Одной из важных мер, направленных на усиление политической работы в войсках, была реорганизация структуры партийных и комсомольских организаций, предпринятая по решению ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года. На этот счет мы получили директиву Главного политического управления. Теперь структура выглядела так: в полку — партийное бюро во главе с парторгом, в батальоне (отдельной роте) — первичная партийная организация во главе с парторгом, в роте — ротная партийная организация во главе с парторгом. При этом парторги назначались, что позволяло быстро заменять выбывших из строя руководителей, сохранять непрерывность партийной работы, партийного влияния в боевой обстановке.

Создание первичных партийных организаций в батальонах и дивизионах, укрепление ротных партийных организаций — все это способствовало повышению их роли в воспитании личного состава. А это было очень важно, тем более если учесть, что к тому времени институт заместителей командиров рот и батарей был упразднен.

Число первичных партийных организаций у нас в дивизии выросло почти в три раза и достигло 50. Парторгмами и комсоргами батальонов и дивизионов (а это были освобожденные работники) мы подобрали сравнительно опытных товарищей, преимущественно из бывших ротных (батарейных) замполитов. Труднее было с подбором парторгов рот и ба-

тарей. На эти посты назначались менее опытные, с небольшим стажем коммунисты. Половина из них в роли партийного вожака выступала впервые. Среди парторгов рот и батарей было 12 командиров взводов, 17 командиров отделений, остальные — рядовые.

Естественно, что партийные руководители всех этих звеньев нуждались в совете и помощи. И мы не жалели времени, чтобы побеседовать с каждым, тем более что обстановка позволяла. Политотдел провел специальный семинар с парторгами батальонов и дивизионов. А с парторгами рот и батарей семинары состоялись во всех полках.

Особое внимание уделялось первым партийным собраниям в батальонах и дивизионах. Это и понятно. Ведь на этих собраниях обсуждался один из коренных вопросов — задачи первичной организации в воспитании личного состава. Готовили собрания и участвовали в них все работники политотдела, командиры и политработники.

Весна и лето 1943 года прошли в трудах и заботах. Дивизия не раз участвовала в боях на разных участках Северо-Западного фронта, закреплялась на занятых рубежах, совершала марши по болотистым дорогам. Менялись номера армий, в которые входила дивизия. Кроме упомянутых выше 11-й и 27-й она была в составе 1-й ударной, 34-й и 68-й армий. Менялась и моя должность. В 1942 году какое-то время я был комиссаром, а потом заместителем командира дивизии по политчасти. Мне приходилось встречаться с командующими армиями генералами С. Г. Трофименко, И. Г. Советниковым, Г. П. Коротковым, Ф. П. Озеровым, членами военных советов Д. Е. Колесниковым, В. И. Черешнюком, В. Д. Шабановым, И. П. Шевченко. Все они оставили большой след в моей памяти,

Расскажу о встречах с одним из них — членом Военного совета 1-й ударной армии генералом Д. Е. Колесниковым. Его смуглое обветренное лицо, не по возрасту побелевшие волосы, маленькие умные глаза, светившиеся вниманием и добротой, его забота, которую я ощутил уже при первой встрече, — все это прочно сохранилось в памяти. Он был строг, по-партийному принципиален. Никому не прощал недостатков и промахов, не терпел лени и халатности, но высоко ценил и всячески поощрял старание, инициативу, добросовестность и смелость в бою. Его отличала высокая общая культура.

Много раз генерал Колесников бывал в нашей дивизии,

в ее полках, подробно интересовался работой политотдела, беседовал с командирами и политработниками, выступал перед личным составом. Порой возникало ощущение, что, беседуя, он не только не поучает, но даже не советует, а как бы доверительно делится своими мыслями. Приезжал он обычно один.

Как-то Дмитрий Емельянович неожиданно прибыл к нам вместе с членом Военного совета фронта генералом Ф. Е. Бокковым. В это время я находился в 523-м стрелковом полку, проводил там занятия с парторгами рот. И вдруг прибегает дежурный и сообщает, что я, как только закончу занятия, должен срочно прибыть на КП дивизии.

На КП встречаю начальника политотдела дивизии полковника В. С. Игнатова. От него узнаю, что уже часа полтора в дивизии находятся члены военных советов.

— Что же вы не позвонили раньше? — спрашиваю у Игнатова.

— Узнав, что вы проводите занятия, запретили. Не надо, говорят, срывать. Были у комдива. Сейчас в вашей землянке.

Генерал Ф. Е. Боков, высокий, чуть лысеющий блондин с голубыми глазами, беседовал о чем-то со старшим инструктором по оргпарработе П. Н. Чаплинским. Генерал Д. Е. Колесников перебирал книги моей скромной библиотечки, с которой я не расставался всю войну.

— Вернулся, вот и хорошо, — произнес Боков, когда я ему представился.

Чаплинский вскоре ушел, и Федор Ефимович Боков попросил рассказать, как выполняется директива Главного политического управления об изменении структуры партийных и комсомольских организаций.

Я подробно доложил об изучении директивы, о реорганизации структуры, о том, как прошли партийные собрания и как мы работаем с парторгами.

— Детализировать не надо, — сказал генерал Боков. — Ваш план мы видели, он нам понравился.

Зашла речь о дивизионной газете «На врага!».

— Газета у них хорошая, боевая, — заметил Колесников, обращаясь к Бокову. — Шинкаренко, как бывший газетчик, занимается ею много.

Утверждение насчет «газетчика» было явным преувеличением, так как вся моя профессиональная подготовка в области журналистики ограничивалась краткосрочными курсами при ЦК ВКП(б), а практика — редактированием институтской многотиражки. Но возражать я не стал.

Генералы Ф. Е. Боков и Д. Е. Колесников после беседы сразу же уехали. Но неужели они ждали меня полтора часа только потому, чтобы накоротке выслушать доклад? Неспроста все это.

Вскоре меня вызвали в политотдел армии, где в то время находился представитель ГлавПУ РККА генерал-майор П. А. Лапкин. Поинтересовавшись моей биографией, он сказал:

— Должность заместителя командира дивизии по политической части и должность начальника политотдела, как вам, очевидно, известно, объединяются. Военный совет фронта на эту новую, объединенную должность предлагает вашу кандидатуру. Как вы смотрите?

Я ответил, что буду рад остаться в дивизии. За полтора года службы привык к ней, полюбил ее людей и не представляю, как могу с ними расстаться.

19 августа 1943 года... В составе 34-й армии дивизия вела тяжелый бой. Вместе с комдивом полковником М. Г. Воловичем (на этом посту он сменил генерала И. И. Бурлакина, получившего перевод в гвардейскую дивизию) мы находились на НП командира 595-го стрелкового полка в районе Пенно под Старой Руссой. Ознакомившись с ходом боевых действий, Михаил Григорьевич присел на край окопа, склонился над картой. Едва я отошел от него к рации, как рядом взметнулось пламя разрыва тяжелого снаряда. На какое-то время потерял сознание. Меня засыпало грунтом. Потом очень болела голова. Во рту ощущал солоноватый привкус крови. Но я отделался контузией. А комдив Волович и его адъютант были убиты.

Михаил Григорьевич Волович был уже немолодой, познавший в жизни многое офицер. И конечно, гибель его мы тяжело переживали.

Три дня спустя дивизию неожиданно вывели в резерв фронта. А несколько позже мы получили новый приказ — о передислокации на другой фронт.

Все мы, ветераны дивизии, встретили это известие со смешанным чувством. Было радостно от возможности поехать на одно из направлений, где шли в то время крупномасштабные наступательные операции. Но разве легко расстаться с краем, где ты сражался, не жалея крови и самой жизни?! И пусть действия именовались подчас «боями местного значения» (да и развертывались они в районах, где, по выражению остряков, «бог в спешке забыл отделить су-

шу от воды»), подвиги однополчан в этих боях остаются для каждого из нас бесконечно дорогими. В тяжкую пору 41-го воины Северо-Западного фронта первыми остановили продвижение гитлеровцев, удержали Валдайские высоты, не пустили врага к Октябрьской железной дороге, а в начале 42-го подали пример окружения крупной оперативной группировки противника. В последующем активные боевые действия фронта не только наносили потери врагу, но и лишали его возможности перебрасывать войска на другие направления.

С известием о передислокации, казалось, что-то обрывалось внутри. Мы отступили в эти древнерусские края с тяжелыми боями от самой границы. Сколько боевых друзей, однополчан потеряли мы на этом трудном пути и в боях под Старой Руссой! Перед глазами один за другим вставали они как живые, мужественные, сильные люди, люди высокого долга и подвига. Младший лейтенант Алексей Тимофеевич Аристов, истребивший в неравном бою около полусотни гитлеровцев, капитан Алексей Федорович Величко, первым со своим батальоном ворвавшийся в ходе январского наступления в Старую Руссу и стойко сражавшийся там до последнего вдоха, скромный труженик и прекрасный боевой товарищ заместитель начальника политотдела дивизии Иван Тихонович Тихонов, погибший под бомбами врага, сын полка Геннадий Дроздов, отдавший жизнь за победу под Новое Рамушево, отважный разведчик Герой Советского Союза Я. М. Устюжанин, погибший при выполнении боевого задания, душевный и смелый политический наставник, заместитель командира батальона по политчасти Илья Филиппович Демидов, возглавивший атаку роты в тяжелом бою...

Да разве перечислишь всех, кто, подобно горьковскому Данко, пламенем своего бесстрашного, благородного сердца освещал путь к победе...

И подумалось мне, что где-то здесь — на стенах ли древнего города Старая Русса или при выезде из Валдая — следовало бы большими буквами, перефразируя древних, написать:

«Остановись и сними шапку, путник, у каждой из многочисленных воинских могил на Валдайской возвышенности! В них лежат защитники Москвы, Ленинграда и Сталинграда, защитники Родины, отдавшие жизнь за твое право на жизнь».

НА ПОЛЯХ УКРАИНЫ

На криворожском направлении

28 августа 1943 года со станции Парффино отбыл первый эшелон, а в ночь на 30-е застучали колеса вагонов с управлением дивизии. Прощай, Северо-Западный!

Позади остались Валдай, Бологое, Калинин. И вот уже миновали Москву...

В районе Орла и Курска все напоминало о скрежете танковых гусениц и залпах артиллерийских орудий: здесь, казалось, еще не остыла земля, на которой разыгралась великая битва. Впрочем, приближение к фронту мы ощутили непосредственно. На эшелон управления и 1-го дивизиона артполка налетели вражеские самолеты. Несколько человек было убито и ранено. В числе раненых были командир полка С. В. Петров (он сменил погибшего в бою К. Н. Зайкина) и начальник штаба майор Р. М. Амирьян. Одна из зажигательных бомб угодила в платформу с боеприпасами. Начался пожар. Вот-вот могли взорваться снаряды. В этой опасной для всего эшелона ситуации бойцовский характер проявил артиллерийский техник В. М. Силантьев. Обожженный, он бросился в очаг пожара и погасил огонь. Катастрофа была предотвращена.

9 сентября мы прибыли на станцию Слатино и после небольшого марша сосредоточились в районе Черкасская, Лозовая, в 10—12 километрах от Харькова.

Предстояли бои в новом, отличном от прошлого районе боевых действий. До этого дивизия сражалась в лесисто-болотистой местности, где было ограничено визуальное наблюдение и где командиры и штабы многое делали по карте. Боец подчас обнаруживал противника, столкнувшись с ним лишь нос к носу. На Северо-Западном реке приходилось встречаться с действиями больших масс вражеских танков, авиации. По-иному решались там и вопросы маскировки. Теперь, войдя в состав войск Степного фронта, перед которым лежал широкий Днепр, дивизия должна была решать задачи, связанные с форсированием реки. Между тем

опыта преодоления водных рубежей такого масштаба мы не имели. Некоторые солдаты даже не умели плавать.

Да, многому предстояло нам учиться. Это казалось важным еще и потому, что дивизия получила новое пополнение. Сразу же, не теряя времени, штаб разработал специальную программу обучения, рассчитанную на десять дней. Начались занятия и тренировки. Учились, как говорится, от зари до зари. На восьмой день в район показательных тактических учений батальона, которые мы проводили, прибыл командир 82-го стрелкового корпуса генерал П. Г. Кузнецов. Выслушав доклад комдива полковника В. Я. Даниленко, он петоропливо сказал:

— Академия ваша закончилась. Сегодня, в 20.00, начнете марш к Днепру.

— Как же, товарищ комкор, — обратился к нему комдив, — мы же еще не закончили обучение по программе.

— Что поделаешь, война, — ответил чуть сипловатым голосом комкор и, немножко помолчав, добавил: — Марш будете совершать по ночам, а днем доучиваться. Обращаю внимание, — сказал он, — на необходимость строжайшей дисциплины и организованности. Учтите, местность здесь открытая, поэтому тщательно продумайте способы маскировки и организацию противовоздушной обороны.

Не буду подробно рассказывать о марше, который был, в общем-то, не из легких. За короткую летнюю ночь мы шагали по 20—25 километров. И так несколько суток подряд. И у каждого за плечами оружие, другая солдатская поклажа — в общей сложности 25—30 килограммов!

Уже в первые дни марша мы начали готовить митинги, посвященные задаче завершения освобождения Украины.

...Митинг в 523-м стрелковом полку открыл заместитель командира полка по политчасти майор Н. И. Ряховский, сменивший на этой должности Кощева, который перешел на другую работу. Один за другим на импровизированную трибуну поднимались воины полка и местные жители. С гневом говорили они о страшных бедствиях и разрушениях, которые принесли Украине гитлеровцы, и клялись не жалеть сил для ее освобождения.

Слово предоставлено лейтенанту Пищине, хорошо знавшему места, по которым двигался полк. От волнения он долго не мог начать свою речь.

— Здесь были богатые колхозы, — говорил он. — Все губили оккупанты. Они принесли на Украину кнут и виселицу, сожгли наши села. Ненависть к врагу и жажда мести переполняют мое сердце. Быстрее в бой! — гневно крикнул

лейтенант. — Мои пулеметы будут без промаха косить проклятых фашистов.

— Каждый сожженный дом, — сказал красноармеец Е. М. Бушля, — каждый замученный человек зовет нас к беспощадной мести фашистским людоедам. Скорее в бой! В предстоящей схватке я не пощажу сил и самой жизни для уничтожения врага.

— Мои родные края — Воронежская область, — сказал капитан А. Н. Бурдаков, — уже свободна. Но на Правобережной Украине стонут под ярмом оккупации миллионы моих братьев. Они с надеждой и мольбой смотрят на Восток и ждут освобождения. Настал час исполнить наш долг перед Родиной. И мы не пожалеем для этого сил и крови. Клянусь перед вами, товарищи, только смерть может остановить меня. Смерть немецким оккупантам!

Командир роты капитан А. Ф. Соломин зачитал на митинге письмо, полученное от односельчан, в котором сообщалось, что его 63-летний отец, мать, жена и двое детей замучены оккупантами.

— Клянусь, — заявил Соломин со слезами на глазах, сжимая кулаки, — отомстить за муки и смерть моих близких, за страдания советских людей!

Тут же, на митинге, воины полка приняли письмо, адресованное жителям поселка Парижская Коммуна Ворошиловградской области, в котором до этого проживала семья капитана Соломина. В письме говорилось, что личный состав полка будет самоотверженно драться с врагом, до конца выполнит свой воинский долг.

Столь же организованно и целеустремленно прошли митинги и в других полках. Выступления на них, как правило, были короткими, но предметными и эмоциональными, до предела искренними. Помнится, один из офицеров-однополчан, возвращаясь с митинга, сказал: «Слушаешь оратора-фронтовика, и сердце начинает биться учащенно, а пальцы, поверишь ли, до хруста сжимают автомат».

На привалах-дневках, в соответствии с планом, занимались боевой учебой с молодыми воинами, изучали материальную часть оружия, правила стрельбы, отрабатывали тактику действий бойца и отделения. Если попадался водоем, учили плавать, пользоваться подручными средствами для переправы. Большое внимание уделялось борьбе с танками. Бойцы и сержанты изучали типы вражеских танков, их уязвимые места, отрабатывали способы уничтожения. В подразделениях проводили беседы о боевом пути дивизии, ее полков, о героях и подвигах, о поощрении за форсирование

рек и уничтожение вражеских танков, о требованиях присяги, о моральной стойкости и наступательном порыве советских воинов.

К рассвету 30 сентября полки 188-й дивизии вышли на подступы к Днепру, сосредоточились в районе Обдужевка, Морозы, Баранники в готовности форсировать реку.

Командиры уточняли задачи подразделений, связанные с переправой. Политотдел, замполиты полков занимались расстановкой коммунистов (а их в дивизии насчитывалось 868 человек, в том числе 501 кандидат в члены партии), инструктировали политработников и парторгов.

1 октября поступило распоряжение командующего армией — начать переправу через Днепр в районе Переволочной. Эта задача была возложена на 580-й стрелковый полк. Передавая командиру полка И. Н. Еремину приказ на форсирование, начальник штаба дивизии С. С. Сенин не без умысла пошутил:

— Ну вот, Иван Николаевич, в свое время после боя под Полтавой Петр I послал в район Переволочной своего любимца Меншикова, и тот завершил здесь разгром шведского короля Карла XII. Теперь и тебе предоставляется возможность отличиться.

— Будет сделано,— пряча улыбку, в тон ему ответил Еремин.

В 21.30 первый батальон полка в полукилометре юго-западнее Переволочной успешно преодолел Днепр. Спустя двое суток — в ночь на 3 октября и утром 4 октября — в районе Мишуриной Рог на правый берег переправились также 523-й и 595-й стрелковые полки.

Переправа частей дивизии проходила на уже захваченный войсками плацдарм под покровом темноты и потому особенно больших трудностей не вызвала, хотя, конечно, Днепр в то время был далеко не таким «чудным и тихим», каким его описывал Гоголь.

Глубина плацдарма была незначительной. Господствующие высоты, занятые противником, позволяли ему наблюдать и обстреливать переправу. Вода кругом, казалось, кипела от разрывов снарядов и бомб. Случалось, что в воздух подымались не только водяные столбы, но и утлые плотки с людьми. Словом, преодолеть реку на подручных средствах — наспех сбитых плотов и пармах — было не просто. Однако главные испытания — бои за удержание и расширение плацдарма — ждали нас впереди.

К 17.00 4 октября 580-й стрелковый полк, сменив на плацдарме подразделения 24-го гвардейского воздушно-де-

сантного полка соседней дивизии, получил боевую задачу: ударом в направлении высоты 122,2 и деревни Михайловка, взаимодействуя с частями 62-й гвардейской дивизии, окружить и уничтожить противника в районе колхоза «Незавожник».

На следующее утро в районе Калужно вступили в бой и остальные полки дивизии. Это диктовалось не только интересами расширения плацдарма, но и необходимостью оказать помощь частям соседней 7-й гвардейской армии, которые теснил противник.

Немецко-фашистское командование изо всех сил пыталось ликвидировать плацдарм, сбросить нас в Днепр. Для противника это имело не только большое оперативное значение. Речь шла о том, чтобы хоть как-то сохранить и без того подорванный дух своих солдат.

— Когда мы отходили к реке Днепр, — показал пленный ефрейтор 2-й роты 81-го пехотного полка 15-й дивизии, — настроение было неплохим, так как солдаты надеялись, что на рубеже Днепра они займут готовую оборону и удержать русских будет легко. Сейчас, когда русские продвинулись за Днепр, настроение заметно ухудшилось, уже можно слышать голоса, что следующим рубежом будет Висла.

— Когда мы отходили к Днепру, — вторил ему рядовой 4-й роты 126-го полка 23-й танковой дивизии, — то солдаты знали, что это делается по приказу главнокомандующего. Теперь же русские переправились на западный берег, и между немецкими солдатами открыто ведутся разговоры о возможном отходе на Вислу, многие считают, что конец наступит очень скоро.

Падение духа вынуждены были признать фашистские генералы. Вот выдержка из приказа командующего 11-м армейским корпусом генерала Рауса от 10 сентября 1943 года: «За последнее время участились случаи, когда немецкие солдаты, попавшие в плен, сообщают о небольшом численном составе своих подразделений и отходе. Немедленно провести беседы о том, как должен держать себя попавший в плен солдат, и разъяснить, что после окончания войны все, причинившие своими показаниями немецкой армии вред, будут привлечены к судебной ответственности.

...Объявить офицерам о том, что они не имеют права вести при подчиненных разговоры о положении на фронте, если при этом говорится о наших неудачах, или вообще высказывать даже личные предложения»¹,

¹ ЦАМО, ф. 342, оп. 8951, д. 15, л. 9.

Против войск, находившихся на плацдарме, направлялись все новые и новые фашистские соединения. Вражеская авиация группами по 30—40 самолетов почти непрерывно бомбила плацдарм и переправы. Земля буквально содрогалась, как при землетрясении, а дым от взрывов бомб и пожаров нередко застилал небо сплошной пеленой, и тогда трудно было определить время суток. Вражеская пехота и танки атаковали боевые порядки нашей дивизии по 10—12 раз в день.

Надо было выстоять, пока не подойдет подкрепление. И люди самоотверженно оборонялись, а нередко и сами переходили в контратаки, чтобы расширить плацдарм, улучшить исходное положение для наступления.

Особенно тяжело было в первые дни, когда дивизионная артиллерия еще оставалась на левом берегу. Бывало, что вражеские танки прорывались на позиции и в тыл наших подразделений, утюжили окопы. Однако гитлеровская пехота ни разу пробиться не смогла. Растрепанные танковые подразделения, теряя часть машин, всякий раз вынуждены были возвращаться обратно. В памяти сохранилось немало примеров, свидетельствующих о мужестве и героизме воинов. Приведу лишь некоторые.

Комсомолец командир отделения сержант И. З. Захаров, восемнадцатилетний русский паренек из Мордовии, отличился при отражении вражеской атаки. Он и его напарник расположились с противотанковым ружьем несколько впереди своей роты, окопались и тщательно замаскировались. Фашистские танки перешли в атаку. Одна из машин была сразу же подбита бронбойщиками. Фашисты вылезли из танка, пытаясь спастись бегством. Но Захаров уничтожил и их. Через несколько дней добычей бронбойщика стала фашистская броневая громадина «пантера».

Коммунист ефрейтор Т. А. Чайкин, родом из Бурятии, под ураганным огнем первым ворвался в траншею противника, забросал гранатами вражеский пулемет и тем самым обеспечил взводу возможность для расширения плацдарма. После гибели командира Чайкин возглавил отделение и истребил несколько десятков гитлеровцев.

Комсомолец старший сержант М. Е. Зубенко, призванный на службу из Змеевского района Харьковской области, вместе со своим отделением отразил атаку взвода вражеской пехоты. В нескольких метрах от окна сержанта застыл вражеский танк с перебитой гранатой гусеницей.

— Чего же раньше не бросал? — спросил сержанта офицер.

— Ближе-то надежнее.

С близкого расстояния действительно легче попасть. Но какая для этого требуется выдержка, если на тебя несется с предельной скоростью стальное чудовище, готовое раздавить на своем пути все живое!

Подлинное бесстрашие и мастерство проявил и молодой коммунист командир взвода противотанковых орудий младший лейтенант А. Е. Штанько. Находясь в боевых порядках пехоты, его взвод, поддерживая огнем наступление батальона, в первом же бою уничтожил минометную батарею, два станковых и три ручных пулемета противника. Но вот противник, пытаясь вернуть утерянные позиции, перешел в контратаку. Семнадцать танков и самоходных орудий, сопровождаемые пехотой, обрушились на наступавших. Конечно, силы были неравные: против танков Штанько смог выставить лишь 45-миллиметровую пушку. Но в мужественных и умелых руках пушка была неотразимым оружием.

— Заряжай! — скомандовал Штанько. — Без команды не стрелять!

И тут успех был обеспечен хладнокровием и выдержкой. Команда «Огонь!» раздалась, когда враг подошел на 250—300 метров. Прозвучал выстрел, и головной тапк завертелся на одной гусенице. Последующими выстрелами артиллеристы подбили еще два танка. Пехота противника, понеся большие потери, отошла.

Можно было бы рассказать еще о многих и многих боевых эпизодах. Ведь сотни воинов проявили в тех боях подлинный героизм.

Работники политотдела, как и политработники полкового звена, непрерывно находились в окопах и траншеях. Показывая личный пример мужества и отваги, они разъясняли воинам значение плацдарма, требования присяги. Главная цель всей партийно-политической работы состояла теперь в том, чтобы поддерживать у личного состава дух превосходства над врагом. На восточном берегу оставался лишь заместитель начальника политотдела майор Я. Т. Лотник, занимавшийся в основном работой в тыловых подразделениях.

Мы заботились о своевременной замене выбывших из строя парторгов рот, агитаторов и редакторов боевых листов, инструктировали их, каждый день уточняли расстановку коммунистов и комсомольцев по подразделениям. Опыт тяжелых боев за плацдарм еще раз показал, что необходимо заранее готовить резерв низового партийного актива.

В подразделениях проводились беседы о 25-летию Ленинского комсомола, о статуте вновь учрежденного ордена Богдана Хмельницкого... Для сообщений о подвигах воинов широко использовались боевые листки, или, как их тогда еще называли, «боевые весточки». Бланки для них изготавливались в типографии дивизионки.

Ротные партийные организации активно отбирали лучших воинов, отличившихся в боях, в ряды партии. Заявления о приеме рассматривались непосредственно в окопах. В окопах же производилась и выдача партийных документов. Для этого использовались короткие перерывы между боями, ночное время.

...Отражена очередная атака противника. Вместе с заместителем командира 523-го полка по политчасти Н. И. Ряховским обходим траншеи. Их стенки во многих местах обвалились. Санинструкторы продолжали перевязывать и выносить раненых. Но вот замечаем группу о чем-то беседующих бойцов и офицеров. Недовольный скоплением людей, Николай Иванович готов был высказать им упрек. Но не успел он и рта раскрыть, как навстречу поднялся сержант П. П. Киселев, парторг роты, и доложил:

— В роте проводим партсобрание.

Заметив недоумение на лице Ряховского, он добавил:

— Обсуждали итоги боя и задачи коммунистов по укреплению обороны. Собрались на несколько минут.

Упрекать не было оснований. Собрания накоротке служили важной формой мобилизации коммунистов на выполнение боевых задач.

Контратаки противника не ослабевали. Его артиллерия и авиация продолжали почти непрерывно наносить удары по нашим позициям. Немецко-фашистское командование пыталось любой ценой сбросить нас с плацдарма. Но эти попытки были тщетными. С наступлением темноты и даже днем через реку переправлялись на западный берег все новые и новые силы. В тылу нашей дивизии появилась артиллерия 1-го гвардейского механизированного корпуса генерала М. Д. Соломатина.

12 октября дивизия была передана в состав 57-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал А. И. Петраковский. Мне было приказано явиться к начальнику политотдела корпуса полковнику И. Н. Карасеву с докладом о состоянии дел.

В тот же день мы получили приказ командующего 37-й армией, в котором предписывалось:

«188 сд с 324 истребительно-противотанковым полком и

артиллерией 1 гв. механизированного корпуса в ночь с 12 на 13 октября, передав боевой участок правофланговых частей 1 гв. воздушно-десантной дивизии и левофланговых — частям 92 гв. стрелк. дивизии, нанося главный удар правым флангом в направлении юго-западные скаты высоты 122,2, высота 120,8, прорвать оборону противника на участке (иск) перекресток дорог юго-восточнее колхоза «Незаможник», отм. 85,5, с ближайшей задачей овладеть рубежом: хут. Васильевка и к исходу дня выйти на рубеж: выс. с отм. 119,2 западная окраина Лиховка.

Готовность к наступлению — 20.00 13.X.43 г. Начало атаки — особым распоряжением. Шарохин, Багнюк, Блажей»¹.

По решению командира дивизии боевой порядок для наступления предполагалось построить в два эшелона: 523-й стрелковый полк подполковника И. Т. Старащюка и 595-й полк майора И. И. Кулика — в первом эшелоне, 580-й стрелковый полк подполковника И. Н. Еремина, ослабленный в предшествующих боях несколько больше других, — во втором. Второй эшелон намечалось использовать для наращивания сил при завершении прорыва вражеской обороны и последующего развития успеха наступления.

Ночью занимались перегруппировкой. Полки, сдав часть участка обороны, уплотняли и перестраивали боевые порядки для наступления.

Группа разведчиков сержанта И. Г. Пивкина из 595-го стрелкового полка, как и было намечено ранее, провела поиск. Незаметно для противника разведчики подползли к его окопам, забросали их гранатами и, используя замешательство врага, захватили в плен рядового 767-го полка 376-й пехотной дивизии, который сообщил, что прибыл он на фронт с пополнением совсем недавно из Голландии и что часть понесла значительные потери в боях на Днестре.

На следующий день командиры и офицеры штабов занимались рекогносцировкой, уточняли свои решения и вопросы взаимодействия. Политотдел и партийно-политический аппарат частей продолжали работу по подготовке личного состава к наступлению. На рассвете 13 октября непосредственно в траншеях, на стыке флангов полков первого эшелона, состоялось совещание заместителей командиров по политчасти, партторгов, комсоргов и агитаторов частей. Были обсуждены задачи по разъяснению личному составу обращения Военного совета в связи с наступлением, боевых задач каждого подразделения.

¹ ЦАМО, ф. 188сд, оп. 273293, д. 7, л. 208.

Командующий фронтом отложил начало наступления на двое суток. Мы успели провести не только партийные собрания, но и семинары политработников и агитаторов, проинформировать их о военно-политической обстановке, разъяснить, какое значение для страны имеет Криворожский рудный бассейн. Об особенностях предстоящего боя перед офицерами выступили командиры полков и батальонов. Со всем личным составом были проведены занятия и беседы о способах отражения контратак пехоты и танков противника, о подвигах однополчан. В 580-м полку политработники и агитаторы рассказали, в частности, о мужестве и находчивости парторга пулеметной роты сержанта М. М. Росницина.

Дело было так. При отражении контратаки противника — а они следовали одна за другой — пулемет Росницина вдруг замолк. Противник быстро приближался. Стрелки усилили огонь из винтовок, но заменить пулемет, конечно, это не могло. Опасность нарастала с каждой минутой. Фашисты уже подошли метров на 30—40. И тут пулемет Росницина вновь заговорил. Гитлеровцы залегли, а потом поползли обратно.

После отражения контратаки командир роты направился к пулеметчикам, чтобы упрекнуть их за задержку с огнем. — Что у вас случилось, товарищ Росницин? Заело? Лучше знать надо оружие!

Оказалось, что у Росницина кончились боеприпасы. Тогда он и его напарник собрали патроны у тяжелораненых и погибших товарищей, набили ленты и возобновили огонь. Вместо упрека командир роты обнял и расцеловал пулеметчиков.

В беседах с личным составом мы говорили о том доверии, которое оказало командование именно нашей дивизии, поручив ей наступать на главном направлении, подчеркивали, что от действий каждого бойца и командира зависит успех дивизии в целом, а от успеха дивизии — в конечном счете исход всей армейской операции.

Ночь перед наступлением... Казалось бы, к бою готово все. Теперь хорошо бы выспаться, отдохнуть. Распоряжение на этот счет командир отдал. Но сам он, как правило, продолжает какое-то время бодрствовать. Не спится и политработнику. Не стовариваясь, тот и другой вновь и вновь перебирают в памяти, что сделано и нет ли каких-либо упущений, стараются предвидеть ход событий, всякого рода неожиданности.

Бойцы, особенно молодые, в канун наступления обычно возбуждены. Они пишут письма родным, прислушиваются к советам бывалых воинов, к задушевым словам старших.

В политотделе дивизии было правилом: перед боем — максимум общения с воинами, заботы об их отдыхе. Это не считая, разумеется, тех забот, которые связаны с обеспечением снабжения, эвакуации, всего того, что осуществляется загодя. Поручения на проведение встреч и бесед с людьми в канун наступления получали все коммунисты, не говоря уже о политработниках.

...Командный пункт 523-го полка был оборудован в ошанике — просторной искусственной пещере, где до войны зимовали колхозные пчелы. Когда я зашел на КП, подполковник И. Т. Старашук, один из наиболее опытных полковых командиров, склонился над картой и о чем-то думал. Рядом находился начальник штаба полка майор М. С. Мажуга, по возрасту годившийся командиру в сыновья.

— Думаем, как усилить свой левый фланг, — рассуждал Иван Трофимович. — В случае если сосед слева отстанет, противник может использовать это для контратаки нам во фланг. Но мы не можем ослаблять и свой правый фланг — направление главного удара. Начальник штаба предлагает за этим флангом сосредоточить артиллерийско-противотанковый резерв. Придется согласиться.

Заместителя командира полка по политчасти Н. И. Ряховского на КП не оказалось — ушел во 2-й батальон. В дивизии Николай Иванович сравнительно недавно, хотя на фронте был не новичком. Впечатление он производил хорошее — человек грамотный и смелый. Правда, большого опыта работы в качестве замполита полка у него еще не было. Именно поэтому мне хотелось перед наступлением поговорить с ним. И я поспешил во 2-й батальон.

Командир батальона А. Н. Бурдаков доложил о готовности к наступлению. Вместе пошли по траншеям, накоротке беседуя с офицерами, активистами, бойцами. А Ряховский в это время уже был в соседнем батальоне, где мы и встретились с ним. Легко было убедиться, что он хорошо знает людей, уверенно ориентируется в лабиринте траншей, что в подразделениях замполит полка нередкий гость. Настроение у Николая Ивановича, как и у всех, с кем мне пришлось беседовать в ночь перед наступлением, приподнятое.

В ту же ночь побывал в батальонах 595-го полка, где вместе с замполитом полка Н. М. Гудковым побеседовал с комбатами, их заместителями по политчасти и многими воинами. На обратном пути мы заглянули к командиру полка И. И. Кулику.

Иван Иванович, молодежавый энергичный блондин, пришел к нам с должности заместителя командира стрелковой

бригады и уже больше полугода возглавлял полк. Зарекомендовал он себя храбрым и подготовленным командиром, но иногда в обращении с людьми проявлял ненужную горячность. При встрече он доложил о подготовке к предстоящему бою, о планах на день. В голосе его чувствовалось воодушевление и уверенность в успехе.

За Днепром заалел чистый горизонт, предвещая ясный день. Вместе с агитатором политотдела П. Н. Тихомировым (он был в одном из батальонов) мы возвратились на НП дивизии. Предбоевая возбужденность и утренняя свежесть заглушали усталость. А перед глазами все еще стояли, точно живые, картины ночных встреч. Виделись ефрейтор 523-го полка А. И. Смирнов, с какой-то необыкновенной страстью говоривший о пеминуемом разгроме врага; командир батареи противотанкового дивизиона старший лейтенант М. Т. Германков, четко и уверенно доложивший о готовности к бою; командир 595-го полка Иван Иванович Кулик, когда он, прощаясь со мной, сказал: «После боя хочу подать заявление в партию». Да разве забудешь все это, сказанное перед началом боя, от чистого сердца!

Прочитав мое повествование о практике коротких встреч с личным составом перед боем, один из рецензентов заключил: это — гастролерство. Столь категоричное суждение заставило меня задуматься: может, и впрямь все четыре года мы обманывались в пользу таких встреч? Но на память пришли многочисленные примеры того, как воины реагировали на эти встречи, а также послевоенные свидетельства ветеранов-однополчан. Нет, не напрасны были наши ночные походы, окопные встречи и рукопожатия.

15 октября... Утреннюю тишину разом взорвали мощные артиллерийские залпы огневого налета. Казалось, само безоблачное небо задрожало. Артиллерия обрушила на вражескую оборону удары по всему фронту днепровского плацдарма в районе Мишурии Рог. Спустя немногим меньше часа цепи атакующих двинулись в наступление. В гул артиллерийской канонады и трескотню пулеметной стрельбы вплелось раскатистое солдатское «ура».

Первыми преодолели пичейную полосу и успешно атаковали противника 2-й и 3-й батальоны 523-го стрелкового полка, которыми командовали А. Н. Бурдаков и Е. М. Городецкий. Искусно маневрируя, они обошли и атаковали с флангов наиболее укрепленный узел обороны врага на высоте с отметкой 122,2, затем овладели вторым узлом его обороны на высоте с отметкой 85,5.

Противник всеми силами пытался отстоять свои позиции. Одна за другой группы вражеской авиации по 50—60 самолетов совершали налеты на боевые порядки наступающих. Используя результаты воздушных бомбардировок, гитлеровцы перешли в контратаку. На левом фланге 523-го полка около двух рот пехоты и 11 танков контратаковали роту старшего лейтенанта Е. К. Пономарева. Заняв оборону, воины роты вместе с выдвинутым на это направление противотанковым резервом полка дважды заставляли пехоту и танки врага откатываться назад. В третий раз фашисты контратаковали с 18 танками и самоходными орудиями. Часть танков подошла непосредственно к залегшим в поторо отрытых окопах воинам. Несколько машин вклинилось в боевой порядок роты. Не без тревоги мы наблюдали с НП за этой контратакой. Но коммунист Пономарев, его бойцы, несмотря на ощутимые потери, не дрогнули. В ход пошли бутылки с горючей смесью и противотанковые гранаты. Позже стало известно: первый вражеский танк подбил гранатой сам командир роты. Второй связкой гранат он поджег еще один немецкий танк, подходивший к окопу с другой стороны. Воины роты дружным огнем заставили залечь следовавшую за танками пехоту. Пономарев поднялся со связкой гранат навстречу третьей машине, но был сражен очередью из танкового пулемета.

Молодой коммунист старший лейтенант Е. К. Пономарев погиб смертью героя, но врага на отвоеванную кровью родную землю не пропустил.

— Отомстим за смерть командира!

Это воскликнул старший сержант Н. А. Яковлев, молодой рабочий из Новосибирской области, воевавший с первого дня войны. Был он уже дважды ранен. Вначале служил стрелком, а когда в дивизии появились противотанковые ружья, стал истребителем танков. В бою всегда вел себя смело, отличался хладнокровием и выдержкой, поражал цель без промаха. В 1942 году его приняли в партию, назначили командиром отделения.

Бойцы уверенно продолжали отражать натиск противника и удержали высоту. Одна подбитая вражеская машина была и на счету Яковлева. Вскоре, однако, шесть танков противника прорвались на участке соседа и вышли в тыл роты Пономарева, к позициям взвода противотанковых орудий, которым командовал лейтенант П. М. Гаев, парторг батареи.

Славный путь был у этого офицера. Родом из смоленской деревни Анисимово, он по комсомольской мобилизации

строил московское метро. Отслужив в армии, вернулся к любимейшей профессии, а когда началась война, добровольцем ушел на фронт. Воевал рядовым, потом окончил армейские курсы младших лейтенантов и стал командиром топографического взвода в артполку. Здесь же, на фронте, Гаев вступил в партию и вскоре попросил перевести его в подразделение противотанковых орудий. Получив взвод, он упорно учил своих подчиненных и учился сам, прославился боевыми делами.

И в этом бою Гаев, как всегда, сражался храбро. Быстро развернув орудия, он подбил два танка. Однако третий танк раздавил одно из орудий взвода. Гаев едва успел отскочить, спрыгнул в окоп, находившийся рядом. Но как только машина миновала окоп, офицер выскочил из него и подбежал к соседнему орудью. Первым же снарядом и этот танк был уничтожен. Врагу так и не удалось прорваться на левом фланге полка. Отбив коптратаку, рота продолжила наступление.

На других участках примеров героизма было не меньше. В боевых листках, наскоро написанных простым карандашом, сообщалось:

«Комсомолец казах Икрам Нижанов первым поднялся в атаку, и, когда солдаты взвода залегли под сильным пулеметным огнем, он скрытно подполз к вражескому расчету и уничтожил его гранатами».

«Пулеметчик Скажутин уничтожил в бою шестнадцать вражеских солдат, командир полка наградил его медалью «За отвагу».

«Орудийные расчеты коммунистов Лукомского и Чернявского подбили два «тигра» и один «фердинанд».

«Старший лейтенант В. А. Новгородов уничтожил из пулемета пикирующий бомбардировщик и представлен к правительственной награде».

Да разве перечислишь все. Скажу лишь, что эти листки, переходившие из рук в руки, из отделения в отделение, умножали силы бойцов, пробуждали благородное желание подражать героям.

Стремление к победе было поистине всеобщим. Даже раненые, способные передвигаться, всячески старались остаться в строю. Красноармеец коммунист Александр Безнин был ранен в самом начале боя. Его отправили на батальонный пункт медицинской помощи. Там бойца перевязали и послали на полковой медпункт. Но Безнин поспешил в свою роту, продолжавшую наступать. По пути, как говорится, нос к носу столкнулся с двумя солдатами противника. Из по-

одинка Безнин вышел победителем: одного гитлеровца убит-тожил, а другого взял в плен и сдал в штаб батальона.

Командир отделения сержант Иван Чернышев, член ВЛКСМ, к началу наступления не успел снять повязку с раны, полученной в бою на плацдарме. Когда его собирались отправить в медсанбат, он отшучивался:

— Боюсь, без меня война кончится. Рассказать печего будет!

И вот он снова отличился: в первый же день взял трех пленных. А несколькими днями позже, уже в момент преследования противника, его отделение захватило в районе деревни Яковлевка 6 грузовых машин с имуществом.

Бой продолжался с неослабевающей силой. Фашисты отчаянно сопротивлялись, используя хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, цеплялись за каждый окоп, за каждый участок траншеи. Но ни упорство, ни яростные контратаки врагу не помогли. В первый день нам удалось продвинуться на глубину от двух до трех километров, прорвать первую позицию, захватить господствующие высоты и в значительной степени нарушить противотанковую оборону противника.

С утра 16 октября начала портиться погода. На небе появились тучи, а над землей поднялся туман. В 8.00 после короткого огневого налета атака возобновилась. Враг снова упорно сопротивлялся, налеты его авиации, несмотря на плохую видимость, усилились. Но уже ничто не могло спасти гитлеровцев от разгрома. В полосе нашей дивизии и соседа справа — 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, обгоняя цепи пехоты, перешел в наступление 7-й механизированный корпус. Сопротивление врага было сломлено окончательно. Прикрываясь арьергардом, он вынужден был отходить.

С 17 октября начались затяжные осенние дожди. Развзсло дороги. С трудом (и то не везде) двигались артиллерия и автомашины с грузом. Тяжело было людям и лошадям. Но это не могло снизить царящий в частях наступательный порыв. Все понимали: нельзя позволить противнику закрепиться. Воины, шедшие под дождем мокрыми, грязными дорогами Правобережной Украины, готовы были преодолеть любые трудности.

Командир взвода лейтенант А. В. Кшеня (до войны — железнодорожник, трудился на станции Магдагачи Амурской железной дороги) и десять разведчиков глухой ночью проникли в деревню Богдано-Неждановка. С противоположной окраины доносился какой-то шум. Разведчики пошли

па него. Оказалось, что там скопилось много грузовых машин. Немцы по одной вытягивали их на гору трактором. Лейтенант развернул группу в цепь, а сам зашел с фланга и забросал противника гранатами. Вражеский офицер, стоявший у легкой машины, был сразу же убит. По сигналу Кшени разведчики открыли огонь из автоматов. Началась паника. Часть немцев была уничтожена, другая — разбежалась. В качестве трофеев разведчикам достались 20 грузовых и 4 легковые машины, 2 мотоцикла, трактор, несколько повозок, 10 раций, а также продовольствие и обмундирование. Были и пленные — 4 солдата и офицер.

С рассветом враг предпринял атаку — против горстки разведчиков шло до полусотни гитлеровцев. Их удалось отбить. Но атака могла повториться. Между тем передовой отряд полка еще не подошел. Что делать? Лейтенант Кшени обратился к местным жителям, вооружил их трофейным оружием, наскоро рассказал, как пользоваться им.

Противник действительно повторил атаку. Но и она успеха не принесла. Вскоре к месту боя подошел вражеский танк. Сделав несколько выстрелов, дальше идти он не посмел. К деревне подходили подразделения нашего полка, и фашисты поспешили ретироваться.

Или еще пример. Отделение сержанта Алексея Атласова ворвалось в одно из сел на рассвете. В крайней хате сержанту сообщили, что большая группа оккупантов неподалеку расположилась на отдых. Уточнив данные, Атласов и его бойцы атаковали сонных гитлеровцев. Тех, кто оказал сопротивление, уничтожили, остальных взяли в плен.

А дождь шел уже четвертый день подряд. Дороги развезло еще больше, но наступление по-прежнему развивалось стремительно. Каждый новый день приносил свободу жителям десятков сел.

В Пятихатке мы захватили три железнодорожных эшелона с танками, автомашинами, мотоциклами и другой техникой, выкрашенной в песочный цвет. Бойцы без разъяснений поняли: Гитлер готовил все это для отправки Роммелю в Африку, а пришлось послать на Украину. Спешил, даже перекрасить не успел.

Пригодились нам и захваченные в одном из эшелонов лошади. Их в артиллерийском полку приспособили взамен «студебеккеров», которые застревали на раскисших дорогах.

В ходе наступления все работники политотдела, включая начальника, находились в боевых порядках частей и подразделений. При существовавших тогда транспортных воз-

возможностях (шли в основном пешком) и ограниченных средствах связи взаимная информация была затруднена. Выручали инициатива и находчивость. А в Пятихатке удалось обзавестись трофейным вездеходом. Это позволило повысить оперативность в работе аппарата, выработать систему общения с политработниками частей. При необходимости по радио назначая время и место встречи с замполитом того или иного полка, заслушиваю при встрече его доклад, передаю нужные рекомендации, на месте решаю назревшие вопросы.

Наступление продолжалось днем и ночью. Погода наконец-то улучшилась. 21 октября прекратились дожди. 23 октября части дивизии, преодолевая сопротивление арьегардов противника, освободили деревни Вольная Долипа, Алексеевка, рудники имени В. И. Ленина и Калачевский, поселок Жилкооперация. Умело маневрируя, 580-й полк к концу дня овладел высотой 147,2, а 523-й полк — южной окраиной рудника Александровский.

Стало известно, что на подступах к руднику Красногвардейский геройский подвиг совершил младший сержант А. Д. Киров.

4-й роте 523-го полка, в которой служил Киров, путь к руднику преградил вражеский пулемет, тщательно замаскированный на возвышенности. Местность кругом была открытая. Продолжать атаку в лоб означало бы понести тяжелые и неоправданные потери. Встал вопрос: как уничтожить пулемет? Выполнить задачу вызвался комсомолец Александр Киров. Обойдя высоту незаметно для противника, он подполз к пулемету и бросил одну за другой две гранаты. Однако пулемет продолжал стрелять. Гранат больше не было. Возвращаться, не выполнив задачи, Киров не хотел. Тогда он поднялся во весь рост и с возгласом «Нет, гад, не удержать тебе наше наступление!» бросился на врага, закрыв телом амбразуру. Ценой своей жизни он спас жизнь десяткам других воинов.

Бойцы роты были потрясены подвигом товарища. Пока вражеский пулемет несколько коротких минут молчал, они бросились вперед, овладели высотой, а вслед за ней — всем рудником Красногвардейский.

Саша Киров, восемнадцатилетний юноша из подмосковного села Малое Грыдино, худенький, небольшого роста, внешне совсем не был похож на богатыря. В парнишке, похожем на школьника, трудно было найти внешнее сходство с Алешей Поповичем или другими былинными героями, но какую силу и величие духа он проявил! Имя его достойно долгой жизни в памяти народной.

А. Д. Киров прибыл в дивизию накануне форсирования Днестра, и поэтому мы не много знали о его прошлом. Биография его нам стала известна позже... Отец Саши Даниил Павлович воевал на соседнем фронте и погиб почти в те же дни при освобождении Запорожья. Жизнью двух самых родных и дорогих людей — сына и мужа — заплатила за свободу Родины простая русская женщина Марьяна Николаевна, доярка колхоза «Путь Ильича» из Подмосковья. Как много на нашей земле людей, чьи сердечные раны и поныне кровоточат при мысли о близких, не вернувшихся с поля боя.

...В ночь на 24 октября были заняты деревни Атамановка, Глиеватка, Зеленый Яр, Великий, Дубовая Балка, рудник Сухая Балка...

Никогда не забыть лица людей, измученных долгой оккупацией, истощенных в неравной борьбе с фашистскими поработителями. Старики, женщины, дети плакали от радости, обнимали друг друга, целовали огрубевшие солдатские руки. Они наперебой рассказывали о пережитом горе, слезили хоть чем-нибудь помочь воинам. В поселке Калачевский под треск еще не затихшей перестрелки все жители, пренебрегая опасностью, вышли на улицу, кланялись солдатам в пояс, благодарили за освобождение. Несколько человек — Крюков, Вихвестов, Степанов и другие, вооружившись трофейным оружием, пошли вместе с бойцами бить врага, помогали уточнять расположение противника. Они в первый же день уничтожили двух мотоциклистов и три вражеские огневые точки.

В одном из поселков местная жительница Надежда Григорьевна Куркина, подняв красный флаг, повела на врага группу вооруженных рабочих. Рабочий Лазарев с риском для жизни помогал войсковым разведчикам. Мария Григорьевна Зобина из Красногвардейского рудника под огнем противника перевязывала раненых бойцов, при этом сама получила тяжелое ранение.

Беспредельная радость и счастье освобожденных от фашистской неволи людей, их безграничная благодарность Красной Армии были для воинов высшей наградой.

Гитлеровцы перебросили из Западной Европы в район Кривого Рога шесть дивизий, в том числе четыре танковые и моторизованные. Сюда же были стянуты и части с соседних участков фронта. С помощью этих сил фашисты нанесли ряд контрударов, рассчитывая развить их в контрнаступление и отбросить советские войска за Днепр.

Уже 24 октября резко усилилось сопротивление противника, возросла активность его обороны, увеличилось число контратак. Но еще пять дней 188-й дивизии, как и другим войскам армии, ставились задачи продолжать наступление. Должен признаться, что продвижение наше было очень скромным. Наступательные возможности частей были почти полностью исчерпаны. Сказывались потери в людях и технике, трудности с подвозом боеприпасов. Но основной преградой стало, разумеется, резкое усиление группировки противника.

Вечером 29 октября нам было приказано закрепиться на достигнутом рубеже. Командир дивизии уточнил: «Закапываться поглубже». Работники штаба и политотдела снова отправились в части, чтобы разъяснить приказ и мобилизовать личный состав на его выполнение.

Я выехал в 523-й полк. Замполит полка М. К. Соловьев, сменивший на этом посту получившего тяжелое ранение Ряховского, уже успел проинструктировать парторга полка Г. И. Порошина, агитатора Г. С. Сидорова и комсорга Н. И. Романова, и те ушли в батальоны. Выслушав короткий доклад замполита о положении дел, отданных указаниях и плане работы, мы тоже отправились в подразделения.

В течение коротких ночных часов предстояло сделать многое: разъяснить общую обстановку и решение командира, уточнить расстановку коммунистов, комсомольцев и боевого актива, тщательно всех проинструктировать, подготовить личный состав к выполнению большого объема инженерных работ.

Частью сил дивизия располагалась на отбитых у врага позициях. Гитлеровцы неплохо оборудовали их в инженерном отношении, да и наши бойцы, уже отразившие на этих рубежах несколько контратак противника, успели дооборудовать окопы и траншеи. Это облегчало нашу задачу, но не решало ее полностью. Известно, что противник в наступлении прежде всего использует танки. Это было неизблемым правилом его тактики. И нужно было сделать нашу оборону прежде всего противотанковой.

Об этом и думалось по пути в 1-й батальон. Беспокоило и другое. После месяца непрерывных боев люди устали, да и потери не восполнялись. Туго было с боеприпасами, особенно с противотанковыми средствами.

— Разобьем немцев, товарищ полковник, пусть только сунутся, — как бы угадывая мои мысли, заметил М. К. Соловьев, шедший впереди.

Михаил Кондратьевич прибыл в дивизию недавно. В отсутствии смелости и мужества упрекнуть его было нельзя. Это подтверждала и целая «лесенка» красных и желтых нашивок на его гимнастерке — свидетельство полученных им легких и тяжелых ранений. А вот хладнокровия ему, пожалуй, не хватало. Он мог ринуться в атаку с первой же цепью. В боях за рудники Красногвардейский и Александровский он так и поступал. Но не всегда это бывало оправданным. Ведь у замполита полка не только солдатские обязанности.

Полк занимал оборону в районе высоты 122,2, прикрывая важное направление на хутор Великий и село Лозоватка. Личный состав окопался хорошо. Однако 1-й батальон, занимавший ключевую позицию, вызывал и некоторое беспокойство. В нем насчитывалось всего лишь 35 человек. Его командир накануне был ранен, и комбатом теперь стал заместитель — старший лейтенант Евгений Трофимович Бабичев. Он прибыл к нам из госпиталя еще на Северо-Западном фронте, незадолго до переезда на юг. В боях на Днестре был легко ранен и вернулся в строй совсем недавно. Знали мы его еще маловато. Что ж, сейчас представлялся случай познакомиться поближе.

Вместе со старшим лейтенантом обошли роты, побывали на позициях артбатареи, поговорили с заместителем по политчасти В. В. Пономаревым, командирами и бойцами. Впечатление отрадное: ни усталость, ни малочисленность никого не смущали. Все хорошо понимали задачи, уверены в себе и готовы к отражению вражеских ударов.

Ни один человек не пожаловался на трудности, недомогание, никто не заикнулся об отдыхе, не сказал, что людей мало. А вот с боеприпасами картина была менее утешительной.

— На батарее всего полтора десятка снарядов. Чем бить будем фашистские танки? — спрашивал меня с характерным кавказским акцентом командир батареи Л. Г. Ревиншвили.

Этот тбилисец был известен в полку своей энергией и веселым нравом. Я знал, что его никак не отнесешь к робкому десятку. Тревога командира была обоснованной.

— Наступать противник будет прежде всего танками, — поддерживал артиллериста комбат. — Снарядов действительно мало. Да и с противотанковыми средствами не густо. Всего два противотанковых ружья на батальон да одна противотанковая граната на трех-четыре солдат. Бутылок с горючей смесью и тех нет.

Возразить было нечего. Бабичев принял батальон всего два дня назад, но чувствовалось по всему, что этот уже много повидавший на войне офицер с делом справляется хорошо, в себе и людях уверен. Жалобы его были справедливыми, а помочь ему, к сожалению, мы были не в силах. В дивизии к тому времени из-за плохих дорог и отставания тылов имелось всего 0,10—0,15 боевого комплекта снарядов для дивизионной артиллерии и немногим больше для 45-миллиметровых противотанковых пушек. Самих орудий тоже было значительно меньше положенного. Я все же позвонил начальнику штаба дивизии полковнику С. С. Сенину, попросил его вместе с командующим артиллерией дивизии посмотреть, чем можно помочь батальону Бабичева.

На рассвете я уже был на дивизионном НП. В полку оставался старший инструктор политотдела по оргпарработе П. Н. Чаплинский. Петр Никитич пользовался репутацией настоящего партийного вожака и умел справляться с самыми трудными поручениями.

Утро 30 октября было тревожным. Командиры полков и батальонов, прильнув к окулярам стереотруб и биноклей, внимательно следили за поведением противника. Но тот молчал.

Пользуясь этим, в подразделениях продолжали совершенствовать оборону: намечали новые ориентиры и рубежи, определяли расстояние до них, уточняли задачи каждого воина.

Солнце уже было в зените, когда я связался по телефону с майором Соловьевым и спросил, подвезли ли то, что было обещано батальону Бабичева (имелись в виду боеприпасы).

Соловьев ответил:

— Да, подвезли. Но фрицы, наверное, раздумали наступать. Тихо.

Время приближалось к обеду, а противник все еще молчал. И лишь в 14.30, когда, казалось, прошли все сроки, гул выстрелов и сливавшийся с ним грохот разрывов снарядов и мин положили конец ожиданию. В трубках телефонов и от бойца к бойцу понеслась команда:

— Приготовиться к отражению атаки пехоты и танков противника!

Артиллерия врага еще продолжала вести огонь по переднему краю нашей обороны, когда на горизонте показались тапки. Главный удар в полосе дивизии противник наносил

в направлении высоты с отметкой 98,5 и Лозоватки, где занимал оборону 1-й батальон 523-го стрелкового полка.

Танки и самоходные орудия противника двигались тремя группами. Шесть машин в развернутом строю направлялись на правый фланг батальона, четырнадцать, зайдя справа и держась от батальона на почтительном расстоянии, следовали параллельно линии фронта. Еще дальше от переднего края находилась третья группа, насчитывавшая девятнадцать машин. Это были главным образом самоходки. Вскоре обе дальние группы развернулись и медленно, как бы крадучись, направились к фронту. Через бинокли мы стали ясно различать желто-зеленый камуфляж вражеских машин. Тридцать девять вражеских танков и самоходных орудий шло против тридцати пяти воинов 1-го батальона!

— Многовато! — сказал со вздохом командир дивизии.

— И еще до батальона пехоты, — добавил начальник оперативного отделения А. И. Кузичев.

Чем помочь батальону? Вся артиллерия стояла на прямой наводке. Еще вчера в резерве командира дивизии находился 324-й истребительный противотанковый полк, но его перебросили на другой участок фронта. А как бы он теперь пригодился! Командир дивизии, доложив обстановку на КП армии, попросил помощи. Командарм обещал дать залп «катюш». Но когда?

Первыми открыли огонь с дальней дистанции танки и самоходки противника. Наши орудия молчали, чтобы раньше времени не обнаружить себя. С НП казалось, что вражеские машины подошли к переднему краю уже вплотную, и молчание батальона кое-кого начинало тревожить.

— Не волнуйтесь, на месте виднее, — успокаивал командующий артиллерией.

И все же не волноваться было трудно. Уж больно значительным было численное превосходство противника.

Проследим, однако, как развивались события непосредственно в боевых порядках 1-го батальона. По свидетельству комбата, как только появились танки, командир артбатарей лейтенант Ревишвили, не отрывая бинокля от глаз, сказал бойцам: «Ну, теперь, ребята, держитесь. Придется нам трудно, даже совсем трудно, но назад пути нет!» И строго потребовал: «Без команды не стрелять!»

Когда до танков противника оставалось метров 500—600, последовала энергичная команда: «По танкам противника — огонь!» А затем уже неуставное: «Спокойно, ребята!»

Первым подбил вражеский танк орудийный расчет стар-

шины Алексея Артемьева. Наводчик орудия рядовой Николай Сумароков, не отрываясь от окуляра панорамы, во весь голос закричал: «Есть, братцы, попал!»

И тут все действительно заметили, что ближний танк завертелся на месте. Почти в тот же миг расчет сержанта Василия Баранова подбил еще одну машину. Она окуталась дымом, и из нее одип за другим выскочили гитлеровцы. Потом подбили еще несколько вражеских танков.

Однако неравный бой с танками и самоходками принимал все более драматичный характер. Погиб наводчик рядовой В. С. Друзенко. Место у панорамы занял командир орудия сержант Баранов. Ранение в голову получил заряжающий В. И. Ерлецкий, парторг батареи. Кровь текла по лицу, слепила ему глаза, но партийный вожак оставался в строю, продолжая вести огонь. Прямым попаданием вражеского снаряда разбило орудие, а вслед за ним выбыло из строя и второе орудие. Артиллеристы, вооружившись винтовками, перебрались в окопы и залегли рядом со стрелками.

Танки противника, поддержанные огнем самоходов, подходили все ближе. Для борьбы с ними в батальоне оставалось всего два противотанковых ружья и несколько гранат. По одному танку подбили из ПТР сержант Лопатин и младший сержант Егоров. Стрелки били по смотровым щелям машин, одновременно держали под огнем наседавших автоматчиков.

Силы были неравными, и танки прорвались на позиции батальона. С яростной злобой фашисты утюжили окопы и траншеи гусеницами, даже открывали люки, бросая в окопы гранаты. Одного из таких высунувшихся фашистов лейтенант Ревшвили прикончил из пистолета.

С начала танковой атаки прошло больше часа. Нам, находившимся на НП, казалось, что от батальона ничего не осталось. Но нет, он жил и сражался! Вражеская пехота, прижатая к земле, не смогла подняться.

Давно кончились гранаты. На исходе были и патроны. Но войны батальона продолжали драться, не щадя крови и самой жизни.

В этот тяжелый момент боя совершил героический подвиг комсомолец сержант Дмитрий Миронович Ананченко, юноша, призванный в армию из Житомирской области. Заметив рядом с окопом самодельный фугас из тола, он тут же выскочил наверх, схватил фугас и кинулся с ним навстречу вражескому танку. Раздался взрыв. Анапченко погиб, уничтожив вражескую громадину вместе с ее экипа-

жем. Находившийся в боевых порядках батальона агитатор полка капитан Г. С. Сидоров написал о подвиге сержанта несколько боевых листов, которые передавались из окопа в окоп.

К исходу второго часа боя вражеская пехота снова приняла атаку. Но наши воины, выдержав танковый натиск, почувствовали, что у них хватит сил одолеть и автоматчиков. Боеприпасов, правда, было совсем мало, и комбат Е. Т. Бабичев приказал подпустить гитлеровцев как можно ближе. И когда те подошли к переднему краю на 100—150 метров, их встретили прицельным ружейным и пулеметным огнем сержанты С. Ф. Конков, А. И. Олексенко, А. Гибадулин, младший сержант Ю. С. Васин, стрелки А. И. Дронов, В. И. Немцев, В. Е. Суменьков и другие. Стрелков поддерживали минометчики расчетов сержанта Смыслова и Климова. Автоматчики противника снова залегли, а когда танки ушли, ретировались и они. Поначалу гитлеровцы передвигались ползком, а потом торопливо побежали.

На участке 580-го полка противник, потеряв пять танков, тоже не добился успеха и отступил.

Дивизия успешно отразила вражеские атаки и на других участках обороны. Высокое мастерство и мужество проявили в том бою бойцы противотанковой батареи старшего лейтенанта М. Т. Гермапкова. Орудийный расчет взвода лейтенанта В. А. Сиротина в составе ефрейтора Федора Николаева, рядовых Андрея Червяткина и Петра Бодрова первым выстрелом перебил гусеницу вражеского танка. От двух следующих выстрелов танк загорелся. Экипаж пытался убежать, но стрелки ему помешали.

Вскоре небо заволочло тучами, начал накрапывать мелкий осенний дождь. Бойцы смертельно устали, но надо было восстанавливать окопы, пострадавшие от огня и гусениц вражеских танков. Не без гордости говорили воины о минувшем бое. А командиры расставляли огневые средства на случай нового наступления противника, принимали меры к доставке боеприпасов. В душе теплилась надежда, что противник больше не полезет.

Но гитлеровцы все-таки полезли.

Двадцать шесть танков и самоходных установок в 16.55 появились перед учебной ротой и 523-м стрелковым полком со стороны деревни Веселый Кут. Они шли вдоль дороги на село Недай Вода. На этот раз бой не был продолжительным. Правда, пять танков все же прорвались через боевые порядки на хутор Великий. Остальные повернули обратно.

— Да, тяжелый сегодня денек! — сказал комдив В. Я. Даниленко, вытирая вспотевшую бритую голову. — Но, кажется, выдержали.

Можно было подвести некоторые итоги. За день противник потерял перед фронтом дивизии 14 танков и САУ, в том числе 7 «тигров» и 2 «фердинанда». Было уничтожено около двухсот солдат и офицеров врага.

На рассвете 31 октября мы получили приказ об отходе на новый рубеж. Оказалось, что немецко-фашистские войска на правом фланге армии вклинились в оборону и создали угрозу выхода в ее тыл. Через полосу соседа враг вышел на фланги и даже в тыл нашей дивизии. В этих условиях от командиров и всего личного состава потребовалось немало усилий, чтобы организованно и без потерь совершить отход. Сошлюсь хотя бы на такой пример.

Одна из рот 352-го отдельного саперного батальона получила задачу прикрыть фланг отходящих частей, но была обойдена противником. Путь роте отрезал вражеский пулемет. Атака в лоб повлекла бы значительные потери. Тогда парторг батальона лейтенант И. Б. Тарасевич попросил командира роты провести ложную атаку с фронта, с тем чтобы отвлечь внимание пулеметного расчета, а сам незаметно для гитлеровцев подполз с фланга к огневой точке и забросал ее гранатами. Лейтенант Тарасевич погиб, но рота вышла из окружения без потерь, выполнив свою боевую задачу.

Бесконечно трудно было смириться с вестью о гибели Игоря Борисовича Тарасевича. Двадцатилетний юноша из украинского города Прилуки начал службу в дивизии рядовым, потом воевал заместителем политрука, комсоргом разведывательной роты. На наших глазах он рос и мужал, стал офицером и много раз отличался в боях.

Подвиги Игоря Тарасевича, Александра Кирова, Дмитрия Ананченко воскресили в памяти вещице слова декабриста Рылеева из поэмы «Думы»:

Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянья.

Да, именно из века в век! Не забыты герои Чудского озера, Куликова поля, Бородинских редутов, Сенатской площади, сотни и тысячи других героев, кто принял кончину за народ. Богата ими российская многотрудная история, велики их свершения и неистребимы они в памяти народной. И все-таки история нашего народа не знала героизма столь массового, как в годы Великой Отечественной войны.

В эти огненные годы даже выдающиеся свершения отдельных людей часто сливались в общее пламя всенародного подвига, оттого их не всегда отмечали, выделяли, славили. Прошли уже десятилетия, но мы и поныне узнаем все новые и новые имена героев и со все большим восхищением говорим о титанической духовной силе советских людей. Они — известные и безымянные — перешагнули границы возможного, их и впредь будут славить в поэмах, романах, скульптуре и музыке. Ибо никогда не померкнет народная им признательность и, как сказал поэт, из поколения в поколение передаваться будут их деянья.

Андрей Васильевич Власко, назначенный на должность командира 523-го стрелкового полка вместо направленного по ранению в госпиталь подполковника Старащюка, был немногословен:

— Родился в 1906 году в Полтавской губернии. Юношей работал на заводе. В 1931 году закончил Харьковское пехотное училище. Член Коммунистической партии. К вам прямо с курсов «Выстрел». До учебы на курсах воевал, был заместителем командира полка...

Биография как биография, похожая на тысячи других. Власко был роста небольшого, но скроен ладно и крепко. Весь он словно излучал энергию, а карие глаза на смуглом лице светились живой мыслью. Беседа с ним, естественно, не ограничилась уточнением биографии. Говорили мы о прежней службе, о фронтовых делах, об отношении к людям. У нового командира было немало вопросов. Он спрашивал о положении в части, о ее людях. Но вот, как говорят дипломаты, вопросы, «представляющие взаимный интерес», исчерпаны. И тогда Андрей Васильевич с болью и гневом в голосе сказал:

— По пути в дивизию побывал в родных местах. Никак в себя прийти не могу. Что они, сволочи, натворили! Куда ни помотришь, сплошные развалины. Села стерты с лица земли, даже пепелище не везде сохранилось. Хозяйства порушены. В Харькове мне рассказывали, что гитлеровцы книгами из библиотеки имени В. Г. Короленко мостили грязную улицу, чтобы можно было пройти. Какое варварство!

И еще добавил:

— Без русского народа не отбиться бы нашей Украине от оккупантов. Гитлеровцы хорошо это понимают и изо всех сил стараются поссорить Украину и Белоруссию, народы

Прибалтики и Кавказа с русскими. Большие надежды возлагали гады на распри между нашими народами.

Да, у гитлеровцев не вышло. Сила народов Советской страны в их единстве и дружбе, в их сплоченности вокруг русского народа.

— Хорошо о достоинствах русских сказал Белинский, — вмешался в разговор агитатор политотдела дивизии А. Н. Калинин. — «Русскому равно доступны и сознательность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца». Заметим, сказано это было почти сто лет назад.

Было далеко за полночь, когда Власко ушел в полк. А я долго не мог уснуть. Думалось о людях, пришедших в дивизию из различных районов страны, о ленинской мудрости партии, сплотившей народы необъятной Родины в единую дружную семью, маленькой частицей которой был и наш воинский коллектив.

При форсировании Днепра в дивизии были воины тридцати четырех национальностей. Кроме русских, которых было три четверти, и украинцев в дивизии воевали белорусы, узбеки, казахи, евреи, татары, мордвины, осетины, чуваша, грузины, армяне и сыны многих других советских народов и народностей. Память воскрешала одно за другим имена воинов и их подвиги.

Узбек Хасамбай Исмадинов, рядовой... В ходе наступления рота, в которой он воевал, попала под сильный огонь. Зная о том, что в подразделении много казахов и узбеков, Исмадинов поднялся во весь рост и с криком «юр» (вперед) бросился на врага. За ним дружно поднялись остальные. Рота добилась успеха.

Казах Хаджи Жунусов, командир пулеметного расчета... Меткой стрельбой из пулемета он расчистил путь наступающим, а когда фашисты перешли в контратаку, прочно заняв оборону и пулеметным огнем преградил путь противнику.

Казах Абдужамтыр Кахаров, рядовой... Это он на красноармейском собрании с юношеским задором заявил: «В бою буду храбрым и беспощадным к врагу, как Амангельды!» Слово свое воин сдержал. За мужество и храбрость он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Белорус А. Д. Лутовской, младший сержант, пулеметчик... В ходе наступления на господствующую высоту он уничтожил до 20 гитлеровцев.

Широко были известны в дивизии боевые подвиги украинца А. В. Кшени, лейтенанта, командира пулеметного взвода, русских П. Н. Кашнова и Я. А. Василенко из Алтай-

ского края. О Якове Василенко следует сказать особо. В бою он был ранен, но не оставил поля боя. А когда погиб командир, он заменил его и сражался до конца дня.

В 1-м батальоне 523-го полка среди 35 воинов, отражавших атаку 39 фашистских танков, были воины семи национальностей — русские, украинцы, казахи, белорусы, татары, узбек, башкир.

В наши дни еще более окрепло великое единство советских людей, нашедшее свое выражение в новой исторической общности людей, имя которой — советский народ. Но в западных странах не перевелись оракулы в профессорских мантиях — «достопочтенные» историки, философы и политики, которые по-прежнему не теряют надежды на распри среди советских народов. И хочется твердо сказать им от имени ветеранов: напрасно стараетесь, господа!

Дивизионную газету «На врага!» мы знали хорошо, читали каждую ее строчку. Да и усилия небольшого коллектива редакции и типографии всегда были на виду. Работники политотдела довольно часто беседовали с журналистами, особенно после директивы Главного политического управления о повышении роли армейской печати в воспитании личного состава.

В декабре 1943 года было решено проанализировать содержание газеты в свете требований этой директивы. Изучением газетных выступлений занялись агитатор политотдела П. Н. Тихомиров и старший инструктор по оргпарработе П. Н. Чаплинский. В свою очередь сотрудники редакции готовились к отчету на предстоящем совещании в политотделе.

Накануне совещания я еще раз перечитал директиву ГлавПУ РККА, выписал ленинское определение газеты как коллективного пропагандиста, коллективного агитатора и коллективного организатора, указание о том, что «газета должна сама искать, сама вовремя находить и своевременно помещать известный материал. Газета должна искать и находить нужные ей связи»¹.

Заново просмотрел обзоры печати, опубликованные в армейской и фронтовой газетах. «Газета «На врага!», — говорилось в одном из них, — постоянно улавливает биение пульса своей дивизии, не отстает от ее славных боевых дел, оперативно откликается на все события, по-настояще-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 113—114.

му, горячо, с задором показывает героев Отечественной войны, систематически освещает их боевой опыт...

Газету «На врага!» полюбили бойцы и командиры дивизии. Она сумела стать их лучшим другом потому, что тесно с ними связана, опирается во всей своей работе на военков, всегда знает, что интересует, волнует читателя, и старается своевременно ответить на его запросы»¹.

Немало добрых слов было и в других обзорах. Газету хвалили за воспитание бойцов в духе смелости, решительности и инициативы, высокой боевой активности: «Красноармейская газета «На врага!» умело и настойчиво воспитывает у бойцов эти драгоценные волевые качества, учит бойцов военному мастерству, зовет их на героические подвиги... прививает активность»².

Что ж, все справедливо. Наша дивизионка сделала немало. Ее коллектив все время менялся, но традиции боевой партийной журналистики продолжали жить и работать. Нынешний редактор — высокий худощавый москвич Б. Ф. Диденко, человек большой скромности и исключительной добросовестности, был третьим на этом посту. Два других — Мошихин и Рутман — переведены с повышением. А. И. Рутман стал редактором газеты воздушной армии «Сокол». Трижды сменился и литературный состав. Литсотрудник Митя Березин, статный юноша со светло-серыми глазами за толстыми стеклами очков, недавно пришел в газету, что называется, с переднего края — был заместителем политрука в разведроте, военкором, Старший лейтенант Е. И. Новиков, заместитель редактора, начинал работу литсотрудником.

Коллектив газеты — от редактора до шофера и наборщика — работал дружно, жил как одна семья. Все отличались большим трудолюбием, чувством ответственности за порученное дело, инициативой, профессиональным мастерством. Сотрудники газеты часто находились среди бойцов переднего края, участвовали в боях, хотя редакция и размещалась в дивизионном тылу. И не раз журналисты показывали истинно солдатскую смелость и отвагу.

Летом 1943 года погиб в бою литературный сотрудник Л. С. Айнштейн-Самойлов. Он не просто часто бывал на передовой, а, кажется, вообще оттуда и не уходил: неизменно оказывался на самых опасных участках, в случае необходимости вел огонь по врагу в обороне или шел в атаку.

¹ За Родину, 1942, 2 июля.

² Советский патриот, 1943, 21 дек.

По возрасту и состоянию здоровья он не подлежал призыву в армию. Все мы видели, как нелегко ему было переносить тяготы фронтовой жизни. Но пришел он к нам добровольно, поначалу был начальником библиотеки, потом перешел в редакцию. А сделанное как-то предложение вернуться в тыл воспринял с большой обидой.

Писал он хорошо, его корреспонденции любили, но в дивизии знали его не только по газетным материалам, но и по встречам с солдатами. Он писал о тех людях, которых видел, знал, любил.

Пример активности, основанной на тесной связи с войнами, подавали редактор газеты Борис Федорович Диденко и его заместитель Евгений Иванович Новиков. Так, для того чтобы описать подвиг 35 бойцов, отразивших атаку 39 фашистских танков, Новиков трое суток находился в батальоне, беседовал с каждым участником этого боя.

Вот такое общение с бойцами и обеспечивало газете успех. Она действительно чувствовала пульс жизни, потребности дня, предвидела завтрашние задачи, раскрывала перспективы. Здесь, разумеется, редакции помогал политотдел.

Обо всем этом и шла речь на совещании. Мы вспомнили, как по совету политотдела газета воспитывала бойцов в духе активных и смелых действий по уничтожению вражеских танков и САУ, как помогала войнам в изучении их уязвимых мест. Говорилось, что газета внесла заметный вклад в преодолении танкобоязни. В частности, был отмечен привлекший внимание воинов рассказ одного из лучших наших броневойщиков младшего сержанта Якова Жмурова «Теперь я знаю, как бить фашистские танки и «фердинанды».

Газета стремилась укреплять связи с партийными и комсомольскими организациями, с парторганами и комсорганами рот, распространяла положительный опыт, воспитывала у коммунистов и комсомольцев стремление быть всегда впереди. Она публиковала поучительные материалы под рубриками «В помощь парторгу», «В помощь агитатору». Интересны были подборки, рассчитанные на комсомольцев и молодежь: «Слабого поддержи, неопытному — помоги», «Делай, как я!».

Число военкором, постоянно пишущих в газету, колебалось от 70 до 90 человек. Конечно, желательно было бы, чтобы их число возрастало.

Лейтмотивом всех выступлений на совещании была мысль: не довольствоваться достигнутым, а идти дальше, добиваться дальнейшего улучшения содержания газеты. Указывалось, что пропаганда боевого опыта, опыта партий-

но-политической работы должна быть на страницах газеты более предметной и поучительной, что наряду с этим следует печатать материалы, изобличающие недостатки, отдельные факты беспечности и расхлябанности. Речь шла и о привлечении в качестве авторов наиболее опытных офицеров, о системе поощрения военкоров и их учебе, о встречающихся погрешностях в стиле и языке.

Словом, не без взаимных упреков был этот разговор. Отраднo, что в ходе дискуссии родилось немало разумных предложений. Условились, что редакция предложит темы статей для замполитов и партторгов частей, офицеров штаба. Конечно, во всем этом потребуется помощь политотдела. Было решено провести в частях и подразделениях семинары политработников и агитаторов о работе с газетой среди личного состава, организовать постоянно действующие семинары военкоров и редакторов боевых листков. Это было тем более важно, что состав военкоров в ходе последних боев сильно обновился.

Мысли, высказанные на совещании, стали конкретными пунктами рабочих планов политотдела и редакции. Говорят, лучшее — враг хорошего. Работа редакционного коллектива действительно была неплохой. Но вместе с тем новые задачи, выдвинутые перед газетой, требовали поиска и новых возможностей дальнейшего ее улучшения.

Газета, как известно, дело сугубо творческое, не терпящее равнодушия, шаблона, застоя. Люди, делающие газету, призваны проявлять максимум инициативы, обладать чувством нового. Очень важно, чтобы и в самой редакции поддерживалась атмосфера взаимной требовательности и непрерывного поиска.

Творческому настрою редакции во многом способствовали ее связи с журналистами фронтовой печати. Хотелось бы сказать доброе слово о тех, кто своими советами и участием помогал нам в становлении дивизионной многотиражки с грозным названием «На врага!». Я имею в виду редакторов армейских газет — несколько медлительного В. Б. Фарберова и подвижного, как ртутный шарик, Юрия Королькова из 11-й армии, размеренного и спокойного Евгения Поповкина — редактора газеты 27-й армии. Это были опытные, квалифицированные журналисты. С каждым из них меня связывала фронтовая дружба, завязавшаяся еще при совместной работе в политотделе армии.

Упомяну других военных журналистов, усилия которых, пусть косвенные, тоже способствовали улучшению дивизионки.

Это батальонный комиссар Иван Фотиевич Стаднюк, литературный сотрудник армейской газеты «Мужество». Небольшого роста, внешне ничем, пожалуй, не приметный, он был неутомимым тружеником и храбрым воином. В дивизии появлялся часто и всегда неожиданно. На командном пункте никогда не задерживался и не ограничивался информацией, полученной в штабе или в политотделе. Иван Стаднюк сам ползал по передовой позиции, искал и находил там героев своих репортажей, по крупинкам собирал и обобщал опыт тяжелого ратного труда, подавая пример личного мужества...

А Михаил Матусовский? Внешне несколько неуклюжий и сугубо штатский даже в военном мундире, чем-то похожий, как правильно кто-то заметил, на толстовского Пьера Безухова. Он тоже не раз прославлял доблесть воинов дивизии в стихах и прозе.

Запомнились проникновенные строки из его «Баллады о возвращении»¹, посвященной рядовому 595-го полка Ковальчуку, который в ночном бою в расположении противника лишился зрения и через полутора суток ползком вернулся в свою часть.

Мы находили к Родине путь
В беспамятстве и крови.
По компасу мужественных сердец,
По азимуту любви.

Бывал в дивизии и писал о ее воинах М. Горбунов, автор «Ледолома», отмеченного Максимом Горьким как «хорошая и своевременная книга», а также известный журналист-международник Б. Изаков.

Всем им наше фронтовое спасибо.

Когда мы, закончив совещание, вышли на улицу, густая темнота декабрьской ночи уже окутала землю, укрыла искалеченные дома шахтерского поселка на окраине Кривого Рога. Лишь редкие вспышки ракет выхватывали из темени громады терриконов. Тишину нарушали разрывы снарядов и беспорядочные очереди пулеметов. Как все это отличалось от той красочной картины, которая сохранилась в памяти с довоенных времен. Гудел здесь рабочий накал, заревом светились домы металлургического гиганта...

Больно щемило сердце. Как бы угадав мои мысли, редактор газеты, прощаясь, сказал:

¹ За Родину, 1942, 25 окт.

— Что ж, товарищ полковник, дни оккупантов тут сочтены.

Он, как и я, думал о предстоящем наступлении, хотя не мог о нем знать ничего конкретного.

Город руды и металла

30 января 1944 года началась Никопольско-Криворожская наступательная операция войск 3-го и 4-го Украинских фронтов. В этой операции отличилась и наша дивизия, входившая в состав 82-го стрелкового корпуса 37-й армии.

Собирая материал для воспоминаний, я натолкнулся в архиве на карту-схему, на которой четким почерком генерала армии Р. Я. Малиновского сделана надпись:

«Командарму-37.

1. Атаку начать перед рассветом с таким расчетом, чтобы до светлого времени овладеть второй линией траншей противника.

2. Предварить атаку пехоты 10-минутным артиллерийским подавлением противника с последующим переносом огня на вторую линию траншей.

3. Расход огнеприпасов по артсистемам в первый день — в пределах 06—07 бк, в последующие дни — в пределах 02—03 бк.

4. Решение и группировку 82 ск — утверждаю.

Малиновский.

Желтов.

20 января 1944 г.»¹,

Документ этот привлек мое внимание, конечно же, не четкостью почерка, даже не исчерпывающей ясностью указаний, хотя и это интересно, а прежде всего мудростью решения, подтвержденной ходом наступления. Вместе с тем он напомнил о целой серии успешных боев, в ходе которых воины дивизии вновь показали высокий наступательный дух.

Некоторое время перед этим части дивизии занимали оборону в районе Калачевское, рудник имени В. И. Ленина, Алексеевка. В 20-х числах января дивизия была выведена во второй эшелон армии. Мы догадывались: для подготовки к наступлению.

Январь на юге Украины был на редкость гнилым. Короткие несильные морозы часто сменялись продолжитель-

¹ ЦАМО, ф. 392, оп. 8898, д. 122, л. 29.

ными оттепелями. Снег, если и выпадал, долго не задерживался. От частых дождей и талого снега совсем раскисли дороги. Поездка по дорогам, лишенным твердого покрытия, на обычных автомашинах почти исключалась. Нелегко было передвигаться также людям и лошадям.

— В такую погоду только обороняться, — пробасил, войдя в политотдел, заместитель командира артиллерийского полка по политчасти майор М. Г. Горюнов, надеясь услышать возражение и тем самым утвердиться в своей догадке о предстоящем наступлении.

Но я промолчал. Промолчали и другие работники политотдела, собравшиеся для обсуждения плана работы на ближайшие дни.

Вслед за Горюновым в политотдельский домик прибыли замполиты полков М. К. Соловьев, П. К. Ильвачев, Н. М. Гудков и замполит 9-го отдельного противотанкового дивизиона И. П. Гончар. Они доложили, как минувшей ночью произошла передача полосы обороны 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, и о выходе своих частей в новые районы сосредоточения. Все обстояло хорошо, и мы, не теряя времени, тут же приступили к рассмотрению проекта плана работы политотдела на ближайшие дни.

По содержанию этот план можно было бы назвать планом партийно-политической работы дивизии, поскольку в нем подробно были расписаны мероприятия во всех частях, проводимые при помощи работников политотдела. Это, как нам казалось, не лишало политработников частей инициативы, вместе с тем позволяло политотделу сосредоточить свои и их усилия на главном, эффективнее использовать силы аппарата.

Планом, например, предусматривалось оказать помощь командирам, партийно-политическому аппарату и партийным организациям частей в деле изучения личного состава нового пополнения, его расстановки по подразделениям, расчетам и отделениям (накануне мы получили маршевые роты); правильной расстановки коммунистов, комсомольцев и боевого актива; равномерного распределения бойцов, не участвовавших в боях; проведения бесед о сохранении военной тайны; выявления достойных младших командиров и бойцов, заслуживающих присвоения очередного воинского звания — ефрейтор, младший сержант, сержант и т. д. Естественно, что политработники частей должны были включить эти вопросы в свои планы и заниматься ими вместе с нами.

Золотая Звезда Героя вручена. Командующий фронтом П. А. Курочкин беседует со старшим сержантом Жамбылом Тулаевым

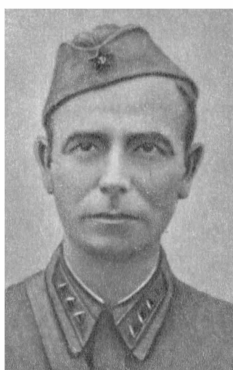
После поиска. Группа разведчиков Я. М. Устюжанина

Под Старой Руссой. Группа командиров и политработников 234-го артполка: М. А. Иващенко, К. Н. Зайкин, С. В. Петров, М. Г. Горюнов, Р. М. Амерьян, Б. И. Беличенко

А. А. Самсонов

Ф. К. Чегодаев

И. Ф. Лоптев

И. Н. Еремин

М. Я. Синев

М. С. Мажуга
(фото послевоенных лет)

Заместители политруков собрались на семинар. Занятия проводит старший инструктор политотдела И. Ф. Ивашкин

И. И. Бурлакин

С. В. Яскевич
(фото послевоенных лет)

Комиссары Н. М. Гудков и А. В. Малина

Офицеры управления 188-й стрелковой дивизии

Офицеры политотдела С. Ш. Нейман, А. Н. Калинин и П. Н. Чаплинский

А. Д. Киров

Н. И. Ряховский
(фото послевоенных лет)

Д. М. Ананченко

Офицеры политотдела дивизии. В первом ряду (слева направо): И. Н. Кудин, Г. Н. Шинкаренко, М. И. Томилов, во втором ряду: М. С. Левицкий, Д. В. Дубков, А. И. Гуков, П. Н. Тихомиров, П. М. Фатеев и другие

В боях под Кривым Рогом, 1943 год

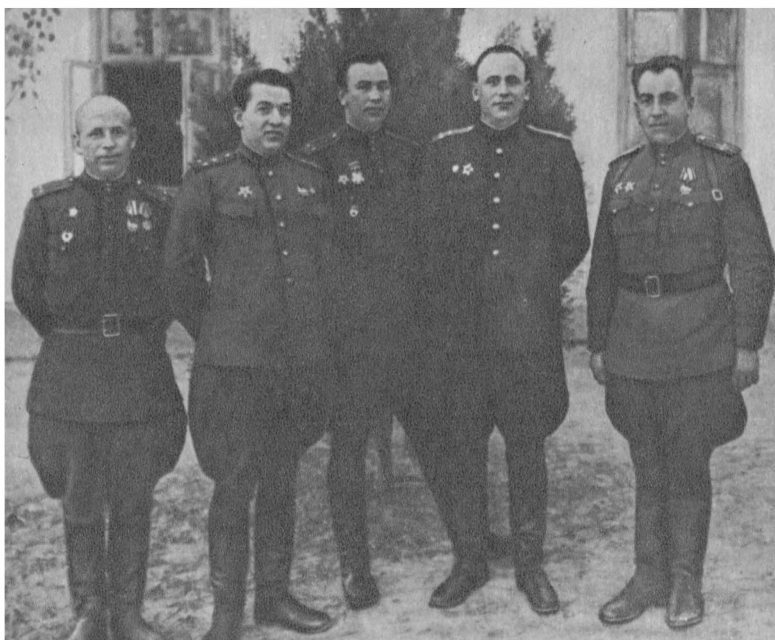
П. С. Статнов

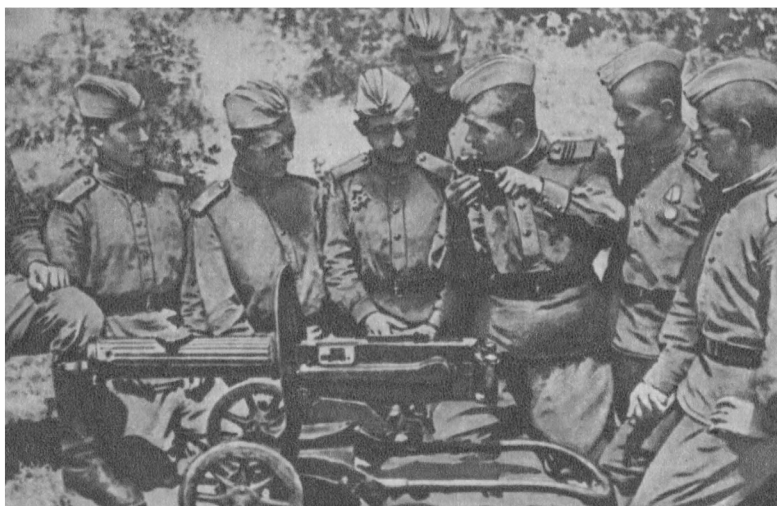
В. В. Пономарев

И. И. Кулик

Начальники политорганов 37-й армии. Слева направо: М. Ф. Скворцов, Б. С. Мельников, Г. М. Молчанов, Г. Н. Шинкаренко и К. П. Пашенко

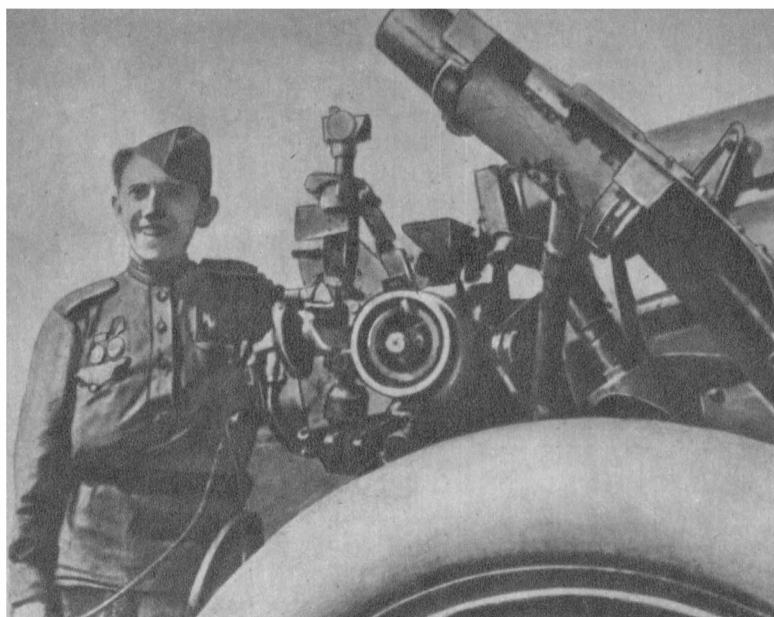
Новое пополнение с интересом изучает оружие

П. Г. Кузнецов

С. С. Сенин

Старшина Ю. М. Луковский — участник многих боев

И. Д. Бугай

Н. А. Тулин

Е. А. Шульгин

Собрание партийного актива дивизии. Выступает командарм М. Н. Шарохин

На КП фронта. И. З. Сусайков, Р. Я. Малиновский и М. М. Стахурский

Артиллеристы 523-го стрелкового полка. В первом ряду (слева направо):
И. Козлов, Н. Еременко, Ф. Пахомов, Б. Алипов, Г. Полинар. Во втором
ряду: А. Штанько, А. Новиков, В. Каменев, Н. Букреев, В. Добротин,
М. Шорохов

П. А. Артюшенко

С. И. Панков

После боя на реке Драва. Встреча советских и болгарских воинов

Н. В. Огарков

Г. К. Цинев

**На КП 4-го болгарского корпуса. Крайний слева Стоян Трендафилов
и крайний справа П. А. Артюшенко**

А. Н. Величко

П. И. Буняшин

А. М. Таратынов

П. В. Пузанов

А. И. Еремеев

Владимир Стойчев

Никола Петров

Дмитр Валканов

На встрече ветеранов 188-й дивизии с рабочими московского электростанции (АТЭ-1)

Послевоенная встреча медрботников дивизии

На полях бывших сражений (под Старой Руссой, 1982 год)

Политотдел планировал помочь политработникам частей подготовиться и провести в частях и подразделениях:

— семинары партторгов батальонов на тему «Практика работы первичной парторганизации в наступательном бою»;

— семинары партторгов рот об опыте организации партийной работы в наступательном бою;

— собрания партийного актива (общие партсобрания) полков с повесткой дня «Очередные задачи партийных организаций»;

— инструктажи ротных и взводных агитаторов и политработников батальонов на тему «Жить и бороться, как жил и боролся великий Ленин»;

— беседы для личного состава рот и артиллерийских батарей: «Заветы В. И. Ленина советским воинам», кроме того, для молодых воинов — о военной присяге и боевых традициях части;

— семинары комсоргов первичных и ротных комсомольских организаций на тему «Комсорг в бою»;

— встречи бывалых воинов с бойцами, не участвовавшими ранее в боях;

— беседы в ротах о тактике действий бойца в наступательном бою;

— собрания орденосцев (бывалых воинов) об их задачах;

— совещания старшин подразделений о задачах старшин в наступательном бою в зимних условиях;

— совещания командиров взводов и рот (отдельно младших командиров) об их роли и задачах по подготовке и ведению боя;

— принятие бойцами пополнения военной присяги;

— митинги на тему «Освободим Родину от немецких захватчиков».

Планом предусматривались также помощь командиру и штабу дивизии в проведении строевого смотра в полках, другие важные мероприятия (основные темы выступлений газеты, показ кинокартин, организация концертов ансамбля и т. д.).

Такой план позволял не только привлечь внимание командиров и политработников к важнейшим вопросам, но и оказать им практическую помощь. Работники политотдела поочередно выступали во всех полках. К проведению ряда мероприятий привлекались офицеры штаба и служб дивизии, военной прокуратуры и военного трибунала.

— На какое время рассчитаны эти мероприятия? — спросил майор Соловьев.

Мероприятий действительно было много. И чтобы осуществить их, предстояло напрячь все силы, обеспечить четкость, я бы сказал, синхронность в работе. Поэтому мы и пригласили на обсуждение политотдельского плана замполитов полков. Еще раз все обдумали, взвесили каждый пункт. Об основных мероприятиях я поставил в известность начальника штаба, обговорил с ним сроки проведения мероприятий, заручился помощью, после чего представил план командиру дивизии, который и утвердил его.

О наступлении никто никому прямо не говорил. Но все понимали: намеченное планом неспроста.

Должен сказать, что, когда мы находились еще в обороне, политотдел осуществил ряд мер, так или иначе связанных с предстоящим наступлением. Мы провели шестидневный семинар заместителей командиров по политчасти батальонов, на котором основное внимание было уделено практике партийно-политической работы в наступательном бою; уточнили расстановку коммунистов по ротам и взводам (в каждой роте теперь имелось по 7—9 членов и кандидатов в члены партии); провели трехдневный семинар парторгов рот; создали резерв парторгов ротного звена и провели с ними месячный сбор.

Меня вызвали в политический отдел армии. Предупредили: речь пойдет о плане работы на ближайшее время. Едва переступил порог низенькой, с подслеповатыми окнами мазапки, как сразу же оказался среди старых знакомых. Тут были подполковник Г. М. Молчанов и полковник М. Г. Васютин, начальники политотделов 28-й и 15-й гвардейских дивизий, другие политработники. Вскоре появился начальник политотдела армии полковник Б. С. Мельников. До войны Борис Семенович работал в Московском горкоме комсомола. Потом воевал на Северном Кавказе. Его отличало чувство собственного достоинства. Впрочем, это не мешало полковнику быть человеком общительным. Он умел заметить новое, интересное, поощрить инициативу подчиненных, быть настойчивым в ее распространении.

— Вы, очевидно, уже догадываетесь, — начал он приглушенным голосом, — что вот-вот придется участвовать в боевом деле. — И, окинув всех пристальным взглядом, продолжил: — Где и когда, скажут в свое время, а сейчас главное — продумать и осуществить партийно-политические мероприятия, которые обеспечили бы успех. Это тем более важно, так как, находясь в обороне, можно и разучиться наступать. Давайте обсудим имеющиеся у вас наметки. Это, надеюсь, будет полезно для всех.

Один за другим начподивы доложили планы работы. Доложил и я, рассказав при этом и о мероприятиях, осуществленных в порядке подготовки к наступлению еще в период, когда мы находились в обороне.

— В плане много нужных и важных мероприятий, но не слишком ли все централизовано, — отозвался кто-то о плане нашего политотдела.

Мнения разделились. Но большинство участников совещания поддержало меня. Начпоарм Б. С. Мельников рекомендовал политорганам использовать наш опыт планирования.

Семинары, собрания, встречи и занятия... Хотелось побывать везде, встретиться с партийными активистами, с командирами и политработниками, с молодыми и умудренными опытом боев воинами. Ездил, ходил и выступал в те дни много.

Запомнилось совещание сержантов 595-го полка. Собрались больше сотни человек. Одни — со стажем — держатся степенно, но без какой-либо бравады. Другие на таком совещании впервые, ведут себя несколько скованно. Все успели помыться в бане, побриться, немного отдохнуть и потому выглядят свежо и молодо.

С докладом о задачах сержантов в предстоящем бою выступил заместитель командира полка по политчасти майор Н. М. Гудков. Его румяное скуластое лицо светилось добротой. Людей он любил, умел вовремя похвалить, подбодрить, правда и журил строго, но как-то с сочувствием. Основой доклада была мысль: вернуть Родине город руды и металла — Кривой Рог.

— Конечно, скажете вы, нашему полку такое не под силу, — заметил он. — Это задача всей армии. Но я, как бы сказал Костя из известного вам фильма, говорить «за всю Одессу» не берусь — «вся Одесса очень велика». Но ведь и роль сержанта немалая. От чего зависит успех дивизии, корпуса, армии? От успеха полков! А полка? От батальонов! Батальона?

— От роты, — ответили несколько голосов.

— Успех роты?

— От взводов!

— А взвода?

И теперь уже почти хором присутствующие ответили!

— От отделения!

— Значит, кто главный? — лукаво улыбаясь, обратился Николай Михайлович Гудков к присутствующим. — Выходит, в конечном счете все зависит от вас.

Сержанты, довольные, заулыбались. Понимали, что это шутка, но в ней была большая доля правды.

А майор Гудков продолжал. Тон его стал серьезнее, и повел он речь о фактах, всем близких. Людей полка он знал хорошо. С теплотой говорил о боевых делах старших сержантов И. М. Петрова, Г. Ф. Дмитриева, сержантов А. И. Абанина, Дулина. Подчеркнул, что они достигли успехов прежде всего благодаря вдумчивому воспитанию и обучению подчиненных, заботе о них, благодаря личному примеру храбрости и боевого мастерства, дисциплины и требовательности.

— Их опыт во многом поучителен, и его необходимо взять на вооружение при решении новых ответственных задач...

Разговор с самого начала приобрел конкретный характер.

Вперед вышел сержант Дулин. Человек он бывалый — воюет с сорок первого. Участвовал в боях под Сталинградом и на Курской дуге. Пять раз ходил в штыковую. Опираясь на винтовку, Дулин неторопливо сказал:

— Самое главное в наступлении — это смелость действий, решительность и смекалка. Стараюсь до боя хорошо изучить подчиненных, подготовить их, привить им бойцовские качества. В этом мне помогают ветераны.

Сержант привел такой пример. В его отделении служит молодой солдат. Поначалу он проявлял робость. Бывало, как только противник откроет по позиции огонь, паренек этот места себе не находил. Тогда шефство над ним взял бывалый солдат Федор Жданов. При очередном обстреле он сказал молодому: «Спрячься в блиндаже, а я подежурю». Тот спрятался раз, другой, третий. А враг вновь и вновь открывает огонь. И вот неподалеку опять начали рваться снаряды. Жданов говорит: «Беги скорей, я за тебя подежурю». А солдат в ответ: «Не побегу, здесь буду...» «Так убить же могут!» — с напускной тревогой сказал бывалый солдат. «Ну, а ты ведь никуда не бегаешь. Почему это меня обязательно убьют?» И боец остался на месте. С тех пор он перестал бегать в блиндаж. Теперь и свисту пуль не кланяется.

Затем выступил сержант Лаухин, участник многих боев. Он сказал:

— Победы в бою добивается тот, кто не теряет бодрости духа. Как бы ни было трудно, надо смело идти на врага. Этому я и учу своих подчиненных.

Старший сержант Талатушкин поделился опытом действий пулеметного расчета. Его расчет использовал в бою пулемет, захваченный у противника.

— Мы должны хорошо знать не только свое оружие, но и оружие противника, — заключил старший сержант.

Много поучительного высказали и другие младшие командиры. Они заверяли командование, что достойно подготовят свои отделения и расчеты к новым боям. Слушая сержантов, я радовался их политической и профессиональной зрелости, глубокому пониманию ими своего долга.

На совещании был объявлен приказ командира полка о присвоении очередных воинских званий, а отличившимся в боях сержантам вручены правительственные награды.

В тот же день вечером я уже был в 580-м стрелковом полку, где состоялась встреча бывалых воинов с бойцами нового пополнения.

Среди новичков было немало лиц, которые какое-то время находились на оккупированной врагом территории и на себе испытали ужасы «нового порядка», имели личные счеты к захватчикам. Вместе с тем эти люди имели скудное представление о жизни фронта и тыла. С огромным вниманием они слушали рассказы о положении в стране, о Красной Армии и ее героической борьбе.

Большой интерес у бойцов нового пополнения вызывали и выступления воинов-ветеранов, которые вооружали их солдатской наукой побеждать.

Первое слово на встрече было предоставлено ефрейтору Н. С. Суворову.

— Конечно, вы догадываетесь, что я не тот Суворов, который всем известен. Меня и в батальоне не все знают. Пока я не только не генералиссимус, но даже и не сержант, — начал он с лукавой усмешкой деда Щукаря. — Но воюю уже третью войну. Побывал на Халхин-Голе. Прихватил малость финской и вот теперь на Отечественной... До Кривого Рога дошел. Много раз пришлось сталкиваться с фрицами. Правду говорил наш великий предок: «Рускио прусских всегда бивали!»

Ефрейтор Суворов призывал к смелости.

— Смелость, говорят, города берет. Но и горячиться не надо. Поглядывай кругом, соображай — когда стрелять, когда перебегать. Только недолго соображай: бой быстроту любит!

Более всего молодых бойцов волновали способы борьбы с танками.

— Конечно, танк кажется страшноватым, особенно поначалу, — сказал участник двух войн рядовой Светус. — Помню, как впервые повстречался с ним, — стреляю из винтовки, а он прет и прет. Не по себе стало... Но вот собрался с духом, бросил противотанковую гранату, перебил гусеницу, и машина завертелась на месте. Немножко отлегло. Под руками оказалась бутылка с горючей смесью. Бросил. Огненные струи потекли по металлу, и черный дым окутал танк. Фрицы через люк, как суслики из норы, выскочили. Тут я от радости закричал и начал стрелять...

Об опыте боев с танками говорили сержант Бобровецкий и другие воины.

Болнуясь, молодой солдат Петренко поблагодарил бывалых солдат за поучения и заверил: молодые воины не посрамят доброй чести дивизии и полка.

В заключение выступил командир полка И. Н. Еремин. Он вручил группе воинов знаки «Отличный пулеметчик» и «Снайпер», а также объявил приказ о присвоении ряду воинов званий младший сержант и ефрейтор.

Командир полка напомнил мудрый совет генерала Драгомирова: «Зри в части — семью; в начальнике — отца; в товарище — родного брата; в подначальном — меньшого родню; тогда и весело и дружно, и все ни почóm»¹.

Подготовка к наступлению набирала темпы.

24—25 января командир и начальник штаба дивизии провели командно-штабные занятия с командирами и начальниками штабов частей, а 26-го — с командирами рот и с адъютантами (начальниками штабов) батальонов. Тема занятий — «Организация наступления».

29 января во всех ротах проводились беседы с молодыми бойцами об опыте наступления. Особое внимание обращалось на необходимость стремительных и дерзких действий. Напомнили одну из заповедей: «В траншеях противника — не задерживаться!»

Парторг 8-й роты 580-го полка старшина Жигарев говорил:

— В наступлении прежде всего нужны быстрота и натиск. Вот началась артиллерийская подготовка. Конечно, все фрицы прячутся в блиндажи. Остаются только наблюдатели. Но и они, стремясь сохранить свою жизнь, пригибаются, прячутся. Тем временем наша артиллерия перепосит

¹ Драгомиров М. И. Избранные труды. М., 1956, с. 43.

огонь в глубину. Но солдаты противника не сразу вылезают из блиндажей — опасаются повторения налета. Не сразу осматриваются и наблюдатели. Вот тут их и надо брать! Важно не замешкаться, не упустить момент. Не следует задерживаться и в траншеях противника.

— А почему? — спросил его боец из пополнения.

— А потому, во-первых, что время потеряете. Враг очушается, займет оборону. Не дать ему этого! Во-вторых, задерживаться в траншеях противника просто опасно — у него свои позиции всегда хорошо пристреляны.

— Но там же могут остаться фашисты? — слышался снова чей-то голос.

— Долго не усидят. За нами будет наступать второй батальон, он их и добьет.

В беседах бойцам напомнили, как 35 воинов 523-го стрелкового полка отразили атаку целого батальона пехоты и 39 танков противника, о взаимовыручке в бою, о личной ответственности каждого за выполнение боевой задачи, о мерах, связанных с пресечением трусости.

Политотдел неослабно следил за материально-техническим обеспечением войск. А трудностей тут было немало. Дороги стали совсем непроходимыми — подвезти что-либо на имеющихся в дивизии автомашинах было почти невозможно.

— Не знаю, что и делать, — жаловался заместитель командира по тылу. — Все наши попытки как-то протолкнуть машины, нагруженные даже наполовину, кончаются неудачей. У двух ЗИСов полетели задние мосты. Снаряды подвезти не на чем.

Обратились за помощью к жителям ближайших деревень. Люди охотно откликнулись. И вот, утопая по колено в грязи, крестьяне Ново-Украинки, Ново-Сергеевки и других деревень понесли тяжелые снаряды.

На мой вопрос, не тяжело ли, один из переносчиков ответил:

— Своя ноша не тяжела.

Да, груз, сулящий врагу смерть, не тяготил их.

Забегая вперед, скажу, что многие женщины и девушки помогли нашим медикам в уходе за ранеными. Не без участия местных жителей был произведен ремонт валенок и пошив из старых шинелей варежек для солдат.

Итоги работы по подготовке к наступлению мы подводили ежедневно. Казалось, все шло неплохо. Тем не менее мне хотелось побывать во всех полках, чтобы лично убедиться, что сделано, а что еще предстоит сделать. Такое же

беспокойство за выполнение намеченных планов проявляли командиры и политработники в полках и батальонах. Помнится, 29 января, в канун наступления, я пришел в 523-й полк. Ознакомился с положением дел, а потом вместе с парторгом полка капитаном Порошиным отправился в 1-й батальон.

Дежурный доложил, что комбат выступает с докладом на партийном собрании. На каком, думаю, собрании? Ведь оно здесь было проведено еще в самом начале подготовки. Но парторг батальона лейтенант Н. П. Барсем поясняет:

— Мы собрали коммунистов по совету комбата и замполита...

Дело в том, что в последние часы были вскрыты недостатки. И надо было предпринять меры, чтобы наверстать упущенное. Об этом на собрании и говорил комбат В. М. Божко, выступивший с докладом. И доклад и выступления коммунистов были деловыми, лаконичными. Как только закончилось собрание, командиры рот и взводов ушли в свои подразделения. На какое-то время задержались лишь парторги и члены бюро — они уточнили партийные поручения на первый день наступления.

Лишний раз убеждаюсь, что создание первичных организаций в батальонах вполне оправдало себя, позволило комбатам оперативно использовать помощь коммунистов.

В ночь на 30 января в 1-й роте состоялось партсобрание с повесткой дня «Авангардная роль коммунистов в бою» (в это же время партийные собрания проводились во всех ротах дивизии).

Ротные партийные собрания перед наступлением всегда отличались деловитостью и какой-то торжественностью, которая проявлялась в клятвах коммунистов перед Родиной и товарищами первыми подняться в атаку и не жалеть сил для победы. Люди говорили о готовности отдать свою жизнь во имя великой цели. Эта деловитость и торжественность в полной мере были присущи и собранию 1-й роты, где с докладом выступил командир роты старший лейтенант П. Г. Жарков.

Жарков начал войну на самой границе рядовым. На фронте стал коммунистом и офицером, а теперь уже больше трех месяцев командовал одной из лучших рот. Боевой опыт он оплатил собственной кровью. Воинское мастерство и храбрость офицера отмечены боевым орденом. Словом, Жаркову было что сказать коммунистам. И он не только сообщил о предстоящей задаче, об особенностях ее выполнения, но и высказал немало советов — как лучше органи-

зывать атаку, как действовать в той или иной ситуации, тепло сказал о людях, о коммунистах роты, их личном примере.

— В роте, — говорил он, — много молодых воинов. Для них это первый бой. Вспомните, сколько неведомого для каждого из нас было в первом бою? В эти дни мы много им и рассказывали и показывали. Все это конечно же поможет. Однако личный пример, поддержка и помощь непосредственно в бою еще больше значат.

Первым выступил командир взвода лейтенант А. Я. Морозов. Он рассказал о высоком моральном подъеме личного состава и заверил собрание, что задачу свою взвод выполнит с честью.

Рядовой Андреев, только что принятый кандидатом в члены партии, поклялся перед товарищами действовать в бою храбро и отомстить гитлеровцам за все их злодеяния.

— Не пожалею жизни для освобождения родной Украины, — сказал он.

Бесстрашно сражаться против фашистских захватчиков поклялся и молодой коммунист ефрейтор И. С. Скворцов.

Из одиннадцати членов и кандидатов партии, состоявших в ротной организации, на собрании выступило семь человек. В принятом решении коммунисты обязались показать личный пример в бою, обеспечить выполнение боевой задачи. Тут же, на собрании, многим из них были даны поручения по оказанию помощи молодым воинам. Условились о призывах, которые необходимо провозглашать в ходе атаки, а также о передаче голосом по цепи об отличившихся воинах.

За два часа до атаки политработники помогли командирам довести боевую задачу до каждого отделения и бойца, уточнили расстановку коммунистов и комсомольцев, всего боевого актива в цепи. Было принято по радио и размножено сообщение Совинформбюро об успехах войск Ленинградского и Волховского фронтов, вышедших на рубеж Нарвский залив, Кингисепп, Любань, Чудово, Шимск. Мы намечали зачитать обращение Военного совета фронта, но получили его, к сожалению, уже после начала атаки.

30 января... Незадолго до рассвета открыли стрельбу орудия прямой наводки. Пять минут спустя начался мощный 10-минутный огневой налет. Еще не успела стихнуть канонада, а пехота пошла в наступление, благо к утру чуть-чуть подморозило и двигаться стало легче. С НП движение цепей не просматривалось — скрывала темнота. Но звуки автоматных очередей, вспышки гранатных разрывов

и дружное солдатское «ура» безошибочно свидетельствовали: бой развивается успешно.

«Когда русские на рассвете начали наступление, — рассказывал потом, трясаясь как в лихорадке, пленный 112-го гренадерского полка, — они прижали нас к земле сильным артиллерийским огнем. Огонь был настолько сильным, что мы не могли высунуть головы из окопа. Было темно, и что делалось у русских, не было видно. Когда артиллерийский обстрел прекратился, русские были у нас перед самым носом»¹. Что касается силы артиллерийского огня, то пленный сильно преувеличил (налет продолжался всего лишь 10 минут). Но то, что сразу после его окончания наши воины стремительно атаковали гитлеровцев, не дав опомниться, факт.

Уже к рассвету оборона противника была прорвана во всей полосе наступления дивизии.

Характерно, что немецкие офицеры, несмотря на угрозы, были не в силах удерживать солдат в повиновении. Пленные свидетельствовали, например, что «командир батальона капитан Куглер кричал, угрожал расстрелять каждого, кто попытается сбежать. Он приказал командиру роты лейтенанту Хомаеру вернуть всех на передовую, но вскоре, боясь окружения, вместе с ротным сам покинул позицию»².

А воины нашей дивизии рвались вперед. Приведу хотя бы несколько примеров, характеризующих их высокий наступательный дух.

Лейтенант В. С. Орлов, командир минометной роты 523-го стрелкового полка, как правило, находился в первых цепях наступающих.

— Там виднее, что мешает продвижению матушке-пехоте, — говорил он.

Цели он обнаруживал быстро, минометные расчеты, хорошо подготовленные, все команды исполняли без задержек. За первый день боя рота подавила две минометные батареи, уничтожила четыре станковых и пять ручных пулеметов противника. Огонь минометчиков во многом обеспечил успешное наступление батальона, спас жизнь десяткам воинов.

В районе деревни Зиновьев противник перешел в контратаку двумя ротами пехоты с танками. Лейтенант Орлов был ранен, но поле боя не покинул. Наспех перевязав рану, он продолжал командовать. Метким и интенсивным ог-

¹ ЦАМО, ф. 392, оп. 8898, д. 106, л. 212

² Там же, л. 213.

нем минометчики отсекали вражескую пехоту от танков. Гитлеровцы залегли, а их танки без поддержки пехоты продолжать атаку не рискнули.

Отважно сражался рядовой С. И. Терленко, кандидат в члены партии. Он в числе первых бросился в атаку. В бою за Ново-Софиевку был ранен. Санинструктор, перевязав руку, предложил ему следовать на полковой медицинский пункт. Терленко отказался наотрез:

— Це ж ты що выдумав! Я цилых четыре мисяци танцював коло Кривого Рогу, а таперь колы сегодня-завтра возмэм город, мэна в тыл? Отпусти в роту!

И ушел воевать.

Пулметчик 523-го полка рядовой Федор Партретный, призванный на службу из Новомосковска Днепропетровской области, уничтожил два пулемета и несколько десятков гитлеровцев, а когда противник перешел в контратаку, тут же занял оборону и дрался до последнего дыхания.

— Не для того мы кровь проливали, чтобы снова отдать эту землю! — кричал он, немолодой уже воин, в крайнем возбуждении и нажимал на гашетку пулемета...

В разгар боя погиб командир одной из рот. Цепь залегла. Оставаясь под огнем противника, рота несла потери. Находившийся неподалеку парторг батальона лейтенант Н. П. Барсем пробрался к роте, собрал группу бойцов и поднял их в атаку. Прозвучало солдатское «ура» — вперед пошла вся рота, наступление было продолжено.

Командир отделения радистов сержант Иван Зинченко в атаку с автоматом не ходил и в рукопашном бою не участвовал. Но задача у него была не менее важная — обеспечение связью командира батальона. Делал это комсомолец мастерски, с большим старанием. В бою за деревню Зеленое Поле осколок вражеской мины впился радисту в живот. Умирая на руках товарища, Зинченко беспокоился не о своей жизни, а о долге.

— Ефремов, обеспечь связь комбату, — прошептал он последние слова.

Так дрались и умирали многие воины.

Рассказывая мне о подвиге сержанта Зинченко, парторг батальона Никита Павлович Барсем на какое-то время задумался и, как бы рассуждая про себя, заметил:

— Долг, должен... В словаре Даля даются разные оттенки этого понятия, бытовавшие в старину. Но для советского воина оно однозначно: почетная, священная обязанность по защите социалистического Отечества. Сознание

долга наполняет сердце патриота отвагой, умножает его силы.

Разсуждения парторга я вспомнил совсем недавно, когда встретил одного молодого человека, который с раздражением сказал:

— Все мне говорят о долге. Я никому ничего не должен.

Какое скудное, обывательское толкование понятия, имеющего глубокий смысл! И я невольно подумал: всегда ли мы, ветераны, аргументированно, на живых примерах и фактах разъясняем молодежи, как понимали и с какой самоотверженностью наши друзья-фронтовики выполняли свой высокий долг.

Несмотря на многочисленные контратаки противника, части дивизии за день боев продвинулись более чем на 8 километров, овладели мощным узлом вражеского сопротивления на высоте с отметкой 109,1 и населенными пунктами Зеленое Поле, Зиновьев, Ново-Софиевка. Представитель Ставки Маршал Советского Союза А. М. Василевский и командующий фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский высоко оценили успех дивизии за первый день наступления. В ночь на 31 января к нам пришла их телеграмма, в которой всему личному составу объявлялась благодарность.

Много лет спустя мне довелось беседовать с А. М. Василевским. Это было в октябре 1977 года, когда я по поручению редакции «Советской Военной Энциклопедии» вручал ему очередной том этого издания. Маршал с завидными подробностями вспомнил Никопольско-Криворожскую операцию. Я упомянул о его телеграмме, тепло встреченной в дивизии. А. М. Василевский спросил:

— А вы где там воевали? — и, услышав помер армии, продолжал: — У Михаила Николаевича Шарохина. Хороший был командарм. С его армией у меня связаны особые воспоминания.

И маршал рассказал о том, как при подготовке наступления он обратился к И. В. Сталину с просьбой об усилении 3-го Украинского фронта.

— Иосиф Виссарионович реагировал резко отрицательно, упрекал в неумении воевать и даже бросил трубку. Но потом все же 3-му Украинскому были переданы из других фронтов ваша 37-я армия, механизированный корпус, а также стрелковый корпус из резерва Ставки.

...Подводя итоги первого дня наступления, мы с кома-

диром дивизии и начальником штаба не знали, какой из частей отдать предпочтение. Все действовали очень хорошо. Было приятно отметить дружную атаку батальона капитана Василия Михайловича Божко и особенно роты старшего лейтенанта Петра Герасимовича Жаркова, в которых мне накануне довелось присутствовать на партийных собраниях.

Отлично сражались, по докладам представителей политотдела, воины 2-го батальона этого же полка под командованием капитана Александра Николаевича Бурдакова и роты лейтенанта Владимира Кирилловича Трухменева 580-го стрелкового полка. Они первыми ворвались в деревню Зеленое Поле. Подлинную отвагу и мастерство показали также бойцы роты 595-го полка под командованием лейтенанта Дмитрия Макаровича Фищенко. Эта рота первой на участке полка преодолела оборону противника.

Как потом станет известно из показаний пленных, наше наступление в общем-то не было неожиданным для противника, хотя масштабы и цели операции вплоть до последнего момента оставались для него загадкой.

Еще накануне операции противник предпринял ряд экстренных мер, чтобы удержать Кривой Рог. Он усилил свою группировку людьми, техникой, оружием и боеприпасами. В немецко-фашистских войсках велась интенсивная идеологическая обработка личного состава. Так, выступая перед только что прибывшей маршевой ротой, командир 354-го гренадерского полка утверждал, что «в летних боях 62-я пехотная дивизия немцев понесла большие потери. Но у русских тоже положение тяжелое. Они израсходовали свои последние силы и к весне придут настолько ослабленными, что не смогут противостоять немецкому наступлению»¹.

«Офицеры, — по заявлению пленных, — разговаривая с солдатами, ссылались на речь Гитлера от 9 ноября 1943 года, в которой тот заявлял, что недалек день, когда Германия рассчитается со своими врагами, ибо к весне у нее будет новое оружие. Двух новых бомб или снарядов хватит для уничтожения целого города»².

Сказками о нашей слабости и подготовке большого весеннего немецкого наступления ободряли солдат командир 112-го гренадерского полка майор Яндор и командир 1-го батальона этого полка Нейман. Вместе с тем, обходя окопы, они предупредили их о том, что «получен строгий приказ

¹ ЦАМО, ф. 37, оп. 8898, д. 106, л. 215.

² ЦАМО, ф. 37, оп. 7798, д. 106, л. 213.

Гитлера не уступать русским без боя ни одного метра территории»¹.

Во всех запасных полках Германии была уже давно введена штатная должность офицера-попечителя для национал-социалистского воспитания. С зимы 1943/44 года такие офицеры назначались и во всех батальонах.

Январское наступление войск 37-й армии противник принял за главный удар фронта. К участку прорыва гитлеровцы срочно перебросили из резерва 9-ю и 23-ю танковые дивизии. Но это ослабило немецкую группировку на главном для нас апостоловском направлении, где днем позже перешла в наступление главная ударная группировка 3-го Украинского фронта — 8-я гвардейская армия генерал-полковника В. И. Чуйкова и 46-я армия генерал-лейтенанта В. В. Глаголева. Противник понял свою ошибку, но было уже поздно.

Восемь суток части 188-й дивизии вместе с другими соединениями 37-й армии днем и ночью вели тяжелые бои, перемалывая и сковывая значительные силы врага. Тем временем войска главной ударной группировки фронта успешно развивали наступление и овладели городом и крупным железнодорожным узлом Апостолово, железнодорожной станцией Марганец и отрезали в районе Никополя пути отхода на запад крупной группировки противника в составе более пяти дивизий.

По свидетельству бывшего начальника главного разведывательного управления генерального штаба гитлеровских сухопутных сил Курта Типпельскирха, это было «тяжелым поражением, не на много уступавшим катастрофе 8-й армии» немцев в районе Корсунь-Шевченковского².

Приказом Верховного Главнокомандующего многим соединениям, в том числе нашей дивизии, была объявлена благодарность. В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся соединения было приказано представить к присвоению им наименований Апостоловских и Нижнеднепровских. Наша дивизия стала именоваться Нижнеднепровской.

Благодарность Верховного Главнокомандующего войны рассматривали как благодарность Родины и очень гордились ею. Но в приказах, естественно, не могли быть перечислены фамилии даже командиров всех частей и соеди-

¹ ЦАМО, ф. 37, оп. 7798, д. 106, л. 213.

² См.: Типпельскирх К. История второй мировой войны: Пер. с нем. М., 1956, с. 355.

нений. Хотелось сделать радость более ощутимой для всех. И мы решили выдать воинам справку о благодарности, объявленной в приказе.

В типографии дивизионки отпечатали размером в солдатскую книжку специальные бланки с текстом. В них вписали имена. Справку, заверенную подписью и печатью, торжественно вручили каждому солдату и офицеру, участвовавшему в наступлении. Нашу инициативу одобрил политотдел армии.

С 7 февраля дивизия временно перешла к обороне, а затем три дня находилась во втором эшелоне корпуса, снова готовясь к наступлению. Командиры, штабы и политработники анализировали опыт, накопленный в ходе боев.

15 февраля в полках состоялись митинги, посвященные присвоению дивизии почетного наименования Нижнеднепровской. Днепр, правда, находился от нас не близко. Но своими действиями на криворожском направлении дивизия внесла определенный вклад в дело достижения победы на Нижнем Днепре, освобождения марганцевых рудников. Меня это радовало вдвойне. Ведь с этим районом связана моя юность.

В Никополе, будучи студентом техникума и секретарем комсомольской организации, в марте 1931 года я был принят в члены партии. Там прошел начальную школу партийности, в цехах завода имени В. И. Ленина проводил политбеседы.

Мы знакомили личный состав с районом, который предстояло освобождать. Доклады и беседы о Кривом Роге, его истории и богатстве вызывали у всех огромный интерес. Содержательный материал на эту тему опубликовала наша дивизионка. Большую помощь в агитационной работе оказал нам секретарь горкома КП(б)У Иван Маркович Сиренко. Все чаще в частях дивизии звучал призыв: «Вернем Родине Кривой Рог к 26-й годовщине Красной Армии».

В дни подготовки к наступлению, как всегда, увеличился приток заявлений воинов с просьбой принять в ряды партии и комсомола. Только за первую половину февраля парткомиссией было принято в партию 140 человек. Это — лучшие из лучших воины, проявившие в последних боях образцы мужества и героизма. Из числа принятых 76 процентов бойцов и командиров были награждены орденами и медалями.

...16 февраля полковник В. Я. Даниленко вернулся с КП корпуса в приподнятом настроении. Расстегивая кавалерийскую куртку, отороченную каракулем, он с порога объявил:

— Получен приказ на наступление. Действуем на направлении главного удара.

Мы занимались подготовкой уже несколько дней. Провели немало различных мероприятий. Но и в последний день работы оказалось невпроворот. Надо было помочь командирам довести требования приказа до исполнителей, поставить задачи перед замполитами и парторгами, еще и еще раз уточнить, применительно к боевой задаче, расстановку коммунистов и комсомольцев, выдать партийные документы вновь принятым... Да разве все перечислишь.

Во второй половине дня подул северо-восточный ветер, температура стала стремительно падать. Необходимо было срочно подумать о замене сапог валенками, обеспечить бойцов варежками.

Пристальной заботы политработников заслуживали вопросы питания, вынос с поля боя раненых, их обогрев и эвакуация. По-новому встал вопрос о поддержании боеготовности и эксплуатации оружия; требовалось напомнить молодым воинам о правилах ухода за оружием, об использовании оружия в условиях дальнейшего похолодания.

Работал политотдел, как всегда, по плану. Мы сориентировали политашпарат, партийные и комсомольские организации и отправились в батальоны. На этот раз вместе с нами в дивизии работала группа сотрудников поарма, возглавляемая майором И. И. Сосковым.

17 февраля... Перед рассветом, когда пришло время завтрака, стало совсем холодно. После сна было зябко и неуютно. Люди, наскоро покончив с едой, вели последние приготовления к бою. Вид у всех озабоченный. То и дело слышался шепот. Бывалые еще раз напутствовали молодых:

— Только не отставай от меня.

— Чаще перебегай. На одном месте долго не лежи...

— Сила твоя в оружии. Береги и пользуйся им.

Атака началась, как и в прошлый раз, на рассвете, после 10-минутной артиллерийской подготовки. Однако результаты оказались менее успешными. Враг с часу на час ждал нашего наступления и значительно укрепил свои позиции. Надо было бы продлить воздействие на противника артиллерией. Но у нас не хватало снарядов, ведь доставлять их приходилось на руках.

Гитлеровцы упорно сопротивлялись, часто огрызались контратаками. Особенно напряженный бой пришлось выдержать за железнодорожную станцию Пичугино. Уступив станцию, противник затем многократно нас контратаковал,

пытаясь овладеть ею вновь. Затруднял действия и сильный снегопад, начавшийся в первый же день наступления.

К исходу второго дня первая полоса обороны противника была прорвана.

— Ну, полки наконец-то пошли, — услышал я голос комдива, как только пришел на НП.

— Пурга вот только ослепляет, идти трудно, — заметил начальник оперативного отделения штаба майор А. И. Кузичев, вернувшийся вместе со мной из 580-го стрелкового полка, который мы готовили к вводу в бой.

— Только что принял доклады командиров полков: пока все идет хорошо, — добавил комдив.

Едва произнес он эту фразу, как запищала рация, и радист передал трубку комдиву. Лицо комдива сразу же изменилось, выдавая тревогу.

Закончив разговор, Даниленко сообщил, что, по докладу заместителя командира 595-го полка Воробьева, вражеская пехота, поддержанная танками, прорвалась в тыл полка и вышла к его командному пункту. Командир полка Кулик с офицерами штаба и небольшой группой бойцов ведет бой с противником.

Обстановка во многом была неясной, тем более что наблюдение из-за пурги было затруднено. Я выразил готовность вместе с Кузичевым отправиться в полк. Комдив с этим охотно согласился. Он тут же передал приказание начальнику штаба: выслать разведку в район прорвавшегося противника, усилить охрану КП дивизии и проинформировать о случившемся другие части.

Пурга с ветром слепила глаза, заглушала грохот боя. Лошади с трудом преодолевали снежные сугробы. Мы нервничали, подгоняя коней. Наконец у поселка Шевченко до нас донесся треск пулеметных и автоматных очередей. Поехали на звуки боя. Вскоре встретили майора В. П. Воробьева, заместителя комполка. Он доложил, что около 10 часов утра, пользуясь метелью, противник силой до ста человек пехоты с тремя танками незаметно вышел в тыл наступающим подразделениям. Мы обнаружили его только на подступах к поселку. Создалась реальная опасность. Подполковник Кулик поднял взвод разведки, связистов и офицеров штаба. Врага удалось остановить. Офицеры штаба во главе с замполитом полка Гудковым продолжали бой.

— А где Кулик? — спросил майор Кузичев.

Воробьев, едва сдерживая слезы, чуть слышно произнес:

— Иван Иванович убит.

Смерть на войне не была редкостью. И все же всякий раз, когда узнаешь о гибели человека, которого к тому же близко знал, сжимается сердце.

С Иваном Ивановичем Куликом мы встречались еще вчера. Днем раньше ему был вручен партийный билет. Это был поистине кипучей энергии, беззаветно преданный Родине офицер. Сознание никак не хотело мириться с его кончиной...

Доложив обстановку комдиву, я попросил его открыть артогонь по прорвавшемуся в наш тыл противнику, а также повернуть одну из рот наступающего впереди батальона. Сам же поспешил к месту боя. Непосредственно в цепи встретил замполита Гудкова. Он указал рукой на лесопосадку, куда удалось оттеснить противника. Это в 100—150 метрах от нас.

— Продолжать атаку пока нет сил, — сказал он. — Ведем огневой бой.

С подходом подкрепления после артналета атаку продолжили. Противник, потеряв несколько десятков убитыми и ранеными, отступил.

С того дня мне запомнился своей храбростью командир отделения старший сержант Г. Ф. Дмитриев, которому незадолго до этого вручал кандидатскую карточку.

— Партию и народ, — говорил он, — я никогда не подведу. На меня никто не показывал пальцем, что я плохо воюю. Теперь, став коммунистом, буду воевать еще лучше.

При отражении контратаки противника в районе поселка Шевченко Дмитриев и его бойцы Н. П. Блюмов, Д. В. Короблев, П. С. Ткаченко и другие, как всегда, первыми бросились вперед и потеснили врага, а когда был ранен командир взвода, Дмитриев возглавил взвод, ворвался на позиции противника и захватил трех пленных.

В командование полком вступил майор В. П. Воробьев. К сожалению, не надолго: спустя два дня он тоже погиб.

Потребовалось еще три дня напряженных боев, полных массового героизма, чтобы овладеть городом Кривой Рог. Наша дивизия при этом освободила Екатериновку, форсировала реку Саксагань, овладела рудником Карла Либкнехта, железнодорожной станцией Шмаковка и поселком Покровское. Особенно упорным был бой за деревню Екатериновка.

День 21 февраля уже был на исходе. Противник сопротивлялся исключительно ожесточенно. Между тем подступы к деревне были открыты. Движение, кроме того, затруднял глубокий снежный покров. Оценив обстановку, заме-

ститель командира батальона 595-го полка капитан М. Н. Алексеев предложил зайти противнику во фланг и неожиданно атаковать его. И он осуществил этот маневр вместе с группой бойцов. Действия группы Алексеева поддерживались атакой с фронта. Сопротивление гитлеровцев было сломлено.

Внешне Алексеев не отличался особой подвижностью. Больше того, его порой упрекали в медлительности. Но в бою он преображался, действовал энергично и смело.

26 февраля 1944 года мы получили радостное известие: Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за освобождение города Кривой Рог и проявленные при этом доблесть и мужество 188-я стрелковая Нижнеднепровская дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Кривой Рог — город руды и металла — я знал с детства. На моих глазах он расцвел и преобразился в годы первых пятилеток. А теперь город лежал в руинах — гитлеровцы разрушили его за долгие месяцы оккупации, особенно при отступлении. Они уничтожили все культурно-бытовые учреждения, коксохимический завод, взорвали две домы металлургического завода, в которых до войны выплавлялось 2000 тонн чугуна в сутки — рекордная по тем временам цифра. Были сожжены здания горного и педагогического институтов, десятки школ, центральная поликлиника, множество жилых домов.

Трудно описать горе, пережитое жителями города во время оккупации. Кровавые злодеяния гестапо, здание которого находилось в центре, на улице, названной оккупантами Парадной, приняли широкие масштабы. По свидетельству криворожцев, агенты гестапо день и ночь рыскали по городу. К зданию фашистского застенка одна за другой подходили закрытые машины, доставляя ни в чем не повинных людей. Их пытали, избивали, травили собаками, а трупы сбрасывали в котлован вблизи кирпичного завода. Лишь за первые месяцы оккупации фашистами были растрелены, замучены и брошены живыми в бездонные шурфы старых шахт более 10 тысяч жителей города. За два с половиной года их число достигло 40 тысяч человек.

Недалеко от котлована, за колючей изгородью, размещался лагерь смертников, где вместе с военнопленными содержались тысячи местных жителей. В одну только зиму

1941/42 года в лагере умерло от пыток и голода более 20 тысяч человек. В городе регулярно проводились облавы. Людей хватали везде — в домах, на улицах, на базаре и отправляли эшелонами в Германию. Молодых женщин и девушек сотнями отсылали в солдатские дома терпимости. Чтобы избежать этого, многие из них уродовали себя — обжигали руки и лица кипятком или щелочью, делали уколы керосином, вызывая абсцессы.

Гитлеровцы хотели использовать заводы и шахты в своих целях. Уже на второй день оккупации в Кривом Роге появились представители концерна Германа Геринга во главе с доктором Лелихом. Но основная масса рабочих и инженеров ушла из города вместе с воинами Красной Армии. Криворожские шахтеры трудились на Урале и в Сибири. Правда, некоторой части рабочих и служащих города по разным причинам не удалось избежать оккупации. Однако они не пожелали работать на врага, спрятались по деревням.

Гитлеровцы пытались любой ценой пустить в ход предприятия города. Людей арестовывали и ставили перед выбором: или на работу, или в концлагерь. Многие предпочитали концлагерь. Те, кто для видимости соглашался работать, всячески саботировали распоряжения, по-своему боролись с оккупантами. На 1-й Александровской шахте бурых углей немцы пытались начать добычу. Все, казалось, было готово к ее пуску. Немецкие газеты уже писали, что вот-вот будут выданы первые тонны угля, но рабочие нарушили крепления и пустили в шахту пływун. Ее затопило. Через полгода гитлеровцы, откачав воду, пытались начать эксплуатацию, но патриоты устроили обвал. Снова потребовались сложные восстановительные работы.

Шахту № 5 около года восстанавливали, используя военнопленных. Когда, казалось, все было готово, патриоты и ее вывели из строя.

Обо всем этом нас информировали руководители партийного подполья, действовавшего в Кривом Роге.

...После освобождения города линия фронта продвинулась на запад. Дивизия находилась уже далеко от Кривого Рога, когда нас догнало письмо, подписанное большой группой жителей освобожденного поселка Покровское. В письме сообщалось о зверствах гитлеровцев в годы оккупации, приводился и такой пример:

«30 декабря 1943 года фашисты объявили наш район партизанским. В тот же день в поселке появились солдаты, полицейские и жандармы. Они оцепили поселок и со-

гнали все население на конный двор. Потом обошли толпу, отобрали 27 мужчин и 3 женщины, подвели их к яме и на глазах у толпы начали расстреливать.

Не описать, что было в эти минуты с нами.

Казнив ни в чем не повинных советских граждан, фашисты отделили мужчин и угнали их на каторгу, а может быть, и на расстрел. Трупы некоторых несчастных с отрезанными языками, носами, ушами, с перебитыми руками и ногами мы нашли теперь в открытой яме. Если бы вы, дорогие паши освободители, пришли немного позже, может быть, и нас уже не было бы в живых».

Жители поселка еще раз благодарили воинов дивизии за освобождение и призывали:

«Идите вперед, родные, идите быстрее, освободите из неволи всех наших братьев и сестер! Верните матерям детей, детям — родителей! Помните, что там, на западе, вас ждут как освободителей! А закончите войну — приезжайте к нам в гости, примем вас как самых дорогих и близких нам людей»¹.

Впереди Тирасполь и Днестр

Бьюги и метели в конце февраля сменились мокрым снегом и холодными дождями. Солнце показывалось редко. И все-таки давала о себе знать весна. Почернели склоны холмов и бровки оврагов, вспучились реки, быстро оттаивала земля.

Зимнее наступление наших войск на юге было весьма ощутимым. Враг потерпел поражение под Житомиром и Бердичевом, Кировоградом и Корсунь-Шевченковским, Ровно и Луцком, Никополем и Кривым Рогом. Теперь наступала пора для нового этапа боевых действий — полного очищения от противника Правобережной Украины.

Однако весенняя распутица сковывала наступательные возможности войск. Дороги становились все более непроходимыми. Именно в этих условиях наша дивизия получила приказ — овладеть деревней Радионовка.

В ночь на 29 февраля 1944 года мы сменили части 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и приготовились к бою.

С утра 3 марта после 10-минутной артиллерийской подготовки 523-й и 595-й стрелковые полки перешли в наступление. Они сбили боевое охранение противника и не-

¹ На врага!, 1944, 17 марта.

сколько вклинились в его оборону. До деревни оставалось полтора километра, когда из-за сильного сопротивления противника на заранее подготовленном рубеже продвижение полков застопорилось. В три часа пополудни гитлеровцев все же удалось выбить с занимаемой позиции. Но отошли они недалеко, зацепившись за лесную посадку метрах в 400—450 перед окопной линией. Бой принял еще более упорный характер. Атаки и контратаки сменяли друг друга. Отдельные участки обороны по нескольку раз переходили из рук в руки.

Недолгий мартовский день давно закончился, а Радионовка по-прежнему оставалась в руках врага. Недостаток снарядов не позволял полностью подавить огневые средства противника.

В ночь на 4 марта мы собрались в землянке командира.

— Когда придут обещанные 500 человек пополнения? — спросил Даниленко у начальника штаба.

— Завтра к исходу дня, — ответил Сенин.

— К этому времени поднакопить хотя бы немного снарядов...

Пополнение прибыло лишь поздно ночью. Больше четырех пятых его состава в боях не участвовало. Направлять людей в бой с ходу представлялось неразумным. Да и в психологическом отношении очень важно, чтобы первый бой для повичков стал успешным. Было решено ввести их в бой лишь вечером следующего дня. Оставшееся же время использовать для подготовки.

Новичкам разъяснили требования приказа Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1944 года. Особое внимание обращалось на индивидуальную работу, на знакомство и установление личных контактов политработников и боевого актива с новичками. В каждую ротную группу пополнения мы направили по два партийных активиста из резерва политотдела. В течение дня они разъясняли молодым бойцам обстановку на фронте, их задачи и приемы действий в бою. А вечером вместе отправились на позиции.

В тот же вечер, проанализировав недостатки ведения боя, работники политотдела и штаба ушли в батальоны и роты. Там они встретились с офицерским составом, коммунистами и боевым активом, помогли принять и расставить пополнение.

В течение ночи часть снарядов от орудий, стоявших на закрытых огневых позициях, была перенесена к орудиям, выдвинутым в боевые порядки пехоты. Кроме того, на прямую наводку было выдвинуто еще около десяти орудий. Все

это дало свои результаты. 6 марта мы сбили противника с оборонительного рубежа и к исходу дня овладели частью деревни. В ночь на 8 марта Радиоповка была очищена от гитлеровцев полностью.

Дивизия в то время располагала ограниченными силами. Тем не менее командование требовало от нас высокой боевой активности. Бои за Радиоповку, как мы поняли потом, были связаны с созданием благоприятных условий для начала наступления главной группировки 3-го Украинского фронта — 46-й армии генерала В. В. Глаголева, 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова и конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева — южнее Кривого Рога.

Наступление этих армий началось с утра 6 марта. В ночь на 7 марта на направлении главного удара была введена в сражение конно-механизированная группа, которая уже к утру 8 марта овладела городом Новый Буг.

В результате действий войск фронта 6-я немецко-фашистская армия, имевшая большие потери в боях под Никоподем и Кривым Рогом, потерпела новое серьезное поражение: восемь ее дивизий были разгромлены. Войска фронта в ходе операции продвинулись на 140 километров, вышли на Южный Буг и на подступы к городу Николаеву.

Еще раньше, 4 марта, перешли в наступление войска 1-го Украинского и 5 марта — войска 2-го Украинского фронтов. В итоге вражеская оборона была прорвана на широком фронте. Немецкие дивизии повсюду отступали, бросая боевую технику, танки и автомашины, застрявшие в грязи.

К преследованию противника перешла и наша дивизия. Оно потребовало от каждого солдата и офицера максимального напряжения физических сил. Пришлось идти пешком по непролазной грязи по 16—20 километров в день, чтобы не дать противнику оторваться и закрепиться на выгодном для него рубеже. В то же время надо было постоянно вести бои с его арьергардами, стремившимися затормозить наше наступление.

Само преследование началось в какой-то мере неожиданно, и политотдел, признаться, не вполне оказался подготовленным. Общие задачи войск были четко изложены в приказе Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1944 года: «...умелым сочетанием огня и маневра взламывать вражескую оборону на всю ее глубину, не давать врагу передышки, своевременно ликвидировать вражеские попытки контратаками задержать наше наступление, умело ор-

ганизовать преследование врага...» Эти требования легли в основу всей политической, идеологической и организационной работы командиров и политорганов всех звеньев. Нужно было с учетом характера боевой деятельности определить конкретные направления, способы и формы этой работы.

Обычно перед новой задачей мы проводили совещание политработников частей. Но на этот раз было не до совещаний — полки и подразделения пришли в движение. Пришлось ограничиться коротким обменом мнениями работников политотдела, только что вернувшихся из частей.

«Главное — обеспечить высокий темп преследования, не дать противнику уйти», — эта мысль была определяющей в обмене мнениями.

— В 523-м полку, — доложил агитатор политотдела майор А. Н. Калинин, — уже обратили на это внимание. Личному составу разъясняют, что каждый выпущенный с Правобережной Украины гитлеровец встретит нас на выгодном для него рубеже. И тогда нам придется оплачивать этот промах во много раз большей кровью...

Калинин пришел к нам в августе 1942 года из госпиталя, где лечился после ранения. Он не отличался большой эмоциональностью, внешне порой казался даже слишком спокойным, но дело свое знал, умел прекрасно провести беседу или доклад. Говорил с людьми доступным, убедительным языком. К его мнению прислушивались. Вот и теперь, вернувшись из полка, он схватил самое существенное: не выпустить из здешних мест ни одного гитлеровца живым!

— В пароде справедливо говорят: «Враг лучше мертвый», — добавил старший инструктор по оргпарработе майор П. Н. Чаплинский.

Поддержав Калинина, майор Чаплинский вместе с тем обратил внимание на необходимость повышения бдительности.

— Вспомните, — сказал он, — наступление от Днепра осенью 1943 года. Сколько раз мы сталкивались с различными группами гитлеровцев в своем тылу? А сколько раз противник внезапно контратаковал нас, в том числе тапками?

Да, в период преследования бдительность нужна вдвойне. Забегая вперед, скажу, что два дня спустя полковник В. Я. Даниленко вместе с адъютантом были обстреляны группой гитлеровцев из-за стога соломы в нашем тылу. Комдив получил пулевое ранение в ногу, и в командование дивизией временно вступил начальник штаба полковник С. С. Сенин.

Работники политотдела внесли немало предложений, направленных на повышение оперативности в работе, особенно в устной и печатной пропаганде, на обеспечение непрерывности партполитработы. Обобщив все предложения, мы тотчас же отправились в полки и батальоны, с тем чтобы сорпентировать командиров и политработников.

В 580-м стрелковом я встретился с заместителем по политчасти майором П. Д. Бугаем. В полку он был человеком новым, сменившим майора П. К. Ильчачева, который погиб в боях за Кривой Рог.

Это был молодой, энергичный офицер, дважды уже бывавший в госпитале по ранению. Но в качестве замполита работал впервые и достаточного опыта пока не имел.

Доложив об итогах дня, майор пожаловался:

— Очень трудно с докладами и беседами. Народ сильно устает. Чуть привал, люди тут же засыпают...

— А если беседы проводить на ходу, — заметил Чаплинский, прибывший в полк вместе со мной. И он рассказал об опыте 595-го полка, где коммунистам ежедневно даются поручения по разъяснению обстановки, доведению до личного состава сообщений Совинформбюро.

Мы собрали пакоротке командиров и замполитов батальонов, заслушали их доклады, разъяснили особенности боевой задачи, рассказали об опыте работы с людьми в других частях. Оставив для практической помощи майора Чаплинского, я выехал в другой полк.

В 523-м стрелковом заместителем командира по политчасти был майор В. В. Слюняев. Он сменил убившего из-за очередного (кажется, двенадцатого!) ранения майора М. К. Соловьева.

Среднего роста, по-военному подтянутый, Слюняев был опытным и вдумчивым политработником. Он довольно быстро вошел в круг своих обязанностей, хотя на первых порах и не обходилось без недостатков.

Обговорив вопросы партийно-политической работы в новых условиях с командиром и замполитом, с парторгом и комсоргом полка, я побывал затем в батальонах, где встретился с командирами и политработниками, парторганами и комсоргами рот. В качестве представителя политотдела в полку продолжал работать майор Калинин.

На следующий день политотдел осуществил аналогичные мероприятия и в других полках.

Специфика боевой деятельности в условиях преследования побудила нас отказаться от работы в частях группами по 3—4 человека, как это мы делали в обороне. Теперь, как

правило, один или два сотрудника политотдела и по сравнительно ограниченному кругу вопросов направлялись в часть. И все они — майоры П. Н. Чаплинский, И. Н. Кудинов, А. Н. Калинин и П. Н. Тихомиров, капитаны А. И. Гуков и П. М. Фатеев успешно справлялись с поручением, оказывая командирам и политработникам большую помощь.

В ходе преследования, как всегда, систематически формировали личный состав о складывающейся обстановке. Большое внимание уделялось расстановке и инструктированию коммунистов и политработников в батальонах, выполнявших роль передовых отрядов, и в разведподразделениях. Важное место занимала организация контроля за выполнением приказов командования и состоянием партийно-политической работы в частях и подразделениях. Политотдел не только вскрывал недостатки, но и добивался, чтобы они вовремя были устранены. В частности, в его практику вошло заслушивание лиц, непосредственно отвечающих за порученное дело.

Так, в политотдел поступил сигнал о том, что первичная парторганизация одного из батальонов слабо занимается отбором в ряды партии отличившихся в боях воинов, воспитанием молодых коммунистов. Сам по себе этот факт свидетельствовал о серьезных недостатках во внутрипартийной работе, с чем мирился замполит батальона капитан М. Н. Алексеев. Было решено через 10—12 дней заслушать сообщение парторга и замполита батальона, о чем они были предупреждены. Обсуждение этого вопроса после соответствующей проверки состоялось непосредственно в батальоне во время очередного привала.

В те же дни работник политотдела, находившийся в 523-м полку, доложил, что там имеются серьезные недостатки в воспитании офицеров. Мы порекомендовали обсудить этот вопрос через какое-то время на заседании партбюро полка. Кстати, в обсуждении активное участие принял и наш представитель.

В период преследования нам пришлось снова заняться газетой дивизии, которой часто недоставало оперативности в освещении подвигов воинов. Были приняты меры к более тесной связи редакции с подразделениями, к созданию военкоровских постов.

Наконец, в ходе преследования политотдел по-прежнему вникал в материальное обеспечение воинов. Тут трудностей было немало. Появились перебои с доставкой горячей пищи, с обеспечением обувью. Хозяйственники полков жаловались

на тыл дивизии, а работники тыла в свою очередь — на полки.

Доложил Сенину. Новому комдиву, видимо, было не до этого, и он попросил:

— Пригласите их всех вместе и разберитесь, пожалуйста. Они ведь коммунисты...

Разобрались во взаимных претензиях и выработали неотложные меры. Было решено, в частности, создать в полках обменный фонд обуви, организовать ее ремонт и своевременную замену. И конечно же, наладили доставку горячей пищи.

Свыше тридцати суток без перерыва и отдыха дивизия в общем потоке войск фронта неотступно преследовала противника. Пришлось преодолевать мощные оборонительные рубежи, трудности, связанные с распутицей и непогодой. Солдаты и офицеры шли по 16—20 километров в сутки, часто под огнем, в холодный дождь, по непролазной грязи. Но никто не жаловался. Усталости, казалось, никто не замечал. Победный путь был отмечен радостью жителей многих украинских сел и деревень, в том числе Николо Гулака, Вербовки, Митрово Беловки, Мальчевского, Новой Александровки, Варваровки, Колынянки, Медовы, Солнцева, Чернышевки, Березовки, Рязановки, крупного населенного пункта Болгарка и города Вознесенска.

Гитлеровцы, отступая, тянули за собой кровавый след влodeяний. Слушаешь свидетельства очевидцев, и волосы встают дыбом, стынет в жилах кровь. Расскажу лишь об одном факте.

14 марта фашисты ворвались в поселок бывшего совхоза «Комсомолец» Еланского района Николаевской области и потребовали от жителей кур, яиц, всего того, чего у людей давно уже не было. И, не получив требуемого, с дикой злостью открыли по толпе стрельбу. 75 человек, из них 25 детей, погибли на месте, 18 человек оказались ранены...

Этот и многие другие факты мы довели до личного состава.

В массово-политической работе широко использовалось обращение Военного совета 37-й армии.

«Товарищи! Боевые друзья! — говорилось в обращении. — Перед вами Южный Буг! К нему устремляются бегущие немцы. Они ищут спасения за выгодным водным рубежом. Мы должны разбить эту их надежду! Перед вами задача — стремительно и умело, на плечах противника форсировать реку Южный Буг, продолжая уничтожение врага на правом берегу...»

В ночь на 26 марта севернее города Вознесенска части дивизии переправились через Южный Буг, а 28 марта началась Одесская наступательная операция войск 3-го Украинского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом. Уже в первый день в полосе 37-й армии оборона противника на западном берегу была прорвана. Успеху способствовало стремительное продвижение войск 2-го Украинского фронта в направлениях на Яссы и Кишинев. Теперь создалась угроза окружения противника, и он вынужден был снова отступать. Все это облегчило наше наступление на Тирасполь. Впрочем, на пути к нему было еще немало преград — прочные оборонительные рубежи, ожесточенное сопротивление врага на железнодорожном узле Раздельная. В этом районе произошли два тяжелых ночных боя с крупной группировкой противника, вышедшей к нам с тыла из-под Буденовки.

Тем не менее дивизия продвигалась довольно быстро. Как-то в пути мы с полковником С. С. Сениным встретили младшего сержанта, конвоировавшего девять пленных немцев.

— Младший сержант Фомин, следуя в штаб для сдачи пленных, — молодежовато доложил конвоир.

— Где вы их взяли? — спросил комдив.

Нам пришлось выслушать историю, в которую не всякий и не вдруг мог поверить.

— Этой ночью, — начал рассказ младший сержант, — мы перемещались в новый район. Я малость, по надобности, приотстал. Автомат же лежал на повозке. А почти сейчас, сами знаете, темные. И эти, — кивнул он головой в сторону грязных и обросших щетиной немцев, — взяли меня в плен. Веди, говорят, на Одессу. Я и повел их в направлении, куда ушел наш завод. В пути, улучив момент, когда немцы о чем-то заспорили, выбил из рук вон того фрица винтовку и скомандовал: «Хенде хох!» И тут, как говорится, наши роли поменялись.

— Как, говорите, ваша фамилия? — снова спросил Сенин.

— Младший сержант Фомин Иван Никифорович, из разведзавода 595-го стрелкового полка, — доложил воин, вглядываясь в наши лица: ругать, мол, будут или похвалят?

— Конечно, за то, что вы оказались на войне без оружия, надо было бы наказать, но за находчивость и смелость, проявленные потом, вас все же придется наградить, — заключил комдив.

Лицо младшего сержанта расплылось в улыбке, и он, конвоируя пленных, зашагал дальше.

Через полчаса мы приехали в 595-й стрелковый полк. Командир полка подполковник И. А. Фадеев доложил о группе автоматчиков, которая, преследуя противника, вышла к деревне Кошары. Путь группе преградил огонь вражеского пулемета, установленного на высотке. Оценив обстановку, парторг роты сержант М. С. Бабенков вызвался уничтожить пулемет. С двумя автоматчиками — Хорошко и Дмитриевым он обошел высотку, прячась в кустах, и выполнил задачу. Тем временем командир отделения сержант А. С. Голубятников с бойцами пробрался к центру деревни и открыл там стрельбу. Одни гитлеровцы, перепуганные, бежали, другие были уничтожены или сдались в плен.

— Отличившихся воинов представить к наградам, — распорядился комдив.

В ту же ночь в донесениях, поступивших в политотдел, я прочел следующие строки:

— 12 бойцов 580-го полка во главе с комсоргом младшим лейтенантом Э. В. Янушкевичем и сержантом Т. И. Дюжеввым в ходе преследования разгромили группу гитлеровцев, состоявшую из 90 человек.

— Младший ветфельдшер 9-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона сержант В. П. Комаров, эвакуируя раненых лошадей, наткнулся на трех гитлеровцев. Завязалась перестрелка. Двух, не пожелавших сложить оружие, сержант уничтожил, а третьего взял в плен.

Да, немец пошел не тот.

В ночь на 8 апреля на рубеже реки Кучукуртан командир корпуса генерал П. Г. Кузнецов поставил дивизии новую задачу: прорвать оборону противника и ударом с востока и юго-востока во взаимодействии с частями 92-й гвардейской стрелковой дивизии соседнего 57-го корпуса, наступавшей справа от нас, разгромить противостоящие части 258-й немецкой пехотной дивизии и овладеть городом Тирасполь. 28-я и 10-я гвардейские дивизии нашего 82-го стрелкового корпуса мощным ударом должны были освободить Карагаш и Слободзею¹.

В полки были направлены офицеры политотдела П. Н. Чаплинский, П. Н. Тихомиров, И. Н. Кудинов, А. И. Гуков. Они помогли командирам и политработникам

¹ ЦАМО, ф. 82ск, оп. 620831, д. 1, л. 34.

частей и подразделений разъяснить поставленную задачу. К тому времени войска 2-го Украинского фронта форсировали реку Прут, и эта победа окрылила воинов дивизии.

Мне удалось побывать в 523-м и 595-м полках, побеседовать перед боем с командирами и политработниками, выступить перед агитаторами. Люди с большим интересом слушали рассказ о Тирасполе, о легендарном сыне Молдавии — Григории Ивановиче Котовском. Его жизнь и борьба служили хорошим примером для подражания.

Для выполнения поставленной задачи каких-либо дополнительных сил и средств дивизия не получила. Но сознание важности этой задачи способствовало боевой активности воинов. В боях 8, 9 и 10 апреля на рубеже реки Кучукурган войска сломили сопротивление противника. Многие солдаты и офицеры проявили подлинный героизм и боевое мастерство.

Рота автоматчиков 580-го полка старшего лейтенанта А. С. Алексеенко затемно вышла в тыл противника и внезапным ударом овладела важным опорным пунктом в его обороне. Бойцы уничтожили более полутора десятка гитлеровцев и захватили пленных. Успех роты Алексеенко облегчил прорыв обороны противника на всем фронте полка.

11 апреля части дивизии овладели населенными пунктами Никольское и Ново-Наксия. Преследуя противника, они к исходу дня вышли непосредственно к Тирасполю и к восточной окраине деревни Суклея. Здесь, на заранее подготовленном рубеже, гитлеровцы оказали организованное сопротивление.

Действующая слева 28-я гвардейская стрелковая дивизия к этому времени ворвалась в Карагаш и Слободзею.

Перегруппировав силы и подтянув артиллерию, отчасти освободившуюся из плена распутицы, войска в 21.00 11 апреля возобновили атаку.

Общая обстановка на фронте облегчала нашу задачу. Войска 2-го Украинского фронта, развивая наступление на Дубоссары, угрожали противнику с севера, а соединения левого крыла 3-го Украинского фронта, овладев 10 апреля Одессой и районом северо-западнее ее, отрезали противнику пути отхода на юг.

Южная окраина Тирасполя... Здесь 1-му батальону 595-го стрелкового полка сильно мешал огонь тщательно замаскированного вражеского пулемета. Первым обнаружил огневую точку командир взвода противотанковых ружей сержант Б. В. Милеев, член ВЛКСМ. Проявив инициативу, он выдвинулся вперед и тут же уничтожил пулемет.

В одном из оружейных расчетов этого полка почти в самом начале наступления погиб наводчик. Еще раньше был командир орудия. Их обязанности взял на себя комсомолец В. А. Столяров, заряжающий. Стрелки помогали ему перетаскивать орудие. Столяров отлично поддерживал огнем их атаку, уничтожив три пулемета и не один десяток гитлеровцев.

Находясь с капитаном Гуковым, помощником по работе среди комсомольцев, в передовых подразделениях 595-го полка, мы вместе с бойцами пробились через Колкотову балку в город. Все кругом гремело. Рвались снаряды, трескали пулеметы, полыхали пожары. Но что более всего впечатляло, так это неудержимый наступательный порыв воинов, стремившихся завершить освобождение города от фашистской нечисти. К трем часам ночи 12 апреля 1944 года части 188-й и 92-й гвардейской дивизий освободили Тирасполь. Рядовой роты автоматчиков 595-го полка Махмут Мамедов водрузил красный флаг над зданием городского кинотеатра. Полотнище, вскоре освещенное лучами утреннего солнца, было видно издалека.

Отряд лейтенанта В. Ф. Холода имел задачу, не ввязываясь в бой, выйти к Днестру и форсировать его. С помощью подручных средств бойцы отряда форсировали реку еще ночью и закрепились на правом берегу. С рассветом переправу начали полки дивизии. За первыми батальонами переправлялись и мы с комдивом. Огляделись. Над городом, как символ свободы, поднимался золотистый диск солнца.

По лесному проселку подъезжаем к молдавскому селу Кицканы. На его окраине встречаем бойца с термосом за плечами.

— Где-то близко кухня, — замечает Сергей Семенович.

Навстречу попадает еще один боец. И тоже с термосом. Спрашиваем:

— Кухня недалеко?

— Нет, не близко. А в термосе — вино.

— Какое вино? Где взяли? — встревожился комдив.

— В монастыре.

Новость была не из приятных. Посадив в машину владельца термоса, мы поспешили в монастырь, расположенный на окраине деревни.

В одном из зданий видим бочки с вином. Нашлись тут и «дегустаторы». Около двери, прислонившись к стене, полужелал человек в черной сутане. Руки его были раскинуты, голова свесилась к плечу, рот широко раскрыт. Между ног валялось старое охотничье ружье. Мелькнула мысль —

мертв. Но тревога оказалась напрасной. Двое подвыпивших солдат объяснили:

— Чокались со сторожем-монахом за победу. А он не выдержал: охмелел и уснул...

Позже от настоятеля, бывшего румынского офицера, и его родственника, казначея, мы узнали, что в монастыре хранились большие запасы вина. Немцы его вывезли, но какую-то часть не успели. Осталось главным образом вино молодое, с полынью, которое монахи употребляли в лечебных целях. Слух об этом быстро распространился. Охотники «полечиться» нашлись среди военнослужащих тыловых подразделений. Пришлось взять подвал под надежную охрану.

...В полдень 12 апреля 523-й и 595-й полки в полном составе уже были на западном берегу Днестра. Форсирование водного рубежа было отмечено благодарностью командующего фронтом Р. Я. Малиновского. Этому событию были посвящены митинги, состоявшиеся в батальонах.

Дивизию вывели во второй эшелон корпуса. Мы с комдивом решили вернуться на час-другой на восточный берег, чтобы осмотреть Тирасполь. Город был сильно разрушен. Всюду виднелись развалины, но улицы, залитые ярким весенним солнцем, были переполнены людьми, одетыми по праздничному. Слышались музыка, песни. На стенах уцелевших домов висели лозунги, провозглашавшие здравицу освободителям.

Толпа жителей окружила нашу машину. Нам предлагали угощение: вино, яблоки.

В городском кинотеатре состоялся митинг. На нем яркую речь произнес член Военного совета 37-й армии генерал И. С. Аношин. От имени жителей города выступил товарищ Годарица. Он горячо поблагодарил советских воинов за освобождение и призвал горожан самоотверженным трудом помогать Красной Армии в ее борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В зале гремели аплодисменты.

25 лет спустя, в апреле 1969 года, мне снова довелось побывать в Тирасполе, который почти заново отстроился, стал одним из крупных промышленных городов нашей Родины. На торжества съехались многие участники памятных боев, в том числе Иван Иванович Бодюл, в то время первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Молдавии. Трудящиеся города посадили аллею в честь своих освободителей.

Вернемся, однако, к событиям весны 1944 года.

В ночь на 16 апреля дивизия продолжила наступление.

Нам предстояло расширить плацдарм, созданный на правом берегу Днестра.

Противник, опираясь на цепь господствующих высот, на систему инженерных сооружений, которые он начал создавать еще в марте, сопротивлялся с исключительным упорством. Гитлеровцы то и дело переходили в контратаки, пытаясь не только удержать свои позиции, но и улучшить их. В район плацдарма враг поспешно, даже на самолетах, перебрасывал свежие соединения.

Нашим частям и подразделениям было нелегко, тем более что они испытывали недокомплект в людях, в артиллерии и боеприпасах, а танков и вовсе не было. А идти вперед надо. Где выход? Его искали в ночных действиях. Темнота стала нашим союзником. Наряду с искусством командиров важное значение в ночных боях приобретали инициатива, находчивость и мужество солдат.

Отважно действовало в составе штурмовой группы отделение саперов, возглавляемое кандидатом в члены партии Ланиным. Задача отделения непростая: проделать проходы в минных и проволочных заграждениях противника. Тут требуется и мужество, и физическая выносливость, и мастерство.

Едва наша артиллерия открыла огонь, как в небо по всему периметру плацдарма взвились пемсцикие осветительные ракеты. Затрещали пулеметы, засвистели пули, зашуршали мины. И где-то неподалеку, а то и рядом загрохотали взрывы, стали взлетать огненные столбы. Казалось, на земле не осталось даже сантиметра, не прошитого смертоносным металлом. Но все это как будто не касалось саперов. Маскируясь кустарником, используя промежутки между вспышками ракет, Ланин, Попов, Подашвили, Вайсблот и другие саперы двигались вперед. Сделав проходы в первой линии заграждений, они тут же направлялись к следующей.

За саперами идут бойцы взвода А. П. Тимофеева из 523-го полка. Путь для них открыт. Они делают рывок, забрасывая гитлеровцев гранатами. Вот и первая траншея. Теперь в ход пошли гранаты и штыки. Комсомолец В. М. Фролов захватил немецкий пулемет, повернул его против фашистов. В той же траншее героически сражался боец Костанец, накануне принятый кандидатом в члены партии. Это он с помощью гранат уничтожил станковый пулемет врага и первым ворвался в траншею. Костанец, Фролов, Гайдук, Колдобенко, Фимченко, Скакунов, Москаленко, Загородний, Морозов и Дубицкий вывели из строя более трех

десятков гитлеровцев. В разгар боя командир взвода Тимофеев был ранен. Перевязав рану, преодолевая боль, он продолжал командовать взводом.

Успешно действовали на соседнем участке бойцы подразделений И. М. Асламова и П. Г. Жаркова.

Нелегко, очень непросто прогрызть оборону противника. Но прорваться сквозь его заграждения, овладеть его позицией — лишь половина дела. Обычно враг, используя резервы, прибегал к контратакам. И тут важно было удерживать захваченные рубежи. Нередко это оказывалось труднее, чем сам захват. Так было и в том «кадре», который я описываю.

С рассветом пехота и танки противника после сильной артиллерийской подготовки предприняли контратаку. Бой разгорелся с новой силой. Вблизи одного из наших орудий, выдвинутых на прямую наводку, упал снаряд. В строю расчета остался лишь наводчик П. С. Корсанов. К пушке бросился командир батареи старший лейтенант А. С. Болотов. Вдвоем с Корсановым они продолжили стрельбу и подбили два танка. Осколок вражеского снаряда перебил руку наводчику. Но орудие не замолкало. Подбил танк и сосед Корсанова — парторг батареи сержант А. Т. Завалишин. Было ли это эпизодом? Нет, это было нормой!

В боевых порядках подразделений этого, почти суточного, боя, как, впрочем, и в период других боев, безотрывно находились политработники полков и батальонов В. В. Слюняев, И. Д. Бугай, Д. В. Дубков, А. И. Гальчун, З. В. Янушкевич, И. П. Герасимов, Н. С. Краснов, В. М. Громов, К. А. Фирь, П. И. Лысов. Они появлялись там, где было всего труднее. Их слово и личный пример цементировали поредевшие цепи бойцов.

Отбитые у врага позиции мы удержали. Его контратака и на этот раз захлебнулась.

В итоге наступления, продолжавшегося до 29 апреля, нам вместе с другими соединениями 37-й армии удалось очистить от врага всю прилегающую к реке низину, занять основную часть плавней, выйти к предгорью и к полотну железной дороги Бендеры — Киркиништы. Был удержан и значительно расширен плацдарм на западном берегу реки Днестр. Его размеры позволили в августе 1944 года сосредоточить здесь крупную группировку войск 3-го Украинского фронта и нанести главный удар по противнику в Ясско-Кишиневской наступательной операции.

В боях за плацдарм наши войска нанесли противнику большие потери. Не обошлось без потерь и среди личного состава дивизии, в том числе политработников, партийных

и комсомольских активистов. Погиб комсорт 523-го стрелкового полка лейтенант П. Я. Шаповал. Получили ранения замполит артдивизиона С. В. Яскевич, замполиты батальонов П. С. Краснов, П. Е. Сотников, комсорт батальона Филатов и другие. Два осколка вражеской мины отметили и мое участие в этих боях.

Много лет спустя, в апреле 1974 года, мне довелось побывать в селе Кицканы, на бывшем плацдарме, встретиться с жителями села. С болью в сердце мы вспоминали тех, кто остался навечно в этой земле.

Подвиг однополчан, их кровь, пролитая за молдавскую землю, не пропали даром. В прошлом отсталый, задвленный нуждой край буквально расцвел, приобрел подлинно социалистический облик. Счастливы и радостно живут люди одного из передовых в республике колхозов — «Красный садовод». Его председатель В. Г. Кравченко, тот самый, который мальчишкой встречал воинов-освободителей, с гордостью рассказал, что в селе теперь пять школ, клуб, много других культурных и бытовых учреждений. Машинный парк колхоза насчитывает почти 100 тракторов, 56 автомашин. Мы осмотрели колхозные парники, конструкция и размеры которых позволяют обрабатывать их почву трактором. Среди колхозников 47 специалистов с высшим и средним образованием. Годовой доход хозяйства исчисляется несколькими миллионами рублей.

А память о воинах, принесших краю освобождение, увековеченаobeliskом, их имена хранят сердца колхозников.

Войска 37-й армии, в том числе и наша дивизия, перешли к обороне. Полки получили пополнение, усиленно занимались боевой и политической подготовкой. Важно было обобщить солдатский опыт, оплаченный кровью в последних сражениях, сосредоточить усилия боевого актива на обучении нового пополнения. Положительную роль в том мог сыграть слет бывалых воинов. Его и провели 21 мая.

...Один за другим выходили вперед ветераны. Они говорили о своей работе с новичками, о воспитании на боевых традициях. Содержательно выступили старшина К. Г. Насинник, старший сержант Ф. С. Ковальчук, сержант П. З. Храбрин, старшина В. В. Пронин, лейтенант В. В. Дубицов.

На слете появилась группа офицеров, которых сопровождал дежурный по штабу дивизии. Впереди был редактор газеты 37-й армии полковник И. М. Бережной. Кто же там

еще? Ба, да ведь это поистине дорогой гость — Александр Александрович Фадеев. Знаком он мне был лишь по снимкам, но узнал сразу. Высокого роста, слегка сутулый, блондин с молодежавшим лицом и умными, внимательными глазами. На нем была простая солдатская гимнастерка, затянутая армейским ремнем, бриджи и сапоги. Грудь украшал орден Ленина.

Участники слета встретили автора «Разгрома» дружными аплодисментами. Выступил очередной оратор — сержант Ф. Я. Дмитриев. А потом мы попросили Александра Александровича Фадеева сказать несколько слов.

— С корабля на бал, — пошутил Фадеев, но выступить согласился. Его речь тогда записали. Вот ее текст:

«Товарищи! Разрешите мне от себя лично и от имени всех советских писателей передать вам, славным воинам части, о которой знает вся страна, пламенный, сердечный привет!

Здесь собрались люди большого опыта, природной сметки, народного ума. Таких у нас много, десятки тысяч родилось их за время Великой Отечественной войны.

Храбрые люди есть везде. Есть они и у противника, и у наших союзников. Но таких, как вы, нет нигде! Вы люди иного склада, особой страны.

Если собрать храбрых воинов союзных стран и спросить у них, что они думают делать после войны, наверняка последуют ответы: приобрести капитал, открыть торговлю, мастерскую и т. д. А загляните вы в свои собственные души! Не преследуем мы особых, личных целей. Более высокие идеи руководят поступками наших людей. Нет у нас капиталистов, нет частной собственности, национальной розни, эксплуатации человека человеком. Все трудятся на общее благо.

О чем мечтает наш писатель? Правдиво рассказать о великой борьбе, о героях, их подвигах, чувствах, настроениях и желаниях. Рассказать для истории, чтобы на таких примерах учились поколения. Над этим работают и наши старые писатели — Алексей Толстой, Илья Эренбург, и молодые — как Константин Симонов, автор хорошо известного стихотворения «Жди меня!».

Наша борьба доходит до сознания всех народов мира, всех классов, интеллигенции других стран. Они удивляются, как могли мы выдержать натиск такой страшной силы, подмявшей под себя всю Европу? «Что это за люди такие? Какая-то особая страна! А может быть, действительно правда на стороне Красной Армии?»

Такие мысли возникают не только у трудящихся, но и у буржуазных деятелей, которые с восхищением говорят о победоносной Красной Армии, о нашей Родине.

До сознания народов союзных с нами стран доходит красота, идейность нашей борьбы с общим врагом всего прогрессивного человечества.

Под водительством нашей славной большевистской партии — мудрого вождя народа — мы победим! Победим потому, что несем на своих знаменах лучшие принципы организации жизни на земле.

Так будем же биться до конца, до полной победы, защищая будущее своего народа и всего передового человечества!»

После слета мы организовали встречу с А. А. Фадеевым офицеров штаба и политотдела дивизии. Александр Александрович говорил о работе советских писателей. Настроение у него было хорошее. Он много и остроумно шутил. Все участники встречи были покорены его обаянием.

Поделился он и своими планами сбора материалов для книги о молодогвардейцах Краснодона.

Солнце скрылось за лесом, начали стучаться сумерки. Тут мы спохватились: ведь надо бы сфотографироваться вместе с гостем. Фотографа близко не оказалось, ограничились любительским снимком, но получился он не совсем удачным.

Перед отъездом А. А. Фадеева журналисты дивизионной газеты попросили его подписать обращение к воинам и предложили текст. Ему была также передана для проверки запись выступления на слете. Выправив запись речи, Александр Александрович внимательно прочел текст обращения, но подписывать его не стал. С улыбкой в глазах он посмотрел на нас, как бы говоря: «Писателю негоже подписывать чужой текст», и достал из планшетки блокнот. Фадеев сел за стол и, казалось, отрешившись от всего окружающего, сжав губы, тут же написал:

«Дорогие товарищи бойцы, сержанты, офицеры!

Мне, советскому писателю, выпало счастье присутствовать на совещании бывалых воинов вашей части. Эта встреча произвела на меня неизгладимое впечатление. Наши бывалые воины — это простые люди, верные сыны нашего трудового народа. Но это — необыкновенные люди. Их сила состоит не только в том, что они научились воевать и бить врага. А и в том, что они несут в душе самые лучшие, самые благородные и высокие черты нашего народа. Они борются не ради корысти, не за богатство, не за наживу, не

за личную карьеру, а за свободу, независимость, счастье и процветание нашей Родины, нашего народа, за счастье всего трудящегося человечества».

Далее говорилось о роли бывалых воинов, на которых «смотрят молодые бойцы, как на своих воспитателей, учителей». Обращение заканчивалось призывом: «Несите же высоко непобедимое и благородное знамя нашего великого народа-освободителя, немеркнущее Красное знамя Ленина!»

Уехал А. А. Фадеев поздно вечером. С большой теплотой мы проводили его.

С мая по август 1944 года дивизия, как и 37-я армия в целом, напряженно готовилась к новому большому наступлению. Его общий замысел, цели и сроки хранились в глубокой тайне. Даже слово «наступление» произносить запрещалось. Говорили только об обороне. Но доступные нашему пониманию и наблюдению мероприятия сомнений не оставляли. Да и здравый смысл подсказывал: плацдармы завоевывают не для того только, чтобы их оборонять.

Под видом укрепления обороны велись огромные по размаху инженерные работы: рыли траншеи и ходы сообщения, строили укрытия и командно-наблюдательные пункты. Все это по емкости далеко превосходило самые максимальные потребности находящихся на плацдарме войск.

Впервые за многие месяцы все части дивизии были доукомплектованы до полной штатной численности личным составом, вооружением и техникой.

То одну, то другую дивизию уводили с западного на восточный берег Днестра для интенсивной боевой учебы. Наряду с обкаткой бойцов танками, что одинаково нужно и для обороны, и для наступления, проводили тактические учения наступательного характера. Воины штурмовали специально построенные укрепления «противника».

Выполнение текущих и перспективных задач обеспечивалось целеустремленной партийно-политической работой со всеми категориями личного состава. Ее проблемы регулярно обсуждались с коммунистами, комсомольцами, на совещаниях и семинарах. Эти проблемы оставались предметом пристального внимания и заботы политического отдела дивизии, командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций частей и подразделений.

Важное значение в системе проводимых мероприятий имело собрание партийного актива дивизии. Оно состоялось за месяц до начала наступления, 19 июля. На собра-

ние прибыл командующий 37-й армией генерал-лейтенант М. Н. Шарохин. Обсуждался вопрос «О задачах партийных организаций по укреплению обороны и повышению боевой выучки». Ни один из 12 ораторов, выступивших на собрании, даже не заикнулся о наступлении, и тем не менее смысл собрания состоял в критическом анализе того, что уже сделано и что еще необходимо в кратчайший срок сделать именно для нового броска на запад.

В Яско-Кишиневской операции, начавшейся 20 августа 1944 года, наша дивизия вновь отличилась. 24—26 августа ей пришлось выдержать исключительно тяжелые бои с численно превосходящими силами противника, пытавшимися вырваться из окружения в районе Каракуй, Гура-Галбена, Фетица. Бойцы, командиры и политработники снова показали образцы мужества и героизма. В числе их были капитан Иван Федорович Медведев, командир батальона, получивший в том бою три ранения, но не пропустивший врага; сибиряк Александр Семенович Фадеев, не покинувший поля боя, несмотря на ранение (его батальон отбил три атаки противника, уничтожил около 200 гитлеровцев, 4 танка и взял 60 пленных); мой старый знакомый, ветеран дивизии Александр Николаевич Сухих, героически погибший в рукопашной схватке с врагом.

Но все это уже было без меня, и узнал я об этом из писем командарма М. Н. Шарохина и сослуживцев по дивизии. Мне же за три недели до наступательной операции был передан приказ начальника Главного политического управления о зачислении на Особые курсы высшего политсостава.

Два с половиной года прошел я вместе с коллективом 188-й стрелковой дивизии, ставшей Краснознаменной Нижнеднепровской, по трудным дорогам войны. Понятно, что не легко было расставаться с боевыми друзьями. Сказанные на прощание сердечные слова, казалось, лишь усиливали чувство грусти. Но ехать было надо.

ЗА РУБЕЖАМИ РОДИНЫ

Из Заполярья... в Румынию

Курсы действовали при Военной академии имени М. В. Фрунзе в Москве. Занятия начались в конце июля. Не прошло и двух недель, как слушатели курсов выехали в лагерь. Он размещался в красивом и богатом своей историей уголке Подмосковья.

Мы напряженно учились, впитывая недостающие нам военные знания. Но курсы не только совершенствовали подготовку политработников, они были и своеобразным резервом Главного политического управления. Не всем, кто начинал учебу, удавалось ее закончить. То одного, то другого слушателя приглашали в управление кадров, после чего он, как правило, тут же собирал чемодан.

...Было уже около двух часов ночи 6 сентября, когда, петляя по затемненным и малознакомым улицам столицы, я добрался до Наркомата обороны. А несколько минут спустя меня уже принял начальник отдела управления кадров ГлавПУ РККА полковник И. М. Науменко.

— Как смотрите на то, чтобы вернуться на фронт? — спросил он и, не дав времени для ответа, сообщил: — У нас был генерал Штыков, член Военного совета Карельского фронта, просил дать им начальника политического отдела корпуса с боевым опытом. В Главном политическом управлении решили рекомендовать вас. — Иван Митрофанович пристально посмотрел на меня.

В душе я мечтал о другом: вернуться на 3-й Украинский, где меня хорошо знали и я знал многих. Но сказать постеснялся. Вместо ответа спросил:

— Когда надо выезжать?

— Сегодня, — ответил Науменко.

Он достал из сейфа папку, полистал бумаги и протянул мне предписание... Приказ о назначении был подписан 5 сентября, днем раньше.

И вот я в Беломорске, где разместилось управление Карельского фронта. Стоит на редкость для Севера теплая погода. Вокруг тишина, что как-то не вяжется с понятием фронтового города. Впрочем, следы вражеских бомбардировок есть и тут.

Начальник политического управления фронта генерал-лейтенант К. Ф. Калашников, едва выслушав представление, засыпал меня вопросами: кто и что я, где родился, где учился, где и как воевал? Терпеливо выслушав ответы, он сказал:

— По директиве Генерального штаба мы формируем три стрелковых корпуса. Ваш корпус — 133-й стрелковый формирует 19-я армия, действующая на кандалакшском направлении. Командует армией генерал-лейтенант Козлов. Члены Военного совета — генерал-майор Панков и полковник Каплуновский.

— Панков? Сергей Иванович? — переспросил я.

— Да, он. А вы служили с ним?

— На Северо-Западном. Он был там членом Военного совета 11-й армии.

— Что ж, это неплохо, особенно на первых порах.

К. Ф. Калашников сообщил, что командиром корпуса назначен генерал-майор Павел Алексеевич Артюшенко, но он еще не прибыл с Прибалтийского фронта, где командовал дивизией.

— Но мы знаем Артюшенко еще по Волховскому фронту. Там он был начальником штаба 59-й армии, — добавил начальник политуправления. — Это генерал подготовленный, смелый. Основная же часть офицеров управления уже на месте. К 10 сентября корпус должен закончить формирование.

В тот же вечер, поговорив с работниками политуправления фронта, я отправился в армию. Член Военного совета С. И. Панков о моем назначении уже знал.

— Ну, Григорий, как здорово, что ты приехал, — воскликнул генерал-майор С. И. Панков, едва я переступил порог его походного щитового домика.

Начались расспросы о Москве, об общих знакомых.

Сергей Иванович рассказал об обстановке, о положении дел с формированием управления корпуса.

Обстановка на фронте, как я понял, складывалась благоприятной, хотя и далеко не простой. После летнего наступления войск Ленинградского и Карельского фронтов Маннергейм запросил мира. Новое правительство Финляндии приняло советские предварительные условия о разрыве с

Германией и с утра 4 сентября прекратило против нас военные действия. По приказу Ставки 5 сентября мы тоже прекратили боевые действия против финских войск. Но, во-первых, Маннергейму нет доверия и, во-вторых, и это главное, финны сами не во всем и не везде у себя хозяева. На их территории, в том числе против войск 19-й армии, действуют значительные силы гитлеровцев. 20-я немецкая горная армия, по существу, оккупирует весь север Финляндии. Как они, финны, поведут себя, пока неизвестно.

Член Военного совета армии сообщил, что офицеры управления формируемого корпуса опытные, хорошо знающие местные условия.

Начальником штаба назначен полковник С. И. Щербатенко, возглавлявший до этого разведку армии. Он окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Заместителем начальника политотдела корпуса утвержден подполковник Я. Н. Бубнов. Прибыл он с должности начальника политотдела тыла 14-й армии.

Конечно, люди прибыли из разных мест, как правило, выдвиженцы. Потребуется немало труда, чтобы в короткое время создать органы, способные разумно и надежно управлять войсками.

С. И. Панков рассказал о дивизиях, их руководящем составе.

— Учтите, — подчеркнул он, — что войска долго находились в обороне, и главное теперь — помочь им научиться наступать.

Добрые советы высказал мне и начальник поарма полковник В. Е. Поморцев.

Народная мудрость гласит: «Начало трудно, а конец мудрен». Трудными были первые шаги и у нас. В какие-то считанные дни требовалось изучить личный состав как управления, так и частей корпусного подчинения, ознакомиться с дивизиями и одновременно организовать партийно-политическую работу по подготовке к наступлению, решить многие другие задачи, связанные с формированием корпуса. Всю работу строго спланировали.

Замечу, кстати, что в Подольске, в Центральном архиве Министерства обороны, я встретил любопытную пометку простым карандашом на полях первого нашего плана, сделанную кем-то из современных исследователей: «Много вопросов». Да, вопросов пришлось решать действительно много. Но мы располагали ограниченным числом

дней. А задачи — одна другой важнее — все неотложные. События торопили.

Начали с создания первичных партийных организаций в управлении корпуса и корпусном батальоне связи. Члены и кандидаты в члены партии становились на учет. Это давало возможность познакомиться со всеми коммунистами — офицерами управления, и я воспользовался этой возможностью.

Уже в первый день удалось побеседовать с командующим артиллерией корпуса полковником Абрамом Ивановичем Зайцевым и офицерами его штаба, с офицерами оперативного отделения, возглавляемого полковником Василием Ивановичем Москвиным.

— Ну, какое впечатление от бесед? — спросил за ужином начальник штаба корпуса Семен Ионович Щербатенко. И, не дожидаясь ответа, заключил: — Люди хорошие, горят желанием работать, но знаний и опыта, к сожалению, пока маловато.

С такой оценкой я был вполне согласен. Необходимо было, как и предупреждал член Военного совета армии, помочь офицерам в становлении.

Никто из сотрудников политотдела в корпусном звене тоже не работал. И свою практическую деятельность мы решили предварить семинаром о ленинском стиле в работе.

— С высоких материй начинаем, — скептически заметил кто-то.

Но именно на основе ленинских требований и того опыта, который был уже накоплен армейскими политорганами, нам и удалось найти ответы на многие вопросы, в том числе о месте и роли политического отдела корпуса, о стиле его работы. Доклад на эту тему обсуждали с большим интересом. На семинаре говорилось о партийной принципиальности и деловитости в деятельности политотдела, о его связях с массами воинов, о критике и самокритике, о единстве слова и дела, о повышении боевитости первичных и ротных партийных организаций.

Выступавшие полковник Я. Н. Бубнов, майоры Г. Т. Капитонов, П. И. Широков, П. А. Андросенко, Н. Ф. Бабушкин и другие высказывали различные мнения о том, что считать определяющим при работе политотдела в частях: организацию проверки исполнения или оказание практической помощи? С политработниками какого звена он должен главным образом заниматься? Как добиться опера-

тивности в решении назревших вопросов? Как лучше составлять план, рассчитанный на период наступления?

Обобщив все рациональное, мы пришли к выводу, что политотдел корпуса не должен подменять собой политотдел дивизии, как не должен он и копировать практику работы политотдела армии, хотя какие-то элементы того и другого неизбежно будет заимствовать. Четко представлялась роль политотдела в отношении дивизии, где есть свой политорган, и частей, замыкавшихся непосредственно на управление корпуса.

Контроль за деятельностью политработников представлялся нам в органическом единстве с оказанием им практической помощи, с пропагандой передового опыта. Главным теперь была организация партийно-политической работы, направленной на подготовку соединений и частей к наступательным действиям. Было решено работать в дивизиях группами, решая узловые проблемы совместно, в общей упряжке с политотделами дивизий.

Задач было много, и все они сложные и неотложные. Впрочем, на фронте обилие задач в той или иной степени всегда сопутствовал недостаток времени. Вспоминая те дни, порой удивляешься: как это командиры и политработники со всем справились?

А достигалось все это, очевидно, не только умением того или иного руководителя, но и высоким сознанием долга со стороны каждого воина, его ответственностью за порученное дело. Война была делом всех, и мерялись не задачи по силам, а силы по задачам. Сколько бы ни требовалось сил для решения той или иной задачи, столько их и находилось. Слова «невозможно», «не могу», «не успею» не существовали. И это было характерно как для рядового, так и для генерала.

Управление 133-го корпуса, как и политотдел, формировалось в короткие сроки. С приездом генерал-майора П. А. Артюшенко части и подразделения сразу же почувствовали его твердую руку.

Павел Алексеевич Артюшенко — выходец из семьи потомственных питерских рабочих. Успешно закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Войну начал полковником, командиром стрелковой дивизии, защищая родной город. Потом был начальником штаба армии, снова командовал дивизией и отличился в боях за Прибалтику. Это был высокого роста, стройный сорокалетний блондин. Выделялся он не только импозантной внешностью, но и какой-то подчеркнутой элегантностью. Частые встречи

убеждали в его высокой военно-теоретической подготовке. Он обладал солидным военным опытом и широким общим кругозором. Правда, на свою первую встречу с командиром корпуса я шел под впечатлением фразы, сказанной одним моим знакомым:

— Нелегко тебе будет с Артюшенко. Человек он грамотный, храбрый, но характер у него тяжелый. Да и с замполитами обычно не дружит.

Чуть-чуть тревожило: как сложатся наши отношения? Однако сомнения очень скоро исчезли. Утвердилась дружная совместная работа. Основой этому послужила прежде всего добросовестная и плодотворная деятельность коллектива работников политического отдела, практические дела которого высоко ценил командир корпуса.

Время торопило. Необходимо было скорее завершить работу не только по формированию управления, но и изучить подчиненные дивизии. Но как?

Подполковник Бубнов предложил затребовать от начальников политотделов письменные доклады.

— Это поможет,— сказал он,— получить необходимые данные в короткий срок.

Предложение было заманчивое, но поддержки не получило. Посадив людей за доклады, мы оторвали бы их от живого дела. А доклады не дали бы необходимой картины.

— Это все равно, что рассматривать положение дел в дивизиях чужими глазами,— горячо возражал старший инструктор политотдела Бабушкин. И он конечно же был прав.

... В 104-й стрелковой дивизии нас встретил начальник политотдела подполковник А. М. Таратынов.

Александр Михайлович Таратынов до войны был партийным работником в городе Иваново. Окончил краткосрочные курсы политсостава и до назначения в 104-ю дивизию занимал должность заместителя начальника политотдела одной из дивизий фронта. В 104-й совсем недавно, но ее дела и людей уже знал неплохо.

Дивизия, как это вытекало из его доклада, была ветераном Карельского фронта. Формировалась она в этих же краях весной и летом 1939 года, принимала участие в советско-финляндской войне. Командовал ею в то время генерал В. И. Щербаков, теперь командующий 14-й армией.

Один из полков дивизии — 273-й стрелковый в ту войну отличился на кандалакшском направлении и был на-

гражден орденом Красного Знамени. В сентябре 1939 года полк посетил А. А. Жданов.

Несколько позже, находясь в 273-м полку, мы разговаривали с воинами, которые были участниками встречи с А. А. Ждановым. С большой теплотой они рассказывали о том, как видный деятель нашей партии, руководитель ленинградских коммунистов ходил по землянкам и беседовал с солдатами и офицерами, о его выступлении на митинге личного состава полка...

Воины дивизии проявили мужество и стойкость и в годы Великой Отечественной войны. Многие из них были удостоены наград. Дивизия воспитала трех Героев Советского Союза, в их числе майора Алексея Кирилловича Кузнецова, занимавшего должность начальника штаба 273-го полка. Об этом не без гордости рассказывал нам начальник штаба дивизии подполковник П. В. Кастырин.

— В августе 1941 года, — сказал он, — майор Кузнецов руководил выходом полка из окружения. В критический момент он сам лег за пулемет и ценой своей жизни обеспечил успех боя...

О том, как действовала дивизия в недавних боях, обстоятельно доложил заместитель командира дивизии А. В. Молоков. Части дивизии перешли в наступление в ночь на 9 сентября 1944 года. Они освободили населенные пункты Лиоколахти и Корья, захватили трофеи, пленных. Подразделения 217-го стрелкового полка овладели мостом через Курми-Ярви.

— Люди действовали с большим подъемом, — сообщил А. В. Молоков. — Один из батальонов 273-го полка перед Таллуски-Такоски подвергся сильной контратаке превосходящих сил противника. Командир батальона оказался ранен. Батальон возглавил замполит старший лейтенант И. С. Михеев. Противник, воспользовавшись наличием открытых флангов и ослаблением сил батальона, начал окружение. Но внезапной и смелой атакой батальон разгромил врага и восстановил положение.

В дивизии, несмотря на некоторые потери в последних боях, насчитывалось свыше 5700 солдат и офицеров, в том числе 2300 членов и кандидатов в члены партии и более 500 комсомольцев. Среди рядового и сержантского состава было много кадровых.

Два дня ушло на знакомство со 104-й стрелковой дивизией. Мы побывали в полках, встречались с командирами и политработниками батальонов, беседовали со многими бойцами.

— Хорошие люди,— как бы подводя итог знакомству, сказал комкор, когда мы возвращались из дивизии.

Еще лучше укомплектованной оказалась 67-я стрелковая дивизия. Начальник штаба дивизии полковник Петр Кононович Полосов, в прошлом боец 1-й Конной армии, не без гордости докладывал:

— Дивизия насчитывает 6894 человека, в том числе: офицеров — 772, сержантов — 1732 и рядовых — 4390. Средняя численность стрелковых рот — 80—85 человек.

Да, дивизии такой укомплектованности я давно уже не видел.

— Нашу дивизию,— заметил начальник полптотдела подполковник Николай Тихонович Агапов,— можно назвать ленинградской. Сформирована она в октябре 1941 года. Артиллерийский полк и медсанбат целиком состоят из добровольцев пародного ополчения Фрунзенского района города Ленина.

Как и 104-я, 67-я дивизия была крепким, хорошо сколоченным соединением. Свыше сорока процентов ее воинов были членами и кандидатами в члены партии. Радовал молодой возраст личного состава. Так, среди рядовых и сержантов лица старше 30 лет составляли менее 10 процентов. Некоторую тревогу вызывал лишь недостаток опыта наступательных боев. Но дело ведь это наживное.

К 23 сентября формирование управления корпуса было завершено. Политотделу удалось к тому времени в какой-то степени изучить подчиненные части, оказать помощь в расстановке коммунистов и комсомольцев, в работе с боевым активом, ознакомить с опытом наступательных боев на других фронтах. О результатах своих наблюдений и вытекающих из них рекомендациях мы доложили командиру корпуса, а затем и на партийном собрании управления.

24 сентября по приказу командующего 19-й армией корпус вступил в управление подчиненными войсками и получил боевую задачу на преследование 169-й немецкой нехотной дивизии в направлении к государственной границе.

104-я стрелковая дивизия, как уже говорилось, вела бой с 9 сентября, преследуя отходившего противника, а 67-я дивизия должна была наступать во втором эшелоне и с выходом на рубеж горы Кейнувара развернуться из-за правого фланга 104-й и преследовать противника в направлении Котала.

Боевые действия в здешних местах во многом отличались от действий, с которыми я был знаком раньше. Наступать по всей ширине полосы было невозможно, приходилось действовать отрядами по направлениям. А это сильно усложняло управление, повышало роль командиров среднего звена, требовало от всех воинов широкой инициативы.

Гитлеровцы, отходя, густо минировали дороги, оставляли «сюрпризы», подрывали мосты, сжигали и разрушали жилища и другие сооружения, не щадя своего вчерашнего союзника. По данным финской печати, при отступлении из Северной Финляндии фашисты сожгли около 16 тысяч домов, 125 школ, 165 церквей и других зданий, разрушили 700 из 900 наиболее крупных мостов.

С болью в сердце воины корпуса узнали об уничтожении гитлеровцами военнопленных в лагере, который был обнаружен подразделениями 452-го полка.

— Трудно описать то, что мы увидели,— с волнением рассказывал старшина медицинской службы В. С. Хабаров, и губы его дрожали.— Трупы, сотни трупов, изуродованных, покалеченных, лежат навалом.

— Я много читал о зверствах немецких пзвергов,— добавил капитан А. А. Кобылкин,— но когда сам увидел следы их злодеяний, то передать свой гнев просто не могу— слова тут бессильны. Одно только скажу от всего сердца: клянусь беспощадно мстить гитлеровским псам. Ни один из них не должен уйти отсюда живым!

Рассказы очевидцев, а также акт обследования лагеря были напечатаны в дивизионной газете. Агитаторы широко использовали эти материалы для воспитания у воинов наступательного порыва.

26 сентября батальоны 452-го и 719-го стрелковых полков вышли на Государственную границу СССР у погранстолба со знаком «У-45». Радостная весть об этом молнией облетела войска.

Трудно было сдержать волнение, наблюдая за бойцами, подошедшими к заветному рубежу Родины. Запомнилось ликование красноармейцев 3-й роты 56-го полка. У пограничного столба они со слезами на глазах восторженно кричали:

— Вот она, граница, вот она! Мы на ней стоим! Дошли!

С выходом соединений корпуса на Государственную границу СССР во всех частях и подразделениях состоялись митинги. Мне довелось быть на митинге в 452-м полку.

В речах сержанта Дружинина, ефрейтора Булановича и других ораторов звучала необыкновенная радость от сознания исполненного долга, войны полка заявляли, что они преисполнены решимости разгромить фашистских захватчиков.

2 октября основные силы 67-й и 104-й стрелковых дивизий достигли рубежа реки Наруска-йоки, деревни Котала, что в 5—6 километрах западнее границы, и по приказу командующего армией были остановлены.

Через два дня состоялось совещание командиров соединений, начальников политотделов и начальников штабов. Командир корпуса разъяснил:

— Мне неизвестно, какую новую боевую задачу мы получим, но воевать нам еще придется. Гитлеровские войска оккупируют крайний север Финляндии и Мурманской области. Идет война и на других фронтах. И потому нам надо продолжать учить войска, особенно командиров и штабы, наступательному бою.

Комкор потребовал ежедневно отводить время на учебные занятия. Командиры дивизий должны были лично проводить занятия по определенной тематике с командирами полков и батальонов, с начальниками штабов. Комкор взял на себя руководство такого рода занятиями с командирами и штабами дивизий.

Основным требованием для всех категорий личного состава корпуса теперь было: настойчиво учиться наступать!

Политотдел корпуса и политотделы дивизий приступили к анализу опыта партийно-политической работы в наступлении. Мы помогли политработникам частей и подразделений в подготовке и проведении партийных собраний, семинаров актива, посвященных урокам недавних боев.

На семинарах и собраниях подчеркивалось, что при подготовке к наступлению нет мелочей, что в наступательных боях события быстротечны и наверстать упущенное, как правило, невозможно. Если ты упустил что-то при подготовке атаки, расплачивайся за это кровью, излишними потерями.

Словом, мы старались учить наш актив умению предвидеть вероятный ход событий, творчески находить оптимальные решения и маневрировать силами при возникновении непредвиденных ситуаций. В разгар наступления, когда напряженне моральных и физических сил война достигает предела, а продолжаться это может десятки суток, значение партийного влияния особенно возрастает. Между

тем возможности для этого не всегда представляются. Использование массовых, коллективных форм (собраний, митингов и т. п.) в ходе боя почти исключается. И тут, как никогда, важно уметь вести индивидуальную работу с людьми, весьма важен личный пример коммуниста, политработника.

На фронте редко заранее знаешь истинный размер передышки между боями. Поэтому план мероприятий на этот период отличался не только крайней насыщенностью, но и подчас непонятным для современного исследователя параллелизмом: одновременно шли занятия и в роте, и в штабе дивизии. Обусловливалось это стремлением побольше успеть и вместе с тем обеспечить максимальную степень боевой готовности.

11 октября корпус получил приказ на марш в район Алакуртти для погрузки и передислокации на Крайний Север. К тому времени в состав корпуса вошла 21-я стрелковая Пермская дивизия.

Перед нами встало много проблем, связанных с подготовкой и совершением марша, погрузкой в эшелоны, передвижением по железной дороге, а также с действиями в новом районе.

Вместе с командиром корпуса мы провели соответствующие инструктажи и организаторскую работу по подготовке к передислокации 67-й и 104-й дивизий, а 13 октября выехали в 21-ю стрелковую дивизию, которая к тому времени уже начала погрузку на станции Алакуртти. Едва выслушали представления командира дивизии полковника В. А. Архангельского и начальника политотдела полковника Д. Д. Тимофеева, как стало известно, что в район погрузки прибыл член Военного совета фронта генерал К. С. Грушевой. Поспешили туда.

Погрузочная площадка, разрушенная противником, была восстановлена не полностью. Подача подвижного состава, как выяснилось, осуществлялась с перебоями, да и подавался он не в полном комплекте. В частности, без необходимых материалов для крепления техники. К тому же полки дивизии не обладали опытом железнодорожных перевозок. Все это сказалось на общей организации погрузки, вызвало недовольство члена Военного совета.

Выслушав вместе с командиром и начальником политотдела дивизии упреки, мы не стали объяснять, что сами только прибыли в дивизию и сама дивизия только вошла

в состав корпуса. Ведь речь шла не столько о том, кто больше виноват, а как лучше, в самые короткие сроки обеспечить переброску корпуса в новый район.

— Вы же поймите,— упрекал нас Константин Степанович,— что 7 октября войска 14-й армии во взаимодействии с Северным флотом начали наступление на Севере... Операция, несмотря на исключительно трудные природные условия и сильное сопротивление противника, развивается успешно. Люди сражаются как львы. Оборона противника прорвана на большую глубину. Однако в оперативной глубине противника расположены весьма прочные оборонительные рубежи, там находятся части 36-го и 18-го горнострелковых корпусов, действовавшие на ухтинском и кандалакшском направлениях. Словом, гитлеровцы располагают значительными силами, и они наверняка попытаются удержать за собой Никелевые рудники и порт Петсамо. Вам надо спешить...

Константин Степанович с участием расспросил о делах в корпусе, потом побеседовал с бойцами и офицерами. В тесном кольце окруживших его воинов слышались шутки, раздавался смех.

Командир дивизии попросил члена Военного совета ускорить подачу подвижного состава и обеспечить дивизию зимним обмундированием. В ответ генерал обещал принять необходимые меры. Кстати замечу, что свое обещание он выполнил. Прощаясь, генерал снова напомнил о необходимости повысить организованность при передислокации соединений корпуса.

В процессе погрузки частей дивизии мы познакомились с ее людьми и ее историей.

21-я стрелковая Пермская дивизия имеет замечательную историю. Создана она была еще в сентябре 1918 года. Первоосновой ее послужили артиллерийская батарея путиловских рабочих Петрограда и Архангельская пехотная бригада, в которую входили Уфимский и Архангельский полки. В декабре 1918 года дивизия отличилась в составе 3-й армии на Восточном фронте, в сентябре 1919 года — в составе 9-й армии на Южном, а в мае 1920-го — в составе 16-й армии на Западном. Одному из ее полков было вручено Красное знамя Тульского ревкома. С периода гражданской войны все полки дивизии имели почетные наименования: 94-й — Осинский; 116-й — Новороссийский; 326-й — Верхнеудинский. Осенью 1929 года дивизия участвовала в разгроме белокитайцев на КВЖД и пленила многотысячную группировку генерала Ляна.

Бойцы и командиры гордились и тем, что их дивизия находится на фронтах Великой Отечественной с сентября 1941 года.

В дивизии насчитывалось 2713 членов и кандидатов в члены партии и 1158 комсомольцев. Примечательно, что в партийных организациях стрелковых рот состояло на учете по 40—45 коммунистов.

Работники политотдела были подготовлены хорошо. Полковник Тимофеев тепло отозвался о своем заместителе майоре И. С. Карасеве и агитаторе политотдела старшем лейтенанте А. С. Ключеве.

23 октября две дивизии корпуса — 21-я и 104-я — сосредоточились в районе Петсамо и Луостари. 67-я стрелковая дивизия, выгрузившись в районе Мурманска, совершала марш к фронту.

За период нашей передислокации Москва трижды салютовала войскам Карельского фронта и морякам Северного флота, освободившим Петсамо (Печенга), район никелевого производства и норвежский город Киркенес. Соединения нашего корпуса были готовы вступить в бой, но... необходимость в этом отпала. Боевые действия на Кольском полуострове закончились. Мы расположились в Кокури (в нескольких километрах южнее Петсамо), составляя резерв 14-й армии. Началась плапомерная боевая и политическая учеба.

В те дни нам пришлось основательно заняться воспитанием молодых коммунистов. Как известно, в ходе войны партийные организации заметно пополнились за счет бойцов и командиров, проявивших храбрость на поле боя. Необходимо было, как указывал В. И. Ленин, «наиболее быстро, успешно, деловито помочь довоспитанию этих молодых членов партии...»¹. В соответствии с директивой Главного политического управления, поступившей в войска, мы восстанавливали дивизионные школы партийного актива, налаживали самостоятельное изучение марксистско-ленинской теории всеми коммунистами. Для кандидатов и молодых членов партии в масштабе батальона начали проводить регулярные занятия по изучению Устава ВКП(б), отдельных глав истории партии, книги И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

В разгар разработки мероприятий, связанных с выполнением директивы, позвонил член Военного совета 14-й армии А. Я. Сергеев. Поинтересовался, как мы намерены осу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 141.

ществлять требования директивы. Узнав, что дня через два состоится совещание начальников политотделов дивизий и замполитов частей корпуса, пообещал непременно к нам приехать.

Генерал-майор А. Я. Сергеев — опытный политработник. В 14-ю армию он прибыл за два месяца до Петсамо-Киркенесской операции, а до этого был начальником политотдела 2-й гвардейской армии, сражавшейся под Сталинградом и участвовавшей в освобождении Украины и Литвы.

Александр Яковлевич внимательно выслушал политработников—участников совещания, а потом выступил сам, поделился опытом партийно-политической работы в наступательных боях, дал советы, как лучше организовать воспитание молодых коммунистов.

От командующего фронтом К. А. Мерецкова командир корпуса возвратился возбужденный, в хорошем настроении.

— Маршал много рассказывал об операции, о героизме воинов и теплых встречах на норвежской земле,— делился Павел Алексеевич. Он сообщил: — Фронт выводят в резерв Ставки. Мы должны передислоцироваться в район Ярославля. Вместо 67-й дивизии, остающейся в Печенге, в состав корпуса будет включена 122-я стрелковая дивизия...

Подготовка к переезду совпала с изучением доклада И. В. Сталина о 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и приказа Верховного Главнокомандующего № 220. С чувством патриотической гордости воины перечитывали эти документы. Призывным набатом звучали слова: «Добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя Победы».

Первые эшелоны, как и предполагалось, ушли в направлении Ярославля. Последующие по указанию Генерального штаба уже в пути были переадресованы. 4 декабря 1944 года мы прибыли в румынский город Плоешти. Здесь также были видны следы войны. Характерно, что за несколько часов до вступления в город советских войск на его рабочие кварталы и нефтяные предприятия сбросила сотни бомб авиация наших западных союзников. Такая акция не вызывалась военной необходимостью.

Встретивший нас военный комендант сообщил о предстоящей разгрузке. Нам было передано приказание прибыть

в Бухарест к генерал-лейтенанту В. П. Виноградову, начальнику штаба Союзной Контрольной Комиссии. Офицер штаба пояснил:

— Председателем Союзной Контрольной Комиссии является командующий фронтом маршал Р. Я. Малиновский. Но он здесь почти не бывает. Всю текущую работу ведет генерал Виноградов.

Мы поспешили в Бухарест. В кабинете В. П. Виноградова первым с нами поздоровался коренастый, невысокого роста человек, одетый в элегантный темно-коричневый в полоску костюм.

— Как доехали? — спросил он тоном, по которому трудно было понять, относится ли это к нашему путешествию из Заполярья или к поездке из Плоешти.

— Хорошо, — ответил комкор.

Виноградов пригласил сесть. Человек же в штатском продолжал стоять, спрашивая о составе и состоянии корпуса.

Павел Алексеевич, не зная, кто перед нами, замаялся, вопрошающе глядя на сидевшего за столом генерала Виноградова.

— Ничего, товарищ Артюшенко, не стесняйтесь. Это Андрей Януарьевич Вышинский, заместитель наркома иностранных дел.

Командир корпуса встал, извинился.

Вышинский улыбнулся:

— Понимаю, военная тайна.

Выслушав наши доклады, А. Я. Вышинский в свою очередь подробно рассказал о положении в Румынии, ее партиях, о борьбе демократических сил, возглавляемых румынской компартией, за социальные преобразования.

Затем заместитель наркома разъяснил нам условия перемирия.

— Соглашение, — подчеркнул А. Я. Вышинский, — предусматривает восстановление румынской гражданской администрации на всей территории. И, естественно, вы никак не должны вмешиваться в их местные дела.

Уточнив вопросы, связанные с размещением, мы попрощались.

Мы должны были разместить дивизии в населенных пунктах к югу от Бухареста, а штаб корпуса — в г. Джуджу. Вернувшись в Плоешти, сразу же занялись подготовкой частей к маршу. По мере прибытия эшелонов инструктировали офицеров. Во всех батальонах и ротах провели партийные и комсомольские собрания, занятия с агитаторами. Личному составу разъясняли освободительную миссию Крас-

ной Армии, нормы поведения советского воина за рубежом Отчизны, необходимость уважения суверенитета и национальных достоинств румынского народа. Сердцевинной всей агитационной работы были вопросы повышения бдительности, дисциплины и организованности, строгого соблюдения требований военной присяги.

Вскоре начали прибывать эшелоны 122-й стрелковой дивизии, вошедшей в состав корпуса. Командир дивизии генерал-майор А. Н. Величко и начальник политотдела полковник А. И. Еремеев доложили о ее составе и боевом пути.

Дивизия не раз отличалась в оборонительных боях в Карелии. Ее мужество и отвагу, проявленные при удержании рубежа по хребту Колтсанхорью, были высоко оценены К. Е. Ворошиловым и А. А. Ждановым. Полки дивизии храбро действовали в наступательных операциях, начавшихся осенью 1944 года. Многие воины, получив по несколько ранений, отказывались от эвакуации.

Начальник политотдела рассказал, в частности, о подвиге ефрейтора Владимира Дмитренко. Это было 19 сентября. Разведчики 596-го полка, возглавляемые младшим лейтенантом Маркиным, получили боевую задачу: разведать огневые точки противника в полосе наступления. С разведчиками пошел и коммунист Дмитренко. Он и раньше хаживал по тылам врага, не раз приводил пленных, пользовался репутацией отважного воина.

И вот бойцы подобрались к дзоту. Командир приказал им залечь и наблюдать за действиями противника. А тем временем, сосредоточившись в лощине, стрелки готовились атаковать противника с фланга. Но как только они поднялись для броска, немецкий дзот ожил. Гитлеровцы буквально заливали лощину свинцом. Стрелки вынуждены были залечь. Видя это, Дмитренко решил уничтожить огневую точку и, маскируясь, пополз к дзоту. Противник не замечал его. Вблизи дзота Владимир Дмитренко поднялся во весь рост, крикнул: «За мной, вперед!»

Стрелки видели, как он побежал, держа в руках гранату, как взмахнул ею. Но вражеская пуля сразила бойца раньше, чем он успел бросить гранату. Сделав несколько шагов, Дмитренко упал на амбразуру, закрыв ее своим телом.

— За время боев в сентябре и октябре, — сообщил полковник Еремеев, — 1016 солдат, сержантов и офицеров дивизии удостоены орденов и медалей. Правда, вручить удалось не всем.

— Это надо, не откладывая, поправить, — заметил командир корпуса. — А коммунистов много в дивизии?

— 2686 членов и кандидатов, товарищ генерал. Две трети из них молодые — приняты в последние два года.

Нас радовало и то, что личным составом дивизия была укомплектована хорошо. Более половины солдат и сержантов начали службу еще в довоенное время.

Характеризуя офицеров управления, комдив А. Н. Величко отметил высокую профессиональную подготовку начальника оперативного отделения штаба П. Л. Богграда, инженера дивизии инженер-майора Н. В. Огаркова, командующего артиллерией Г. Т. Сенченко.

Хорошее впечатление оставили командиры полков — подполковник П. Г. Данилов, полковники П. С. Громов и В. Д. Чернышев, заместители командиров по политчасти И. М. Сердобинцев и Н. И. Воробьев.

Корпус находился в резерве фронта, и мы дорожили временем: сразу же начали учебу. Люди трудились не жалея сил.

Большой подъем у личного состава вызвал Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении медали «За оборону Советского Заполярья», которой позже были награждены наши воины.

Командиры и политработники неустанно разъясняли Соглашение о перемирии, нормы поведения советских воинов за рубежом страны. Это давало положительные результаты. Правда, не обошлось все же и без досадных курьезов.

Звонит как-то генерал В. П. Виноградов и спрашивает:

— У вас есть товарищ... (называет фамилию)?

— Да, это заместитель командира по тылу одного из наших хозяйств...

— Так за каким же лучшим его понесло к королю?

— Понятия не имею. А что? — поинтересовался я в свою очередь.

— Что? Вот прислали счет и надо расплачиваться за его глупость. Ведь приемы у короля платные...

Уже заканчивалась третья неделя пребывания корпуса в Румынии. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов за это время, преодолевая упорное сопротивление врага, завершили окружение его крупной группировки в Будапеште, освободили много других населенных пунктов на территории Венгрии и Чехословакии. Почему же мы остаемся в глубо-

ком тылу? Все чаще можно было слышать: когда же на фронт?

Как-то за ужином, обмениваясь, как обычно, с командиром корпуса впечатлениями за день и обговаривая план на следующий день, в ответ на мою информацию о настроениях личного состава командир сказал:

— Откровенно, мне тоже неважно это «сидение на Угре». К тому же боевая подготовка по крестьянским избам, без выхода в поле, без тактических учений и стрельб мало что дает. Подразделения растаскивают на всякие задания. Знаете,— произнес он с оживлением,— у меня есть идея. Сам я, к сожалению, не могу, а вам можно. Поезжайте-ка к командующему фронтом, доложите обстановку и попросите разрешения выйти в поле.

Подозреваю, что втайне Павел Алексеевич надеялся не только на то, что я привезу положительное решение, но и узнаю что-либо о перспективах использования корпуса.

К концу следующего дня по живописной магистрали Трансильванских Альп я добрался до политического управления фронта, располагавшегося восточнее Будапешта. Решил ряд вопросов в политуправлении, а потом попал на КП к Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому.

— Что у вас, товарищ полковник, — спросил он, не отрываясь от карты, которая лежала перед ним.

Я доложил просьбу.

Маршал пристально посмотрел на меня и, улыбнувшись глазами, переспросил с лукавством:

— Разрешить запрятия в поле? — А затем добавил: — Только что мне докладывали радиограмму. Ваш корпус передается в состав 3-го Украинского фронта. Завтра должен начать погрузку.

Сообщение командующего освободило меня от доклада по другим вопросам. Надо было спешить обратно.

Трудное начало

14 января 1945 года по пути к новому району сосредоточения мы побывали на КП 3-го Украинского фронта: П. А. Артюшенко — у командующего Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина, а я — у начальника политического управления генерал-майора И. С. Аношина, которого хорошо знал еще по 37-й армии.

— Шинкаренко, откуда? Мы же отправили его на курсы в Москву, — воскликнул генерал, когда ему доложили

обо мне. Видимо, за быстро текущими событиями он и не заметил, что с тех пор прошло уже целых полгода.

Выслушав доклад о соединениях и руководящем составе корпуса, Иван Семенович со свойственной ему неторопливостью, выработанной, очевидно, еще в период работы секретарем Башкирского обкома партии, дал указания по организации партийно-политической работы. Особое внимание обратил на взаимоотношения войск с местным населением.

— Каждый воин, — подчеркнул генерал, — должен хорошо понимать: мы — армия освободителей, а не оккупантов.

Вместе с командиром корпуса зашли к начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту С. П. Иванову, побывали у начальника оперативного управления генерал-майора А. П. Тарасова. По их информации, войска 3-го Украинского фронта частью сил совместно с войсками 2-го Украинского фронта вели бои по уничтожению окруженной группировки противника в венгерской столице. Другая, большая часть войск действовала на внешнем фронте окружения западнее и юго-западнее Будапешта и в эти дни успешно отразила контрудар немецко-фашистских войск севернее Секешфехервара.

— Сейчас, — сказал нам генерал Тарасов, — на западе пока спокойно. Есть данные, что противник начал отводить свои танковые соединения. Ваш корпус пока останется в резерве фронта.

Нам было приказано связаться с генерал-лейтенантом И. Т. Шлеминым, командующим 46-й армией, действующей к северу от озера Веленц, организовать рекогносцировку маршрутов в этом направлении, где, как мы поняли, не исключались действия корпуса.

К исходу 17 января соединения, входившие в наш корпус, переправились с левого берега Дуная на правый. На левом берегу пока оставались часть боеприпасов, вещевое имущество и продовольствие.

Новый контрудар, которому гитлеровцы дали экзотическое кодовое название «Сад пряностей», начался 18 января. Известие о нем, как и приказ командующего фронтом занять оборону в тылу войск первого эшелона, для нас было несколько неожиданным. По решению комкора две стрелковые дивизии — 21-я и 122-я должны были занять оборону западнее канала Шарвиз, а 104-я составляла второй эшелон корпуса.

Сигнал о подъеме по тревоге дивизиям был передан по радио. Туда сразу же направились офицеры связи с приказом на карте, а также работники политотдела корпуса,

получившие задания по оказанию помощи в организации партийно-политической работы.

Обстановка не оставляла времени на сборы и совещания. Поэтому работники политотделов дивизий, получив указания, тут же разъехались по частям. Перед маршем в полках и батальонах состоялись короткие митинги.

Вместе с командиром корпуса небольшая группа офицеров штаба и политотдела выехала вперед, с тем чтобы заранее, до подхода частей, ознакомиться с обстановкой. Предстояло уточнить задачи войскам, оказать необходимую помощь командирам и политработникам. В сгущавшихся сумерках мы тронулись в путь, не подозревая, что рубеж, на котором мы должны были занять оборону, уже в руках противника.

Уже в 20—25 километрах от переднего края обороны мы встретили несколько групп отходивших тыловых подразделений 252-й стрелковой дивизии. Командиры этих групп утверждали, что позиции прорваны и противник находится совсем рядом. Верить этому не хотелось. Но вскоре по машинам застрочили пулеметные очереди. К счастью, фашисты не разобрались, приняв в темноте наши автомашины за танки или бронетранспортеры, и поспешили с открытием огня. Это позволило нам избежать расплаты за свою беспечность. Сигнал об опасности был срочно передан в дивизию.

Как потом стало известно, гитлеровцы скрытно сосредоточили в районе юго-западнее города Секешфехервара 1, 3 и 23-ю танковые дивизии и дивизии СС «Викинг» и «Мертвая голова» 4-го танкового корпуса СС, имевшего в своем составе свыше 600 танков и штурмовых орудий и более 1200 орудий и минометов. Этими силами они с утра 18 января внезапно нанесли удар на участке Оши, Балатон-Фекаяр.

Удар преследовал далеко идущие цели: выйти к реке Дунай, расчленив войска 3-го Украинского фронта, затем, прикрывшись с юга, развить наступление в северном направлении, деблокировать окруженную группировку в Будапеште и совместно с ней разгромить 46-ю и 4-ю гвардейскую советские армии. В последующем враг рассчитывал уничтожить 57-ю армию и восстановить оборону по рубежу реки Дунай, захватить плацдарм на его восточном берегу. Это была, как уже отмечалось, третья попытка противника.

Подтверждая исключительную важность этого наступления, командующий 6-й армией генерал Балък в телеграфном разговоре с командиром 4-го танкового корпуса генералом войск СС Гилле заявил: «Мы должны постараться

справиться с этой задачей... Это решает все, иначе мы погибнем».

По свидетельству пленных, солдатам вторично был зачитан категорический приказ Гитлера о необходимости любой ценой прорваться к Будапешту. В ряде соединений с солдатами брали клятвенное обязательство, что они выполняют приказ. Замечу, что никогда раньше ни о чем подобном мы не слышали.

Итак, гитлеровцам удалось прорвать оборону наших дивизий и уже в первый день наступления продвинуться на восток до 28 километров. Такова была обстановка в момент выдвижения корпуса. Но она прояснилась не сразу.

После столкновения с противником мы повернули к приближающимся колоннам своих дивизий. Первым встретился 116-й стрелковый полк. Командир полка подполковник С. С. Ефимов четко доложил:

— Сигнал о предстоящей встрече с противником получен. Предупредил командира походной заставы. Принимаем меры к повышению бдительности и боевой готовности, особенно в подразделениях боевого охранения и разведки.

Уточнив некоторые вопросы, комкор одобрил действия командира полка.

Заместитель командира по политчасти майор А. М. Мальцев доложил о партийно-политической работе. Как бы оправдываясь, он сожалел, что перед выходом успел провести лишь инструктаж замполитов батальонов да короткий митинг в полку.

— Всю остальную работу — инструктаж партийного актива, разъяснение боевой задачи — ведем на ходу, переходя из роты в роту. Политработники полкового звена и агитатор политотдела дивизии капитан Ключев находятся в батальонах. Настроение у личного состава боевое, — сообщил он.

При подходе к деревне Шаркерестур 116-й полк был встречен огнем вражеских танков и мотопехоты. Гитлеровцы не только вышли к каналу Шарвиз, но и захватили мосты, а к исходу 18 января успели переправиться на восточный берег.

В ночном бою полк частично потеснил противника, овладел восточной окраиной деревни Шаркерестур. Тем временем в район действий полка подошла 181-я танковая бригада (32 танка и САУ) 18-го танкового корпуса. Общими усилиями они отразили шесть атак и еще больше потеснили врага.

326-й полк 21-й дивизии и два полка 122-й дивизии успели опередить противника и вышли на рубеж Валу-Башьян, Тац, Аба. Однако времени до рассвета оставалось мало, грунт был мерзлый, и они не сумели как следует закрепиться. А утром 19 января противник предпринял массивную танковую атаку.

Бой был исключительно напряженным и упорным. Гитлеровцы, опьяненные успехом первого дня наступления, настойчиво атаковали наши наспех занятые позиции. Но войны полков не дрогнули. Они дрались с большим мужеством. Недостаток в артиллерии и боеприпасах восполнялся бутылками с горючей смесью и противотанковыми гранатами.

Особо отличились дивизионные саперы. Они выставили мины перед атакующими танками. На этих минах подорвалось несколько машин врага. Непосредственным организатором действий саперов был инженер-майор Н. В. Огарков.

Первая атака противника была отбита. На поле боя остались подбитые шестнадцать танков, два бронетранспортера и одно штурмовое орудие противника. Существенную помощь оказали в этом подошедшие в район Аба подразделения 110-й танковой бригады 18-го танкового корпуса.

В 16.00 началась новая атака. Противник сосредоточил на узком участке фронта до 100 танков и штурмовых орудий, поддержанных массивными бомбежками авиации, и, сместив несколько к югу направление удара, прорвал все же нашу оборону. Штаб и два полка 122-й дивизии оказались отрезанными от основных сил корпуса и вынуждены были отойти на северо-восток.

В штаб корпуса поступили данные авиаразведки о движении крупных сил танков и мотопехоты противника из района деревни Шарбоград в северо-восточном направлении, в обход 21-й дивизии, южнее ее километров на пятнадцать. В связи с этим командир корпуса приказал 104-й дивизии переместиться к югу, занять оборону в районе Херцегфальфа, с тем чтобы не допустить дальнейшего продвижения противника в сторону Дуная.

К сожалению, выполнить приказ дивизия не смогла. Противник, имея преимущество в скорости маневра, к этому времени уже вышел в район Херцегфальфа. Вскоре передовые части врага появились в районе Якобсалаш и открыли огонь по Шарашд, где располагались штабы 133-го стрелкового и 18-го танкового корпусов. 104-й дивизии была поставлена новая задача — занять оборону в районе Шарашд. Для оказания помощи в организации партийно-поли-

тической работы в дивизию были направлены работники политотдела корпуса майоры Г. Т. Капитонов и Н. Ф. Бабушкин.

К утру 20 января 21-я и 104-я дивизии и 715-й полк 122-й дивизии вместе со штабом корпуса, а также штаб и части 18-го танкового корпуса оказались в окружении.

Приказа на отход не поступило, войска заняли круговую оборону по рубежу Аба, Шаркерестур, Якобсаллаш, Шарашд и вели упорные бои. Противник наседал яростно, спешил нанести нам поражение, с тем чтобы сосредоточить все силы для наступления на Будапешт. В ряде мест его танки прорывались в наше расположение и утюжили наскоро отрытые окопы. Но люди стояли насмерть. Вот «тигр» вздыбился на окопе ефрейтора Федора Ракуля. Казалось, стенки окопа не выдержат, рухнут, бронированная громадина сомнет человека. Но окоп был отрыт Ракулем почти полного профиля. Едва корма танка сползла с бруствера, ефрейтор тут же поднялся, метнул гранату и поджег танк. Другой вражеский танк загорелся от гранаты, брошенной лейтенантом Андреем Лукиным. Наводчик Владимир Расказов подбил из противотанкового ружья два бронетранспортера. Добился успеха и командир орудия сержант Александр Гордеев. Заменяв раненого наводчика, он уничтожил вражеский танк и бронетранспортер. Вскоре Гордеев был ранен, но продолжал бой.

— Останусь на станине орудия, но врага не пропущу, — ответил он фельдшеру, предложившему следовать на полковой медпункт.

Заместитель командира батальона 273-го стрелкового полка капитан В. А. Аболихин, когда выбыл из строя расчет пулемета, сам лег за пулемет и вел огонь по атакующему врагу. Капитан был ранен в обе ноги, но оставался в строю до конца боя.

С такого рода фактами мне доводилось встречаться много раз и раньше. Нередко воины вступали в конфликт с медиками, оберегавшими порядок эвакуации и лечения раненых. У меня всякий раз возникал вопрос: что это — безразличие к жизни? Ведь после наложения повязки вероятность нового ранения и даже гибели в бою не становилась меньшей. Нет, дело тут не в пренебрежении к жизни. Люди возвращались на поле боя не за смертью, а за победой, хотя и не всем потом удавалось стать ее свидетелем.

Здесь, видимо, в какой-то мере сказывался психологический настрой человека, его увлечение боем. Все чувства как

бы концентрируются на одном — на победе. Состояние это знакомо многим фронтовикам.

Поведение бойцов и командиров на поле боя во многом определялось чувством войскового товарищества и братства, сознанием ответственности перед коллективом. Воин, будучи раненым, стремился разделить с боевыми друзьями и радость победы, и горечь неудач, он не хотел отстать от своего полка, подразделения.

И все же главное, что побуждало людей забывать о физической боли и презирать смерть, что духовно возвышало их, поднимало на подвиги, — это всесильное, гордое и светлое чувство советского патриотизма, сознание личной ответственности за судьбу Родины. Именно оно, это чувство, явилось источником массового героизма.

А бои становились все более напряженными. Противник обладал численным превосходством, особенно в танках. Нам явно не хватало артиллерии и боеприпасов. В 18-м танковом корпусе оставалось всего лишь полтора десятка боевых машин.

Связь со штабом фронта, которому мы подчинялись, не действовала. Но вот после многочисленных попыток радиостам удалось связаться с Генеральным штабом. О нашем положении и наших просьбах Москва передала командованию фронта. Вскоре к нам прибыл на По-2 офицер штаба. На этом же самолете нам доставили немного патронов.

В ночь на 21 января к нам поступил приказ командующего фронтом: «Совместно с 18-м танковым корпусом прорвать рубеж, занятый противником, и к концу 21 января выйти на рубеж Алап, Элэсаллаш, Дунафельдвар и занять оборону фронтом на север».

Той же ночью на наш КП прибыл командир 18-го танкового корпуса генерал-майор П. Д. Говоруненко, небольшого роста, смуглолицый, со щеткой густых бровей. Когда-то был комиссаром, но в годы войны успел пройти хорошую командирскую школу.

С пониманием дела оценивая обстановку, генерал Говоруненко изложил план совместных действий по прорыву вражеского рубежа и выходу из окружения. Его план в основе своей совпадал с планом, разработанным командиром нашего корпуса, и потому обсуждение вопроса не потребовало много времени. По существу, лишь уточнялись детали. Принятым решением предусматривалось ударом двух групп — 21-й стрелковой дивизией и одним полком 122-й дивизии с 181-й танковой бригадой (всего 8 танков) в направлении Шаркерестур, Алап и 104-й стрелковой дивизией

с 110-й и 32-й моторизованными бригадами в направлении Шаразд, Чиллар — прорвать позиции противника и выйти на рубеж, указанный комфронтом.

Мы сразу же вместе со старшим инструктором политотдела корпуса майором П. И. Широковым выехали в 21-ю стрелковую дивизию. Мела поземка. Машина, наталкиваясь на сугробы, буксовала. На КП дивизии добрались только к рассвету.

Приказ на выход из окружения дивизия уже получила. Полковник В. А. Архангельский вместе с начальником штаба И. Е. Уваровым и начальником политотдела Д. Д. Тимофеевым заканчивал выработку решения. Я передал рекомендации командира корпуса, напомнил о важности личного общения начальников со всеми категориями личного состава.

Пока вырабатывалось решение, доложили: группа вражеских танков и бронетранспортеров движется к командному пункту. Мы заняли круговую оборону.

Шум моторов нарастал. Вскоре стали просматриваться очертания машин. Раздались выстрелы, посыпались со звоном стекла окон, черепица с крыш. Встретив ответный огонь наших пушек, машины противника остановились в пятистах — шестистах метрах. Завязался огневой бой. Противник, потеряв бронетранспортер, отступил.

Захожу в помещение политотдела дивизии. Встречаюсь здесь с подполковником Я. Н. Бубновым и агитатором политотдела дивизии капитаном А. С. Клюевым, только что вернувшимися из 116-го и 326-го полков.

— В течение истекших суток, — доложил Клюев, — в полку немало сделано по сооружению укреплений, приспособлены к обороне многие здания. Люди стойко отражают атаки противника. А вот патроны и снаряды на исходе...

Мы ознакомили командиров и политработников с общей обстановкой, с задачей корпуса, поставленной командующим фронтом. Еще раз уточнили мероприятия политотдела, распределили его работников по воинским частям.

В 94-й стрелковый полк мы с майором Широковым приехали, когда командир полка майор Н. А. Коряков и замполит майор П. К. Жигулин вместе с начальником штаба обдумывали решение на бой. До этого полк находился во втором эшелоне. Теперь, при выходе из окружения, ему предстояла роль авангарда.

Командир определил боевой порядок полка, состав боевого охранения, боевые задачи батальонов и полковых под-

разделений. Тут же вместе с майором Жигулиным был рассмотрен и план партийно-политической работы.

Все боевые распоряжения и указания отдавались четко, организованно.

— Теперь не сорок первый. Общее превосходство в силах на нашей, советской стороне. Поэтому я рассчитываю на смелые и решительные действия всех офицеров, сержантов и бойцов, — сказал командир полка на совещании комбатов и замполитов.

Оставив в полку майора Широкова, я вернулся на командный пункт корпуса.

Наша попытка прорвать вражеское кольцо днем 21-го успеха не имела. Во второй половине дня вместе с комкором П. А. Артюшенко мы побывали на КП 104-й дивизии, заслушали доклады комдива И. В. Обыденкова и начальника политотдела А. М. Таратынова о подготовке повторной атаки. Комкор в целях достижения внезапности сместил направление удара к западу. Побывали мы также в 242-м и 273-м стрелковых полках, действовавших в первом эшелоне, заслушали план боя, уточнили организацию взаимодействия. Комкор особо подчеркивал необходимость стремительности атаки и надежного обеспечения флангов. Он интересовался, кто из командиров будет возглавлять авангард при прорыве и подразделения охранения в ходе последующего движения.

С наступлением темноты обе ударные группировки войск атаковали противника и успешно прорвали его позиции. Однако и после прорыва гитлеровцы всячески пытались помешать выходу из окружения, преследовали части корпуса на всем пути.

Ночью 21 января авангардный полк 104-й дивизии и подразделения 110-й танковой бригады достигли Херцегфальфа и при поддержке огня артиллерии атаковали гарнизон противника, преградивший путь нашим войскам. Действуя частью сил с запада и усиленным стрелковым батальоном с севера, они сломили сопротивление врага и отбросили его на восточную окраину населенного пункта. Тем временем главные силы корпуса продолжали движение несколько западнее. После освобождения Херцегфальфа для его обороны и господствующей рядом высоты 164,0 были оставлены стрелковый батальон 217-го стрелкового полка и часть сил танкового корпуса. С рассветом противник перешел в наступление на Херцегфальф, и нашим воинам пришлось выдержать исключительно тяжелый бой.

Мужественно сражался орудийный расчет коммуниста-сибиряка Т. Н. Муткова. Отражая натиск противника, он сжег два танка и три бронетранспортера. В ходе боя часть расчета погибла. Сам Мутков и заряжающий А. С. Берзунов были тяжело ранены, но позиции не оставили.

Бесстрашно действовали танкисты 18-го танкового корпуса. Экипаж лейтенанта Исакова вступил в бой с восемью «пантерами» и, действуя из засады, уничтожил четыре. Два танка противника поджег экипаж лейтенанта Осипова.

— Мой отец, — заявил Осипов, — погиб под Ростовом. Я занял в танке его место. Брат воюет в авиации. Мы поклялись матери — вернемся домой только с победой!

Итак, выход на рубеж был завершен. Части корпуса переходили к обороне. Сказывалось физическое и моральное напряжение минувших трех суток: люди буквально валились с ног. Но и теперь было не до отдыха. Командиры определяли задачи подразделениям, расставляли огневые средства, налаживали взаимодействие. А мне было приказано явиться к члену Военного совета фронта.

...Генерал-полковник А. С. Желтов находился в небольшом каменном особняке, стены которого были испещрены осколками снарядов.

— Вас ждут, заходите, — сказал порученец, как только я появился в приемной.

Лицо члена Военного совета несколько осунулось, глаза от недосыпания покраснели. Но с первых же минут я почувствовал: человек он неисчерпаемой энергии. Отложив в сторону бумаги, Алексей Сергеевич стал расспрашивать о корпусе.

Доложив об итогах боя при выходе из окружения, я решил к изложению некоторых просьб. Требовалось доукомплектовать корпус и автотранспортом, и конским составом, и средствами связи. А. С. Желтов развернул тетрадь с листами, разделенными вертикальной линией, и начал записывать.

— Конечно, просьбы справедливы. Но сами понимаете, все это не вынешь из кармана. Потребуется какое-то время.

Затем генерал заинтересовался планом работы политотдела на ближайшие дни. Согласившись с общим направлением и основными мероприятиями, он заключил:

— Постарайтесь изучить со всеми категориями военнослужащих уроки последних боев. Критически проанализируйте работу политорганов и штабов. От них многое зависит. Главное, и на это обратите особое внимание, не толь-

ко рассказывать людям, что было не так, но и наглядно показать, научить, как можно и нужно делать лучше.

Член Военного совета сообщил об успехах советских войск на берлинском направлении.

— Похоже, что и здесь контрудар немцев выдыхается, — сказал он. — Шире используйте в разъяснительной работе обращение Военного совета фронта к войскам. Вы получили его?

— Пока нет.

Генерал тут же вызвал порученца, распорядился связаться с политуправлением и подготовить для меня необходимое количество экземпляров.

Наша беседа была непродолжительной. Но она запомнилась деловитостью члена Военного совета, его вниманием к людям, глубоким уважением к ним.

Сложный переплет боевых задач, которые выполняли войска корпуса при обороне и выходе из окружения, для предстоящего наступления обогатил нас немногим. И все же это был опыт. Опыт высокординамичных и весьма напряженных боев с противником, располагавшим сотнями танков и штурмовых орудий. Поначалу мы настроены были весьма воинственно в отношении оценки действий подразделений и лиц, допустивших те или иные недочеты. Но после зрелых размышлений, особенно после беседы с членом Военного совета фронта, пришли к несколько другому выводу. Дело в том, что люди в большинстве своем участвовали в подобных боях впервые и тон анализа при всей остроте должен быть спокойным, товарищеским. Важно было сочетать анализ недостатков с показом и обоснованием более рациональных способов действий, с всемерным поощрением всего положительного, ибо, как справедливо заметил М. Горький, «похвала успешнее лечит людей, чем порицание»¹. Итогом должно было быть обогащение знаниями, возрастание уверенности в своих силах.

На совещании руководящего состава с обстоятельным разбором боев выступил командир корпуса генерал-майор П. А. Артюшенко. С анализом действий полков и подразделений выступили также командиры дивизий и полков. Все это позволило затем провести поучительные беседы с офицерами, а также с сержантами и солдатами.

В те же дни состоялись собрания коммунистов и комсомольцев, обсудившие уроки боев и задачи дальнейшего повышения боевой активности воинов. Были проведены док-

¹ Горький М. Собр. соч. М., 1953, т. 24, с. 316.

лады и беседы, на которых зачитывалось обращение Военного совета фронта.

Обороняться пришлось недолго. Уже с утра 24 января, воспользовавшись некоторым ослаблением группировки противника перед фронтом корпуса, мы перешли в наступление и продвинулись в северном направлении на рубеж Чирип, Шар-сент Миклош, Шермеки. 27 января в наступление перешли и войска фронта, находившиеся на северном фланге немецкого клина.

Нам вместе с 18-м танковым и 30-м стрелковым корпусами предстояло повторить в обратном направлении тот же путь, который мы прошли при выходе из окружения. Нелегкой была эта задача. Противник бросал в бой новые резервы. Боевые действия принимали все более ожесточенный характер. От их исхода в конечном счете зависела не только судьба будапештской группировки противника, насчитывавшей 188 тысяч человек. Это был очередной удар и по уже подорванному престижу фюрера: он ведь обещал освободить окруженных и взял на себя личное руководство операцией.

Развивая наступление, 21-я и 104-я дивизии корпуса к 29 января вышли на рубеж господский двор Сильфа, деревня Шарсентгота. 30 января была введена в бой 122-я стрелковая дивизия. Она успешно атаковала противника и вскоре после упорного, ожесточенного боя овладела деревнями Шарашд и Якобсаллаш.

Трудно сказать, как в тот момент чувствовал себя новый командующий группой армий «Юг» фашистский генерал Вёлер, который еще недавно, в дни наших боев в окружении, в телеграмме командующему 2-й танковой армией лживо утверждал: «Крупные части брошенных в бой механизированных соединений и одного вновь переброшенного стрелкового корпуса (это о нашем 133-м корпусе. — Г. Ш.) противника были разбиты»¹.

28 января наш корпус, а также 30-й стрелковый и 18-й танковый корпуса вошли в состав 26-й армии. Ее управление прибыло из резерва Ставки. Командармом был назначен генерал-лейтенант А. Н. Гаген. Он отличался твердым характером, хорошей теоретической подготовкой и практическим опытом. За свои неполные пятьдесят лет успел стать участником трех войн. Первую мировую закончил штабс-капитаном. В годы гражданской войны командовал ротой,

¹ Цит. по кн.: Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1970, с. 371.

батальоном. Великую Отечественную войну начал командиром стрелковой дивизии, которая за отличия в боях одной из первых была преобразована в гвардейскую. Затем командовал корпусом под Сталинградом и почти полтора года — 57-й армией, пройдя с ней путь от Харькова до границ Венгрии.

Трудные наступательные бои продолжались. Противник то и дело контратаковал танковыми частями. И все же шаг за шагом советские воины продвигались вперед.

2 февраля в районе Адонь, Адони-Саболч встретились ударные группировки 4-й гвардейской армии, наступавшей с севера, и 26-й армии, действовавшей с юга. Танковый клин гитлеровцев, прорывавшийся к Дунаю, был ликвидирован.

6 февраля войска 133-го корпуса вышли на рубеж Гуйя, Шапонья, Калоз, форсировали канал Шарвиз и овладели плацдармом на его западном берегу.

— Ну вот и снова достигли знакомых мест, — сказал начальник политотдела 122-й дивизии подполковник А. И. Еремеев. — Период «акклиматизации» можно считать законченным.

Да, за истекшие две недели соединения и части корпуса прошли большую школу. Их успеху способствовали и благоприятное общее положение на фронтах, и пропаганда боевого опыта, и поощрение отличившихся в боях. Сказывалось и доброжелательное отношение к советским войнам со стороны венгерского населения.

Фашистская Германия теряла последнего своего союзника — салашистскую Венгрию. Еще в ноябре 1944 года партия венгерских коммунистов обнародовала проект Программы демократического восстановления и подъема Венгрии. 21—22 декабря в городе Дебрецене, освобожденном Красной Армией, состоялась сессия Временного национального собрания, на которой было образовано демократическое правительство во главе с бывшим командующим 1-й венгерской армией Бела Миклошем, перешедшим на сторону Красной Армии в октябре 1944 года. В освобожденных районах страны шло обсуждение проекта аграрной реформы. Все это благодаря радио и листовкам постепенно становилось достоянием личного состава венгерской армии и населения западной части страны, еще оккупированной фашистами.

Германское командование перестало доверять венгерским войскам самостоятельные участки, вкрапывая в их боевые порядки подразделения гитлеровцев.

Чем-то совсем далеким, средневековым веяло от сообщения пленных венгров о сословных званиях их командиров и гражданских правителей: барон Крушина, герцог Эстергази, граф Андраши, маркграф Палавинчини...

Для нас, советских людей, «графы», «маркграфы», «бароны» и их господские дворы, густо увешанные рогами диких животных, казались древностью. Но это, как и сотни тысяч нищих в стране, было реальностью.

— Век двадцатый, а порядки, как при царе Горохе. Одним словом, средневековье, — сказал со вздохом сержант Александр Михалицин.

Наши воины сравнивали эту картину с советской действительностью и испытывали еще большее чувство гордости за свою социалистическую Родину.

12 февраля противник, сосредоточив на узком участке фронта части трех немецких танковых дивизий и 25-ю венгерскую мехотную дивизию, перешел в новое наступление с целью отвлечь внимание советского командования от намеченного в ночь на 13 февраля прорыва окруженных войск из Будапешта. Гитлеровцам удалось несколько потеснить отдельные наши подразделения. Тяжелый бой выдержали части 104-й дивизии. В деревне Чёс противник даже окружил 242-й стрелковый полк. Трое суток он сражался, находясь в окружении, но деревню не оставил. Гитлеровцы вынуждены были прекратить свои атаки.

Пробиться из Будапешта на запад врагу не удалось. Безуспешной оказалась и попытка командующего группировкой генерала Пфеффер-Вильденбруха и его штаба выбраться из города по туннелю. Генерал, встреченный при выходе из туннеля огнем, вынужден был бежать обратно. Отсидевшись некоторое время в разбитом доме, он вместе со своей группой капитулировал. 13 февраля были ликвидированы остатки будапештской группировки. А еще через сутки гитлеровцы прекратили и наступление, которое они вели в направлении деревни Чёс.

Смехотворным выглядело сообщение гитлеровской ставки, переданное несколькими днями раньше, о том, что «в связи с успехами немецких войск под Будапештом командующему окруженной группировкой командиру 9-го горнострелкового корпуса Пфеффер-Вильденбруху присвоено звание генерал-полковника и он награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту». Наградили еще двух немецких генералов. Однако это не принесло утешения кому-либо из

них: первый, как известно, вскоре сдался в плен, а два других разделили участь погибших.

Так провалились все попытки фюрера по спасению будапештской группировки, которые немцы оплатили пятьюдесятью тысячами жизней солдат в самом городе и огромными потерями в частях, привлекаемых для деблокировки окруженных.

13 февраля 1945 года Москва салютовала в честь советских войск, овладевших Будапештом. Посильный вклад в эту победу внесли и воины 133-го стрелкового корпуса.

В братском единстве

В 20-х числах февраля корпус был выведен в резерв фронта. Перед ним ставилась задача не только учиться, но и подготовить в инженерном отношении армейскую полосу обороны. На другой же день к нам приехал командующий 26-й армией генерал-лейтенант А. Н. Гаген.

— Ну, малость отдышались? — спросил он. И, не ожидая ответа, продолжал: — Учиться и даже рыть окопы все-таки легче, чем ходить в атаки.

Вслушав доклад командира о состоянии войск и одобрив план боевой учебы и инженерных работ, командарм заинтересовался настроением личного состава.

— Сил и на учебу, и на работу не жалейте, — сказал он на прощание. — На пути к победе еще немало сражений, которые потребуют не только пота...

Новые задачи мы обсудили с руководящим составом, беседовали об этом с командирами подразделений, с бойцами. В батальонах и ротах состоялись партийные собрания, сыгравшие огромную роль в выполнении требований приказа Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1945 года. Теперь все чаще повторялись слова: «Помнить, что, чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу».

Воины учились искусству наступать. Более недели в частях шла обкатка личного состава тапками, изучались уязвимые места «тигров» и «пантер», способы борьбы с ними. И, несмотря на предчувствие близкой победы, люди рыли десятки километров траншей и ходов сообщения на случай наступления противника.

3 марта мы получили приказ командующего фронтом о подготовке дивизий корпуса к перемещению на южное крыло фронта — в район Меренье, Капошмере, Бардудворнюк, где должны были войти в состав 57-й армии. Войска перево-

зились по железной дороге, автотранспорт шел своим ходом. Во время передислокации нам стало известно, что 6 марта противник начал контрнаступление.

Замысел этой операции в какой-то мере повторял цели январских контрударов противника. Суть ее была в том, чтобы тремя ударами по сходящимся направлениям окружить и уничтожить главные силы 3-го Украинского фронта и находящиеся здесь болгарские и югославские войска, не допустив их выхода в западную часть Венгрии, в Австрию и Южную Германию.

Позже начальник штаба немецкой группы армий «Е» Эрих Шмидт-Рихберг писал: «Это была... последняя отчаянная попытка спасения германского Юго-Востока»¹. Именно поэтому, несмотря на угрозу Берлину со стороны войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, гитлеровцы значительно усилили свою группировку в Венгрии, перебросив с запада, после наступления в Арденнах, цвет своих сил — 6-ю танковую армию СС, пополнив ее личным составом, техникой и оружием. Всего для этого наступления они привлекли больше 31 дивизии, в том числе 11 танковых.

В ночь на 6 марта гитлеровцы силами группы армий «Е», имевшей в своем составе 8 дивизий и 2 бригады, форсировали реку Драва в районах Драва Саболч и севернее Валпово, потеснили оборонявшиеся здесь части 3-й и 11-й дивизий болгар и части 3-й Народно-освободительной армии Югославии и захватили два плацдарма на левом берегу реки.

Болгарские и югославские воины сражались упорно. Позже мы узнали много примеров подлинного их героизма. Ефрейтор 3-й болгарской армии Атанас Ганев Божиллов, попав в окружение, не оставил орудия, стоял насмерть, пока не использовал все снаряды. Его посмертно наградили орденом «За храбрость».

Доблестно сражались с врагом и погибли, не отступив ни на шаг, его боевые соратники—помощник командира роты автоматчиков 24-го пехотного полка поручик Иван Стоев Банов, комсомолка Янка Кириллова Иванова, кандидат в подофицеры Параскев К. Параскевов, поручики Лазар Васильев и Петр Петров, помощник командира батальона Иван Чельков. Так же храбро сражались и югославские воины.

¹ Цит. по кн.: История Великой Отечественной войны. М., 1963, т. 5, с. 202.

Внезапная перемена обстановки определила и задачи нашего корпуса. Вместо 21-й стрелковой дивизии, оставшейся в составе 26-й армии, нам из резерва фронта передали 84-ю стрелковую дивизию. Вслед за этим командующий 57-й армией взял в свой резерв 104-ю стрелковую дивизию. В корпусе, таким образом, теперь были 122-я и 84-я стрелковые дивизии.

Боевую задачу мы получили, прибыв с командиром корпуса на КП армии, непосредственно от командарма М. Н. Шарохина. Встреча с Михаилом Николаевичем для меня всегда была желанной. Несколько писем, которыми мы обменялись, находясь последние полгода на разных фронтах, не могли заменить личного общения. Но и на этот раз обстановка не оставляла времени для душевной беседы.

Задача корпуса заключалась в следующем: с утра 8 марта перейти в решительное наступление и во взаимодействии с 3-й пехотной дивизией болгар окружить и уничтожить противника в районе Драва Саболч, Чехи, Жюхес, Гордиша, отрезать пути отхода противника к реке Драва, выйти на ее левый берег севернее Дольни-Михольянци. В дальнейшем не допускать переправы противника на северный берег и наступления его на город Печ.

Закончив постановку задачи, командарм отложил в сторону топографическую карту и вышел из-за стола.

— Учтите, — продолжал он, — что дальнейшее продвижение противника на Печ лишит болгарскую армию коммуникаций, а затем и создаст угрозу тылу 57-й армии. Поэтому от ваших действий зависит многое.

Далее генерал сообщил, что противник форсировал реку Драва и прорвал фронт на участках обороны болгарских и югославских войск. Следовательно, нам предстояло действовать в тесном взаимодействии с войсками братских армий. (Днем позже мы получили радиограмму, в которой требование тесного взаимодействия нашло более конкретное выражение: 24-й пехотный полк болгарской дивизии подчинялся командиру нашей 84-й дивизии, а на командира 133-го корпуса возлагалось общее руководство 3-й пехотной дивизией болгар.)

К беседе у командарма присоединились член Военного совета армии генерал-майор Л. П. Бочаров и начальник политотдела полковник Г. К. Цинев. Они очень тепло отозвались о болгарских и югославских воинах.

Командующий рассказал о том, что он вместе с маршалом Ф. И. Толбухиным побывал в 1-й болгарской армии, сообщил, что еще недавно ее войска испытывали большие труд-

ности, но Военный совет фронта принял решение взять армию на свое материальное обеспечение.

Командир корпуса П. А. Артищенко слушал командарма с каким-то особым вниманием. И дело не только в том, что Павел Алексеевич впервые встречался с заслуженным военачальником. Его, как и меня, беспокоила необычность задачи. Ведь никому из нас еще не приходилось действовать совместно с болгарскими и югославскими войсками.

Едва мы вышли из кабинета командующего, комкор, обернувшись ко мне, сказал:

— Что ж, Наумыч, теперь будем действовать в международном масштабе. «Жаль, языков не знаем», — повторил он слова Чапаева из довоенного кинофильма.

Мы разошлись: командир корпуса направился к начальнику штаба армии генералу П. М. Верхововичу, а я — к начальнику политотдела.

Разговор, как часто бывает, начался с расспросов: «Где служил? Откуда родом?» С первых же моих слов Цинев прищурил глаза и воскликнул на украинском языке:

— Так це ж мы землякы!

Оказалось, что Георгий Карпович, инженер по образованию, работал в Днепропетровске секретарем горкома партии. А с началом войны его сразу же призвали в армию. Был комиссаром артполка, заместителем начальника политуправления Калининского фронта...

Мягкий, задушевный говор южапина, открытый взгляд светящихся добротой глаз, простота в обращении — все это располагало к этому человеку.

Выслушав мой доклад о положении дел в корпусе, Георгий Карпович дал немало советов по организации партийно-политической работы в предстоящих боях.

— Самое пристальное внимание обратите на упрочение дружбы с болгарскими и югославскими воинами, — сказал он. — Болгары называют нас «братушками». В этом слове — теплота и сердечность их отношения к нам. Хорошие отношения у нас сложились и с югославами. Необходимо продолжить эту традицию.

Времени у нас было мало. Предстояло ознакомиться с обстановкой на месте, побывать в 84-й дивизии и в штабах болгарских войск, познакомиться с югославскими товарищами. Наибольшую опасность, по оценке командарма, представляли действия противника в полосе обороны 4-го армейского корпуса болгарской армии. Там и сосредоточивались наши усилия. Туда комкор и я прежде всего и направились.

Вскоре за стеклами машины замелькали дома венгерского городка Харкань, где помещался штаб болгарского корпуса. У входа в штаб встретились с командиром корпуса генерал-лейтенантом Стояном Трендафиловым, его помощниками — подполковником Дмитрием Гилиным, начальником штаба корпуса полковником Дмитрием Братаповым.

Генерал Трендафилов, все болгарские товарищи произвели самое благоприятное впечатление зрелостью суждений и выражали дружескую готовность к совместной работе.

Нетрудно было заметить, что командир нашего корпуса также импонирует болгарам как общей культурой, так и военной подготовкой, тактом.

Генерал С. Трендафилов подробно ознакомил нас с обстановкой, сложившейся в полосе корпуса, дал характеристику вражеской группировке и рассказал о 3-й и 11-й пехотных дивизиях, которые вели напряженные бои с превосходящими силами противника.

— По нашим данным, — сказал он, — на плацдарме в районе Драва Саболч у противника уже имеются 297-я пехотная дивизия и часть сил 104-й легкой пехотной дивизии.

Генерал Артюшенко в свою очередь информировал о полученной задаче. Условились о планах последующей работы.

Обстановка требовала безотлагательных действий. Однако к полудню 7 марта на станцию Печ прибыл пока лишь один батальон 715-го полка нашей 122-й дивизии. К этому же времени на автомашинах в район Вилань, Н. Харьшань, Киш-Тополца удалось перебросить 84-ю стрелковую дивизию. Для того чтобы перейти в наступление, предстояло сделать еще очень многое: вывести войска в исходные районы, поставить задачи частям и подразделениям, организовать взаимодействие, в том числе с болгарской дивизией. Но любое промедление оказалось бы на руку противнику, поэтому необходимо было спешить.

В тот же день мы встретились с врид командира 3-й болгарской пехотной дивизии полковником Попначевым, его помощником по политчасти Николой Петровым и офицерами штаба. Затем направились в 84-ю дивизию. С ее командиром генерал-майором П. И. Буняшиным и начальником политотдела подполковником П. В. Пузановым встретились впервые, но дивизию эту я хорошо знал еще до войны, затем по Северо-Западному фронту. Знал многих ее ветеранов, в том числе одного из лучших командиров полка Д. Е. Зудина, в прошлом заместителя начальника политотдела той же дивизии.

Командир дивизии и начальник политотдела произвели впечатление подготовленных, знающих дело начальников. Оба были среднего роста, выглядели бодрыми, подтянутыми. Различал их, пожалуй, лишь темперамент. Командир был человеком степенным, говорил тихо, неторопливо, с паузами, обдумывая каждое слово. Начальник политотдела, напротив, казался подвижным и эмоциональным.

Генерал Буняшин коротко доложил о состоянии дивизии, о ее боевом пути. Она отличилась во многих боях и получила наименование Харьковской, награждена боевым орденом за успехи при освобождении столицы Молдавии — Кишинева.

Поставив перед дивизией боевую задачу, комкор продолжил работу с комдивом и начальником штаба полковником А. Д. Смирновым, а мы с Пузановым отправились в политотдел, где уже собрались политработники: майор Василий Андреевич Лапшин — заместитель начальника политотдела, подполковник Соломон Абрамович Диктович — замполит 41-го стрелкового полка, майор Федор Федорович Башмаков — замполит 201-го полка, майор Яков Михайлович Сопин — замполит 382-го полка, подполковник Филипп Никитич Байдак — замполит 74-го артополка.

После соответствующего инструктажа политработники поспешили в свои части. Вместе с ними ушли работники политотдела дивизии и корпуса.

В ночь на 8 марта противник переправил на плацдарм севернее Дольни-Михольяца новые части 104-й легкой пехотной дивизии. Потеснив подразделения 24-го болгарского полка, гитлеровцы захватили населенные пункты Гордиша и Матть. Но уже к утру два полка нашей 84-й дивизии (41-й и 201-й) заняли исходное положение для наступления. Перед ними стояла задача нанести удар в направлении Матть, Гордиша, Джакоджд.

В то утро с получением приказа во всех батальонах состоялись заседания партийных бюро, а в ротам — партсобрания. О том, как они проводились, покажу на примере 1-го батальона 41-го полка, где мне довелось присутствовать. Парторг батальона лейтенант Назаренко собрал членов бюро и парторгов рот. Доклад замполита батальона капитана П. Г. Уса о задачах коммунистов, как и выступления участников заседания, был кратким, предметным и деловым. Речь шла прежде всего о личном примере коммунистов, о партийных поручениях, о самоотверженности и взаимной выручке в бою. Условились провести накоротке, в течение

15—20 минут, партийные собрания в ротах, а также беседы агитаторов в отделениях и расчетах.

В ротах, как известно, институт замполитов был упразднен еще в 1943 году. В связи с этим воспитательная роль ротного командира еще более возросла. Вот и теперь, перед боем, они выступали с докладами на партсобраниях.

Командир 1-й роты лейтенант В. Т. Сапега был краток.

— Наша цель, — говорил он на ротном партсобрании, — деревня Гордиша. Непременным условием успеха является решительная и быстрая атака. При стремительном одновременном ударе всех взводов, эффективном использовании огня всех видов и тесном взаимодействии задачу мы выполним и людей сохраним.

Далее лейтенант перечислил средства, выделенные для поддержки роты, и поставил конкретные задачи.

Выступления коммунистов были также краткими, состояли из нескольких фраз.

— Обязуюсь первым ворваться в деревню Гордиша, — заявил, например, парторг роты старшина Исмангулов.

В постановлении содержались такие пункты:

«1. Потребовать от коммунистов авангардной роли в наступлении.

2. Обязать коммунистов разъяснить задачу на наступление всему личному составу.

3. Поручить члену ВКП(б) старшему сержанту В. Ф. Дмитриеву первому подняться в атаку с лозунгом «Вперед, за Родину!».

Кстати, замечу, что поручение подняться первому в атаку с боевым лозунгом было в ту пору традиционным пунктом решений ротных собраний.

Времени для подготовки к наступлению было крайне мало, но главное люди поняли хорошо. Они с энтузиазмом встретили весть о совместных действиях с воинами братских армий.

И вот уже командиры частей завершили рекогносцировку, уточнили задачи подразделениям, отработали вопросы взаимодействия.

В 12.30 8 марта части корпуса перешли в наступление. После непродолжительного уличного боя полки 84-й дивизии овладели деревней Матть, а затем, в результате упорного и ожесточенного боя, освободили северную и восточную части деревни Гордиша. За день боя дивизия взяла 59 пленных.

Выяснилась любопытная деталь: вражеское командование объявило своим солдатам, что их цель — пробиться че-

рез Венгрию в Германию и там «занять оборону на границе фатерланда». Не от хорошей жизни шли гитлеровцы на такого рода обман!

Наши воины в том бою показали образцы мужества и героизма. Среди них немало было знакомых мне по 1-й роте 41-го полка.

— Вперед, за Родину! — воскликнул, поднявшись в полный рост, старший сержант Дмитриев. — И он увлек своих подчиненных в атаку, с честью выполнил данное ему партийное поручение. После боя на груди коммуниста засияла медаль «За отвагу».

Доблесть проявил и парторг роты старшина Исмангулов. В атаку он шел в числе первых, подавая пример бесстрашия. В ходе боя парторг заменил получившего ранение командира взвода, лично уничтожил девять гитлеровцев, под его командованием взвод взял 11 пленных.

Рядовой Т. К. Шпак в ходе атаки сумел уничтожить огневую точку противника. Агитатор роты младший сержант Никольшин посвятил подвигу Шпака специальный боевой листок, передав его по цепи.

Вечером, на коротком совещании, замполит батальона подвел итоги проделанной работы за день. Были отмечены отличившиеся в бою. Вместе с тем обращалось внимание на то, что один из бойцов вяло вел огонь из своего оружия. Упрёк был сделан и кандидату в члены партии командиру взвода В. И. Ключеву, бойцы которого действовали менее решительно. По совету комбата Ключева пригласили для объяснения на заседание партбюро. Надо отдать должное Ключеву: он сделал для себя выводы, и в последующих боях его взвод уже ставили в пример.

Успешно действовал командир взвода 2-го батальона этого же полка комсомолец лейтенант В. А. Трошин. Его 45-мм орудия находились в боевых порядках стрелков. Взвод, возглавляемый Трошиным, уничтожил четыре огневые точки противника, захватил 105-мм орудие, тут же умело используя его против врага.

Решительно действовала рота коммуниста старшего лейтенанта В. Г. Шабанова. Она первой ворвалась в деревню Матть. Отважно сражались два друга — пулеметчики узбек Рамул Мухаммедов и русский Григорий Колосов.

Эти и другие примеры мы старались оперативно доводить до всего личного состава.

Полки 84-й дивизии были контратакованы свежими силами вражеской пехоты, поддержанной десятью самоходны-

ми орудиями. Продвижение вперед прекратилось, правда ненадолго.

Такое же положение сложилось и у болгар. Успешно начав атаку, они встретили сильное сопротивление противника на подступах к Држава Саболч.

— Наш полк, — рассказывал мне потом политработник 3-й пехотной дивизии болгар Иван Демерджиев, — вел бой уже не первый день. Люди изрядно устали, а противник подтянул резервы, готовя контратаку. До нас уже доносился шум танковых моторов. Кто знает, чем все это могло кончиться. Но в этот трудный момент по цепи пронеслось: «Братушките идат!» Справа действительно появились русские воины в ватниках и ушанках. Вражеская контратака так и не состоялась. Наоборот, упредив противника, вперед двинулись мы.

Поясню: «русские в ватниках и ушанках» — это 1-й батальон 715-го полка 122-й стрелковой дивизии. Бойцы этого батальона вместе с болгарскими подразделениями сломали сопротивление противника и овладели северной окраиной Дравы Саболч.

Инициативу и мужество в этом бою проявил инженер 122-й стрелковой дивизии инженер-майор Н. В. Огарков. Возглавляя группу саперов, он находился в танковом батальоне болгар, поддерживавшем атакующие подразделения 715-го полка. Под непрерывным огнем врага саперы преодолели заграждения и тем самым создали благоприятные условия для перехода танков в атаку. В решающий момент Н. В. Огарков, находясь на броне головного танка, направлял действия болгар-танкистов.

Личный пример, хладнокровие офицера, его непосредственное участие в действиях танкового батальона во многом способствовали успеху советских и болгарских войск в бою за Драву Саболч.

В том бою болгарский разведчик 24-го пехотного полка Иван Ганчев Генев совершил бессмертный подвиг. Бросившись с гранатой на вражеский пулемет, он подавил огневую точку врага, повторив подвиг своего русского брата Александра Матросова. Генев ценой своей жизни спас десятки жизней болгарских и советских воинов, обеспечил успех атаки подразделения.

Противник продолжал наращивать силы на плацдарме. В ночь на 9 марта он переправил туда еще один полк 104-й легкой пехотной дивизии. Утром противник перешел в контратаку, с тем чтобы восстановить утраченное положение.

Командир 84-й дивизии с утра 9 марта ввел в бой свой

второй эшелон (382-й стрелковый полк). Отразив вражескую контратаку, дивизия продолжила наступление и полностью овладела деревней Гордиша. Тем временем 715-й полк во взаимодействии с частями 3-й дивизии болгар прорвался в центр населенного пункта Драва Саболч. Один полк 122-й дивизии был направлен в помощь обороняющимся югославским войскам.

10 и 11 марта по всему периметру плацдарма шли ожесточенные бои. Противник переправлял на плацдарм все новые резервы. Кроме частей 297-й и 104-й пехотных дивизий на плацдарме появились 68-й разведдивизион 91-го армейского корпуса, подразделения 606-го охранного полка, другие части. Гитлеровцы, приспособив к обороне здания и используя выгодные условия местности, оказывали нам исключительно упорное сопротивление, часто переходили в контратаки. По утверждению пленных, всякого, кто под натиском советских и болгарских войск пытался отступить, фашисты расстреливали из пулеметов, установленных на противоположном берегу Дравы.

Наши части, не имея численного перевеса в силах и средствах, продвигались медленно. Приходилось сражаться буквально за каждый дом, за каждую кочку. Бывало и так, что позиции неоднократно переходили из рук в руки.

11 марта в район плацдарма подошла 16-я болгарская дивизия, переданная в оперативное подчинение командиру нашего корпуса. Командовал дивизией полковник Цоньо Ганев, кадровый военный. Его помощник по политической части подполковник Дмитрий Валканов, наоборот, никогда в прошлом мундира не носил. Он был профессиональным художником, на протяжении многих лет вел в стране антифашистскую борьбу. Валканов, как нам казалось, хорошо дополнял командира. Он отлично знал людей, умел рассказывать о задачах нового строя в Болгарии, воодушевить на бой. Худенький, невысокого роста, он отличался большой энергией.

Мы выслушали болгарских товарищей о состоянии дивизии и в тот же день побывали у них. Встретились с бойцами и командирами, обменялись опытом боев. Эти встречи были очень теплыми. Болгарские воины интересовались не только ходом боев на плацдарме, но и общим положением на советско-германском фронте, жизнью нашей армии и страны в целом.

В ночь на 12 марта 16-я пехотная дивизия сменила части 3-й дивизии перед деревнями Чехи и Драва Палконя и с утра того же дня двумя полками перешла в наступление. На

следующий день она была усилена 1891-м советским полком самоходных орудий.

Конечно, воины болгарских частей, по сравнению с нашими бойцами, имели меньший опыт. Это и понятно, ведь дивизия впервые вела такой бой. Первые дни наступления были для нее особенно трудными. Не все поначалу получалось и с взаимодействием. Сказывалось, как подтверждали болгарские товарищи, и то, что не все офицеры, перейдя на службу в новую армию из старой царской армии, поначалу пользовались авторитетом у рядового и сержантского состава.

13 марта с корпусного НП мы наблюдали атаку болгарских полков. После артиллерийской подготовки цепи поднялись дружно и, несмотря на интенсивный огонь противника, вплотную подошли к его позициям. Но вот гитлеровцы усилили огонь, и цепи залегли. С каждой минутой росло число жертв. Положение создалось критическое. Вскочив на подвернувшуюся самоходку, я выдвинулся на линию цепей, спрыгнул с машины и с криком: «На предки!» («Вперед!») пошел по полю. Не успел сделать и нескольких шагов, как вокруг поднялись болгарские воины и, опережая меня, устремились в атаку. Вскоре я получил ранение, но главное — уже ничто не могло остановить стремительного наступления болгарских воинов. С того дня у меня остался шрам на щеке от осколка вражеской мины, а в памяти — картина лихого натиска болгарских друзей, идущих навстречу яростному огню врага.

День за днем болгарские воины, действуя в тесном содружестве с советскими войсками, обогащались опытом, взламывали оборону противника, проявляя при этом мужество и героизм. Высокую организованность и умение руководить боем показал командир дивизии полковник Цоньо Ганев, получивший вскоре звание генерала. Умело управляли боем командиры полков Нено Христов, Иван Златанов и Иосиф Бекаров.

Храбро сражались капитаны Петр Иванов Боичев, Веселин Бабалаев, бывший партизан артиллерист Атанас Маринов Станевски. В боях за деревню Драва Палконя смертью храбрых погибли три друга — комсомольцы рядовые Петр Петров, Найденов Након и Тодор Тодоров. Достойный вклад в борьбу с общим врагом внесли в том бою сотни других болгарских воинов.

В один из дней вместе с помощником командира дивизии по политчасти Дмитрием Валкановым мы побывали у болгарских артиллеристов. Я уже знал об их мастерстве по результатам стрельб, а теперь имел возможность говорить с

людьми, непосредственно видеть их жизнь и быт. И еще больше проникся уважением к боевым друзьям. Добавлю, что на каждом шагу я чувствовал любовь и уважение болгарских собратьев к нам, советским воинам.

В середине дня 16 марта на НП командира корпуса, расположенный на окраине деревни Ковалчхида, приехал командующий 1-й болгарской армией генерал-лейтенант Владимир Стойчев. Это был человек небольшого роста, крепко сбитый, энергичный.

Мы знали от болгарских товарищей о его нелегкой судьбе антифашиста. Однако встречаться до этого не приходилось. Обстановка напряженных боев не очень-то способствовала знакомству. И все же встреча навсегда запомнилась. И не только деловитостью, обстоятельностью суждений генерала, но и его душевной теплотой.

Через три с лишним десятилетия мне вновь довелось встретиться с Владимиром Стойчевым. В конце 1978 года я участвовал в съемках болгарского телефильма «По хълмовство на времето» («По вершинам времени»). Одна из серий этого фильма была посвящена войне, в том числе боям на реке Драва, которые в Болгарии называют «малым Сталинградом». В те дни встретились многие ветераны. Теплой была наша встреча и с Владимиром Стойчевым. Я узнал о нем много такого, о чем раньше и не догадывался. Стены и шкафы его квартиры на улице Мариан Дринов в Софии были заставлены фотографиями, медалями, кубками и сувенирами, которые свидетельствовали о его успехах в различных конноспортивных соревнованиях. Много было реликвий, связанных с участием генерала в антифашистской борьбе и в боях за освобождение Болгарии. Среди них портрет Г. М. Димитрова, его подарки с трогательными надписями, фото, запечатлевшие Владимира Стойчева вместе с Тодором Живковым и его встречи с Маршалом Советского Союза Ф. И. Толбухиным, фото самого генерала в строю и на трибуне Мавзолея во время Парада Победы в Москве. Обо всем этом хозяин дома вспоминал весьма охотно и тепло.

Мое внимание привлекло фото на журнальном столике с дарственной надписью: «Дорогому товарищу Д. Н. Стойчеву на добрую память, любящий и уважающий — Драгомиров. 20/7.903. Киев».

Генерал сказал:

— Это мой отец. Он был офицером болгарской армии и поддерживал связи с прогрессивными русскими военачальниками. Особенно дорожил знакомством с М. И. Драгомировым. По приглашению Михаила Ивановича в период, когда

тот командовал войсками Киевского военного округа, отец больше месяца был его личным гостем.

Слушая генерала, я думал не только о боях на Драве, но и о том, как прочна и глубока дружба наших народов, как крепки и многочисленны нити, которые их связывают. Перебирая в памяти события мартовских дней 1945 года, заново переживал горечь утрат. Вспомнил тех, кто пал смертью героев на суровом поле битвы во имя счастья нашей Родины, во имя освобождения Венгрии и Югославии, народов Европы. Вспомнил тех однополчан, которые навечно остались на венгерских кладбищах в Миклоше и Берменде, — младшего лейтенанта коммуниста Геннадия Васильевича Свиридюка, Герасима Антоновича Гришанова, Николая Васильевича Цурпалева, Павла Ефимовича Лихачева, Григория Семеновича Некрасова...

...Бои на Драве носили исключительно напряженный и упорный характер. Немецко-фашистские захватчики оборонялись и контратаковали с отчаянностью обреченных, цеплялись за каждый дом. Дело нередко доходило до рукопашных схваток. Об упорстве боев говорит и такой факт: школа и район кладбища в деревне Чехи восемь раз переходили из рук в руки.

По опыту боев в Будапеште мы вынуждены были создать штурмовые группы. Бойцы и командиры этих групп действовали активно, уничтожая гитлеровцев, засевших в подвалах и на чердаках каменных построек. Большой вклад в успех уличных боев внесли саперные подразделения дивизии и полков во главе с корпусным инженером инженер-подполковником Е. И. Майковым. Сам Евгений Иванович проявил высокое мастерство и храбрость, под огнем врага умело организуя действия саперов. Как всегда, на самых опасных участках переднего края находился инженер 122-й стрелковой дивизии инженер-майор Н. В. Огарков. Он непосредственно занимался организацией инженерной разведки, помогал командирам частей и подразделений готовить штурмовые группы, руководил их действиями, принимал меры по ликвидации вражеских заграждений и закреплению в инженерном отношении захваченных войсками рубежей.

Каждый день, каждый час боев были полны массового героизма, инициативы воинов.

В боях за населенный пункт Драва Саболч младший сержант 4-й роты 715-го полка Федор Артемов незаметно подполз к дому, который гитлеровцы превратили в дот. Проник он в дом через пробитое снарядом отверстие в стене и

тут же открыл по врагу огонь, уничтожив семь вражеских солдат.

В центре Драва Саболч находилась церковь. Противник использовал ее как наблюдательный и опорный пункт. Небольшая группа воинов 715-го полка (сапер сержант Михаил Перепешин, артиллерист старший сержант Дмитрий Иванов, стрелок Царков) под прикрытием темноты скрытно пробралась к зданию церкви. Бойцы забросали гитлеровцев гранатами, ворвались вовнутрь и овладели зданием.

Экипаж САУ-76 122-го отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона (коммунист младший лейтенант А. Г. Богомолов, наводчик Березин, механик-водитель Карташев), только за один день боя уничтожил два вражеских миномета, один крупнокалиберный и пять ручных пулеметов. В ходе боя младший лейтенант Богомолов был ранен. Товарищи наложили ему повязку, и он до конца боя оставался в строю.

Столь же успешно действовал экипаж младшего лейтенанта И. А. Гречко, члена ВЛКСМ, участника героической обороны Севастополя. Он уничтожил несколько огневых точек, а когда кончились снаряды, продолжал давить противника гусеницами.

Храбро сражались воины 1891-го самоходно-артиллерийского полка, в том числе командир батареи капитан Макаков, старшие сержанты Григорий Сычев, Борис Моломан, сержанты Сергей Ложков, Роман Фомин, Александр Гогобридзе, Владимир Горин, командиры экипажей лейтенанты И. Л. Туровец, В. А. Шакуль. Действуя в боевых порядках болгарских подразделений, они умело поддерживали их огнем и обеспечили успех в бою за Драва и Чехи.

В течение 14 и 15 марта части 84-й дивизии в основном завершили разгром противника на участке к востоку от Драва Саболч. 122-я дивизия и взаимодействующие с ней части 16-й дивизии болгар полностью овладели мощным опорным пунктом противника Драва Саболч и переместили свои действия к западу от него.

Бои на плацдарме в районе Драва Саболч еще продолжались, когда на КП корпуса приехал начальник политотдела 57-й армии полковник Г. К. Цинев.

— Как идут дела? — спросил он.

— К вечеру, думаю, здесь завершим, — ответил я.

Бои несколько затянулись. Но на то были свои причины. Противник сопротивлялся отчаянно, а сил у нас было не так уж много. Впрочем, Г. К. Цинев и сам это понимал. Видимо, потому и не стал больше касаться этой темы. Он попросил доложить о работе политотдела корпуса и политотделов

дивизий, о действиях политработников и партийных организаций частей. Интересовали его и наши дальнейшие планы.

Слушал Георгий Карпович внимательно и терпеливо, не перебивая. Лишь изредка делал короткие замечания или задавал вопросы. Но доходил он до мельчайших деталей, если это касалось поведения политработников в бою. Его интересовало все: и работа ротных парторганизаций, и примерность коммунистов, и наши общения с болгарскими и югославскими товарищами. В беседе с ним я глубже понял, что у нас хорошо, а что плохо. Перед отъездом, как бы обобщая разговор, он высказал командиру корпуса и мне весьма поучительные выводы, дал немало ценных советов.

Мне и в дальнейшем не раз приходилось встречаться с Георгием Карповичем. И всегда восхищала его тактичность, умение без навязчивости, не задевая самолюбия, разумно направлять деятельность людей, поощрять их инициативу и энергию.

Конечно, это отнюдь не исключало, а, наоборот, предполагало партийную принципиальность в оценке недостатков, строгий спрос за упущения. Но воспринимались эти его оценки как забота о деле, о людях. А память на людей у Г. К. Цинева была удивительно цепкой, и люди тянулись к нему.

К исходу 18 марта совместными усилиями советских и болгарских войск гитлеровцы на всей территории плацдарма были разгромлены. В дневнике одного гитлеровца, взятого в те дни в плен, содержалась такая запись: «Неприятель нажимает. Мы с нетерпением ожидаем ночи... Драва Саболч — кладбище для нас».

20 марта мы получили телеграмму Военного совета фронта с выражением благодарности командиру и всем воинам корпуса за успешную ликвидацию вражеского плацдарма.

Если в районе Драва Саболч в силу сложившихся обстоятельств корпусу приходилось вступать в бой с ходу и по частям, то теперь, при ликвидации плацдарма севернее Валпово, мы имели возможность выполнить боевую задачу с лучшей предварительной подготовкой, полнее учесть опыт, приобретенный в предшествующих боях.

План, составленный командиром корпуса с участием представителей югославской стороны, предусматривал: одновременными ударами 133-го стрелкового корпуса и 12-го армейского корпуса Народно-освободительной армии Югославии окружить и уничтожить группировку противника на плацдарме.

С этой целью 133-й корпус силами 84-й и 122-й дивизий наносил главный удар на фронте Жидо, Пишкура с ближайшей задачей овладеть рубежом урочище Боштана, Нов. Бездан, а 16-я дивизия болгар — вспомогательный удар из района урочище Троянски Рид вдоль северного берега реки Драва.

12-й югославский армейский корпус главный удар наносил силами 51-й и 36-й дивизий из района восточнее Болман в направлении урочища Боштана.

В целях лучшего взаимодействия по указанию командующего фронтом маршала Ф. И. Толбухина командиру нашего корпуса была подчинена в оперативном отношении 16-я пехотная дивизия югославской армии. Генерал П. А. Артюшенко поставил ей задачу нанести удар правым флангом в направлении Пишкура, южная окраина Барань, Петрово Село и совместно с 51-й югославской и 122-й советской дивизиями уничтожить противника в районе населенных пунктов Барань, Петрово Село.

Командир 16-й югославской дивизии Марко Пирич, крупный, энергичный мужчина с черной шевелюрой, побывал на КП корпуса и произвел на нас впечатление боевого и вдумчивого командира. Он внимательно выслушал задачу, подробно уточнил условия ее выполнения и сигналы взаимодействия. Прощаясь, он уверенно произнес:

— Будет выполнено, товарищ генерал!

И мы не сомневались в его заверении.

В тот же день к нам приехал заместитель командующего 57-й армией генерал П. Е. Викторов. Ознакомившись с планом и проведенными мероприятиями, Викторов остался доволен. Он ознакомил нас с ходом наступления войск 3-го и 2-го Украинских фронтов севернее озера Балатон, начавшегося 16 марта (Венская операция). Успешное развитие наступления, как и благоприятная обстановка в целом на фронтах, создавали хорошее настроение.

Проводив генерала Викторова, командир корпуса заметил:

— А ведь наш корпус становится интернациональным. В его составе войска трех государств, да и действует он на территории двух стран — Венгрии и Югославии.

Начальник штаба корпуса полковник Д. П. Морозов напомнил, что в составе взаимодействующего с нами 12-го армейского корпуса югославской армии находится 15-я венгерская партизанская бригада имени Шандора Петефи, которая будет наступать из района Петровань на Болман.

— В общем, «интернационал» получается,— заключил комкор.

«Интернационал» требовал хорошей организации взаимодействия, полного взаимопонимания.

В течение 20 марта комкор и работники штаба продолжили подготовку к бою. Они занимались с командирами частей и соединений, в том числе в югославской и болгарской дивизиях. В политическом отношении эти дивизии нам не были подотчетны, поэтому при встрече с югославскими товарищами я ограничился тем, что поделился опытом партийно-политической работы в прошедших боях. С командованием болгарской дивизии связь у нас была установлена раньше. Товарища Дмитра Валканова, по его просьбе, я подробно ознакомил с нашими планами.

— О, теперь мы уже многому у вас научились и дела пойдут лучше, — сказал он, улыбаясь.

В подготовительной работе особое внимание обращалось на организацию взаимодействия, отработку соответствующих сигналов, маневра на поле боя. Подчеркивалась необходимость смелой инициативы в действиях частей и подразделений. Во всех ротах мы провели беседы о Югославии и Болгарии, их армиях.

В ночь на 21 марта войска заняли исходные позиции. Активно велась разведка. Незадолго до рассвета комкору позвонил генерал Величко, а вслед за ним — и генерал Буяшин.

— Противник начал отход, — доложили тот и другой.

— Немедленно перейти в наступление, — приказал комкор.

Войска корпуса тотчас двинулись вперед. Они сломили сопротивление вражеских частей прикрытия и, нанося удары во фланг и тыл, во взаимодействии с войсками югославской и болгарской армий к исходу дня полностью очистили от противника плацдарм севернее Валпово.

Таким образом, совместными усилиями советских, болгарских и югославских войск был окончательно сорван замысел противника, рассчитывавшего с двух плацдармов на северном берегу Дравы развить наступление в тыл войск 3-го Украинского фронта.

В ходе двухнедельных боев были разгромлены две дивизии, разведдивизион и подразделения охранного полка гитлеровцев на плацдарме в районе Драва Саболч и нанесены значительные потери еще двум другим дивизиям противника в районе Валпово. Освобождено в общей сложности 24 населенных пункта, захвачены сотни пленных и трофеи.

Важным средством в арсенале наших сил, залогом успеха, как всегда, была партийно-политическая работа. Внешне ее влияние не всегда бросалось в глаза, область ее воздействия — духовная, и осуществлялась она в десятках различных форм, порой малоприметных. Это и разговор по душам, и пламенное слово агитатора, и рывок коммуниста к вражескому взлету, и выпуск боевого листка. Да разве перечислишь все то, что так или иначе множит силы бойца и воздействует на ход и исход сражения.

...Идет напряженный бой. Каждый метр пространства пронизывается десятками пуль и осколков. С визгом над головой летят снаряды и мины противника. Их разрывы выворачивают камни из стен домов и дорожного покрытия. От гари и пыли во рту сухо и горько. И в этой адской смеси огня, осколков и пыли действуют люди. Они, забыв об опасности, устремлены к достижению победы, и как дорого им вовремя сказанное слово!

Партийно-политическую работу вели командиры, политработники, коммунисты и комсомольцы, многие беспартийные воины. Вели ежедневно и ежечасно. И в этой массовости слагаемых, в непрерывности и целенаправленности действий была ее огромная сила.

Организаторами ее были политотделы корпуса и дивизии. Здесь трудились опытные политработники, прошедшие суровую школу войны. Хочу сказать прежде всего о начальниках политотделов дивизий подполковнике Павлине Васильевиче Пузанове и подполковнике Александре Ильиче Еремееве. Разные они были люди по темпераменту, жизненному опыту, да и работали во многом по-разному. Первый — подвижен и, может, даже горяч, второй — хладнокровен и, я бы сказал, нетороплив. Но оба они с большим старанием и мастерством делали свое дело, успешно руководили партийно-политической работой в своих соединениях. Они умели страстным партийным словом и примером личного мужества мобилизовать воинов на подвиг.

Особо следует отметить командиров подразделений, партийных и комсомольских активистов. Ведь они, независимо от занимаемых должностей, активно вели политработу, выступали проводниками партийного влияния в самом важном звене — низовом. Сошлюсь хотя бы на один пример.

Командир стрелковой роты старший лейтенант Сауд Исмаилович Гедуадже получил боевую задачу на рассвете 8 марта. Как и положено, поставил задачи командирам взводов, а затем пригласил к себе парторга роты старшего сержанта М. В. Меликяна и комсорга сержанта Н. И. Смир-

нова, ввел их в курс дела. Вместе обсудили, как духовно подготовить людей и как расставить активистов, какие провести мероприятия.

В роте состоялись партийное и комсомольское собрания, на которых с докладами выступил командир. В отделениях и расчетах агитаторы провели беседы на тему «Разгромить врага, утопить фашистов в Драве». В процессе боя в роте выпускались листовки «Слава героям!». В конце дня командир снова встретился с парторгом, подвел итоги боя, отметил лучших.

Через некоторое время рота получила приказ: ночной атакой овладеть железнодорожной станцией Драва Саболч. В том бою особая роль отводилась действиям штурмовых групп. Командир роты совместно с командирами взводов и парторгом наметили состав групп, определили их задачи, проинструктировали коммунистов, боевой актив. Одну из групп возглавлял сам парторг. Рота почти без потерь выполнила задачу — овладела железнодорожной станцией, которая в течение всего предшествующего дня была крепким орешком для атакующих подразделений полка.

Важное место в воспитательной работе занимала информация о действиях болгарских и югославских войск. Интерес к ней был всеобщим. Одновременно мы регулярно информировали болгарских и югославских товарищей об успехах и героизме советских войск.

Бои на реке Драва стали новой замечательной страницей исконной боевой дружбы славянских народов. Уже в ходе первых боев установилось такое взаимопонимание, как будто мы давно знали друг друга и всегда действовали вместе.

В ходе боев действия соединений и частей братских армий нередко переплетались, частыми были случаи взаимного подчинения, но никогда не было ни малейшего повода для недоразумений. Наоборот, совместным действиям сопутствовали взаимопонимание и взаимопомощь.

Помнится, в бою за деревню Драва Палконя произошла какая-то заминка. 57-му полку болгарской армии было трудно. И тогда на помощь ему пришли воины 420-го советского полка. Общими усилиями враг был опрокинут.

18 марта в бою за деревни Чехи и Драва Палконя вместе с болгарскими воинами пролили свою кровь и отличились советские воины — старшие сержанты А. А. Першин и П. М. Малый, рядовой К. В. Денисов и многие другие. Старший сержант Малый мне запомнился особо. А было это так.

Подразделения 420-го советского и 57-го болгарского

полков, преодолев яростное сопротивление врага, стремительной атакой прорвались на подступы к населенному пункту Драва Саболч. Противник, однако, усилил огонь, и люди залегли. Требовался какой-то новый порыв, но в это время получил тяжелое ранение командир взвода. И вот коммунист старший сержант Малый поднялся в полный рост и со словами «За Родину!» бросился вперед, увлекая товарищей. Примеру советских воинов последовали болгары, и все вместе ворвались в траншею противника.

В момент броска старший сержант был ранен, но только после второго ранения он отправился в медсанбат.

30 марта подвиг советских и болгарских воинов был отмечен благодарностью в приказе Верховного Главнокомандующего. Для болгарских воинов это была первая благодарность Страны Советов. Восприняли они ее с непередаваемой радостью и гордостью. В связи с приказом с большим подъемом прошли митинги в частях корпуса.

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, нанеся значительный урон немецкой группе армий «Юг», продолжали стремительное наступление на венском направлении.

После войны известный английский военный историк Дж. Ф. С. Фуллер пытался объяснить провал немецкого контрнаступления в Венгрии в марте 1945 года отсутствием у командующего фашистской группой армий «Юг» Фриснера горючего. «Здесь, так же как и в сражении в Арденнах,— писал Фуллер,— его танки оказались без горючего, и к 15 марта те из них, которые еще могли двигаться, были отброшены назад на исходные позиции»¹.

Это не так. В Венгрии, в тылу у Фриснера, находились крупнейшие в Европе источники нефти в районе Надьканижа. И причина поражения кроется в огромных потерях. Это, кстати замечу, признает и немецкий генерал Типпельскирх. Он пишет: «Три армии немецкой группы армий «Юг» после потерь, понесенных ими в ходе своего мартовского контрнаступления, уже не могли выдержать натиска русских»².

Надьканижа

Сознание успешно завершеного боя позволило как-то расслабиться. Вернувшись из 84-й дивизии, я буквально сва-

¹ Фуллер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Пер. с англ. М., 1956, с. 465.

² Типпельскирх К. История второй мировой войны, с. 549.

лился в неразобранную постель. Проснулся поздно. А когда вышел на улицу, ощутил весну, которую как-то не замечал раньше. Ярко светило солнце. Теплый воздух был напоен ароматом пробудившейся зелени. Пели и щебетали птицы.

Вскоре встретил командира корпуса. Едва я переступил порог его комнаты, отдохнувший и помолодевший Павел Алексеевич поднялся из-за стола и сообщил приказ командующего о перемещении корпуса в новый район — юго-западнее озера Балатон.

День и ночь прошли в заботах, связанных с передислокацией. Сориентировали командиров и политработников, партийных активистов. Не раз пришлось побывать на станциях Шиклош и Вилань, где происходили посадка людей и погрузка техники.

23 марта, завершив работу по отправке полков 122-й и части сил 84-й дивизий, мы с генералом П. А. Артюшенко выехали к новому месту сосредоточения. По дороге решили посмотреть некоторые части на марше и побывать в штабе армии.

Вначале следовали по знакомой уже нам дороге через город Печ, где недели две назад мы проезжали к плацдармам на реке Драва. Но я смотрел теперь на этот древний город совсем по-иному. Он поражал причудливым сплетением новой и старой архитектуры и неповторимым своеобразием каждой улицы. Шофер — мой верный спутник по фронтовым дорогам — скромный и смелый сибиряк Василий Астрашабов заметно сбавил ход машины. Ему, как и мне, очевидно, хотелось как можно лучше рассмотреть достопримечательности города, чудом уцелевшего в пожаре войны.

При въезде на главную площадь перед нами открылась большая мечеть с минаретом. Золотой полумесяц на ее куполе напоминал о былом господстве ислама. А о влиянии Древнего Рима свидетельствовал замечательный памятник архитектуры — Печский кафедральный собор. Его четыре высоких остроконечных шпиля мы заметили еще издали.

Фабричные трубы и терриконы пригорода — это уже приметы XX века, они немые свидетели народных волнений в Пече, которые последовали за революцией 1905 года в России. Рабочие города приютили русских революционеров, бежавших от преследований царского правительства.

На память пришли имена венгров — наших современников: А. Гидаша, автора книги «Господин Фрицек», генерала и писателя Матэ Залки, писателя Б. Иллеша, книгу которого «Тисса горит» читало мое поколение. Вернувшись в освобожденные районы Венгрии, Бела Иллеш редактиро-

вал газету, вел активную работу по возрождению своей родины.

Дорога вела на запад. И справа и слева были виллы, парки и скверы с фонтанами — собственность местной знати, созданная трудом бедняков. Все эти особняки и парки искусно вписывались в горно-лесистый ландшафт, но они мало гармонировали с понятиями «бой» и «война» и потому, очевидно, несмотря на всю их красоту, остались незамеченными в тот день, когда мы проезжали в первый раз, спеша к захваченным врагом плацдармам.

По мере приближения к рубежам, где только несколько дней назад шли ожесточенные оборонительные бои с частями 2-й немецкой танковой армии, пытавшейся выйти к Дунаю, краски природы постепенно исчезали. Опаленная войной земля снова возвращала к нелегким делам текущего и завтрашнего дня.

Обогнав в пути несколько войсковых колонн, мы завернули на КП 57-й армии, чтобы доложить о ходе передислокации и сориентироваться в обстановке. Командующего армией на месте не оказалось, зашли к начальнику штаба генерал-лейтенанту П. М. Верхововичу.

Развернув карту, испещренную стрелками и таблицами, генерал взял цветной карандаш и, оглядев комнату, как бы проверяя, нет ли кого-либо постороннего, тихо сказал:

— Севернее озера Балатон главные силы фронта продолжают вести успешное наступление, — и указал при этом на жирную красную стрелку. — 57-я армия совместно с 1-й болгарской армией, используя их успех, должны будут перейти в наступление в общем направлении на Надьканижа, Добровник. — И острее его карандаша уткнулось в стрелу, бегущую юго-западнее озера. Он добавил: — Именно на этом направлении и предстоит действовать вам. Время перехода в наступление зависит не от нас. По нашим расчетам, дней через пять-шесть.

— Ясно, — ответил комкор.

П. М. Верховович с присущим ему тактом высказал соображения по подготовке к наступлению войск и штабов.

Мы зашли также к начальнику политотдела армии Г. К. Циневу. Он проинформировал о 299-й стрелковой дивизии, которая должна была войти в состав корпуса.

— Ее я знаю давно, это хорошая дивизия! Она участвовала в обороне Сталинграда и освобождении Харькова. Но с управлением дивизии до недавнего времени не все ладилось...

Командовал дивизией полковник М. Е. Савченко, человек новый, выдвинутый с должности заместителя комдива. Офицер, как свидетельствовал Цинев, достаточно опытный. Начальником политотдела был только что назначен подполковник Г. А. Бадриев, до этого работавший заместителем начальника политотдела 6-го гвардейского корпуса.

— Уделите максимум внимания подготовке партийных активистов, повышению бдительности, — напутствовал нас Георгий Карпович.

Поздно ночью мы прибыли в Капошфюренд, где уже находился первый эшелон управления корпуса.

Сразу же начали, а точнее, продолжили подготовку к наступлению.

Утром 25 марта провели совещание-семинар командиров, начальников политотделов и начальников штабов дивизий.

— Нам предстоит участвовать в наступлении войск фронта, в котором соединениям корпуса отводится весьма ответственная роль, — сказал комкор, открывая совещание. — Однако, прежде чем говорить о конкретных задачах, нам предстоит обратиться к опыту боев в районе плацдармов, проанализировать эти бои. — И он подошел к висевшей на стене схеме.

Павел Алексеевич детально разобрал ход боевых действий, привел положительные примеры, а также недостатки на каждом этапе, сделал поучительные выводы. Во второй части доклада он рассказал о характере предстоящих боев, особо подчеркнул роль инициативы командных кадров и всего личного состава.

На совещании не менее подробно говорилось об опыте и уроках партийно-политической работы, о ее целеустремленности, предметности, действенности, о своевременном опоре на отличившихся воинов.

В дни, предшествующие наступлению, политотделы, заместители командиров по политчасти, партийные и комсомольские организации сумели провести все мероприятия, предусмотренные планами, в том числе семинары партторгов, комсоргов и агитаторов, встречи с ветеранами боев, беседы и митинги.

299-я стрелковая дивизия должна была войти в состав корпуса с 18.00 27 марта. Но все наши знания о дивизии и ее людях ограничивались короткой информацией, которую получили в армии. Поэтому, не дожидаясь срока, мы вместе с командиром корпуса еще 25 марта выехали в ее части.

299-я стрелковая Харьковская дивизия была создана в тяжелое для Родины лето 1942 года во Владимирской области. Она участвовала в оборонительных боях под Сталинградом, вела успешные бои в заводской части города при ликвидации окруженной группировки противника.

Много славных страниц вписали ее воины при освобождении Украины и братской Румынии. В частях дивизии хорошо помнили стойкость, проявленную группой старшего лейтенанта В. П. Петрищева под Харьковом. Эта группа, защищая господствующую высоту, удержала железнодорожный разъезд, отбив пять атак превосходящих сил противника. В бою показали храбрость младший лейтенант В. В. Женченко, старший сержант Г. П. Поликанов, сержант В. Е. Бреусов... Из 16 человек в живых осталось только семь. Но задачу свою группа выполнила.

Командир дивизии полковник Михаил Евдокимович Савченко действительно производил впечатление офицера опытного, но в новой роли он выступал впервые. Начальник политотдела, хотя и был назначен, но еще не успел прибыть. В дивизии оставались вакантными должности командира полка и двух заместителей командиров полков по политчасти.

Время не ждало. Тут же связался с начальником политотдела армии, попросил его ускорить решение кадровых вопросов (и они были решены оперативно, за два дня до начала боев).

Мы собрали командиров полков, их заместителей по политчасти, обсудили задачи, связанные с подготовкой к наступлению. На другой день с утра в дивизии начала работать по оказанию помощи группа работников политотдела корпуса.

В те дни в газете «Правда» появилась передовая статья «Боевые задачи армейских парторганизаций». Во всех батальонах корпуса эта статья явилась предметом специального обсуждения на собраниях первичных организаций. Положения статьи о личном примере коммуниста в бою, о наращивании наступательного духа бойцов воспринимались участниками собраний как боевой наказ ленинской партии.

Центральной, определяющей фигурой в бою, как известно, является командир. Его подготовка, развитие таких качеств, как мужество и решительность, тактическая зрелость и высокая ответственность за порученное дело, занимали особое место во всей нашей работе. Командиры дивизий и начальники политотделов в офицерской среде выступили с

докладами «О чести офицера Красной Армии». Командиры полков и батальонов в свою очередь сделали доклады для младших командиров о их роли в бою.

В ходе подготовки к наступлению были вручены награды всем отличившимся при ликвидации плацдармов противника, а также объявлен приказ о присвоении очередных воинских званий. Все это способствовало подъему боевого духа личного состава.

В подразделениях были проведены доклады и беседы, посвященные 75-летию со дня рождения В. И. Ленина. Агитаторы политотделов ознакомили офицеров с положением в фашистской Германии и Венгрии, рассказали о мероприятиях нового Венгерского правительства, а также о маневрах реакции.

Во все дивизии поступило новое пополнение. Среди бойцов было немало таких, которые или вовсе не участвовали в боях, или принимали участие лишь в начале войны. Так, красноармеец А. М. Курпнной, в прошлом шахтер из Донбасса, летом 1941 года был ранен и попал в плен. После освобождения из плена он буквально кипел злостью, рвался в бой. Сердца многих воинов в те дни кровоточили от боли, причиненной оккупантами.

На митингах при встрече пополнения призывы к мести звучали исключительно страстно.

— Фашисты сожгли наше село, повесили мою сестру, дочь угнали на каторгу, разграбили наше имущество, и я буду мстить им в новых боях, — говорил, задыхаясь от волнения, рядовой И. С. Криворучко.

— Гитлеровцы угнали на каторгу двух моих дочерей и сына. Они нанесли тяжелые раны моей Родине, — произнес рядовой В. С. Кучеренко.

Эти чувства были понятны. И мы старались направить негодование бойцов нового пополнения в верное русло, помогали им как можно лучше подготовиться к бою, учили мастерски владеть оружием, солдатской науке побеждать.

Командиры, политорганы и партийные организации разъясняли воинам значение той интернациональной миссии, которую выполняла наша армия, освобождая народы Юго-Восточной Европы от фашистского ига. Проводились беседы о достойном поведении советского воина за пределами Родины, его политической бдительности. В подразделениях устраивались громкие читки передовой статьи газеты «Правда», озаглавленной «Советский человек за рубежом родной страны».

Необходимость повышения бдительности вызывалась тем

обстоятельством, что мы все чаще встречались с фактами изощренности и коварства врага. Фашисты нередко оставляли отравленное вино, различные взрывные «сюрпризы», засылали в наш тыл своих агентов, переодетых в красноармейскую форму, для диверсий и террористических актов. Органами контрразведки была разоблачена группа изменников, окончивших диверсионную школу в венгерской деревне Цоказя. Под видом насильно угнанных они пытались пробраться в Советский Союз с целью внедриться на оборонные заводы или в Красную Армию.

Отмечались случаи нападения фашистских агентов на отдельных воинов и даже небольшие группы с целью захвата обмундирования и документов, которые они использовали для бесчинства и грабежа среди гражданского населения.

При подготовке к новому бою мы не забывали о тех, кто пролил кровь в предыдущих боях. Командиры и политработники частей написали письма раненым, позаботились о том, чтобы награжденным, находившимся на лечении, были вручены ордена и медали. В подразделениях собрали небольшие подарки для раненых и направили делегации в медсанбаты и госпитали.

Заломнился рассказ командира батальона Г. М. Бровка, который с группой бойцов посетил госпиталь.

— Принимая подарок, рядовой Сергей Василенко, — рассказывал комбат, — волнуясь говорил о том, что он и до этого знал, какие дружные и хорошие ребята в его роте, но их внимание, их память о нем теперь, когда он лежит на госпитальной койке, тронули его до глубины души. На глазах Василенко, повидавшего за время войны многое, появились слезы. Жадно разглядывая товарищей, он все больше оживлялся, хотя от боли и волнения говорить ему было нелегко, интересовался делами в роте, ее людьми. Прощаясь, он с чувством большой сердечности сказал: «Хочется поскорее вернуться в свою родную роту и пойти с ней в последний бой».

Не без гордости майор Бровка сообщил, что боец заверил: после госпиталя он вернется только в его батальон.

При подготовке личного состава к наступательным боям мы учитывали, что противник будет оборонять богатые нефтью районы до последней возможности.

Мы учитывали также, что гитлеровцы рассматривали венгерские земли как свои собственные, внушали солдатам, что «немцы имеют на них исконные права». В материале для еженедельных бесед во 2-й немецкой танковой армии,

оказавшемся в наших руках, говорилось: «Немецкий солдат и чиновник на протяжении двухсот лет оплодотворяли дунайское и карпатское пространство духом немецкой культуры и порядка»¹.

Наконец, нам было известно, что немецкое командование, чтобы обеспечить стойкость обороны, до предела ожесточило репрессивные меры в отношении солдат. Еще в конце 1944 года Гитлер издал специальный приказ об усилении репрессий за так называемое «нарушение долга» — оставление позиций. Приказ требовал «на месте безотлагательно принимать самые жесткие меры, в случае опасности промедления сразу же пускать в ход оружие».

Членам военно-полевых судов предоставлялось «категорическое право в случае подобных преступлений непосредственно утверждать смертные приговоры любому лицу, в том числе офицерам любого ранга. Смертные приговоры безотлагательно приводить в исполнение перед строем»².

Словом, мы должны были ожидать повышенного упорства противника в обороне.

К тому же местность в полосе наступления корпуса была горно-лесистая, выгодная для обороны. По данным разведки, противник подготовил на всю оперативную глубину оборонительные рубежи с траншеями полного профиля, проводочными заграждениями и даже минами полями. Все это требовало надлежащей подготовки наших саперных подразделений, умелых и инициативных действий всего личного состава, широкого маневра и четкого управления во всех звеньях.

Мы знали, что основная масса венгерского населения ненавидит фашистских оккупантов и их салашистских наймитов. У венгерского и советского народов не было и нет причин для взаимной вражды. Сыны трудового народа Венгрии были в числе тех, кто защищал Великую Октябрьскую революцию в России. Многие венгры, оказавшись в годы первой мировой войны в плену, благодаря Октябрю вернулись на родину и не могли забыть гостеприимство Страны Советов. Свидетельством высокого уважения со стороны Советского Союза национального достоинства и революционного прошлого венгерского народа была передача Венгрии в марте 1941 года боевых знамен революции 1848—49 годов.

Тысячи венгерских трудящихся продемонстрировали глубокие симпатии к стране социализма во время междуна-

¹ ЦАМО, ф. 413, оп. 216509, д. 58, л. 9.

² Там же, л. 14, 15.

родной ярмарки весной 1941 года в Будапеште, где участвовал и Советский Союз. И все же мы не могли не считаться с тлетворным влиянием многолетней фашистской пропаганды, наличием фашистских организаций в стране.

В ночь на 27 марта части 84-й дивизии переместились на 20—25 километров южнее. 299-я дивизия в ту же ночь сдала часть полосы 12-й дивизии болгар и передислоцировалась несколько севернее.

Приказ командующего 57-й армией мы получили утром 27 марта. Наш корпус в составе 84, 122 и 299-й дивизий, усиленный артиллерийскими и минометными частями, должен был нанести главный удар в направлении Чёкель, Калишта, Кутащ, Фельшёшегед, Инке и, взаимодействуя с частями 1-й болгарской армии, прорвать оборонительную полосу противника на фронте Радьего, Кеткерек... Далее указывался рубеж, на который должны были выйти войска корпуса в результате выполнения ближайшей задачи, перечислялись рубежи, на которые необходимо было выйти к исходу первого и второго дней наступления и т. д. Справа от нас действовала 13-я дивизия 64-го стрелкового корпуса, слева — части болгарской армии.

Доводя приказ войскам, П. А. Артюшенко не скрывал удовлетворения.

— Мы наступаем на направлении главного удара армии, — говорил он. — Значит, корпусу доверена, по существу, судьба армейской операции. Надеюсь, каждый из вас сделает все для того, чтобы оправдать это высокое доверие.

Изучение боевой задачи и рекогносцировка местности не заняли много времени. Все это в основном было сделано еще до получения приказа, на основе предварительной ориентировки. Был подготовлен и план боя, который надо было лишь несколько уточнить. Планом предусматривалось в первом эшелоне использовать 84-ю и 299-ю стрелковые дивизии, а во втором — 122-ю.

84-я дивизия была усилена 140-м минометным, 1249-м истребительно-противотанковым артиллерийским, 285-м артиллерийским полками и 55-м инженерным штурмовым батальоном.

На усиление 299-й дивизии были переданы 1891-й полк самоходных артиллерийских установок, 563-й минометный, 1008-й истребительно-противотанковый артиллерийский, 274-й гаубично-артиллерийский полки и 54-й инженерный штурмовой батальон.

В ночь на 28 марта разведчики 84-й дивизии провели поиск и захватили двух пленных 194-го пехотного полка 71-й пехотной дивизии противника. Настроение пленных было подавленным. Они тяжело переживали провал контрнаступления, с которым связывали свои последние надежды, — ведь под Балатон фюрер послал даже танковый полк из личной охраны.

Бывший жестянщик из Гамбурга со значком за ранение 3-й степени и серебряным знаком за участие в атаках жаловался на плохое питание. В последнее время, скулил этот «завоеватель», солдатам выдавали лишь по 300 граммов хлеба, пустой суп и 3—4 сигареты в день.

Наступление началось в ночь с 28 на 29 марта действиями усиленных передовых отрядов. Под прикрытием темноты саперы проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях врага. После огневого налета передовые отряды атаковали позиции противника, уничтожили подразделения боевого охранения и к утру 29 марта захватили его первую траншею. Это спутало карты гитлеровцев: отведя основные силы из первой траншеи в глубину обороны, те рассчитывали, что в ходе артподготовки мы израсходуем снаряды по пустому месту. Не вышло!

Наступило утро 29 марта. Прогредел гром артиллерийской канонады, и в наступление перешли главные силы дивизий.

А спустя час или того меньше на НП командира корпуса беспрерывно зуммерили полевые телефоны.

Первым позвонил генерал П. И. Буняшин — командир 84-й дивизии:

— Кравченко (382-й полк), — доложил он, — овладел Радьего. Ермишин (201-й полк) вышел на подступы к Калишта. Наступление продолжается.

Вслед за ним доложил командир 299-й дивизии М. Е. Савченко:

— Прорыв первой позиции завершен. Мухаметдинов (960-й полк) вышел к Баяме. Противник оказывает сильное сопротивление.

— Передайте подполковнику Мухаметдинову благодарность, — с теплотой в голосе произнес комкор. — Но почему медленно продвигается Барабанов (958-й полк)? — спросил он, в голосе уже звучал металл. — Примите меры!

Через какое-то время в телефонной трубке слышу взволнованный голос с кавказским акцентом. Это начальник политотдела 299-й дивизии Грим Алексеевич Бадриев.

— Все идет хорошо, — сообщает он. — Впереди по-прежнему Мухаметдипов.

Бадриев тепло отзывается о заместителе командира 960-го полка по политчасти П. А. Зотикове, который умело организует партийно-политическую работу в подразделениях, поддерживает связь с замполитами батальонов и парторгами.

— Особенно активно действуют, — продолжает Бадриев, — парторги батальонов Рябчун и Соломикин. Находясь все время в цепях наступающих, они личным примером воодушевляют воинов на успех. В ночь перед боем в дивизии 23 человека приняты в партию.

К 10.30 противнику удалось закрепиться на подготовленном рубеже по линии Куташ, восточная опушка леса Белеш-Эрде, Белег. Но это на короткое время. Командир корпуса подтянул артиллерию, распорядился, чтобы еще часть орудий была выдвинута на прямую наводку. Последовал мощный огневой налет, и полки сломили сопротивление врага, овладели населенным пунктом Куташ и железнодорожной станцией Белег. К исходу дня войска корпуса продвинулись до 10 километров. Противник при этом понес значительные потери. Было захвачено около сотни пленных.

Из дивизий и частей поступали сообщения о том, что бойцы, сержанты и офицеры проявляют в боях мужество, высокую активность и инициативу. Вот некоторые примеры.

Огонь двух вражеских пулеметов задержал продвижение одной из рот 958-го стрелкового полка. Самоходные артиллерийские установки, поддерживавшие стрелковые подразделения, в тех условиях местности не смогли вовремя подавить пулеметный огонь. Тогда кандидат в члены партии старший сержант Н. В. Новгородский и сержант Д. А. Добров под прикрытием огня самоходки подползли к траншее противника и гранатами подавили его огневые точки. Новгородский и Добров первыми ворвались в траншею и расчистили путь наступающим. При этом они захватили трех пленных.

Парторг 3-й роты 960-го стрелкового полка Алексей Крючков возглавил атаку взвода, командир которого оказался раненым. Крючков первым ворвался в траншею противника, захватив пулемет и двух пленных.

На другом направлении рядовой 5-й стрелковой роты П. И. Юдия незаметно подполз к пулемету противника и уничтожил его расчет гранатой, а захваченный пулемет тут же направил против врага.

В полосе наступления 84-й дивизии от вражеского снаряда загорелась самоходная артиллерийская установка. Рискнув жизнью, младший сержант Владимир Гронин под огнем противника погасил пламя, спас машину и продолжил бой. О подвиге воина в тот же день поведал боевой листок, который с лозунгом «Слава герою» передавался из одного взвода в другой.

Надо было сделать все, чтобы не дать противнику закрепиться, тем более в выгодных для него условиях горно-лесистой местности. И командир корпуса отдал приказ продолжить наступление ночью. Неотступно преследуя противника, передовые отряды корпуса в ночь на 30 марта продвинулись еще на 5 километров и вышли на рубеж Фельше-Богати, Альшошегешд.

К 8 часам утра гитлеровцы вынуждены были оставить и этот рубеж. Минируя дороги и объезды, взрывая мосты, которыми, кстати, эта местность довольно богата, прикрываясь сильными арьергардами, противник начал отход в северо-западном направлении.

В обеспечении успеха наших войск большую роль сыграли саперные подразделения. Под сильным огнем противника они быстро устраняли минные и другие заграждения, восстанавливали мосты, устраивали объезды, добились непрерывного продвижения войск и техники.

Несомненная заслуга в организации инженерного обеспечения принадлежала корпусному инженеру Е. И. Майкову. Пренебрегая опасностью, Евгений Иванович находился в боевых порядках пехоты, оказывая помощь командирам частей и подразделений.

В районе шоссевой дороги Вейсе — Чед гитлеровцы сделали новую попытку остановить продвижение наших войск. Однако после короткого боя снова вынуждены были отступить.

К исходу второго дня на рубеже Пат, Инке им все же удалось несколько задержать наше наступление.

Оборона противника опиралась здесь на выгодный естественный рубеж: систему широких (километр и более) озер, тянущихся почти сплошной полосой, — на правом фланге и крупный населенный пункт Инке с каменными постройками — на левом. Она включала 2—3 линии траншей полного профиля и прикрывалась минными полями и проволочными заграждениями в 1—2 кола.

Занимали оборону 191-й и 194-й полки 71-й пехотной дивизии, остатки венгерского полка «Баконь» и несколько отдельных батальонов, поддерживаемые значительными

силами (до семнадцати батарей) артиллерии и минометов. Атаковать эту оборону без достаточной подготовки и огневого воздействия было бы неразумно. Необходимо было подтянуть артиллерию, организовать огонь самоходных артиллерийских установок и орудий прямой наводки, проделать проходы в заграждениях и т. д. Ночью группы разведчиков уточнили силы и характер обороны противника, а саперы сделали проходы в заграждениях.

Утром следующего дня после 30-минутной артиллерийской подготовки и ударов авиации стрелки, поддержанные самоходными артиллерийскими установками, атаковали противника в обход озера. Бой был упорным, но к полудню наступающие части овладели первой траншеей, а час спустя — выбили противника из второй и третьей траншей.

Бой за деревню Инке шел к концу, когда мы с комком приехали на НП командира 299-й дивизии. Докладывая о ходе боя, комдив М. Е. Савченко отметил умелые действия 958-го полка и его командира подполковника П. Г. Барабанова. 1-й батальон этого полка, учитывая особенности местности, а также брешь, которая имелась в обороне противника севернее деревни, скрытно обошел деревню и ударил во фланг и тыл обороняющихся.

— Особо отличилась, — сообщил комдив, — рота Сальникова. Решительной атакой она овладела важными позициями противника.

Комдив назвал цифры: рота лейтенанта М. Г. Сальникова захватила 6 пушек, 10 ручных пулеметов и около 70 пленных. Всего же полк захватил 111 пленных, 12 пушек и 18 минометов.

— Коммунист Сальников, — добавил начподив Бадриев, — очень смелый офицер. Дважды ранен, но, как говорят товарищи, в бою для него не существует опасности. Он забывает о ней.

Комдив с похвалой отозвался о действиях личного состава батареи 76-мм орудий, возглавляемой старшим лейтенантом П. А. Утенковым. Расчеты орудий этой батареи, выдвинутые в боевые порядки пехоты, обнаруживали (не без помощи стрелков) огневые точки противника и тут же подавляли их.

— Это наиболее эффективный метод использования полковой артиллерии, — отметил М. Е. Савченко.

Это действительно было так. В условиях горно-лесистой местности да при высокой динамичности боя возможности применения артиллерии, действующей с закрытых позиций, были ограничены. Между тем потребность пехо-

ты в мощной огневой поддержке была велика. Это предвидели командир и штаб корпуса и с самого начала наступления сделали ставку на широкое привлечение артиллерии для стрельбы прямой наводкой. Пехоте были приданы также самоходные артиллерийские установки. Расчеты и экипажи закрепили за соответствующими стрелковыми подразделениями. Для упрочения взаимных контактов провели встречи командиров, договорились о порядке взаимодействия.

Выслушав доклад комдива, П. А. Артюшенко произнес: — Похвально.

— Даже отлично, товарищ генерал, — сказал неожиданно начподив Бадриев.

Комкор, очевидно, посчитал реплику бестактной, готов был что-то сказать, но Бадриев упрямился:

— Только что наши радисты приняли приказ товарища Сталина. Разрешите доложить. — И протянул его комкору.

Все мы с радостью узнали, что при прорыве обороны противника западнее озера Балатон в числе других соединений отличились и войска генерал-майора Артюшенко и что им объявлена благодарность. Лицо комкора посветлело.

Возвращаясь с НП командира 299-й дивизии, мы встретили группу пленных в сопровождении конвоира. Это были венгры. По выражению лиц одни были явно подавлены, другие — внешне спокойны. На вопросы отвечали охотно.

Пленный 59-го саперного батальона сетовал на большие потери в последних боях, на грубость в отношении к ним немцев.

— Во 2-й роте батальона, — говорил он, — осталось всего 13 солдат. Немцы называют нас не иначе как венгерскими свиньями.

Другой пленный рассказал о приказе, который читал им командир роты Бенедя Гёзе. В нем говорилось, что пленных венгров русские отправляют на работы в Сибирь.

— Но когда русские перешли в наступление, — сказал он с каким-то оживлением, — мы все 13 сдались в плен.

Пленный 2-го батальона оборонявшегося полка передал нам листовку на венгерском языке. В ней излагался приказ командующего армией генерала Гевлени Йозефа с угрозой: «В случае попытки перехода к русским венгерских военнослужащих их семьи будут высланы на работы в Германию, дома и другое имущество конфисковано и сами они пойманы и расстреляны».

Все эти грозные предупреждения венгерских фашистов не приносили желаемого результата. У венгерских солдат, да и не только солдат, наступило прозрение.

— Нам незачем и мы не хотим воевать с русскими, — твердо заявил один из пленных той же группы¹.

Число венгерских пленных в ходе наступления с каждым днем становилось все больше и больше.

Под натиском войск корпуса противник отступил еще на 5—7 километров, пытаясь закрепиться на рубеже по безымянному каналу, чуть восточнее деревни Михальд. Овладеть этим рубежом с ходу не удалось.

Командир 84-й дивизии ввел в бой свой второй эшелон. Дивизия после ожесточенного боя к исходу дня овладела деревней Михальд и грядой важных высот, расположенных в 1—2 километрах западнее деревни. Подразделения 299-й дивизии в ночь на 31 марта форсировали безымянный канал и к исходу дня овладели населенным пунктом Шанд и господствующей южнее высотой.

Правда, радость этого успеха была омрачена гибелью нескольких воинов, в том числе заместителя командира по политчасти 1-го батальона 956-го стрелкового полка старшего лейтенанта Артема Никифоровича Никонорова — уроженца Великжанского района Смоленской области.

Знал я его, как и многих других офицеров этой дивизии, немного, но при посещении полка накануне наступления Никоноров запомнился мне своей не по возрасту (было ему немногим больше двадцати) серьезностью, обстоятельностью суждений и твердой уверенностью в успехе. Никоноров был опытным воином и хорошим политработником, до этого имел четыре ранения. Было очень обидно и больно, что уже совсем на пороге победы последнее, пятое ранение оказалось столь трагическим.

Смертью героя на этом рубеже погиб командир расчета пулеметчик 956-го стрелкового полка рядовой А. А. Чуприна, уроженец Одесской области. Тихий и скромный в обычной жизни, он буквально разгорался какой-то особой злостью в бою. Конечно, его можно было понять. В первое военное лето, будучи раненым, он попал в плен. Время залечило рану от осколка вражеского снаряда, но оно было не властным над более глубокими душевными ранами, оставшимися от унижения и издева-

¹ ЦАМО, ф. 133ск, оп. 92574, д. 15, л. 31, 33, 34.

тельств, которые он испытал в фашистском плену. Рассказывать об этом не любил. Видно, тяжело было заново переживать прошлое. Вернувшись в действующую армию, Чуприна, не жалея себя, дрался с исключительной смелостью.

До города Надьканижа оставалось 10—12 километров. Учитывая возросшее сопротивление противника и в целях наращивания усилий наступающих, командир корпуса решил ввести в бой в центре полосы наступления между 84-й и 299-й дивизиями один (420-й) полк дивизии второго эшелона. Его задачей было ударом в направлении высота 208, платформа Надьречье развить стремительное наступление к городу.

Еще раньше в этот полк выехали заместитель начальника политотдела корпуса Бубнов и старший инструктор Бабушкин. Они ознакомили командиров и политработников полка с обстановкой, сложившейся в полосе наступления корпуса, с опытом первых дней боев. Задачам полка, вводимого в бой, были посвящены партийные и комсомольские собрания. Работники политотдела во многом помогли заместителю командира полка по политчасти П. К. Доброхотову, агитатору Я. Р. Шейнбергу, парторгу М. М. Пожарскому и комсorghу В. С. Андрееву. Был проведен инструктаж парторгов и комсorghов батальонов и рот, низовых агитаторов. Все это способствовало успешным действиям полка.

Гитлеровцы несли большие потери. Они уже утратили важные для себя оборонительные рубежи по линии Шанд и Инке, отходя в направлении Надьканижа. Важно было ворваться в город на их плечах.

Было решено встретиться с командирами и начальниками политотделов дивизий, чтобы уточнить план дальнейшего наступления и взаимодействия войск по овладению городом Надьканижа. Такая встреча произошла на опушке леса.

День клонился к вечеру. Вдали за лесом медленно садилось солнце. В его оранжевых лучах глаза генералов А. Н. Величко, П. И. Буяшина и полковника М. Е. Савченко, начподивов А. И. Еремеева, П. В. Пузанова и Г. А. Бадриева казались еще более покрасневшими от бессонницы. И только это выдавало их крайнюю физическую усталость. Но все они, окрыленные успехом наступления, похвалой Родины, были оживлены больше обычного.

Заслушав накоротке доклады командиров дивизий, П. А. Артюшенко обратил внимание на то, что горно-лесистый характер местности, наступающая темнота и значительная деморализация личного состава противника при отсутствии у него сплошного фронта обороны открывают для нас широкий простор для маневра, смелых и инициативных действий во всех звеньях. Указания комкора мы довели до всех офицеров.

И действительно, маневр во всех звеньях осуществлялся широко.

84-я дивизия имела задачу наступать в обход Надьканижа с севера. Ей предстояло овладеть важным и хорошо подготовленным в инженерном отношении опорным пунктом Надьречье. Было решено произвести внезапную ночную атаку силами 41-го стрелкового полка Д. Е. Зудина.

Незадолго до рассвета полк скрытно подошел к северо-западной окраине Надьречье. Удар был настолько дерзким, что противник, по существу, не смог оказать сколько-нибудь организованного сопротивления. Полк почти не имел потерь. Он полностью овладел опорным пунктом, захватив около 200 пленных. Пленные утверждали, что они не ждали в то утро нашего наступления, а если и ждали, то с восточной стороны.

В той атаке особенно отличился 1-й стрелковый батальон, возглавляемый майором В. И. Царевым.

Еще шел бой за Надьречье, а командир полка уже выслал роту лейтенанта В. П. Ментея в направлении канала Принципалис. Рота с ходу форсировала канал и к полудню захватила плацдарм на его западном берегу.

Боевую инициативу проявил и командир батальона 958-го полка 299-й дивизии майор М. Л. Терещенко. Сразу же после прорыва промежуточного рубежа противника юго-западнее населенного пункта Шанд он посадил стрелков на приданные батальону самоходные артиллерийские установки и организовал стремительное преследование противника. И только непосредственно перед городом Надьканижа гитлеровцы, используя железнодорожную насыпь, попытались задержать продвижение батальона. Казалось, лобовая атака неизбежна. Но майор Терещенко, оценивая обстановку, обратил внимание на то, что железная дорога чуть южнее резко поворачивает на запад. Значит, имелась возможность обойти противника с юга. Расчет комбата оказался верным. Батальон вышел в тыл гитлеровцам и ворвался в город не с востока, а с юга, откуда противник удара не ожидал.

На подступах к городу выбыл из строя, получив шестое ранение за войну, командир взвода 958-го полка И. И. Копалкин. Взвод возглавил коммунист рядовой С. П. Краснов. Он умело руководил бойцами и с возгласом «За мной! За Родину!» ворвался в город вместе с бронебойщиками Бабаджаном и Тураевым, пулеметчиком Полтавцом и стрелками Сергеевым, Ефремовым и Кашниковым. Взвод в числе первых форсировал канал Принципалис.

Командир взвода 5-й стрелковой роты 420-го полка младший лейтенант Е. И. Катюшин заменил раненого командира роты и успешно ею управлял. Рота первой вышла на западную окраину города, захватив около 80 пленных.

Комсорг 2-го батальона 420-го полка старший сержант В. В. Осколков все эти дни находился в цепях атакующих. Он разъяснял боевую задачу, пропагандировал отличившихся в боях, организовывал выпуск боевых листов. Его глубоко уважали и любили в подразделениях. При форсировании канала, когда одна из рот залегла под огнем, Осколков первым поднялся в атаку и вместе с комсомольцами переправился на противоположный берег.

Инициативно действовали саперы. Они расчищали завалы и проволочные заграждения, обезвреживали мины, обеспечивали продвижение наших войск. Так, командир саперного взвода 559-го саперного батальона младший лейтенант М. Д. Заблудский вместе со своими помощниками Зосимовым и Понаморчуком обезвредили на улицах города 11 вражеских фугасок.

Войска корпуса быстро ликвидировали разрозненные очаги сопротивления противника и очистили восточную часть Надьканижи. В ряде мест, как я уже говорил, с ходу был форсирован канал Принципалис и захвачены плацдармы на его западном берегу.

Командир корпуса в середине дня 1 апреля ввел в бой из-за правого фланга 420-го полка еще один — 596-й полк 122-й дивизии. Ему была поставлена задача с ходу форсировать канал и во взаимодействии с другими частями 122-й и 299-й дивизий овладеть западной частью Надьканижи — Кижканижой и развить стремительное наступление в направлении Бечехей.

За день боя войска корпуса захватили в плен около 600 солдат и офицеров противника, 10 орудий, несколько сот автоматов и много другой техники и оружия. Однако овладеть Кижканижой в этот день нам не удалось. Противник, подбросив резервы, не только упорно оборонялся, но и часто переходил в контратаки.

Тут, очевидно, сказались и некоторые наши просчеты в планировании боя. Следовало бы, в частности, с самого начала создать более сильную группировку для обхода города с севера. Но главное все-таки состояло в том, что противник располагал еще значительными силами. На его стороне были и выгодные для обороны условия местности. Отрицательно сказывалось и отсутствие у нас танков.

Вскоре на НП прибыли командующий 57-й армией генерал М. Н. Шарохин и член Военного совета Л. П. Бочаров. Ознакомившись с обстановкой, они похвалили за стремительные и умелые действия по освобождению города Надьканижа и вместе с тем высказали упреки за снижение темпов наступления и задержку на канале.

— Что вы топчетесь перед какой-то «калавой», — возмутился командующий. Он потребовал концентрировать силы и средства севернее города и с большей решительностью атаковать противника в обход Кижканижа.

Несмотря на ряд контратак врага, наши части не только удержали захваченный плацдарм на канале, но и, накопив необходимые силы и средства, подтянув артиллерию, сломили сопротивление гитлеровцев и к утру 2 апреля полностью очистили западную часть города. Известную роль в успехе боя за город сыграли действия 5-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта С. И. Горшкова, наступавшего из района Немешнее, Боглад в юго-западном направлении на Дольни-Лентава. Кавалеристы создавали угрозу выхода в тылы надьканижской группировки противника.

За отличные боевые действия по овладению центром нефтяной промышленности Венгрии городом Надьканижа войны корпуса получили благодарность Верховного Главнокомандующего. Это была третья благодарность Родины за три недели боев на юге Венгрии!

Незадолго до освобождения города частями Красной Армии фашисты организовали публичную казнь трех военнослужащих венгерской армии, обвинив их в дезертирстве, провели массовые аресты, посадили в тюрьму более 100 местных жителей.

Следует указать, что гитлеровские захватчики и их пособники давно чувствовали себя крайне неуверенно на венгерской земле. Во дворе одного из заводов нам показали массивные бетонные колпаки с амбразурами, которые были сооружены на случай волнения рабочих завода.

Накануне вступления наших войск в город в его окрестностях располагался табор цыган. Очевидно боясь и их,

фашистские власти арестовали всех цыган, и судьба их так и осталась неизвестной.

Однако ни репрессии, ни безудержная клевета не помогли фашистам. Население города сравнительно быстро сумело разобраться и по достоинству оценить гуманность Красной Армии, принесшей свободу венгерскому народу. Подобно утренней дымке, рассеялась пелена лжи, уступив место растущему чувству доверия и благодарности.

Решающую роль в этом сыграла деятельность коммунистов и других прогрессивных сил города. О отважные патриоты, возглавляемые товарищами Йозефом Гошпаром и Йштваном Неметом, действовавшие до этого в глубоком подполье, пополнили свои ряды за счет коммунистов, освобожденных из тюрьмы. Они развернули большую пропагандистскую и организаторскую работу. С их помощью уже в первый день нашего прихода на улицах города были расклеены листовки, рассказывающие правду об освобождении и освободителях.

3 апреля в город приехал из Будапешта представитель ЦК Коммунистической партии товарищ Розенберг, бывший житель Надьканижа, монтер по профессии. В тот же день прибыл и представитель ЦК социал-демократической партии — тоже бывший житель города, дантист по профессии Виндишь Дьенеш. В городе был создан демократический орган местной власти. Для обеспечения населения, ограбленного гитлеровскими оккупантами, советское командование выделило значительное количество продовольствия. В городе появились вода, электричество, начали работать предприятия.

После завершения боев за Кижканижу войска корпуса, преодолевая сопротивление противника, преследовали остатки 297-й и 118-й немецких пехотных дивизий. Упорным было сопротивление врага на подступах и непосредственно в районе добычи нефти.

К исходу 4 апреля, достигнув рубежа Болдогасоня, Тор-машфельде, Долина, войска корпуса вышли на венгерско-югославскую границу, а в некоторых местах и пересекли ее. Советские войска, наступавшие севернее, перешли границу с Австрией.

Венгерские солдаты, окончательно поняв бесперспективность дальнейшего сопротивления и не желая покидать родину, уже на подступах к австрийской границе начали массовую сдачу в плен. Некоторые части и подразделения — организованно, во главе со своими командирами.

Еще в ходе боев на подступах к нефтяному району мне позвонил член Военного совета армии генерал Л. П. Бочаров.

— Вы знаете, где находится нефтяной район? — спросил он. — Как только освободите, тотчас лично проверьте состояние и доложите мне.

Вместе с помощником по работе среди комсомольцев капитаном Я. Г. Годесом мы выехали в район нефтедобычи. Ориентировались по карте. Однако привычных для нас вышек нигде не находили. Уж не ошиблись ли? Не подвели ли нас горно-лесистый характер местности? Вышли из машины и несколько углубились в лес, не без риска напороться на мину. И вот заметили стояки с задвижками, соединенные между собой системами труб. Это и были те самые «вышки», которые мы искали.

Обходить весь район без предварительного обследования не решились. Но с помощью жителей все данные, необходимые нам, удалось получить.

В районе Ловаси насчитывалось около 150 скважин, все они, за исключением одной, оказались невредимыми. То ли вследствие поспешности отступления, то ли по каким-то другим причинам противник не взорвал скважины — даже те, которые были заминированы. Невзорванной оказалась и насосная станция. При проверке этой станции никого из рабочих мы не нашли. Однако кое-какие мелкие важные детали с машин уже были сняты. Видно, кто-то из бывших служащих этой компании, знающих дело и выполняющих указания хозяев, позаботился о том, чтобы затруднить быстрое использование источников в интересах наступающих советских войск.

Возвращались из нефтяного района другой дорогой. На одной из полей мы наткнулись на большую группу венгерских солдат. Как потом выяснилось, это был саперный батальон, решивший сдаться в плен войскам Красной Армии. Приняв капитуляцию, я приказал солдатам и офицерам уложить оружие на машины. Под командой капитана Годеса машины направились на сборный пункт военнопленных.

Двадцать пять лет спустя, в апреле 1979 года, советская военная делегация по приглашению министра национальной обороны ВНР генерала армии Лайоша Цинеге присутствовала на юбилейных торжествах по случаю освобождения Венгрии. Будучи в составе этой делегации, я снова побывал в районах бывших сражений.

По плану наших гостеприимных хозяев 1 апреля намечалась поездка делегации в Чепель. Хотелось и мне посмотреть знаменитый чепельский завод, встретиться с его рабочими—зачинателями и продолжателями многих славных традиций венгерского рабочего класса. Но желание увидеть Надьканижу — город, знакомый по военной поре, повидаться с его жителями, поклониться могилам боевых друзей, отдавших жизнь за его освобождение, оказалось сильнее. И мне пошла навстречу.

Вскоре после завтрака вместе с подполковником венгерской Народной армии Яношем Брабелем мы тронулись в путь. За рулем машины был тоже Янош по фамилии Куша. Оба они оказались на редкость приятными собеседниками, хорошо знающими географию и историю страны. Казалось, мы были знакомы уже десятки лет.

Подполковник, как я узнал из его рассказа, родился в Будапеште в семье рабочего. Отец часто оставался безработным, и семья испытывала материальные трудности. В поисках заработка Янош исколесил в молодости не только буржуазную Венгрию, но и многие соседние страны. В 1938 году он стал коммунистом. Теперь все его поступки озарила великая и благородная цель.

В 1942 году, находясь на советско-германском фронте, Янош Брабель перешел на сторону Советской Армии. Он воевал за освобождение своей родины против немецко-фашистских захватчиков.

Янош Куша не без гордости сообщил о своей службе в рабочей милиции (русским языком он не владел, но пользовался помощью подполковника, который отлично говорил по-русски).

Мои спутники, дополняя друг друга, охотно рассказывали о жизни страны, о трудностях, которые приходится преодолевать, о переменах к лучшему.

А рассказать им было о чем. Трудолюбивый и талантливый народ маленькой страны в центре Европы достиг истине огромных успехов. На нашем пути встречались новые поселки, новые заводы, новые шоссе и дороги. Приятно и то, что во всех городах, которые мы проезжали, имеются улицы, названные в честь освобождения и освободительницы — Советской Армии.

Учащенно забило сердце, когда машина въехала в город с трудным названием — Секешфехервар. Зимой 1945 года он почти три месяца был ареной ожесточенных сражений. Здесь, юго-восточнее Секешфехервара, в январе 1945 года начали свою освободительную миссию в Венгрии и вой-

ска 133-го стрелкового корпуса. Немецко-фашистские захватчики трижды предпринимали отчаянные попытки вернуть Левобережную Венгрию, и всякий раз Секешфехервар оказывался на их пути. Советские войны дорогой ценой заплатили за освобождение города и всего венгерского народа от немецко-фашистских захватчиков, до конца выполнив свой интернациональный долг.

А теперь в Секешфехерваре на одной из площадей на пьедестале установлен наш танк — знаменитая тридцатьчетверка, свидетель былых сражений и побед Советской Армии. У подножия памятника — живые цветы. Венгры глубоко чтут подвиг советских воинов-освободителей.

За четверть века после освобождения Секешфехервар стал одним из крупнейших промышленных центров страны. В городе ныне действуют алюминиево-прокатный и станкостроительный заводы, налажено производство радиоприемников и телевизоров, изготавливаются кузова для знаменитых «Икарусов». Дальнейшее развитие получила хлопчатобумажная и швейная промышленность. Глаз радовали новые кварталы жилых домов, в том числе многоэтажных.

Машина снова мчалась по шоссе. И вот уже показалась наша старая знакомая — Надьканижа. Город заметно раздвинул свои границы. Значительно выросло число его жителей. Здесь, как и во всей Венгрии, появились новые заводы и фабрики.

Конечно, за один день, который нам посчастливилось быть в городе, трудно увидеть все. И все же мероприятия, участниками и свидетелями которых мы были, встречи и беседы с руководителями города, передовиками производства позволили узнать многое.

Неизгладимые впечатления оставило юбилейное заседание городского Совета депутатов трудящихся. На нем подводились итоги хозяйственной деятельности, чествовались победители социалистического соревнования, вручались правительственные награды, а также медали активистам Общества венгеро-советской дружбы.

Успехи тружеников города и района ярко отразила выставка в честь 25-летия освобождения города, на которую нас пригласили первый секретарь горкома ВСРП Вандур Ласло и председатель горисполкома Мозус Поль. А вечером состоялся общегородской митинг, посвященный дню освобождения. Участники митинга с чувством сердечной благодарности говорили о советском народе и его Вооруженных Силах, освободивших Венгрию от гитлеровского фашизма.

Затем состоялся большой концерт. Хор студентов и уче-

ников исполнил революционные и патриотические песни. Участники художественной самодеятельности читали стихи современных венгерских поэтов: Д. Ийнеша — «Плуг идет», Л. Бенямина — «Под красным знаменем», Г. Гараи — «Открытие нового этапа»... Приятной неожиданностью для меня прозвучали стихи украинского поэта Л. Первомайского, обращенные к Шандору Петефи.

...Я побывал на могилах боевых друзей, у памятника, воздвигнутого в честь воинов-освободителей, павших в боях. Вместе со вторым секретарем горкома партии Мотей Изефом и местным журналистом Тимором Эде возложили к подножию памятника цветы.

Память о днях освобождения, об освободителях поистине священна. Заботливо ухожены могилы воинов, на каждой из них цветы. Памятник погибшим советским воинам, воздвигнутый сразу после войны, теперь несколько перестроен. Окаймленный красивым сквером, он стал еще более величественным. Неузнаваема и бывшая торговая площадь, где он расположен. Любовь и забота народа, цветы и зелень охраняют покой и славу воинов, отдавших жизнь за свободу советского и венгерского народов.

На бетоне памятника, как и 25 лет назад, имена знакомых мне людей:

Гвардии майор Любимов Н. А. — 1907 г. — 3.4.1945 г.

Коммунист Николай Андреевич Любимов до войны окончил Новочеркасский институт, работал инженером-строителем. Потом Родина позвала его на защиту своих границ. В должности политработника воевал на Халхин-Голе. Затем Великая Отечественная война... За войну четыре раза ранен... Последнее. пятое, стоило жизни. Тогда он, заместитель командира 956-го стрелкового полка, направлял действия батальона при прорыве обороны противника западнее города Надьканижа.

Майор Палкин П. В. — 1918 г. — 4.4.1945 г.

Уроженец Урала, Петр Васильевич Палкин командовал 2-м батальоном 32-й танковой бригады. Сражался с врагом исключительно храбро, как и подобает подлинному патриоту и интернационалисту. Смерть настигла его в жестоком бою на последних метрах венгерской земли при освобождении нефтяного района.

Гв. мл. лейтенант Никифоров Б. А. — 1925 г. — 20.4.1945 г.

Борис Анатольевич Никифоров, молодой коммунист, в прошлом рабочий паренек из Новочеркаска, лишь в конце войны стал офицером. Командовал стрелковым взводом в

956-м стрелковом полку. Он отдал свою молодую жизнь в боях за западную часть города Надьканижа, что за каналом Принципалис.

Красноармеец Кирик И. Я. — 1925 г. — 1.4.1945 г.

Иван Яковлевич Кирик, в прошлом житель маленького города со странным названием — Французское Одесской области, пришел в армию после освобождения его родного края. Освоил нелегкую профессию наводчика противотанкового ружья и всякий раз выходил победителем в борьбе со стальными чудовищами врага.

Красноармеец Ромашкова Т. А. — 1926 г. — 1.4.1945 г.

Медсестра Тамара Андреевна Ромашкова к моменту гибели стала сержантом. Но записи в красноармейской книжке, очевидно, об этом не было, похоронили рядовой. Она отдала свою жизнь, спасая других.

И еще 27 фамилий.

За каждой строчкой, высеченной на бетоне, под каждой из многочисленных каменных плит, и тут, вокруг памятника, и на воинском городском кладбище — жестоко оборванная войной жизнь советского воина, который принес на алтарь победы самое дорогое — свою жизнь, отдал ее за то, чтобы счастливо жили его близкие на Родине и дотоле далекие и незнакомые ему люди в Венгрии, за то, чтобы был мир на земле.

Память о героях-интернационалистах переживет века.

Финниш

7 апреля 1945 года, вскоре после освобождения Надьканижа, мы получили обращение Военного совета фронта, призывавшего войска приблизить час разгрома немецко-фашистских захватчиков и дать возможность австрийскому народу восстановить свою независимость. Еще раньше политуправление фронта прислало нам справочный материал об истории и политико-экономическом положении страны. Мы провели беседы, а в некоторых частях — митинги о задачах войск корпуса по освобождению Австрии. Однако 133-му стрелковому корпусу пришлось продолжить боевые действия не в Австрии, а в Югославии.

Впрочем, две наших дивизии — сначала 299-я, а затем и 84-я — были привлечены для наступления в Австрии, но уже в составе другого корпуса (а в наш корпус вернулась 104-я стрелковая). А к той или иной дивизии, воевавшей в составе корпуса, можно сказать, прикипаешь сердцем.

И когда она передается вдруг в другой корпус, ее еще длительное время считаешь своей. Что касается 84-й, то она примерно через неделю снова вернулась в наш 133-й.

Забегая вперед, скажу, что передовой отряд 84-й дивизии — 122-й отдельный самоходно-артиллерийский дивизион с десантом пехоты вечером 9 мая встретился в австрийском городе Войменсберг с передовым отрядом 6-й танковой дивизии 8-й английской армии.

Вернемся, однако, к событиям на югославской земле. Еще 5 апреля передовые отряды соединений корпуса вступили на территорию Словении. Жители деревень Оранци, Хлопичина, Градище, Себаборци, Вел. Полона и многих других восторженно приветствовали их.

Люди, празднично одетые, ликующие, встречали советских воинов как самых дорогих, долгожданных гостей, преподносили различные угощения, провозглашали призывы в честь Красной Армии. На многих домах были вывешены советские и югославские флаги, транспаранты с лозунгами.

Части, следовавшие во втором эшелоне, напоминали красочную первомайскую демонстрацию: воины, орудия и даже лошади утопали в ярких красках весенних цветов, которыми их украсили югославские девушки и ребятишки; на повозках и лафетах мелькали сотни красных югославских и советских флажков. Чтобы избавить марширующие войска от пыли, жители многих деревень поливали дорогу водой.

Случалось, подразделения делали кратковременные остановки, и тогда толпы людей всех возрастов тотчас окружали наших воинов, засыпали их многочисленными вопросами о жизни и борьбе советских людей, сердечно благодарили за освобождение. Самым дорогим сувениром считались красноармейские звездочки. Надо было видеть безграничную радость в глазах тех, кому они доставались. Нередко на месте привала стихийно возникали митинги дружбы.

— Какое счастье испытываешь оттого, что ты — советский гражданин, воин армии-освободительницы, — говорил мне сразу же после митинга в селе Братонци агитатор 715-го полка 122-й дивизии А. А. Стрелько, в прошлом рабочий Донбасса. Он выразил чувства всех нас, участников освободительного похода в Европу.

Утром 10 апреля у КП корпуса остановился просторный «кадиллак». Из машины вышел среднего роста, худощавый брюнет в форме генерала югославской армии, сопровождае-

мый дежурным офицером штаба корпуса. Зайдя ко мне, генерал после дружеского приветствия представился:

— Лядо Абражиц — глава группы представителей генерального штаба, прибывшей из Белграда с ознакомительной миссией.

В свою очередь я тоже представился, пригласил гостя к столу.

— Имею поручение, — сказал генерал на вполне сносном русском языке, — ознакомиться с политическим положением в крае и отношением югославы к частям Красной Армии.

Я рассказал о подлинно дружественных чувствах, которые проявляет население к советским воинам, о полном взаимопонимании между нашими и югославскими частями.

Выслушав мой рассказ, генерал сказал, что он рад столь теплым отношениям.

Гость высказал слова искренней благодарности в адрес советских воинов. Затем он коротко рассказал о положении в стране и выразил желание встретиться с командиром корпуса.

Мы тут же выехали на НП, где находился командир корпуса. В дороге генерал не без гордости рассказывал о героической борьбе народов Югославии против гитлеровских захватчиков, о той огромной помощи, которую оказывает Югославии Советский Союз и его победоносная Красная Армия.

— Ваша армия и ваш народ, — сказал он с каким-то особым теплом, — помогли нам не только тем, что перемалывали основные силы немецко-фашистских захватчиков, но и примером своего беззаветного героизма.

Мне вспомнились где-то вычитанные слова активного участника антифашистского движения, известного югославского поэта Владимира Назора, который, обращаясь к жителям города Глине, говорил:

«В русских народных былинах воспеваается великий легендарный герой Илья Муромец... Я желаю вам, чтобы вы подумали о нем. Кое-что вы услышите в ночной тишине. Вы услышите его тяжелые шаги. Это наш товарищ — богатырь, который приближается к нам с Востока. Он... перешагнул не только Днепр, но и Днестр, он дойдет до Карпат и перешагнет их. Некоторые сердца затрепещут от испуга, а наши — от радости!»

Да, югославы ждали помощи с Востока и не ошиблись в своих ожиданиях!

Генерал рассказал о наступлении югославских войск в

направлении Адриатического побережья, куда они вышли значительно раньше английских и американских войск. Он возмущался грязной закулисной игрой союзников с целью помешать югославским частям в освобождении этих районов.

Беседа была продолжена на НП, теперь к ней присоединился и генерал П. А. Артюшенко. Наш гость повторил вопросы, которые его интересовали. Командир корпуса подробно рассказал о наших взаимоотношениях с югославскими частями в ходе ликвидации вражеских плацдармов на реке Драва.

— Теплые встречи с югославскими товарищами, — подчеркнул он, — останутся навсегда в нашей памяти.

Мы говорили о мужестве воинов двух братских армий, их дружбе, об общей цели, к которой стремятся народы Советского Союза и Югославии.

Генерал Лядо Абражиц рассказал о некоторых особенностях созданной в процессе освободительной войны югославской армии.

— Нередко в наших частях, — говорил он, — можно встретить целые семьи, в том числе и женщины.

— Мы это наблюдали, — отозвался Павел Алексеевич. — И приятно удивлялись той служебной строгости и чистоте отношений, которые поддерживались в частях, несмотря на их необычный состав.

Покидая корпус, югославский генерал горячо благодарил наших воинов за участие в освобождении его страны. С ним видется больше не пришлось. Но до конца войны мы общались с населением Югославии, встречались со многими югославскими воинами — горячими патриотами своей освобожденной родины, достойными глубокого уважения и дружбы.

Соединения и части корпуса с боями продолжали продвигаться вперед.

11 апреля мы с командиром корпуса ехали на наблюдательный пункт командира 122-й стрелковой дивизии. На обращенных к нам скатах высоты, где размещался НП, уже можно было различить фигуры людей, находящихся вне траншей. До нас доносились разрывы снарядов и мип, треск пулеметов — за высотой и по сторонам от нее шел бой. Правда, гребни высоты скрывали от нас его участников. В районе НП и на примыкающем к нему горном проселке,

скрытых от наблюдения противника, было спокойно. Но, как часто бывает на войне, тишина оказалась обманчивой.

В тот момент, когда до НП оставалось около километра, вокруг него внезапно вырос плотный частокол артиллерийских разрывов. К небу взметнулись серые столбы грунта. Спустя две-три секунды резкий звук взрывов, оглушая, забарабанил по нашим перепонкам. Застонала земля, густая пелена дыма и пыли вмиг затянула всю высоту. Шофер резко затормозил машину, и мы вышли на обочину.

— Остался ли кто там в живых... — произнес комкор с чувством глубокого огорчения. — Довольно точно, сволочи, накрыли НП, выходит, их разведка сработала... Не думаю, что это результат оплошности Старика (так он уважительно называл командира дивизии А. Н. Величко, очевидно за его обильную седину). — Затем, как бы про себя, командир добавил: — Но с налетом поторопились малость. Чуть позже могли прихватить и нас с вами заодно.

Через четыре-пять минут разрывы снарядов прекратились так же внезапно, как и начались. И хотя не было никакой уверенности в том, что противник не повторит артиллерийского обстрела, Павел Алексеевич заторопился к машине.

Подъехав к высоте, мы поднялись по ходам сообщения к ее гребню. Жертв налета оказалось куда меньше, чем можно было ожидать. Спасло хорошее инженерное оборудование НП. Но без потерь все же не обошлось. В числе раненых были командир дивизии генерал-майор А. Н. Величко и дивизионный инженер инженер-майор Н. В. Огарков.

Командира к нашему приходу успели перевязать, и он с забинтованной головой пытался управлять боем. Инженера дивизии продолжали бинтовать. Он потерял много крови. Его худое и без того бледное лицо, казалось, просвечивало, но держался он, как и командир, мужественно, не выдавая мучившей его боли.

— Как себя чувствуете, товарищ майор? — обратился комкор к инженеру, когда медицинская сестра наложила повязку.

— Хорошо, товарищ генерал, — стремясь сохранить бодрость, ответил он. — Вот только ранение совсем некстати: и дело не доделано, да и уходить в госпиталь накануне Победы не хочется.

Раненых с НП отправили в госпиталь, пожелав им счастливого пути и скорого возвращения. Санитарная машина скрылась в складках местности, а каждый из нас, провожав-

ших, думал о них. Память воскрешала до деталей встречи с Алексеем Николаевичем Величко, тепло окрашивала его образ признанием свойственной ему мудрости, подлинного, неброского героизма, скромности и в высшей степени добродетельности.

Перед глазами зримо вставали картины встречи с инженером дивизии. Вспомнилось, как в январе, в тяжелой обстановке начала боев под Будапештом, он вместе с командиром и бойцами саперного батальона устанавливал противотанковые мины непосредственно перед атакующими танками противника, подавая пример хладнокровия, и как из этих мин подорвались вражеские танки. А с каким старанием он занимался строительством оборонительных сооружений в полосе 26-й армии! Его мы ставили тогда в пример инженерам других дивизий.

Мужество и героизм проявил Н. В. Огарков на реке Драва и в последующих боях. Всесторонний анализ обстановки, обоснованность предложений при обсуждении плана освобождения Надьканижа, ясность суждений и четкость формулировок, которыми отличались его доклады при встречах в ходе боев, — все это свидетельствовало о высокой профессиональной подготовке инженера дивизии и его глубоком знании дела.

Пройдет полтора десятка лет, и мне, в то время члену Военного совета, снова придется наблюдать Николая Васильевича Огаркова, но теперь уже на учениях, знакомиться с опытом его деятельности на командирском поприще. И всякий раз я мысленно возвращался к встречам на войне, особенно к той, последней — в горах Югославии. Много, очень многое отличало комдива — генерал-майора от инженер-майора. Теперь за плечами у него был опыт службы на многих ответственных должностях, в том числе начальника оперативного управления штаба приграничного округа. Более глубокие и всесторонние знания, полученные в Военной академии Генерального штаба и в результате настойчивой самостоятельной работы (в дополнение к приобретенным ранее в Военно-инженерной академии), позволили расширить оперативный и политический кругозор. И все же это был тот, прежний, которого я знал раньше, и не только по внешним признакам — такой же стройный, собранный и энергичный, но и по внутренним качествам. Человек большого трудолюбия, высокой организованности и деловитости, пытливого, гибкого ума и беспокойного характера, сильной воли и глубоко партийного отношения к порученному делу. И неудивительно, что за непродолжительный пе-

риод командования дивизией он сумел, опираясь на политотдел и партийную организацию, вывести ее в число лучших.

Пройдет еще десятка полтора или чуть больше лет, и Николай Васильевич Огарков станет Маршалом Советского Союза — начальником Генерального штаба и первым заместителем Министра обороны СССР.

Вернусь к событиям весны 1945 года.

Командир корпуса П. А. Артюшенко взял на себя управление боем 122-й дивизии. Он тут же распорядился вызвать на НП заместителя командира дивизии полковника Т. И. Сидоренко.

Бой продолжался с неослабевающей силой. И хотя день уже клонился к вечеру, нам никак не удавалось овладеть сильно укрепленной высотой с отметкой 339 — она была ключом ко всей обороне противника.

Было решено: пользуясь ночной темнотой, скрытно обойти высоту и атаковать противника с тыла. Подобрали для этого специальный отряд. В числе других в него вошли коммунисты младший лейтенант К. Г. Ушивец, старший сержант А. А. Селичев, комсомольцы рядовой В. П. Путалов и ефрейтор В. Г. Щепин. Возглавил отряд опытный офицер, член КПСС старший лейтенант А. И. Стекольников.

С помощью двух югославских патриотов, которые хорошо знали все тропки в горах, отряд обошел господствующую высоту и одновременно с подразделениями, наступающими с фронта, атаковал противника. Высоту взяли. Путь для нового продвижения был открыт.

Утро 9 мая 1945 года... Мы находились вдали от Берлина, в небольшом селе Пуцонци. Еще накануне на КП корпуса поступила телеграмма командующего 3-м Украинским фронтом с известием о капитуляции фашистского рейха.

Ласково светило солнце. Как и всюду, жители югославского села ликовали, обнимали друг друга, выражали чувства дружбы и глубокого уважения к воинам Красной Армии. Гремели выстрелы — воины корпуса салютовали в честь исторической победы. Во всех частях и подразделениях проходили полные восторга митинги. У многих на глазах навертывались слезы — слезы радости.

— Великий и светлый день сегодня, Наумыч, — сказал П. А. Артюшенко, когда мы возвращались на КП с митингов. — И гордиться мы можем не только Победой, но и ве-

личием духа советского народа, его способностью одолеть неимоверные трудности и лишения.

Павел Алексеевич по памяти, почти дословно воспроизвел изречение Белинского:

«У всякого народа своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, и, разумеется, чем выше народ, тем грандиознее царственное достоинство его истории, тем поразительнее трагическое величие его критических моментов и выхода из них с честью и славою победы»¹.

— Но уроков тоже забывать нельзя, — добавил комкор с некоторой грустью в голосе.

Да, забывать уроки истории конечно же неразумно.

Перед мысленным взором проходили почти все 1418 военных дней и ночей, бесчисленные километры на тернистом пути — от западных границ Литвы через опаленные огнем леса Карелии, поля Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Югославии до границ Австрии...

Вспоминались эпизоды жестоких боев, лица живых и мертвых однополчан. Нередко память смещала или объединяла черты одних с другими, а воображение сливало многих в единый величественный образ сказочного героя и богатыря. А сказочного ли?

Разве каждый из тысячи, а может, десятков тысяч, с кем я встречался на войне, в своем беззаветном стремлении защитить Родину, готовый отдать и отдававший и не только силы и кровь, но и самую жизнь, не был героем? Разве те, кто в неимоверно трудных и поначалу крайне неравных условиях одолели зловещие силы гитлеровского фашизма, не являются богатырями?

И первыми среди них были коммунисты. С великим достоинством они выполняли предписанную им Уставом партии и велением сердца роль авангарда, воодушевляя и поднимая других личным примером, страстным партийным словом. В годы войны не было в нашем обиходе словосочетания «активная жизненная позиция». Понятие это появилось значительно позже. Но именно такая позиция, то есть постоянная морально-политическая и психологическая готовность и способность выполнить долг по защите Родины даже ценой собственной жизни, отличала коммунистов, всех подлинных советских патриотов и интернационалистов на фронте.

Знакомые нам с юности слова — «Коммунисты, вперед!»

¹ Белинский В. Г. Собр. соч. М., 1977, т. 2, с. 139.

звучали не только из уст командиров или политработников. Они набатом гремели в сердце каждого члена и кандидата в члены партии. Коммунисты влияли прежде всего личным примером.

Война потребовала от каждого коммуниста не минутной вспышки храбрости, а зрелого, осознанного и постоянного горения, подлинного мужества и героизма. Именно коммунисты были призваны нести факел, увлекающий людей на подвиг, освещающий им путь к Победе.

Хочется напомнить, что три миллиона коммунистов пали смертью храбрых. И пять миллионов советских патриотов за годы войны пополнили ряды партии. Все они своей самоотверженностью подтвердили высокое звание политического бойца. Несколько тысяч коммунистов были моими однополчанами.

Трудная эта должность — быть коммунистом на войне. Да и только ли на войне? С чувством благоговения я храню память о многих, кому вручал партбилет, горжусь их подвигами.

Закончив войну, коммунисты-однополчане, подобно миллиону других фронтовиков, пошли трудиться на заводы и стройки, в колхозы и совхозы. И они трудились и трудятся самоотверженно, с присущей советским патриотам энергией.

Командир орудия полковой батареи 580-го стрелкового полка В. С. Голубев стал передовым рабочим на горнообогатительном комбинате в городе Кривой Рог, при освобождении которого он отличился.

Полковой инженер 595-го полка А. Я. Хохлачев ныне является строителем оросительной системы на молдавской земле, в освобождении которой он также участвовал.

Тяжелое ранение в августе 1943 года под Старой Руссой прервало фронтową службу помощника начальника политотдела по работе среди комсомольцев С. Ш. Неймана. Нелегким и долгим оказалось его лечение. Вернувшись из армии, он стал строителем и сейчас успешно возглавляет один из отделов Главного управления строительства в столице.

Командир разведроты В. Ф. Холод после войны возглавил и вывел в передовые колхозы на Украине.

Взводный агитатор младший командир А. И. Черепанов, выросший в 523-м стрелковом полку до командира пулеметной роты, был затем тяжело ранен и почти два года провел в госпиталях. После демобилизации стал преподавателем, а затем директором педагогического института в Новосибирске. Защитив кандидатскую, а потом и докторскую

диссертации, он уже много лет возглавляет один из институтов Академии наук СССР.

Заместитель политрука батареи, а затем секретарь политотдела А. А. Самсонов вырос до начальника финансового управления одного из союзных министерств.

Рядовой 523-го стрелкового полка Н. А. Тулин много раз отличался в боях, был ранен. После госпиталя окончил курсы младших лейтенантов и участвовал в освобождении Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии. Уволившись в запас, Николай Алексеевич стал студентом Института стали в Москве, потом работал в Челябинске инженером, начальником цеха, а с 1968 года — директор металлургического завода. С августа 1975-го Н. А. Тулин — заместитель министра черной металлургии СССР, доктор технических наук. К наградам боевым прибавились награды трудовые, в том числе медаль лауреата Государственной премии.

Сержант Алексей Скурлатов, бывший разведчик артполка, закончил войну в Болгарии. Это его именем называют болгары монумент в честь советского солдата, установленный на холме Освободителей в городе Пловдив. Алексей, вернувшись в родное село Налобиха, что на Алтае, стал отличным механизатором. Последние десять лет он работает слесарем на моторемонтном заводе, является рационализатором.

Многие однополчане все эти годы продолжали служить в рядах армии, отдавая свои силы, опыт и знания делу вооруженной защиты Родины. Лейтенанты, водившие в атаку подразделения в победоносном сорок пятом, становились командирами батальонов, полков, дивизий... Иные, отслужив положенный срок, уходили в запас или отставку. Но все они, заслуженные ветераны, охотно, с большим старанием занимались и занимаются военно-патриотическим воспитанием молодежи, выступают в школах, неустанно пропагандируют боевые традиции наших славных Вооруженных Сил.

Так складывались послевоенные судьбы однополчан. Конечно, о всех рассказать трудно, да и вряд ли возможно. К тому же связи со многими из них, к сожалению, давно уже утрачены. Но я глубоко убежден, что ветераны — коммунисты, все воины дивизии и корпуса, прошедшие через горнило сражений, подадут достойный пример нашей молодежи.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

На Северо-Западном фронте

Дивизия продолжает бой	3
Истоки мужества	34
В старорусских окопах	52
Университеты войны	69
Ни шагу назад	89
Новое Рамушево	107

На полях Украины

На криворожском направлении	127
Город руды и металла	159
Впереди Тирасполь и Днестр	181

За рубежами Родины

Из Заполярья ... в Румынию	200
Трудное начало	217
В братском единстве	231
Надьканижа	250
Финиш	274

Григорий Наумович Шинкаренко

НЕСУЩИЕ ФАКЕЛ

Редактор *Ф. П. Водынин*

Художественный редактор *В. В. Васильев*

Художник *Н. К. Катанова*

Технический редактор *М. В. Федорова*

Корректор *Н. М. Хансаурова*

ИБ № 2413

Сдано в набор 29.09.83. Подписано в печать 25.01.84

Г-72110. Формат 84×108/16. Бумага тип. № 2. Гарн. обьемы нов.
Печать высокая. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 15,12. 2 вкл. 1/2 печ. л.,
1,05 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 16,17. Уч.-изд. л. 18,35. Изд. № 3/9778.
Тираж 65 000 экз. Зак. 417. Цена 1 р. 40 к.

Воениздат

103160, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ВЫПЛИ ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

- Г. У. Дольников. Летит стальная эскадрилья.
И. С. Калядин. За каждую пядь земли.
Н. И. Волостанов. На огненных рубежах.
Д. А. Драгунский. Годы в броне.
В. Д. Лавриненков. Возвращение в небо.
А. А. Тимофеева-Егорова. Держись, сестренка!
К. А. Мерецков. На службе народу.
Н. П. Мильченко. Залпы над Невой.
Ю. В. Ладиский. Военная вахта.
Ф. М. Зинченко. Герои штурма рейхстага.
В. И. Чуйков. Миссия в Китае.
Н. И. Харламов. Трудная миссия.
А. А. Брусиллов. Мои воспоминания.
И. П. Рослый. Последний привал — в Берлине.
И. П. Галицкий. Дорогу открывали саперы.
Н. Д. Салтыков. Докладываю в Генеральный штаб.
В. В. Микоша. Рядом с солдатом.
М. Ф. Манакин. Полковая наша семья.
Л. М. Сандалов. После перелома.
Сборник. «На земле, в небесах и на море».

ВЫХОДЯТ ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

- А. М. Андреев.** От первого мгновенья до последнего.
И. Х. Баграмян. Великого народа сыновья.
А. М. Василевский. Дело всей жизни.
С. Н. Гречко. Решения принимались на земле.
В. В. Григорьев. И корабли штурмовали Берлин.
В. М. Гришанов. Все океаны рядом.
В. С. Ефремов. Эскадрильи летят за горизонт.
Е. Ф. Ивановский. Атаку начинали танкисты.
Н. И. Крылов. Не померкнет никогда.
Н. И. Крылов. Сталинградский рубеж.
И. А. Прачик. Фронтное небо.
В. П. Славнов. Сколько было пройдено.
Х. Л. Харазия. Дорогами мужества.
А. И. Черепанов. Поле ратное мое.
Сборник. «На земле, в небесах и на море».

К ЧИТАТЕЛЯМ

**Ваши отзывы и предложения по этой книге
шлите по адресу: 100100, Москва, К-160, Воен-
ные издательства Министерства обороны СССР**

Г.Н. ШИПКАРЕНКО · НЕСУЩІМЕ ФАКЕЛІ